РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

РОССИЯ И МИР ГЛАЗАМИ ДРУГ ДРУГА: ИЗ ИСТОРИИ ВЗАИМОВОСПРИЯТИЯ

Выпуск пятый

Москва
2009

Б 024(02)1

Институт российской истории РАН продолжает серию коллективных трудов, посвященную проблеме взаимовосприятия России и внешнего мира. С 2000 г. сборники статей издаются под общим названием «Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия» (Вып. 1-4. М., 2000-2007).

Данный, пятый выпуск сборника посвящен различным аспектам формирования и взаимодействия инокультурных образов, под которыми понимаются все категории представлений о внешнем мире. Сборник охватывает период XVII-XXI веков и состоит из шести разделов.

В первом разделе рассматриваются особенности существования инокультурных образов в историческом пространстве.

Второй раздел составляют статьи, посвященные формированию инокультурных стереотипов в контексте мировых войн.

Третий раздел посвящен роли пропаганды в формировании образов внешнего мира.

Четвертый раздел сборника посвящен проблемам взаимовосприятия в области экономики, промышленности, техники.

Пятый раздел сборника продолжает традицию монографического исследования взаимовосприятия России с одной из крупнейших стран. В предыдущих сборниках разделы, затрагивающие двусторонние проблемы взаимодействия культур, были посвящены взаимовосприятию России и Великобритании, Японии, Германии, дважды – США. На сей раз в центре внимания – история взаимовосприятия России и Франции в конце XVIII – начале XXI века.

Наконец, последний, шестой раздел сборника составили статьи, посвященные современному этапу формирования инокультурных образов.

Ответственный редактор:
канд. ист. наук А.В.Голубев

Члены редколлегии:
д-р ист. наук О.Г.Агеева, *канд. ист. наук* Н.Н.Аурова,
д-р ист. наук В.А.Невежин

Рецензенты:
д-р ист. наук В.Н.Земсков
(Институт российской истории РАН),
канд ист. наук Б.А.Филиппов
(Свято-Тихоновский православный университет)

ISBN 978-5-8055-0216-4

© Институт российской истории РАН, 2009 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Институт российской истории РАН продолжает серию коллективных трудов, посвященную проблеме взаимовосприятия России и внешнего мира.

С 1994 г. в Центре по изучению отечественной культуры Института российской истории РАН работает группа по изучению международных культурных связей России. На ее основе был создан и успешно функционирует научный семинар по проблемам взаимовосприятия культур, в который входят, помимо основного состава группы, как исследователи из ИРИ РАН, так и представители различных научных учреждений России. В 1994-2008 гг. было проведено 15 заседаний «круглого стола» на тему «Россия и внешний мир». В ноябре 2008 г. состоялась Всероссийская научная конференция «Россия и мир глазами друг друга: история взаимовосприятия». В ходе ее были обобщены результаты работы научного семинара, а также предпринята попытка создания новой методологии, сочетающей в себе исторические, культурологические и социологические проблемы[1].

На основе материалов первых «круглых столов» вышли два сборника научных трудов[2], а также коллективная монография «Россия и Запад: формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX века» (М., 1998), получивших высокую оценку научной общественности[3].

С 2000 г. материалы научного семинара издаются под общим названием «Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия» (Вып. 1-4. М., 2000-2007).

Данный, пятый выпуск сборника посвящен различным аспектам формирования и взаимодействия инокультурных образов, под которыми понимаются все категории представлений о внешнем мире[4]. Сборник охватывает период XVII-XXI веков и состоит из шести разделов: «Инокультурные образы в историческом пространстве», «Война как контекст формирования об-

разов», «Пропаганда как средство формирования образов», «Экономика как проблемное поле формирования образов», «Образы в российско-французском культурном пространстве», «Современный этап формирования инокультурных образов».

В первом разделе рассматриваются особенности существования инокультурных образов в историческом пространстве.

Раздел открывает статья А.В.Виноградова, посвященная контактам Москвы и Крыма во второй половине XVI века. В этот период русские и крымские дипломатические представители находились соответственно в Крыму и в Русском государстве почти постоянно, даже в периоды прямой военной конфронтации. Автор подчеркивает, что гонцы и посланники, приезжавшие в Москву или Бахчисарай несколько раз и проживавшие там длительное время, имели прочные связи среди местной политической элиты. Вместе с тем реальное сотрудничество крымских и русских «служилых людей» имело место только в экстремальных обстоятельствах, например, наличии какой-либо общей угрозы, возможности очередного переворота в Бахчисарае, при откровенном вмешательстве Порты в русско-крымские отношения.

В статье А.Г.Гуськова показано, как было организовано информационное обеспечение Великого посольства в 1697-1698 гг. Русские дипломаты и сам Петр I достаточно оперативно получали информацию о всех значимых событиях, происходивших в Европе в 1697-1698 гг. Посольство активно использовало донесения русских дипломатических агентов и материалы периодической печати. В результате, посольство узнавало не только открытую для широкой публики информацию, но и некоторые тщательно скрываемые сведения. Однако воспользоваться ими не всегда удавалось: сказывалось отсутствие практики в изощренной дипломатической интриге, а также недостаточность влияния России на международной арене.

О.Г.Агеева проанализировала один из этапов формирования дипломатического церемониала Российской империи. Как подчеркивает исследователь, Россия стремилась учитывать порядки всех значимых европейских стран, и в силу этого была

проведена большая работа по анализу европейского международного этикета. Русская сторона заказывала и сравнивала иностранные образцы и после этого сама выбирала нужное. В итоге она создавала свой собственный церемониал в рамках европейского церемониального языка.

Важное место в разделе занимает статья О.Ю.Казаковой, которая рассматривает влияние пространственно-временных параметров потока новостей из США на восприятие Нового Света. Путем экстраполяции бахтинской концепции хронотопа на представления о «другом» автор приходит к выводу, что пространственно-временные параметры американской темы влияли на ее образный ряд, качественное изменение хронотопных характеристик (из-за строительства трансатлантического телеграфа, формирования новостной концепции СМИ) привело к трансформации информационного поля межкультурного общения и восприятия США.

Н.А.Стрижкова анализирует восприятие перспектив мировой революции в европейском пространстве на примере известного советского журналиста Д.И.Заславского. В основу статьи положены материалы неопубликованного дневника Заславского времен революции и начала 1920-х годов. Известный журналист, убежденный вначале противник большевизма, Заславский постепенно принимает политику большевиков. По его мнению, Европа, в которой после мировой войны усиливаются националистические тенденции, была подвержена просоветским настроениям; с другой стороны, большевики смогли заручиться и определенной поддержкой действующих правительств стран Европы, влились в общий мирный ход развития послевоенного мира, не теряя связи с набирающими силу новыми политическим движениями.

Об особенностях восприятия мира крестьянством одного из российских регионов в конце 20-х – начале 30-х годов рассказывается в статье О.И.Леконцева.

Второй раздел составляют статьи, посвященные роли мировых войн в формировании инокультурных стереотипов. Н.Ю.Кулешова анализирует возникшие в ходе первой мировой

войны в воюющих России и Германии идеи, связанные с новым устройством мира. Несмотря на прямо противоположные представления об источнике военной опасности и видимое отличие предложенных фундаментов будущего мира, в идеях его построения обоих государств проявился целый ряд общих черт. Так, на основе политического, экономического и духовного единения человечества предполагалось ликвидировать любую из возможных причин возникновения военной угрозы. Важнейшее место отводилось идеям свободы и счастья народов, хотя они в каждом случае имели свой особый смысл и значение. За каждой моделью мира стояло конкретное государство, на которое возлагалась решающая роль в ее практической реализации и распространении. Оно должно было стать политическим и духовным лидером в мире для осуществления своей великой миссии, что неизбежно подразумевало его борьбу за укрепление своих политических, экономических и территориальных позиций.

Статья О.С.Нагорной посвящена тому, как образ пленных солдат и офицеров царской армии в годы первой мировой войны превратился в неотъемлемую составляющую немецкой военной пропаганды. В ходе войны этот образ использовался с целью дисциплинирования собственного населения и его духовной мобилизации на ведение нынешней войны. Лагеря военнопленных представляли собой уникальное пространство непосредственных контактов с врагом, свободное от воздействия аффекта фронтового сражения. После заключения мира на Восточном фронте и Ноябрьской революции в Германии российские военнопленные рассматривались обеими сторонами как средство достижения собственных целей в «европейской гражданской войне».

Е.С.Сенявская поставила своей целью охарактеризовать, как Турция, давний недруг России, с которым она вела кровопролитные войны на протяжении нескольких столетий, в первую мировую войну воспринималась русским обществом. Прежде всего она рассматривалась как противник второстепенный, слабый и зависимый от более сильного врага – Герма-

нии. Вместе с тем здесь проявился весьма широкий спектр оценок и чувств по отношению к противнику: ненависть к жестокому «азиатскому» и «иноверческому» врагу при уважении к его храбрости, восприятие иной социокультурной среды со смешанным чувством любопытства, снисходительности и европейского высокомерия, сочувствие к страданиям мирного христианского населения при нередких случаях бесцеремонности оккупационных войск и даже их жестокости по отношению к мусульманам и т.д.

Завершают раздел две статьи, посвященные образу союзника в советском обществе в 1941-1945 гг. И.В.Быстрова попыталась проследить эволюцию взаимовосприятия советского общества и англо-американских союзников. В статье рассматриваются основные этапы развития межгосударственных отношений в годы войны и на этом фоне – изменение восприятия прежде всего СССР народами союзнических стран (больше внимания автор уделяет американцам). Одновременно автор анализирует и динамику восприятия союзников советским обществом.

В статье А.В.Голубева, на основе впервые вводимых в научный оборот документов из литовского архива, предпринята попытка рассмотреть специфику представлений о союзниках в 1944-1945 гг. в одном из самых «проблемных» регионов СССР – Прибалтике – на примере Литвы. Если многие литовцы рассматривали западные державы в качестве союзников в деле восстановления независимости Литвы, то многочисленное польское население Вильнюса ждало прежде всего возрождения Польши в границах 1939, а то и 1793 года. При этом, наряду с вполне рациональными размышлениями о противоречиях внутри антигитлеровской коалиции, высказывались и совсем уж невероятные предположения – о передаче Прибалтики Америке или о вмешательстве Турции в литовские дела. Именно подобные надежды во многом способствовали тому, что сопротивление Советской власти в Литве было подавлено лишь в начале 1950-х годов.

Третий раздел посвящен роли пропаганды в формировании образов внешнего мира.

В статье О.И.Григорьевой предпринята попытка проследить эволюцию образа Германии в советской пропаганде 1933-1941 гг. по материалам газеты «Правда». Как отмечает автор, Германия накануне прихода Гитлера к власти представала перед советским читателем государством, полном социальных, политических и экономических противоречий. В течение 1933-1934 гг. в материалах «Правды» происходило становление однозначно негативного образа Германии. Одновременно с этим в «Правде» присутствовало строгое разграничение между нацизмом, представляющим интересы реакционной части монополистического капитализма, с одной стороны, а с другой, трудовыми массами немецкого народа, ведущими во главе с коммунистами борьбу против фашизма. Кардинальное изменение образа Германии в советской пропаганде произошло сразу после подписания договора о ненападении. На первый план выходят материалы, призванные продемонстрировать военные, экономические и научные успехи и достижения III Рейха.

Хронологические рамки статьи А.Ю.Ватлина охватывают первые два года существования ГДР и посвящены формированию ее образа в советской пропаганде. В это время завершается формирование пропагандистских образов целого ряда «новых друзей» Советского Союза – стран народной демократии, Китая и Кореи. При этом в начале 50-х годов. Восточная Германия еще не рассматривалась как государство «народной демократии», т.е. диктатуры пролетариата. Механизмы жесткого отбора информации, характерные для позднего сталинизма, приводили к тому, что образ ГДР получался «желаемым», а не «действительным». Еще одной отличительной чертой советской пропаганды тех лет был ее наступательный, даже агрессивный характер, подразумевавший активное использование негативных образов, связанных с Западом.

В статье С.А.Зубкова освещается деятельность советской пропаганды, нацеленная на формирование нового образа страны и ее лидеров в мире во время хрущевского «славного деся-

тилетия» (1953-1964 гг.) Автор подчеркивает, что в деятельности пропаганды, как и во всей внешней политике, в годы «оттепели» проявились противоречивые тенденции. На смену обоюдной заинтересованности и стремлению к сотрудничеству с западными коллегами приходил период охлаждения и взаимного недоверия. Все эти перемены коррелировались с внешнеполитическим курсом Кремля и зависели от изменения последнего. В соответствии с этим курсом менялись методы и содержание деятельности по представлению образа страны и ее лидера Н.С.Хрущева в мире.

А.С.Сенявский и А.А.Иголкин посвятили свое исследование тому, как воспринималась в СССР экономическое развитие США. При этом необходимо было поддерживать «образ врага» со всеми вытекающими из этого последствиями и одновременно – пытаться более или менее объективно разобраться в процессах, происходивших в США. Однако идеологическая функция «критики империалистического хищника», некая идейная заданность неизбежно становилась своеобразной искажающей призмой, через которую осуществлялся даже научный анализ, который в принципе должен быть беспристрастным. Еще большими становились идеологические наслоения, когда «субъект восприятия» помимо аналитических выполнял пропагандистские функции. В результате главный печатный орган КПСС, журнал «Большевик/Коммунист», позиционированный в том числе и как инструмент теоретического поиска, на практике выполнял преимущественно пропагандистские функции. Авторы занимались умозрительными построениями в заранее заданной искусственной реальности. Таким образом, советская система не только в искаженном свете воспринимала своего тотального оппонента, конкурента и противника в мире, но и смотрелась в искаженное зеркало.

Как подчеркивает А.Г.Колесникова в статье «Образ немца в советском художественном кинематографе периода холодной войны: к проблеме исторической памяти и межнационального восприятия», созданный в период Великой Отечественной войны средствами советской пропаганды образ немца как врага,

выполнив свою основную функцию по консолидации общества, надолго остался в визуально-информационном пространстве и в исторической памяти. Этот вывод автор подтверждает примерами присутствия фашистского элемента в структуре образа врага периода холодной войны в советском игровом кино детективного жанра. При этом память о противнике, о немце-фашисте, пришедшем на чужую землю, чтобы убивать, порабощать и завоевывать, имеет две стороны. Во-первых, эта память в сознании людей носила стихийный характер, так как принадлежит области массовой социальной психологии; с другой стороны, историческая память и ее отдельные элементы формировались под воздействием института государства посредством пропаганды, через произведения массового искусства.

Четвертый раздел сборника посвящен проблемам взаимовосприятия в области экономики, промышленности, техники. Как отмечает А.И.Макурин в статье, анализирующей процессы восприятия американского опыта в России в начале XX века, зарубежные страны являлись основным источником получения новейших технологий для российской экономики. Соединенные Штаты, безусловно, привлекали новизной технологий и масштабностью их использования. Некоторая напряженность в политических взаимоотношениях не могла воспрепятствовать формированию позитивного образа США в России. Американцы представлялись как современная, динамично развивающаяся, высокотехнологичная и во всех отношениях передовая нация. Экономический прогресс Соединенных Штатов на рубеже XIX и XX веков был одной из центральных тем, обсуждавшихся в российской печати, при этом авторы публикаций стремились понять главные ценности, на которых строилось благополучие американской нации.

Нижегородский исследователь А.А.Гордин рассматривает вопрос о том, как советская производственная культура конца 1920-х – 1930-х годов воспринималась иностранными специалистами и рабочими. Как подчеркивает автор, взгляд со стороны позволял более рельефно и четко увидеть объект, рассмотреть

происходившие процессы, которые могли быть незаметны изнутри этой структуры. Формальное перенесение западных технологий и принципов в другую производственную среду, со своей особой социокультурной системой не могло привести к заметным результатам. Сама структура западных технологий и принципов в новых условиях начинала трансформироваться и приобрела качественно новые черты. Западные специалисты и рабочие, благодаря возможности сравнения, в новом свете увидели особенности советской производственной культуры и трудовой этики. Уже в начальный период построения нового социалистического общества иностранцы отмечали существенные расхождения между пропагандируемыми идеалами и действительностью.

А.А.Иголкин и А.С.Сенявский, анализируя взгляды американского экономиста 50-х годов П.Уайлса на советскую экономику, приходят к неожиданному и в чем-то спорному выводу: несмотря на все просчеты и даже провалы советской экономической политики второй половины 1950-х – 1980-х годов, СССР проиграл отнюдь не экономическое соревнование с Западом, а прежде всего информационно-психологическую войну.

Завершает раздел статья И.В.Волковой, посвященная достаточно неожиданной теме: восприятию иностранными потребителями советского общепита. Вопреки обыденным представлениям, в статье отмечаются не только негативные, но и позитивные, подмеченные западными гостями, черты этой отрасли. Конечно, речь шла прежде всего об элитных заведениях. Впрочем, в поле зрения автора статьи попали и впечатления, оставшиеся у иностранных гостей, например, от заводских столовых 1930-х или 1950-х годов. Понятно, что в последнем случае оценки отличались высокой критичностью.

Пятый раздел сборника продолжает традицию монографического исследования взаимовосприятия России с одной из крупнейших стран. В предыдущих сборниках разделы, затрагивающие двусторонние проблемы взаимодействия культур, были посвящены взаимовосприятию России и Великобрита-

нии, Японии, Германии, дважды США[5]. На сей раз в центре внимания – история взаимовосприятия России и Франции в конце XVIII – начале XXI века.

М.С.Стефко на материале описаний Парижа в письмах русских путешественников конца XVIII – начала XIX века проследила формирование образов Парижа, которое происходило во взаимодействии литературной нормы и непосредственного опыта путешествия. На примере общих для взятых текстов объектов описания автор выделяет общие и индивидуальные стратегии описания города и его достопримечательностей.

Предметом исследования О.Б.Поляковой является интенсивное развитие русско-французских культурных контактов в начале XX века. Значительную роль в этом процессе сыграли российские предприниматели-коллекционеры С.И.Щукин и И.А.Морозов. По мнению автора, новое в искусстве находило признание скорее у иностранцев, чем на родине, что подтверждается и приобретением произведений французских новаторов русскими меценатами, и одобрением работ русских новаторов французской критикой. Но и тут собирателям приходилось преодолевать не только собственные стереотипы, но и непонимание соотечественников.

Статья Л.У.Звонаревой посвящена французскому исследователю и коллекционеру Рене Герра, отдавшему изучению русской культуры более сорока лет. Его деятельность способствует возвращению в русское искусство и литературу достойных имен, оригинальных полотен и талантливых произведений, обогащая современное культурное пространство.

Наконец, последний, шестой раздел сборника составили статьи, посвященные современному этапу формирования инокультурных образов.

С.С.Стецкий анализирует истоки современного восприятия России украинской элитой. По мнению исследователя, именно в 1950-1970-е годы сформировались, окрепли, выросли те силы, процессы, тенденции и явления, которые привели к сегодняшнему состоянию украинских и российских отношений. Особенностью этого периода явилось то, что культурное поле Ук-

раинской ССР в эти годы стало полем идеологической борьбы автономистских и централистских тенденций. В результате в науке, культуре и образовании Украинской ССР были посеяны семена негативного восприятия России, проросшие уже в условиях современной украинской независимости.

Как подчеркивает А.Ю.Большакова, Запад и сейчас, представая как сфера притяжения, отторжения, мечты, как манящий локус иной жизни, где сосредоточены сокровенные порывы, но и все чуждое, запретное, в русской литературной мысли на рубеже XX-XXI вв. является предметом обостренной полемики, столкновения мнений, мировоззренческих установок. В качестве примера автор анализирует проблематику России и Запада в прозе одного из наиболее ярких представителей новейшей русской словесности, известного публициста и общественного деятеля, Юрия Полякова.

В качестве своеобразного послесловия сборник завершает статья филолога О.Е.Фроловой, анализирующая ассоциации, связанные у носителей русского языка и культуры с этнонимами и топонимами, называющими соответствующие народы и страны. Одновременно автор попытался переместить акцент с объекта на субъект оценки и определить, каким предстает сам респондент, отражающийся в системе своих ассоциаций. Эксперимент позволил выявить, как воспринимаются в России крупнейшие страны мира, и каким образом молодые российские граждане видят среди них свое место и место своей страны.

* * *

Когда работа над сборником была практически завершена, скоропостижно скончался один из его авторов, Александр Алексеевич Иголкин (1951-2008), ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, доктор исторических и кандидат экономических наук. Автор пяти монографий, А.А.Иголкин внес существенный вклад в становление и разработку нового научного направления – истории отечественной нефтяной политики. В 2007 г. Российской академией естественных наук он был награжден серебряной медалью В.И.Вер-

надского. Александр Алексеевич неоднократно выступал с докладами на заседаниях нашего «круглого стола». Коллеги, участники семинара, сотрудники института сохранят о нем самую добрую память.

---

[1] О работе «круглого стола» см.: *Голубев А.В.* Россия и мир глазами друг друга: из опыта изучения проблемы // Труды Института российской истории. Вып. 7. М., 2008. С. 400-410. Материалы конференции см.: Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия: тез. докл. всерос. науч. конф., Москва, 25-26 нояб. 2008 г. М., 2008.

[2] Россия и Европа в XIX-XX вв.: проблемы взаимовосприятия народов, социумов, культур. М., 1996; Россия и внешний мир: диалог культур. М., 1997.

[3] Рецензии см.: Отечественная история. 1998. № 5; 1999. № 6; 2000. № 2; 2004. № 6; Историографический сборник. Вып. 21. Саратов, 2004. С. 265-276.

[4] Подробнее см.: *Голубев А.В.* Эволюция инокультурных стереотипов советского общества // 50 лет без Сталина: наследие сталинизма и его влияние на историю второй половины XX века. М., 2005. С. 98-116.

[5] См.: «Два полюса Европы: Россия и Великобритания глазами друг друга» (Россия и Европа в XIX-XX вв.: проблемы взаимовосприятия народов, социумов, культур. М., 1996. С. 143-226); «Россия и Америка в конце XIX – начале XX века» (Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 1. М., 2000. С. 192-270); «Япония и российское общество» (Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 2. М., 2002. С. 325-399); «Германия и Россия: от сотрудничества к войне» (Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 4. М., 2007. С. 253-321); «США и Россия: в поисках взаимопонимания» (Там же. С. 322-444).

I. ИНОКУЛЬТУРНЫЕ ОБРАЗЫ В ИСТОРИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Виноградов А.В.

РУССКИЕ И КРЫМСКИЕ СЛУЖИЛЫЕ ЛЮДИ ГЛАЗАМИ ДРУГ ДРУГА (вторая половина XVI века)

Отношения с Крымским ханством традиционно занимали важное место во внешней политике Русского государства.

«Ссылки» между Москвой и Бахчисараем имели многолетние и в целом устоявшиеся традиции. Они осуществлялись в форме обмена гонцами и посольствами. Во второй половине XVI века русские и крымские дипломатические представители находились соответственно в Крыму и в Русском государстве почти постоянно, даже в периоды прямой военной конфронтации, как в конце 60-х – начале 70-х годов. Пребывание отдельных посольств могло продолжаться целые десятилетия. Русский посол А.Ф.Нагой пробыл в Крыму с весны 1563 г. по осень 1573 г.; крымский посол Ян Болдуй (Джан Болды) прибыл в Москву в январе 1558 г. и скончался в мае 1574 г. накануне «отпуска». Естественно, такое же время продолжалось пребывание и сопровождающих посольства русских и крымских служилых людей.

Традиция русско-крымских дипломатических связей предусматривала отправление в Москву не только гонцов и посланников непосредственно от царствующего хана, но и от других представителей династии Гиреев, а также от влиятельных крымских вельмож. Все они имели послания, адресованные московскому государю, в ряде случаев – посольским дьякам, а с 80-х годов – Борису Федоровичу Годунову.

Многочисленность крымцев создавала серьезные проблемы при их размещении в столице. Русская сторона стремилась «рассредоточить» крымцев по нескольким городам.

С течением времени Москва стала предпринимать меры с тем, чтобы ограничить число крымских гонцов, но они не приносили особого успеха. В июне 1594 г. прибыло 27 гонцов во главе с ханским курьером Казан Агой. Кроме него и гонца калги (наследника ханского престола) Фетх-Гирея, 14 гонцов были «от цариц» и «от царевен», 11 – от «ближних царевых людей»[1]. В мае 1595 г. в Москве скопилось 100 гонцов от хана, калги, различных крымских мурз, прибывших с несколькими дипломатическими миссиями, включая посольство князя Ен Маметя Ширинского. Тогда было принято решение выпроводить с отпускаемым посольством большинство гонцов (было отпущено до 45 человек)[2]. Но в том же июне 1595 г. вновь прибыло 17 крымских гонцов во главе с Ен Молы: 5 – от хана, калги, нурадина (второго наследника ханского престола), старшего сына и старшего племянника хана, 6 – от «цариц», 6 – «от ближних людей»[3]. Наконец, количество крымских представителей стало снижаться. В феврале 1596 г. с гонцом прибыло только 9 гонцов: 1 – от калги, 4 – от «цариц», 4 – от «ближних людей»[4].

Крымские гонцы в период своего пребывания «тасовались» – их переводили в различные города, а затем отправляли в Путивль (с 80-х годов – в Ливны) для предполагаемого отпуска.

Отпуск крымских гонцов и посольств представлял собой достаточно сложный процесс. Крымцы «отпускались», как правило, вместе с русскими дипломатическими представителями. С 90-х годов проводились так называемые «посольские съезды» – размены посольств, предваряемые переговорами ответственных за размен русских и крымских эмиссаров[5].

Естественно, что в период пребывания крымцы имели многочисленные контакты с русскими служилыми людьми, как официальные, так и неофициальные.

Пребывание крымцев на территории Русского государства начиналось с «распросов» приставами в Путивле (с 80-х годов в Ливнах). Затем наиболее «представительные гонцы» доставлялись в Боровск или Болхов для «распроса» специально выделенными для этой цели младшими дьяками Посольского приказа. Эмиссары, облеченные особыми полномочиями, «распрашивались» уже в Москве лично посольскими дьяками (И.М.Висковатым, позднее братьями Щелкаловами). В исключительных случаях имели место аудиенции у Бориса Федоровича Годунова.

С 80-х годов в Москве находились представители крымской «политической эмиграции», двор претендентов на крымский престол – сыновей свергнутого хана Мухаммед-Гирея II или крымские дипломаты – послы и гонцы, попросившие «политического убежища»[6]. Отдельные знатные мурзы, как князь Пашай-мурза Кулюков (Куликов), жили даже «на подворье» у Бориса Федоровича Годунова. Вновь прибывшие крымские эмиссары непременно требовали встречи с эмигрантами, что выливалось в длительные переговоры.

Находящихся «на Москве» знатных эмигрантов сопровождали свои «служилые люди», также участвующие в таких контактах.

В 80-90-х годах имели место настоящие «конференции» (в которых участвовали десятки крымцев), проходившие под личным контролем посольского дьяка А.Я.Щелкалова и зачастую выливавшиеся в склоки между представителями различных крымских кланов.

Большинство крымских гонцов имело полномочия от крымских мурз провести переговоры о выкупе знатных русских полоняников. Эти контакты осуществлялись под контролем младших дьяков Посольского приказа.

Все это приводило к установлению тесных деловых отношений между крымскими и русскими служивыми людьми на всех уровнях.

Гонцы и посланники, приезжавшие в Москву несколько раз и проживавшие там длительное время, имели прочные связи

Многочисленность крымцев создавала серьезные проблемы при их размещении в столице. Русская сторона стремилась «рассредоточить» крымцев по нескольким городам.

С течением времени Москва стала предпринимать меры с тем, чтобы ограничить число крымских гонцов, но они не приносили особого успеха. В июне 1594 г. прибыло 27 гонцов во главе с ханским курьером Казан Агой. Кроме него и гонца калги (наследника ханского престола) Фетх-Гирея, 14 гонцов были «от цариц» и «от царевен», 11 – от «ближних царевых людей»[1]. В мае 1595 г. в Москве скопилось 100 гонцов от хана, калги, различных крымских мурз, прибывших с несколькими дипломатическими миссиями, включая посольство князя Ен Маметя Ширинского. Тогда было принято решение выпроводить с отпускаемым посольством большинство гонцов (было отпущено до 45 человек)[2]. Но в том же июне 1595 г. вновь прибыло 17 крымских гонцов во главе с Ен Молы: 5 – от хана, калги, нурадина (второго наследника ханского престола), старшего сына и старшего племянника хана, 6 – от «цариц», 6 – «от ближних людей»[3]. Наконец, количество крымских представителей стало снижаться. В феврале 1596 г. с гонцом прибыло только 9 гонцов: 1 – от калги, 4 – от «цариц», 4 – от «ближних людей»[4].

Крымские гонцы в период своего пребывания «тасовались» – их переводили в различные города, а затем отправляли в Путивль (с 80-х годов – в Ливны) для предполагаемого отпуска.

Отпуск крымских гонцов и посольств представлял собой достаточно сложный процесс. Крымцы «отпускались», как правило, вместе с русскими дипломатическими представителями. С 90-х годов проводились так называемые «посольские съезды» – размены посольств, предваряемые переговорами ответственных за размен русских и крымских эмиссаров[5].

Естественно, что в период пребывания крымцы имели многочисленные контакты с русскими служилыми людьми, как официальные, так и неофициальные.

Пребывание крымцев на территории Русского государства начиналось с «распросов» приставами в Путивле (с 80-х годов в Ливнах). Затем наиболее «представительные гонцы» доставлялись в Боровск или Болхов для «распроса» специально выделенными для этой цели младшими дьяками Посольского приказа. Эмиссары, облеченные особыми полномочиями, «распрашивались» уже в Москве лично посольскими дьяками (И.М.Висковатым, позднее братьями Щелкаловами). В исключительных случаях имели место аудиенции у Бориса Федоровича Годунова.

С 80-х годов в Москве находились представители крымской «политической эмиграции», двор претендентов на крымский престол – сыновей свергнутого хана Мухаммед-Гирея II или крымские дипломаты – послы и гонцы, попросившие «политического убежища»[6]. Отдельные знатные мурзы, как князь Пашай-мурза Кулюков (Куликов), жили даже «на подворье» у Бориса Федоровича Годунова. Вновь прибывшие крымские эмиссары непременно требовали встречи с эмигрантами, что выливалось в длительные переговоры.

Находящихся «на Москве» знатных эмигрантов сопровождали свои «служилые люди», также участвующие в таких контактах.

В 80-90-х годах имели место настоящие «конференции» (в которых участвовали десятки крымцев), проходившие под личным контролем посольского дьяка А.Я.Щелкалова и зачастую выливавшиеся в склоки между представителями различных крымских кланов.

Большинство крымских гонцов имело полномочия от крымских мурз провести переговоры о выкупе знатных русских полоняников. Эти контакты осуществлялись под контролем младших дьяков Посольского приказа.

Все это приводило к установлению тесных деловых отношений между крымскими и русскими служивыми людьми на всех уровнях.

Гонцы и посланники, приезжавшие в Москву несколько раз и проживавшие там длительное время, имели прочные связи

среди московской политической элиты. Например, Ян-Магметь (Джан-Мухамед) в правлении хана Девлет-Гирея I приезжал в Москву четыре раза. Посланник Ямгурчей аталык был воспитателем детей претендента на крымский престол Мурад-Гирея, долгое время жил в Астрахани, откуда в 1591 г. бежал в Крым после таинственной смерти этого «царевича». Тем не менее затем он два раза приезжал в Москву в качестве посланника с особыми полномочиями от хана Гази-Гирея II. У него сложились доверительные отношения не только с А.Я.Щелкаловым, но и с Борисом Федоровичем Годуновым.

Младшие гонцы постоянно контактировали с младшими дьяками Посольского приказа и приставами, через которых передавали свои «челобития», большей частью касающиеся скудости «корма» и просьб от «отпуске».

Особенно тесные контакты были между русскими и крымскими «служилыми людьми» на пути совместного следования из Москвы в Крым и соответственно из Крыма в Москву.

Количество русских служилых людей, приезжавших в Крым, было значительно меньше числа крымцев, прибывавших в Русское государство. Кроме посольств, посылались только гонцы от государя. В исключительных случаях при Грозном посылались гонцы к старшему сыну Девлет-Гирея I калге Мухаммед Гирею от его сына царевича Ивана Ивановича. Борис Федорович Годунов, будучи уже «великим везирем» (как его называли крымцы) при государе Федоре Ивановиче, собственных гонцов никогда не посылал. Его послания хану и отдельным крымским мурзам вез государев гонец.

Так как в истории русско-крымских отношений на протяжении всего XVI века имели место весьма длительные периоды неопределенности, когда обе стороны воздерживались от поддерживания дипломатических связей в полном объеме, «ссылки» между ними часто проходили в форме обмена гонцами, посланными «с легким делом», – наиболее устоявшейся формы поддерживания отношений между Москвой и Бахчисараем начиная с 20-х годов XVI века. Часто в качестве гонцов выступали т.н. «служилые татары». Это была особая категория

русских должностных лиц в составе Посольского приказа, обязанностью которых было сопровождение русских посольских миссий в мусульманские страны, в первую очередь в Крым. Практически все они имели татарское происхождение, но большей частью были новокрещенцами. Круг их обязанностей был весьма широк и предусматривал помимо всего прочего установление неофициальных контактов с крымскими «служилыми людьми» с целью получения информации.

Русские дипломатические представители везли в Крым «материальные ценности» – т.н. «поминки» хану, представителям династии Гиреев и знатным мурзам, а также «жалование», предназначавшееся наиболее «лояльным» Москве крымским вельможам как в денежном эквиваленте, так и в виде «ценных товаров» – шуб, оружия, посуды и т.д. Борьба за сохранение этой «крымской посылки» от нападений в пути «черкесов» и «ногайцев» и от принудительного их изъятия крымцами без соблюдения «обычая», т.е. вне форм дипломатического протокола, была главной задачей русских служилых людей.

Условия пребывания русских дипломатических представителей в Крыму в значительной степени определялась не только общей ситуацией в двусторонних отношениях, но и наличием личных связей как среди правящей крымской элиты, так и среди крымских служивых людей.

Безопасность пребывания русских дипломатических представителей в Крыму гарантировалось ханами «по прежним обычаям», что в частности предусматривали все русско-крымские договоры, заключенные в XVI веке. Тем не менее она определялась реальным состоянием русско-крымских дипломатических связей. Так, посольство А.А.Нагого несколько раз бралось под арест (в последний раз в период походов на Москву Девлет-Гирея I в 1571-1572 гг.). В дальнейшим в инструкциях, направляемых в Крым русским посольствам, такая возможность предусматривалось: «Ан что царь захочет идти наскоро на царя и великого князя украйны а князя Василия у себя задержит и князю Василию из тех мест отписать ко царю и великому князю с полоняником или с казаком или с каким будет

пригоже (человеком)» – говорится в «наказной памяти» послу кн. В.В.Мосальскому[7]. В инструкциях русским послам предусматривались и различные варианты отправления донесений в Москву в случае «насильственного задержания». Интересно, что они предусматривали и помощь в этом крымских служилых людей.

В целом пребывание русских дипломатов в Крыму было тяжелой службой. Они передвигались на своих лошадях, хотя в исключительных случаях крымцы предоставляли им своих, как Е.Ржевскому, который прибыл в Крым в 1576 г. в буквальном смысле пешком, ограбленный запорожскими казаками. Защита чести и достоинства русских дипломатов крымскими должностными лицами варьировалась в зависимости от политических обстоятельств. Случаи откровенного грабежа бывали нередки, не говоря уже о конфликтах, связанных с сохранностью «поминок». «Корм» выдавался также исходя из конкретной ситуации в двусторонних отношениях, он мог быть «обильным», а мог сводиться к крайне скудному рациону. Периодически дипломаты оказывались под арестом. Большую проблему представляли постоянные наезды крымских вельмож и царевичей Гиреев, требовавших угощений и подношений. Так, в статейном списке посольства кн. М.А.Щербатова содержится подробности «визита» к русским послам калги Фетх-Гирея, когда взбешенный отказом выдать дополнительные «поминки» «царевич» чуть не довел дело до физического устранения русских дипломатов[8].

Основательно досталось в 1595 г. от крымцев гонцу Михаилу Вельяминову. Он прибыл «наскоро» и с «легкими поминками» вместо ожидаемого «большого посла» с «казною». По прибытии в Бахчисарай, он сразу же угодил под арест на «Яшлову гору» в окрестностях ханской столицы, непосредственно примыкавшей к т.н. Яшловскому предместью. У Вельяминова были принудительно изъяты поминки[9].

При совместном следовании русских и крымских дипломатических представителей по «дикой степи» бывали случаи отказа крымцев защищать своих русских партнеров. Так, зимой

1580-1581 года на пути в Крым погибло посольство князя М.Ф.Барятинского. Сопровождавший его князь Мурад-мурза Сулешев бросил русских на произвол судьбы и при угрозе нападения запорожских казаков скрылся вместе с отпущенным из Москвы крымским посольством. «Мурат-князь государева посла выдал, из-за поминок государевых не бился с черкасами» – велено было потом передать хану от имени московского государя очередному русскому гонцу в Крым[10].

В этих условиях оценка русскими служилыми людьми, как дипломатическими представителями в Крыму и служилыми татарами, так и контактирующих с крымцами «на Москве» младшими дьяками и приставами, своих крымских партнеров была не очень лестной. Эта оценка содержится в основных видах донесений – статейных списках послов и гонцов, «распросных листах» дьяков «опрашивающих» крымцев по прибытии на территорию Русского государства, донесений приставов о встрече и следовании крымцев к Москве, а также многочисленных донесений о ходе посольских разменов и о следовании русских и крымских дипломатов в Крым, посылаемых «с пути».

Отношение крымцев к русским дипломатом, судя по данным донесениям, также не отличалось излишней лояльностью. К сожалению, крымская посольская документация полностью отсутствует, но имеются многочисленные грамоты как хана и «царевичей», так и мурз.

При оценке поведения крымских служилых людей во время их общения с русскими, обращает на себя внимание их заинтересованность в вопросах «материального характера» – требование «поминок», «жалования» как для приславшего их лица, так и для себя лично. Обычно такие просьбы содержались во всех посланиях крымских ханов, «царевичей» и мурз, доставленных данным гонцом.

По благополучном прибытии в Крым вместе с русскими коллегами крымцы часто проявляли отказ от принятых в период пребывания в Москве обязательств, в случае, если не будут

приняты во внимание их «материальные запросы». Это касалось и политических (содействие в установлении дипломатических контактов), и деловых (как правило, связанного с выкупом полоняников) обязательств.

Вместе с тем крымцы, побывавшие «на Москве», не поддерживали откровенно конфронтационную политику части своей политической элиты, которая могла привести к полному разрыву отношений. Интересно, что даже во время своих нападений на Русское государство некоторые крымские ханы стремились использовать старые личные связи своих служилых людей. Например, осенью 1564 года, во время осады Рязани, бывший гонец Ян Магметь (Джан-Мухамед) вступил в контакт с И.А.Басмановым. Подъехав к стенам города, он и «кликал чтоб с ним говорили» и передал посланному к нему сыну боярскому А.Измайлову ханское послание Грозному, «обяснившее» нападение приказом турецкого султана[11].

В период своего пребывания в Русском государстве крымские «служилые люди» демонстрировали стремление, при неформальном общении с русскими должностными лицами, разрешить внутренние конфликты – речь шла о борьбе за преимущества в получении «поминок» и «жалования». Это выражалось, в частности, в попытках враждующих крымских мурз лишить преимущества служилых людей друг друга в получении аудиенции у государя, что имело место в канун посольского съезда и размена 1593 года. Тогда ответственный за размен крымский эмиссар Ахмед-паша Сулешев еще в пути передал просьбу сопровождаемому им русскому посланнику С.Безобразову известить Бориса Федоровича Годунова о необходимости задержать и не допустить в Москву ханского гонца, представляющие интересы враждебного ему клана мурз Кулюковых, князя Баубека Киятского, а также гонца непосредственно от князя Дербыша Куликова к Борису Федоровичу Годунову, для чего был послан русский служилый татарин[12]. Замечательно, что одновременно данные гонцы, уже достигшие Ливен, просили встретивших их приставов не допустить раньше их в

Москву догонявшего их «человека» князя Сулешева Абреима. В конечном итоге Борис Федорович Годунов распорядился задержать всех крымских эмиссаров в разных городах до завершения посольского размена.

Необходимо отметить знание крымцами политической конъюнктуры в Москве, умение найти наиболее приемлемые пути для реализации цели (обращение к Борису Федоровичу Годунову, многочисленные «челобитья»).

В ряде случаев крымцы предоставляли важную политическую информацию, в том числе и о предполагаемых нападениях на Русское государство, но в любой момент готовы были отказаться от такого вида «сотрудничества». Иногда крымцы давали высокую оценку своим партнерам при переговорах. Например, в 70-е годы очень уважительно отзывались о временах «при дьяке Иване Михайлове» – т.е. о периоде руководства Посольским приказом И.М.Висковатого. Однако это было вызвано стремлением противопоставить давно погибшего руководителя русской дипломатии его преемнику А.Я.Щелкалову. Косвенно это было направлено и против самого государя. Не удивительно, что на случай таких «напоминаний» русские дипломаты получили инструкции, что «тех дел которые меж государей делалось лихими людьми припоминать непригоже»[13]. В большинстве случаев прежних русских послов крымские дипломаты не жаловали (особенно нелестно отзывались о А.Ф.Нагом).

В целом крымцы проявляли способность к лавированию, причудливо сочетая в своей служебной деятельности защиту своих материальных интересов с «политической целесообразностью». Это относилась к служилым людям как хана, так и «царевичей». Еще более откровенной было позиция представителей крымской знати. Если представители правящей элиты исходили из традиции «правым плечом служу государю своему – левым государю твоему», то так же вели себя и их служилые люди. Характерно, что в своих посланиям Годунову многие вельможи прямо указывали – некоторая часть инфор-

мации может быть передана их «людьми», но только в случае, если их «пожалуют».

Русские дипломаты рассматривали крымцев как партнеров ненадежных, но исходили из необходимости в любых ситуациях требовать от них выполнения принятых на себя неформальных обязательств

Например, Ямгурчей аталык, после прибытия в Крым посольства князя М.А.Щербатова в 1594 г., длительное время не появлялся в поле зрения русских дипломатов, но в конечном итоге свои обязательства (доставка тайных посланий хану от Бориса Федоровича Годунова) выполнил[14].

Русские дипломаты подчеркивали в донесениях мздоимство крымцев, стремление контактирующих с ними должностных лиц ханского двора любой ценой добиться «материальных преимуществ» перед конкурентами.

Так, на протяжении всего XVI века шла свирепая грызня между представителями различных кланов за право доставления русскими служилыми людьми «поминок» и «жалования» к себе «на подворье», подальше от «посторонних глаз» недругов. В еще более яркой форме это демонстрировали те крымцы, «которые на Москве в гонцах были», – среди них шла борьба за возможность выгодно «сбыть» попавших им в руки «полоняников». Что же касается контактировавших «на высшем уровне» непосредственно с русскими послами и посланниками представителей правящей элиты, то речь шла уже о готовности в прямом смысле спрятаться за спину русских дипломатов – как, например, во время «наезда» крымской знати на князя Сулеша в 1564 г. Тогда данный мурза явился к русскому послу А.Ф.Нагому, поведал ему, что его «хотят убить», и потребовал от русских дипломатов подтвердить, что ему было прислано из Москвы «жалование» в таком же количестве, что и другим видным вельможам, что не соответствовало действительности[15]. На самом деле Сулешевы стремились закрепить свое наследственное «амиатство» – особые отношения с Москвой и, как и предполагали его враги, получали «жалования больше иных мурз». Русскому послу пришлось утихомиривать вслед за

Сулешевым явившихся к нему со своими людьми крымских вельмож. Кстати, именно с этим мурзой, московским «амиатом», у русских дипломатов имели место дикие сцены – «приехал в ночи князь Сулеш напившись пьян и лаял» – говорилось в донесении А.Ф.Нагого Ивану Грозному[16]. Однако бывало и по-другому: в ходе династических смут представители рода Сулешевых, как и других кланов, «бесплатно» предоставляли важнейшую информацию в обмен на возможность в случае необходимости бежать в Москву. Еще более откровенно такую позицию демонстрировали их служилые люди. В апреле 1588 г. к находившемуся в Крыму во время очередного «междуцарствования» русскому гонцу Ивану Судакову буквально толпами валили «тотары» от различных крымских кланов (как по собственной инициативе, так и по поручению своих мурз) с информацией о скором прибытии из Стамбула нового хана Гази-Гирея II и о возможных в связи с этим кровавых «разборках» в Бахчисарае. Знаменательно, что по прибытии нового хана их сменили его «приставы» с требованием немедленно предоставить ему «поминки», а затем с требованием «жалования» нагрянули и новые «ближние царевы люди», в большинстве своем прибывшие вместе с новым ханом из Стамбула[17].

В целом реальное сотрудничество крымских и русских «служилых людей» имело место только в экстремальных обстоятельствах – при наличии какой-либо общей угрозы, нападений «черкасских казаков» и ногаев при следовании из Москвы в Крым либо из Крыма в Москву, при угрозе очередного переворота в Бахчисарае, при откровенном вмешательстве Порты в русско-крымские отношения.

---

1 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 21. Л. 318 об.-321.
2 Там же. Л. 434 об.
3 Там же. Л. 430-431.
4 Там же. Л. 543-543 об.
5 Тюркологический сборник, 2005. М., 2006. С. 69-70.
6 Архив Русской Истории. Вып. 8. М., 2007. С. 39.
7 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 15. Л. 239.

[8] Там же. Л. 250-250 об.
[9] Там же. Д. 21. Л. 534-534 об.
[10] Там же. Д. 17. Л. 159 об.
[11] Там же. Д. 11. Л. 130-130 об.
[12] Там же. Д. 20. Л. 118-118 об.
[13] Там же. Д. 18. Л. 245.
[14] Там же. Д. 21. Л. 267-268 об.
[15] Там же. Д. 10. Л. 299 об.
[16] Там же. Л. 321.
[17] Известия / Таврическая ученая архивная комиссия. № 14. Симферополь, 1881. С. 68-72.

Гуськов А.Г.

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ВЕЛИКОГО ПОСОЛЬСТВА 1697-1698 гг.*

Эпоха конца XVII – начала XVIII века стала для России переломным моментом в ее многовековой истории. Петр I провел кардинальные реформы почти во всех областях государственной жизни, оказав значительное влияние на культурную, социальную и другие сферы существования общества. Одним из важнейших эпизодов начального этапа деятельности молодого царя, повлиявшим на весь ход дальнейших преобразований и определившим перспективы развития российской внешней и внутренней политики, можно назвать его поездку за границу в составе Великого посольства в 1697-1698 гг.

Крупномасштабная посольская миссия, а ее численность достигала более двухсот человек, побывала во многих странах Европы. Правитель огромной державы, вместе с частью наиболее активных и способных представителей российского общества, не только познакомился с достижениями западноевропейской цивилизации, но и внес значительный вклад в изменение имиджа далекой Московии. До миссии 1697-1698 гг. и последовавших за ней событий о России мало знали в Западной Европе. Несмотря на поездки русских посольств, иногда довольно многочисленных, в XVII веке во Францию, в Германию, Австрию, Испанию и Рим, за рубежом неизменным оставалось мнение о Московии как о дикой, полуазиатской стране. В международной политике Россию пытались использовать лишь для связывания сил Османской империи и ее вассала Крымского ханства.

---

* Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Грант № 05-01-01164а.

В связи с этим, понятно положение посольства и Петра I, на которых смотрели как на диковинку, не принимая всерьез и мало учитывая в ходе решения межгосударственных проблем. Оказывая внешнее почтение главе огромного государства и его окружению, европейцы оставались верны своим прежним стереотипам. В такой обстановке одним из важнейших приоритетов деятельности Великого посольства становилось обеспечение достоверными сведениями руководства миссии во главе с царем. Значительную роль в информировании русских дипломатов о событиях, происходивших в странах Европы в то время, сыграли «Вести-Куранты».

К проблеме изучения «Курантов» как источника по информационной поддержке Великого посольства никто не обращался. Большинство исследователей упоминало, что для нужд миссии приобретались местные газеты, из которых черпались определенные сведения политического и иного характера, но дальше эта проблема не развивалась[1]. Даже авторы новейшего исследования, ставившие перед собой задачу изучения всех знаний, почерпнутых русскими путешественниками за границей, пишут о «Курантах» лишь в связи с их покупкой переводчиком П.Вульфом, не раскрывая их значения[2].

Отсутствие четких дефиниций в определении «Вестей-Курантов» позволяет относить к ним достаточно широкий круг источников, так или иначе связанных с европейской периодической печатью. Участники Великого посольства пользовались подлинниками местных газет, их переводами, обзорными «вестями», присылаемыми из Москвы, Варшавы и Вены[3] и составленными на основе печатной, рукописной и устной информации.

Известия получали разными путями. Во-первых, посольство само приобретало периодическую печать, переводя ее своими силами. За покупку отвечал П.Вульф, который затем собственноручно составлял переводы. Во-вторых, «вестовые» письма шли из Москвы из Посольского приказа, доставляемые туда, в свою очередь, через Рижскую почту. Некоторые «куран-

ты» пересылались из Польши послом Никитиным, обычно в виде краткой выборки на русском языке. Не последнюю роль играли донесения австрийского агента Свейковского и бывшего цесарского посланника в Россию И.Курца, к которым прилагались оригиналы местной периодики.

Покупка газет самими участниками Великого посольства несомненно являлась наиболее оперативным способом информирования. По прибытии в Амстердам ответственность за эту работу была возложена на наиболее опытного переводчика миссии Петра Вульфа[4]. Однако получение посольством печатных «вестей» происходило и во время проезда через немецкие земли. Еще во время пребывания в Бранденбургском курфюршестве один из местных приставов Принц, с разрешения первого министра Э.Данкельмана, снабжал русских дипломатов свежими известиями. Так, 28 июня 1697 г. он передал послам «вестовые письма», пришедшие из Варшавы, содержавшие новости о выборах польского короля. А за день до этого «польский печатный диариуш» был привезен подьячим Никифором Ивановым. В столице же Голландского государства приобретение и перевод газет становится более регулярным.

Информация о названиях периодических изданий в архивном деле, содержащем переводы европейской прессы, почти не сохранилась. В столбцах указывались сведения о национальной принадлежности «Курантов» (австрийские «цесарские» или голландские), дата издания, покупки или перевода, место, дата и содержание очередной новости[5]. В таблице все сведения обобщены[6].

Таблица 1

Характеристика первоисточника	Дата издания (изд.), покупки (п.) или перевода (пер.)*	Источник новости**	Дата новости	Архив***
Голландские «Куранты»	1 апреля 1697 г. (пер.)	Из Смирны	4 и 10 февраля	Л. 226-228
		Из Генуи	22 марта	Л. 228

Характеристика первоисточника	Дата издания (изд.), покупки (п.) или перевода (пер.)*	Источник новости**	Дата новости	Архив***
		Из Клеве	9 апреля	Л. 228-229
		Из Гааги	9 апреля	Л. 229
Цесарские «Куранты»	30 августа 1697 г.**** в Амстердаме (п.)	Из Клеве	21 августа	Л. 34
		Из Вены	14 августа	
		Из низовий Рейна	21 августа	Л. 35
		Из Гааги	21 августа	
		Из Копенгагена	12 августа	
		Из Стокгольма	8 августа	
Голландские «Куранты»	30 августа 1697 г. в Амстердаме (п.)	Из Вены	18 августа	Л. 36
		Из Эльзаса	21 августа	Л. 37
		Из Гааги	28 августа	
		Из Копенгагена	21 августа	
		Из Дрездена	21 августа	Л. 38
		Из Амстердама	28 августа	
		Из Лондона	28 августа	
Цесарские «Куранты»	3 сентября 1697 г. в Амстердаме (п.)	Из Варшавы	17 августа	Л. 39-40
Голландские «Куранты»	3 сентября 1697 г. в Амстердаме (п.)	Из Утрехта	2 сентября	Л. 40

Характеристика первоисточника	Дата издания (изд.), покупки (п.) или перевода (пер.)*	Источник новости**	Дата новости	Архив***
Голландские «Куранты»	8 сентября 1697 г. в Амстердаме (п.)	Из Бреславля	25 августа	Л. 41
		Из Дрездена	31 августа	
		Из Берлина	22 августа	
		Из Варшавы	24 августа	
		Из Амстердама	7 сентября	
		Из Парижа	3 сентября	Л. 42
		Из Гданьска		
Цесарские «Куранты»	10 сентября 1697 г. (п.)	Из Дюнкерка	31 августа	Л. 44
		Из Гента	1 сентября	
		Из Гданьска	1 сентября	Л. 45
		Из Гелзигнера	25 августа	Л. 46
		Из Дрездена	23 августа	
		Из Берлина	25 августа	
		Из Гааги	2 сентября	Л. 46-47
		Из Будина	21 августа	Л. 47
Голландские «Куранты»	10 сентября 1697 г. (п.)	Из Вены	28 августа	Л. 48
		Из Мейнца	4 сентября	Л. 49
		Из Генуи	21 августа	
Голландские «Куранты»	21 сентября 1697 г. в Гааге (п.)	Из Кракова	7 сентября	Л. 56-60
		Из Гданьска	11 сентября	Л. 60

Характеристика первоисточника	Дата издания (изд.), покупки (п.) или перевода (пер.)*	Источник новости**	Дата новости	Архив***
		Из Вены	8 сентября	Л. 61
		Из Берлина	14 сентября	Л. 62
		Из Дрездена	17 сентября	Л. 62-63
		Из Кельна	17 сентября	Л. 63
Голландские «Куранты»	22 сентября 1697 г. в Гааге (п.)	Из Гданьска	9 сентября	Л. 64-65
		Из Берлина	14 сентября	Л. 65а
Голландские «Куранты»	25 сентября 1697 г. в Гааге (изд.)	Из Гданьска	25 сентября	Л. 145, 145а, 146
		Из Вены	21 сентября	Л. 146, 147
Голландские «Куранты»	28 сентября 1697 г. в Гааге (изд.)	Из Кракова	25 сентября	Л. 152
		Из Гданьска	28 сентября	Л. 152-153
		Из Гданьска	29 сентября	Л. 153-154
		Из Берлина	1 октября	Л. 154-155
		Из Франкфурта	2 октября	Л. 155
Голландские «Куранты»	В Амстердаме (изд.), 2 октября 1697 г. в Гааге (пер.)	Из Гданьска	2 октября	Л. 156-158
		Из Варшавы	28 сентября	Л. 159-160

Характеристика первоисточника	Дата издания (изд.), покупки (п.) или перевода (пер.)*	Источник новости**	Дата новости	Архив***
Голландские «Куранты»	23 октября 1697 г. в Амстердаме (пер.)	Из Дрездена	15 октября	Л. 66
		Из Варшавы	7 октября	Л. 66-67
		Из Варшавы	9 октября	Л. 67-68
		Из Гданьска	13 сентября	Л. 68-69
Голландские «Куранты»	30 октября 1697 г. в Амстердаме (пер.)	Из Гданьска	30 октября	Л. 205-206
		Из Венеции	25 октября	Л.207
		Из Наполи Ди Романии	28 сентября	
		Из Венеции	25 октября	Л. 207-208
		Из Вены	26 октября	Л. 208
		Из Парижа	4 ноября	
Голландские «Куранты»	6 ноября 1697 г. (пер.)	Из Гданьска	27 октября	Л. 91-93
		Из Венеции	22 октября	Л. 93-94
Цесарские «Куранты»	6 ноября 1697 г. (пер.)	Из Гданьска	23 октября	Л. 95
Печатные «Куранты»	9 ноября 1697 г. (пер.)	Из Вены	27 октября	Л. 70-74

Характеристика первоисточника	Дата издания (изд.), покупки (п.) или перевода (пер.)*	Источник новости**	Дата новости	Архив***
		Из Варшавы	23 октября	Л. 74-75
		Из Мемеля	27 октября	Л. 75
		Из Кракова	23 октября	Л. 75-79
		Из Гданьска	27 октября	
		Из Гданьска	30 октября	Л. 79
		Из Гданьска	27 октября	Л. 96-98
Голландские «Куранты»	29 ноября 1697 г. (изд.)	Из Москвы	5 октября	Л. 110-111
		Из Москвы	19 октября	Л. 111
Голландские «Куранты»	14 декабря 1697 г. (пер.)	Из Венеции	26 ноября	Л. 99-100
		Из Вены	27 ноября	Л. 100-101
		Из Кракова	20 ноября	Л. 101-102
Голландские «Куранты»	16 декабря 1697 г. в Амстердаме (пер.)	Из Парижа	6 декабря	Л. 103-104
		Из Риселя	8 декабря	Л. 104
		Из Варшавы	26 ноября	Л. 105
		Из Вены	1 декабря	Л. 106
		Из Варшавы	27 ноября	Л. 106-107
		Из Кракова	1 декабря	Л. 107

Характеристика первоисточника	Дата издания (изд.), покупки (п.) или перевода (пер.)*	Источник новости**	Дата новости	Архив***
		Из Гданьска	4 декабря	Л. 107-109
		Из Гааги	14 декабря	Л. 109
		Из Лондона	7 декабря	
Голландские «Куранты»	21 декабря 1697 г. в Амстердаме (изд.)	Из Кракова	30 ноября	Л. 161
		Из Кракова	6 декабря	Л. 161-164
		Из Варшавы	10 декабря	Л. 165-166
		Из Гданьска	17 декабря	Л. 166
		Из Вены	18 декабря	Л. 167-168
Голландские «Куранты»	26 декабря 1697 г. в Амстердаме (пер.)	Из Андрианополя	23 сентября	Л. 194-196
		Из Андрианополя	5 октября	Л. 196-197
Голландская газета «Меркурий»	15 января 1698 г. (пер.)	Из Турции и Вены		Л. 115
Голландские «Куранты»	17 января 1698 г. в Амстердаме (пер.)	Из Львова	9 декабря 1697 г.	Л. 116
		Из Варшавы	30 декабря 1697 г.	Л. 117
		Из Дрездена	4 января 1698 г.	
Цесарские «Куранты»	8 февраля 1698 г. в Амстердаме (пер.)	Из Вены	29 января	Л. 178-179
		Из Анторфа	14 января	Л. 180
		Из Гааги	12 января	

Характеристика первоисточника	Дата издания (изд.), покупки (п.) или перевода (пер.)*	Источник новости**	Дата новости	Архив***
		Из Вены	1 февраля	Л.180-182
Голландские «Куранты»	25 февраля 1698 г. в Амстердаме (пер.)	Из Венеции	22, 28 февраля	Л. 189
Голландские «Куранты»	7 марта 1698 г. в Амстердаме (пер.)	Из Варшавы	28 февраля	Л. 190-191
		Из Гданьска	5 марта	Л. 191
		Из Берлина	8 марта	Л. 192
		Из Парижа	10 марта	Л. 192-193
Голландские «Куранты»	18 марта 1698 г. в Амстердаме (изд.)	Из Венеции	14 марта	Л.225
Голландские «Куранты»	2 апреля 1698 г.***** (пер.)	Из Венеции	28 марта	Л. 141
		Из Вены	29 марта	
		Из Гданьска	2 апреля	Л. 142-144
Голландские «Куранты»	2 апреля 1698 г. (изд.)	Из Берлина	6 апреля	Л. 134
		Из Амбрука	8 апреля	
Голландские «Куранты»	5 апреля 1698 г. (изд.)	Из Гданьска	5 апреля	Л. 135, 138
		Из Рима	26 марта	

Характеристика первоисточника	Дата издания (изд.), покупки (п.) или перевода (пер.)*	Источник новости**	Дата новости	Архив***
Голландские «Куранты»	7 апреля 1698 г. (изд.)	Из Венеции	25 марта	Л. 132-133
«Утрехтские куранты» «Гарлемские куранты» «Лейденские куранты»		Из Рима	2 апреля 1698 г.	Л. 136, 136 об.
«Куранты»	8 апреля 1698 г. (пер.)	Из Парижа	март 1698 г.	Л. 137, 137 об.
«Куранты»	16 апреля 1698 г. (пер.)	Из Вены	6 апреля 1698 г.	Л. 139
«Куранты»	3 мая 1698 г. в Амстердаме (пер.)	Из Рима	19 апреля	Л.233
Голландские «Куранты»	10 мая 1698 г. (пер.)	Из Вены	7 мая	Л. 234
		Из Гданьска	10 мая	Л. 235

* При наличии информации указывалось также место покупки или перевода.

** Имеется ввиду название местности, откуда пришло известие, – город, местечко и т.п.

*** Здесь приводятся ссылки на листы архивного дела.

**** Все даты приводятся как в документе.

***** В оригинале, видимо ошибочно, указано дата «2 марта».

Совпадения дат новостей и перевода или издания газет объясняется разницей в новом и старом стилях календаря. Ве-

ликое посольство использовало в своем делопроизводстве старый стиль, который на десять дней отставал от нового, применявшегося в большинстве европейских стран. Поэтому переведенная 30 октября (9 ноября по н. ст.) газета могла содержать новости из Парижа от 4 ноября (25 октября по ст. ст.).

Обмен почтой с Москвой был поставлен в Великом посольстве на регулярную основу. Каждую неделю с европейской почтой отправлялся один или несколько пакетов для московских корреспондентов. В свою очередь с не меньшей регулярностью из Посольского приказа депеши с бумагами пересылались за рубеж. Их обязательной составляющей являлись переводы европейских газет. В архиве сохранилась целая тетрадь с записями о письмах, отправляемых из дипломатического ведомства от Л.К.Нарышкина и Е.И.Украинцева Петру I и другим участникам посольства[7]. Согласно ей, за полтора года с 9 апреля 1697 г. по 19 августа 1698 г. была отправлена 71 почта. Специальный почтовый курьер выезжал в пятницу, и поэтому если важное известие приходило в субботу или воскресенье, оно дожидалось следующей недели. Стоит отметить, что за указанный период имеется единственный пропуск в цепочке дипломатических вестей – 21 мая 1697 г. Причина лакуны в документе не объясняется, остается лишь предположить, что что-то произошло с курьером, так как со следующей почтой ушло целых три пакета с переводами «вестей» за 11, 17 и 20 мая[8].

Понятно, что европейская пресса, прежде чем попасть к Петру I и великим послам, совершала значительное путешествие и ее новизна и актуальность успевала исчезнуть. Маршрут был достаточно замысловат: «Куранты» из разных стран стекались в Ригу, затем с регулярной почтой они прибывали в Москву, где переводились в Посольском приказе и вновь направлялись в Ригу, а уже оттуда следовали в государство, где в данный момент находилась русская миссия. Сохранившиеся пометы дают возможность составить точное представление о хронологии получения Великим посольством информации, проходившей через Россию. Данные удобнее представить в виде таблицы.

Таблица 2

Характеристика «вестовых» писем*	Дата получения в Москве	Дата Отправки из Москвы после перевода	Дата Получения Великим посольством
Рижская почта	11 мая	28 мая	6 июня в Пилау
Вестовые рижские письма	20 мая	28 мая	17 июня в Пилау
Польские вестовые письма	17 мая	28 мая	17 июня в Пилау
Рижская почта	19 июля	23 июля	26 августа в Амстердаме
Рижская почта	2 августа	13 августа	9 сентября в Амстердаме
Вестовые письма рижской почты	16 августа		20 сентября
Немецкие вестовые письма	23 августа	27 августа	28 сентября в Гааге
Немецкие вестовые письма рижской почты	6 сентября	10 сентября	8 октября в Гааге, 9 октября в Амстердаме**
Немецкие вестовые письма рижской почты	13 сентября	17 сентября	15 октября в Гааге
Немецкие вестовые письма рижской почты	16 октября	22 октября	25 ноября в Амстердаме
Немецкие вестовые письма рижской почты	18 октября	22 октября	25 ноября в Амстердаме
Немецкие вестовые письма рижской почты	27 сентября		29 октября
Вестовое письмо от А.Никитина	27 сентября		29 октября
Немецкие вестовые письма рижской почты	3 ноября	25 (5)*** ноября	6 декабря в Амстердаме

Характеристика «вестовых» писем*	Дата получения в Москве	Дата Отправки из Москвы после перевода	Дата Получения Великим посольством
Немецкие вестовые письма рижской почты	29 ноября	3 декабря	31 декабря в Амстердаме
Немецкие вестовые письма	6 декабря	10 декабря	7 января 1698 г. в Амстердаме
Немецкие вестовые письма рижской почты	3 ноября		14 декабря
Немецкие вестовые письма рижской почты	20 декабря	24 декабря	21 января в Амстердаме

* Характеристика писем приводится по первоисточнику.

** В это время великие послы находились на переговорах в Гааге, а Петр I работал на верфи Ост-Индийской кампании в Амстердаме, поэтому помет о получении две.

*** Видимо, описка автора пометы. Более верная дата – 5 ноября, что совпадает со временем отправки очередной почты.

В целом стандартный промежуток между получением «Курантов» и отправкой их перевода составлял четыре дня. То есть получив в понедельник известия из Риги[9], в Посольском приказе уже к пятнице подготавливали сжатое резюме, которое и уходило с ближайшей почтой. От Москвы – до Пилау послания шли 20 дней[10], а до Амстердама и Гааги – около месяца (25-35 дней). Таким образом, известия успевали устареть в среднем на два–три месяца. Данная ситуация явно не устраивала царя, нуждавшегося в более оперативной информации. Анализ посланий, адресованных Великому посольству, показывает, что зарубежные «вестовые» письма (газеты) пересылались Москвой лишь до декабря 1697 г.[11] К тому времени в самой миссии было налажено более эффективное снабжение свежей печатной продукцией, и надобность в прежнем маршруте отпала.

В отличии от газет, покупавшихся и переводившихся в самом Великом посольстве, редко удается достаточно точно определить источник «вестей», направлявшихся из Москвы. На переводах, составлявшихся в Посольском приказе, сохранялась лишь глухая ссылка на польские, немецкие или рижские «вестовые письма», полученные в тот или иной день и пересланные великим послам[12]. Причем под «рижскими» письмами могли подразумеваться любые известия. Иногда также встречаются «вестовые письма» от А.Никитина, русского резидента в Речи Посполитой, которые включали в себя информацию из периодической печати. Содержание бумаг тоже мало помогает в четкой атрибуции «Курантов», иногда позволяя определить страну, реже город, откуда пришла новость.

Огромное количество документов Никитин пересылал непосредственно в Великое посольство. Так, 16 ноября 1697 г. посольством получен перевод «польского печатного листа» с описанием пребывания претендента на польский престол принца Конти в Кракове. Также в нем шла речь о съезде противников Августа Саксонского, проведенном в Варшаве 16-20 октября[13].

Австриец А.Свейковский обычно прилагал к своим депешам оригинал газет, подтверждавший его сведения. В самом Великом посольстве их переводили, но не дословно, а выбирая наиболее важные известия[14]. Особое внимание всегда уделялось войне с Турцией.

Содержание «Курантов» в основном отвечало потребностям Великого посольства в политических и международных известиях. Самыми востребованными, если судить по количеству и объему новостей, были сообщения о положении в Речи Посполитой, связанные с выборами нового короля. Еще в июне 1696 г. в Польше умер Ян III Собеский. Однако сложная обстановка в стране и наличие множества кандидатур привели к задержке новых выборов. Основными претендентами на престол в Варшаве оказались французский принц Конти и саксонский курфюрст Август. Последнего поддерживал Петр I. Между ними и развернулась основная борьба. Газеты сообщали как

о самих выборах, так и о перипетиях дальнейшего противостояния бывших претендентов и выбранного короля. Мы видим картины и предварительного сбора шляхты и сенаторов для ознакомления с кандидатами на трон – «Дня 25-го июня съехалися все воеводства образом воинским...», и съезда саксонских депутатов, и задержек с избранием коронных должностных лиц – «На сем сейме еще великое смятение объявилось и несколько земских послов ко избранию маршалка приступити не хотят...», и попытки французского принца захватить власть силой – «Из Полши ведомо чинят, что Деконтий с 500 человеки началными людьми и многими денгами в то королевство пришел...», и намерений Петра I помочь Августу II в отстаивании своих прав – «...Так же и московский царь обовязался в нужде с 100 000 ратными людми на Полскую землю нападение учинить повелит», и многого другого[15].

Интересовали русских дипломатов и вести с фронта боевых действий с турками. Здесь наиболее значимым событием стала победа австрийских войск под руководством Е.Савойского при Центе в сентябре 1697 г. Из разных источников были получены как краткие сообщения о сражении, так и подробные описания битвы и ее последствий[16]. Вместе с письмом А.Свейковского был доставлен детальнейший «диариуш» (донесение) о сражении[17]. В свою очередь с сообщением И.Курца пришли австрийские газеты, информировавшие о походе Е.Савойского в октябре 1697 г. в Боснию[18]. В июне 1698 г. А.Никитин прислал польское письмо, отражавшее ход военных действий между поляками и османами. Газеты писали и о слухах, касавшихся участия России в войне: «Из Вены в августа в 24 день (1697 г. – *А.Г.*). В вененских грамотках получена ведомость из мултянской земли, что Москва чрез Азов в Крым пойдет»[19].

Одна из наиболее важных новостей, касающихся непосредственной цели Великого посольства, была получена 15 января 1698 г. из газеты «Меркурий». Она сообщала о возможном посредничестве англичан в заключении мира между Османской империей и странами Священного союза. Информация осно-

вывалась на непроверенных слухах, но для понимающих дипломатов была знаковой. Первоначально Петр I не поверил ей. Однако в мае 1698 г. более точные сведения поступили от посла в Польше А.Никитина, приславшего копии: грамоты Генеральных штатов к Леопольду I от 31 марта; грамоты Вильгельма III к Леопольду I от 12 марта; договорных статьей, предложенных турками для мирных переговоров; письмо австрийского канцлера Кинского к английскому послу в Турции Пагету от 14 апреля[20]. Теперь сомнений не оставалось – австрийцы, при поддержке англичан и голландцев, вели за спиной союзников сепаратные переговоры.

Миссию интересовали новости и о самом Великом посольстве. При проезде через германские княжества газеты отмечали учтивость московских дипломатов: «Из Нимвегена получена ведомость, что... примечено великое почтение, которое они трем княгиням Вальдекским оказали...»[21] Торжественное шествие русской миссии отражено в «голландском печатном письме», выпущенном в Гааге 22 сентября 1697 г.[22] В голландских «Курантах» от 18 марта 1698 г. вновь упоминается посольство, в связи с возможной поездкой в Венецию[23].

Получила отражение в прессе и поездка боярина Б.П.Шереметьева, командированного в страны Южной Европы. Подробно описывалось его пребывание в итальянских городах, визит в Рим, аудиенция у римского папы. Высказывалось также предположение о намерении Петра I посетить Италию[24].

В целом следует признать, что русские дипломаты и сам Петр I достаточно оперативно получали информацию о всех значимых событиях, происходивших в Европе в 1697-1698 гг. Благодаря донесениям А.Никитина и А.Свейковского, дополняемым переводами периодической печати, посольство узнавало не только открытую для широкой публики информацию, но некоторые тщательно скрываемые сведения. Однако воспользоваться ими не всегда удавалось. Сказывалось отсутствие практики в изощренной дипломатической интриге, а также недостаточность влияния России на международной арене.

[1] *Богословский М.М.* Петр I. Материалы для биографии. М., 1941. Т. II. С. 169; *Бакланова Н.А.* Великое посольство за границей в 1697-1698 гг.: (его жизнь и быт по приходно-расходным книгам посольства) // Петр Великий. М.; Л., 1947. С. 57.

[2] *Гузевич Д.Ю., Гузевич И.Д.* Великое посольство. СПб., 2003. С. 167.

[3] От А.Никитина, русского посла-резидента в Польше, и А.С.Свейковского, австрийского чиновника, снабжавшего информацией российскую сторону.

[4] РГАДА. Ф. 32. Сношения России с Австрией и Германской империей. Оп. 1. Кн. 47. Л. 186.

[5] Там же. Ф. 155. Иностранные ведомости и газеты. Оп. 1. Д. 12 (1697 г.). Л. 13-19 об.

[6] Приведенные материалы не охватывают полностью всю периодическую печать, покупавшуюся посольством. Впрочем, оставшееся за рамками исследования незначительное число бумаг не нарушает репрезентативность выводов.

[7] РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 11 (1697 г.). Л. 1-31.

[8] Там же. Д. 12 (1697 г.). Л. 1-2 об., 13-15 об.

[9] Этому дню недели соответствует большинство дат – 17 мая, 19 июля, 2, 16, 23 августа, 6, 13, 27 сентября, 18 октября, 29 ноября, 6 и 20 декабря. Исключение составляют 11, 20 мая, 16 октября и 3 ноября.

[10] Дата получения почты, указанная в первой строке таблицы, видимо, ошибочна.

[11] См.: РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 12 (1697 г.), 1 (1698 г.).

[12] Там же. Д. 12 (1697 г.). Л. 1-2 об., 12-15 об., 23-26 об., 30 об.-32, 34-40 об., 51-53 об., 63-64, 69-71 об., 79-83 об., 90-93 об., 100-104 об., 111-112 об., 121-122 об., 128-131 об., 133-134, 139-140, 146-147.

[13] Там же. Ф. 155. Оп. 1. Д. 12 (1697 г.). Л. 168-171.

[14] Ср.: Там же. Ф. 32. Оп. 1. Д. 13 (1697 г.). Л. 100-105, 130-132.

[15] Там же. Д. 12 (1697 г.). Л. 84.

[16] Там же. Ф. 155. Оп. 1. Д. 12 (1697 г.). Л. 194-197.

[17] Там же. Ф. 32. Оп. 1. Д. 13 (1697 г.). Л. 84.

[18] Там же. Л. 58-81.

[19] Там же. Ф. 155. Оп. 1. Д. 12 (1697 г.). Л. 35.

[20] Там же. Ф. 79. Сношения России с Польшей. Оп. 1. Д. 3 (1698 г.) Л. 62-69.

[21] Там же. Ф. 155. Оп. 1. Д. 12 (1697 г.) Л. 34.

[22] Там же. Л.148-151.

[23] Там же. Л. 225.

[24] Там же. Л. 233.

Агеева О.Г.

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ ЦЕРЕМОНИАЛ РОССИЙСКОГО ДВОРА 1744 ГОДА*

Дипломатическому церемониалу приемов послов в Русском государстве всегда уделялось большое внимание, так как в нем отражались независимость страны и высокий статус московского государя. Рассказы о посольских обычаях, полученные от русских послов, побывавших за границей, позволяли учитывать принятые в других государствах этикетные нормы и не ронять честь своей страны. Однако в эпоху двусторонних отношений, при которых межгосударственные договоренности достигались при разовых контактах дипломатических представителей, при русском дворе для прибывшего посольства в каждом случае церемониал приема создавался как бы заново. Основывался он на прежних прецедентах и особенностях проводимых переговоров. При этом церемониал включал такие устойчивые общепринятые элементы, как встречи-приветствия на границе государства и при въезде в столицу, торжественный публичный въезд в царствующий град к отведенным для посольства палатам. Затем следовали официальное сообщение русских чинов о первой аудиенции посла, препровождение к аудиенции с приветствиями и сменой эскорта до Кремля, в Кремле к Государевым палатам, внутри палат к нескольким дверям и в залу аудиенции. В церемониал самой аудиенции входили – торжественное убранство тронной залы, поклоны, приветствия, обязательные вопросы о здоровье, снимание шапок, беседа, целование руки и т.п. Особыми элементами посольских приемов было назначение для их исполнения чинов в

* Статья написана при поддержке Программы фундаментальных исследований Отделения ИФН РАН «Русская культура в мировой истории». Проект «Дипломатический церемониал России XVIII в.: Становление имперской политической культуры».

соответствие с местническими обычаями, строгое соблюдение титулатуры московского государя и иноземных правителей в документах и пр.[1] При этом единого церемониала, установленного для всех послов какого-либо ранга, в России не существовало.

Ситуация изменилась с наступлением XVIII века. При Петре Великом была создана система постоянных русских посольств за границей. Вслед за Польшей и Швецией, в которых постоянные миссии появились еще в XVII веке, были учреждены посольства в Голландии (1699 г.), Дании (1700 г.), при римско-императорском дворе в Вене (1701 г.), во Франции (1702 г.), в Англии (1706 г.), а также в Турции (1701 г.) и других странах[2]. Это создало новую ситуацию. Теперь церемониальная сторона приема какого-либо посла стала хорошо известна дипломатам других европейских стран, а значит, встал вопрос о более внимательном отношении к церемониалу и его унификации. Для европейских послов первого ранга он был решен в начале правления Елизаветы Петровны. К этому времени в России уже появились первые обер-церемониймейстеры, чин которых был введен Табелью о рангах 1722 г.[3], и шло создание специального церемониального подразделения при Коллегии иностранных дел, называемого «Церемониальные дела» (позже экспедиция и департамент).

В 1726-1727 гг. первым обер-церемониймейстером состоял граф Франц Санти[4]. В 1727-1730 гг. обер-церемониймейстером русского двора являлся швейцарец барон Георг Габихсталь[5].

В 1742 г. вернувшись после ссылки в должность обер-церемониймейстера[6], Санти начал активно приводить в порядок дела, касающиеся придворных церемоний, и формировать свою команду. В 1743 г. при Санти появился церемониймейстер (Ф.Веселовский). Окончательное оформление службы произошло в 1745 г. В доношении Санти и Веселовского в Коллегию иностранных дел от 19 января с.г. (подано асессором С.Решетовым) сообщалось о учрежденном круге канцелярских служителей Церемониальных дел и ставился вопрос о выделении особого помещения. 2 июня 1745 г. члены коллегии

(А.П.Бестужев-Рюмин, М.И.Воронцов и др.) отправили Санти сообщение о получении из Академии наук специальной печати для грамот и указов с надписью «Печать церемониальных дел», которая стоила 6 руб. 55 коп. Печать была получена 12 июня, что завершило оформление особого церемониального подразделения Иностранной коллегии[7]. Одним из самых значительных дел новой, еще формирующейся структуры стало создание первого русского постоянного церемониала приема европейских послов.

Проект документа был конфирмован (подписан) императрицей 3 апреля 1744 г. 14 декабря 1747 г. его напечатали в Петербурге в типографии Сената[8]. Церемониал стал первым русским законодательным актом, устанавливающим единый и постоянный порядок приема чрезвычайных и ординарных послов ведущих европейских государств, то есть дипломатических агентов первого ранга, уполномоченных вести переговоры и заключать договора от имени своего монарха[9].

Утвержденный единый для всех послов церемониал приема все церемониальные противоречия разрешить не мог, так как в различных странах продолжали существовать свои отличия. Однако его принятие означало шаг вперед и в целом позволяло снять многие конфликтные ситуации. Ведь утвержденный единожды и напечатанный официальный церемониал заранее оповещал главу прибывшей дипломатической миссии, каким будет его прием, и ставил в равное положение всех послов первого ранга между собой. Принимая этот документ, Россия присоединялась к тому процессу, который уже шел в Западной Европе. Общих правил дипломатического этикета там выработано еще не было, однако отдельные страны уже имели свои постоянные посольские церемониалы[10].

Так каким же был русский церемониал 1744 года? Как он соотносился с европейскими образцами? На какую страну ориентировался? Представить это позволяет рассмотрение подготовки и введения документа в жизнь. Документы, проливающие свет на эти вопросы, сохранились в РГИА в фонде Церемониальной части (ф. 473) – дела 8, 10 и 798 по описи 3. Кроме

этого подготовительный документ церемониала 1744 года сохранился и в АВП РИ в фонде 2 «Внутренние коллежские дела» (опись 2/1, дело 1572, листы 296-337).

Дело 798 из РГИА представляет собой «Выписки из реляций, касающихся преимуществ, подарков и караулов, даваемых чужестранным послам», включает посольские реляции о преимуществах, подарках и караулах иностранных послов в нескольких Европейских государствах. Эти реляции присылались в 1744 г. от наших послов и резидентов в Саксонии и Польше (граф Кейзенлинг и резидент Голембиевский из Варшавы), в Париже (Кантемир), в Лондоне (кн. Кантемир и кн. Щербатов), Вене (Ланчинский), Голландии (гр. Головкин), Дании (Корф). Экстракт из Англии датирован 7 февраля 1744 г.[11] Эти документы учитывались при составлении русского церемониала. Сам печатный экземпляр церемониала 1744 года на русском языке и печатный и рукописные фрагменты на французском языке более позднего времени находятся в деле 10 «Церемониалы приемов иностранных послов при русском императорском дворе» из РГИА.

Однако наибольший интерес представляет подборка документов, составляющая дело 8 «Проект церемониала для приема иностранных послов при российском императорском дворе» (около 300 л.). В нем находятся 8 фрагментов первоначального проекта церемониала с редакторской правкой, судя по почеркам, нескольких лиц. Среди русских текстов имеется также церемониал и правка на французском языке, вероятно, связанные с работой над проектом гр. Ф.Санти.

Кроме черновых фрагментов текста, в деле имеется два перечня вставок в проект – один содержит 48 вставок на русском с указанием страниц, к которым эти вставки сделаны, другой – 71 вставку на французском языке[12]. Кому именно принадлежит правка в отредактированных фрагментах, за отсутствием подписей установить сложно, если вообще возможно. Особый интерес в деле 8 представляет наиболее полный рукописный текст «Проекта» церемониала на русском языке на листах 46-82 об., в котором на полях выписаны варианты этикетных норм

нескольких дворов Европы. Называется документ: «Проект церемониала о том, что имеет наблюдаемо быть при послах чужестранных государей, при здешнем императорском российском дворе находящихся». В дальнейшем этот документ будет именоваться первым проектом церемониала 1744 года или проектом из дела 8 из РГИА.

Еще один любопытный фрагмент дела 8 – выписки о правилах присутствия послов первого ранга и министров второго ранга на спектаклях придворного театра в Вене, во Франции (экстракт из реляции кн. Кантемира) и в Испании. Он озаглавлен «Ремарки, каким образом послы и министры 2 ранга при первейших европейских дворах в операх и камедиях присудствуют». В них сообщается о специальной лавке для послов, ставившейся сразу после монаршей фамилии (во Франции справа от короля – принцы, слева – послы), места без разбора, посланники – после придворных[13].

Подготовительный документ церемониала 1744 года, отложившийся в АВП РИ, является еще одним, более поздним проектом церемониала[14]. Он представляет собой копию окончательного проекта церемониала с черновой правкой, в котором относительно первоначального проекта из дела 8 из РГИА, например, изменились содержание некоторых фрагментов текста, состав частей, появилась нумерация их отдельных пунктов (совпадает с нумерацией принятого 3 апреля 1744 г. документа).

Судя по подписи в конце, этот окончательный проект был готов и подписан в две колонки шестью чинами Коллегии иностранных дел следующим образом: «У подлинного церемониала подписано тако: граф Алексей Бестужев-Рюмин, Иван Юрьев, Исак Веселовский, Андреян Неплюев, обер-церемониймейстер граф Санти, церемониймейстер Федор Веселовский». Судя по всему, именно эти лица активно готовили документ и редактировали первоначальный проект из дела из РГИА. Вслед за подписями стоит дата: 11 марта 1744 г. Далее следует приписка, которая гласит: «Таков проект церемониала для поднесения Ея императорскому величеству отослан при писме Его

сиятельства господина вице-канцлера к Ивану Антоновичу Черкасову в 12 день того ж марта», то есть окончательный проект был представлен Елизавете Петровне управляющим Кабинетом е.и.в. И.А.Черкасовым после 12 марта 1744 г. Запись на поле в начале окончательного проекта гласит: «На подлинном подписано Ея императорского величества рукою тако: Быть по сему. В 3 день апреля 1744 г.»

В окончательном проекте из АВП РИ имеется правка в виде вычеркнутых фрагментов основного текста, исправленных слов и внесенных дополнений в виде слов и предложений. С учетом этой правки, а также имеющихся в этом окончательном проекте, но убранных в принятом в дальнейшем документе пометок на полях об обычаях других дворов (NB), текст дела из АВП РИ совпадает с конфирмованным императрицей и позже опубликованным документом 1744 г. В связи с этим встает вопрос о характере правки – делалась ли она при ознакомлении с проектом императрицы и с ее участием, или же Елизавете Петровне был представлен чистовик с этого проекта, еще раз отредактированный перед подачей монархине, что могли сделать А.И.Черкасов или служители коллегии – составители проекта. Этот вопрос остается без ответа.

Два имеющихся проекта – первый из дела 8 из РГАДА и окончательный из дела 1572 из АВП РИ, а также конфирмованный документ позволяют представить ход подготовки русского церемониала 1744 года и выявить, что особенно интересовало его составителей.

По своей структуре проекты и итоговый документ имели несколько «частей». Часть первая, без специального названия, касалась этикетных правил следования послов от русской границы до столицы (во втором проекте и принятом акте часть делилась на пункты 1-15). В первом проекте эта часть включала также текст о приватной аудиенции послов, устраиваемой до публичного въезда, который в окончательном проекте 2 и принятом акте был выделен в специальную вторую часть «О приватной или партикулярной аудиенции посла без публичного въезда» (пункты 16-30). Следующая часть, то есть вторая в

первом проекте и соответственно третья в двух последующих документах (пункты 31-55), называлась «О публичном въезде послов». Далее следовала часть «О публичной аудиенции послов», которая была третьей в первом проекте и четвертой во втором проекте и акте 1744 г. (пункты 56-87). Заключительная четвертая часть в первом проекте, и она же пятая часть в последних двух документах «О визитах посольских» (пункты 88-95), была посвящена этикету взаимных визитов, наносимых послом, его супругой и высшими чинами империи после публичной аудиенции. Наконец, все документы завершали правила «Об отпускной аудиенции», не составлявшие самостоятельный раздел (пункты 96-98).

Созданный в России документ должен был дать России европейскую форму дипломатического приема. И действительно, оба проекта церемониала показывают, что при его создании широко использовался опыт европейских дворов, как, впрочем, и некоторые русские обычаи начала XVIII века. Так, рукописный текст первого проекта из РГИА имеет выписанные на полях варианты этикетных норм нескольких дворов Европы. Такого рода указания на полях являются комментариями к 47-ми пунктам проекта. В этих 47-ми комментариях имеется 77 ссылок на обычаи европейских дворов, то есть одно положение проекта могло сопровождаться указанием на нормы одного или нескольких дворов – французского, английского, венского и др.

С какой частотностью составители документа апеллировали к нормам тех или иных стран? Среди 77-ми вынесенных на поля вариантов больше всего указаний – 29 – на французский этикет, затем идет двор римско-имперский – 12 ссылок, испанский – 11, шведский – 7, английский – 6, прусский – 3 и по 1 ссылке на германские земли и Данию. Дважды указывалось, что норма принадлежит ко «всем дворам Европы». Кроме этого, приведен конфликт, случившийся в Португалии с французским послом[15]. Среди отсылок есть и 4, относящиеся к прецедентам российского двора времени Петра I и Анны Иоанновны. Они касались приема британского посла Ч.Витвера в

1710 г., маркиза Ботты, представлявшего Вену (римско-имперский посол с 1739 г.) и француза маркиза де Шетарди (прибыл в Россию в 1740 г.). Помимо этого составители дали на полях проекта 17 указаний, обычаю какого двора соответствует прописанная норма русского этикета: «Употребление двора аглинского», «Употребление двора французского» и т.д. Из этих 17 отсылок относились к французскому двору 8 норм, к двору Священной Римской империи – 6, по 1 – к английскому и шведскому и 1 указание «ко всем дворам Европы». Данные ремарки показывают, что в основу начального проекта не был положен документ какой-либо одной страны (например, этикет цесарского двора). Проект разрабатывался с использованием одновременно образцов всех ведущих стран. То есть анализировался весь опыт Европы, но брали то, что было удобно именно для России. Иными словами, в рамках европейского церемониального языка создавали свой вариант для России.

Окончательный проект, подготовленный для представления Елизавете Петровне, имел на полях комментарии к 43 сюжетам текста относительно прецедентов конкретных дворов европейских (к 40 сюжетам) и несколько русских (3). Кроме этого, имелось несколько поясняющих этикетные нормы комментариев без указания источника. 40 комментариев, отсылающие к опыту иностранных дворов, содержали сведения о 94 нормах конкретных дворов. Из них 34 касались двора королевской Франции, 17 – венского римско-имперского, 15 – Испании, 9 – Англии, 6 – Швеции, 3 – Дании и по 1 – Португалии, Пруссии и «северных дворов». 4 отсылки относились ко «всем дворам» Европы. В 4-х русских были указания на 6 случаев времени Петра I, Екатерины I и Анны Иоанновны. По своему содержанию ряд комментариев окончательного проекта был отличен от комментариев проекта предварительного, другие их повторяли[16].

Что же получилось в итоге? Каким был текст принятого церемониала и его обсуждавшиеся при разработке моменты? Принятый 3 апреля 1744 г. церемониал имел, как отмечалось

выше, 5 частей и 98 пунктов. Для более конкретного рассмотрения возьмем части 1-ю и 4-ю.

Первая часть определяла этикет прибытия посла в страну и императорскую резиденцию. В ее 15-ти пунктах оговаривались, что при отправлении каким-либо государем своего посла в Россию, он, посол, уведомляет об этом российских министров или лиц двора (п. 1), требует подорожной от российской границы до резиденции, сообщая сведения о своей свите (2), а также договаривается о подводах за плату с министрами, губернатором или комендантом (3). Сведения о свите дипломата, полученные на границе, губернатор или комендант передают в Иностранную коллегию (4), затем они направляют к послу обер-офицера с инструкцией о следовании до русской столицы (5). Посольский экипаж при этом на таможне не осматривается и с посла не взимаются пошлины за провозимое имущество (6). Квартиры по дороге до столицы посол оплачивает сам, но «для чести» на них посылается караул из сержанта с капралом и 12 гренадерами или солдатами. Губернатор или комендант отдают послу первый визит, после которого следует контр-визит посла (7). Других церемоний – встреч, пушечной пальбы и иного – до города-резиденции не проводится (8).

Следующие пункты первой части подробно освещали порядок визитов посла и контр-визитов официальных лиц в столице империи. Прибывший посол первым делом должен был уведомить о прибытии через своего секретаря или дворянина посольства канцлера, вице-канцлера и обер-церемониймейстера. В ответ на квартире посла выставлялся караул из 12 гренадеров при сержанте и капрале, посла поздравляли с прибытием, и обер-церемониймейстер наносил ему визит (9). Далее следовало несколько видов визитов. Во-первых, посол, договорившись о времени, наносил визит канцлеру и вице-канцлеру и отдавал копию своего «кредитива» (10). Что касается «формальных» визитов канцлеру и вице-канцлеру, а также ответного контр-визита вице-канцлера, то их следовало наносить только после аудиенции у императорской фамилии. При визитах церемониал предписывал соблюдать равенство посла и рус-

ских чинов, что предполагало равномерное словесное обращение друг к другу с употреблением титула превосходительства, требование давать у себя в доме «правую руку и первое место» визитеру, встречать у дверей передней камеры, провожать до кареты и ждать ее отъезда (11).

После визитов к главам Иностранной коллегии посол извещал о своем прибытии высшие военные, статские и придворные чины империи, получал от них в ответ поздравления с прибытием через их дворян и служителей, а после аудиенции во дворце – и визиты. При этом визиты персон первых двух рангов должна была предварять договоренность обер-церемониймейстера с послом о том, что у него в доме они получат «правую руку и первое место и взаимный титул превосходительства» (12). Если же посол не уведомлял какое-либо лицо о своем прибытии, то ему не следовало поздравлять посла и отдавать ему визит (13). В ответ на визиты русских высоких персон следовали контрвизиты посла (14), а через несколько дней после аудиенции он отдавал визит и обер-церемониймейстеру (15).

Относительно всех этих действий при разработке церемониала предлагалось рассмотреть некоторые варианты норм. В предварительном проекте из дела 8 из РГИА первая часть содержала 3 отсылки на употребление предлагаемой нормы при иностранных дворах (указания, откуда взята норма) и 5 замечаний-вариантов, в том числе и о конфликте в Португалии. Первая ссылка касалась почестей, оказываемых послу, при приеме в городах на пути от границы до резиденции (пункты 7 и 8). В первом проекте это положение предполагало многочисленные церемонии – в первом пограничном пункте предлагалось выстраивать полки в строй по улицам вдоль шествия посла до его дома, караул выставлять в 50 человек солдат со знаменем для отдания послу чести. Также предлагалось отправлять кареты на встречу за город для посла и его свиты, у квартиры приветствовать и во всех случаях отдавать честь ружьем. В военных городах вплоть до столицы при въезде посла предлагалось палить из 33, а при отъезде – из 21 пушки, и т.д. В Лифляндии, по старым обычаям городов, магистраты посыла-

ли для встречи депутации, мещанские роты на лошадях выполняли свои церемонии и т.д.

Все это при рассмотрении документа было упрощено, и как следует из заметок на полях, упрощения делались по образцу большинства западноевропейских дворов. К имеющемуся в первом «Проекте» замечании, что – «NB: во Франции обыкновенно принимают посла без всякой церемонии в городех, чрез которые он едет», в окончательном проекте появились на полях замечания, что при императорском дворе следовали послы от границы в столицу также без всяких церемоний, в Англии из пушек не стреляют и встреч не устраивают, и что во Франции прежде принимали без церемоний, но в последнее время иногда стреляют из пушек. Кроме этого, в окончательном проекте на полях было оговорено, что послы платят за свои подводы, если нет договоров с их дворами о подводах «без заплаты»[17].

Об извещениях и визитах из пунктов 9 и 10 в проектах отмечалось, что извещение послом канцлера и вице-канцлера «есть употребление двора французского». Относительно первого визита посла к чинам коллегии в обоих проектах имелось на полях указание на конфликт в Португалии. Кроме этого, в окончательном варианте появились дополнительные ссылки на обычаи французского двора, при котором посол отдавал первый визит штатскому секретарю, и Испании, в которой посол сначала приезжал к штатскому секретарю в штатскую канцелярию и отдавал там копию с верительной грамоты, а после публичного въезда ему же отдавал свой первый визит[18].

В окончательном варианте проекта против пункта 11 о взаимных визитах указано на полях, что во Франции посол отдает каждому министру визит на дому, при этом правила вежливости требуют от посла принимать министра у кареты, давать ему правую руку, провожать до кареты и ждать ее отъезда, друг друга посол и министр именуют превосходительствами. Однако при визитах в доме короля министры провожают посла только до сеней. То же делается и в Испании[19]. Все это вошло в русский церемониал.

Другие положения были отклонены. Так, отсутствуют в окончательном варианте проекта и в самом принятом церемониале имевшиеся первоначально поздравления посла от императрицы и великого князя. В первом «Проекте» о них записано, что после донесения от канцлера ее величеству о приезде посла, она посылает к прибывшему дипломату с поздравлением обер-церемониймейстера; а великий князь шлет поздравление через одного из своих придворных. При определении формы визита обер-церемониймейстера к послу после приезда последнего в первом «Проекте» имеется ссылка на испанский двор, оговаривающая, что в доме посла «интродуктор посольской принят бывает у дверей первой антикаморы и посол ему дает правую руку и первое место». В окончательном варианте проекта эта нормы была не зафиксирована, хотя сам приезд обер-церемониймейстера к послу оговорен в пункте 9.

Визиты были изучаемы русской стороной особенно внимательно. В первом «Проекте» при указании на равенство чести первых русских господ и посла (п. 12) прямо говорится, что послы иногда упрямятся в отдании чести приезжающим к ним с визитом. К этому пункту в обоих проектах имеется комментарий со ссылкой на Англию, где «посол принужден дать в своем доме правую руку всем лордом, которые к нему приезжают». Это замечание не противоречило предложенной русской норме. Еще один комментарий о взаимных визитах посла и знатных русских затрагивал краткие в окончательной правке пункты 13 и 14, которые в проектах, однако, имели более пространный текст с широким объяснением. Так, в первом «Проекте» отмечается, что русские генералитет и главные господа могут себя уволить от визита (после обсылки) к послу до аудиенции, если посол сам не нанес им первого визита. Посол же должен каждому обратно отдать визит. Как пояснила это положение заметка NB: «В Швеции послы, отдав свой первый визит господам сенаторам, получают от них обратно: но сенаторы обратного визита никогда не отдают министрам 2 класса» (о министрах второго класса русский церемониал умолчал). Во втором окончательном проекте в NB указывалось, что отдача

посылки и визита русской стороной только после уведомлений посла и его обязательные контр-визиты являются употреблением бывшего римско-императорского двора, и сейчас при всех дворах чинится. Наконец, к 15-му пункту о визите посла к обер-церемонийммейстеру после аудиенции в первом «Проекте» имелось замечание, что эта норма употребляется при дворах французском и английском, в окончательном варианте к ним добавился и двор испанский[20].

В окончательном проекте появился новый комментарий со ссылкой на иностранные дворы в том, что касается караула. К пункту 9 против отправления на столичную квартиру посла 12-ти гренадеров при сержанте и капрале указано, что этот вопрос представляется на высочайшее решение императрицы, так как по реляциям русских послов, караулы при европейских дворах не выставляются нигде, кроме Дании, да и при датском дворе посылается только 2 рядовых с гауптвахты[21]. В окончательном варианте императрица караул оставила, отказавшись таким образом от норм Европы.

Насколько важны были положения первой части для новой дипломатической практики? Представляется, что для России они были совершенно необходимы и обращались не только к европейским дипломатам, но и к русскому придворному обществу. В допетровской России иноземные дипломаты не общались самостоятельно с русской элитой и никаких визитов в Москве первым чинам не наносилось. В начале XVIII столетия при появлении в русском высшем обществе «людкости» общение не обрело сразу каких-либо установленных правил. Поэтому документ 1744 года предписывал изменить старую норму и показывал русским господам первых рангов, как следует себя вести при контактах с иноземцами. Новые положение важны были и для иностранных дипломатов, так как позволяли избежать возможных конфликтов. То, что такие конфликты, основанные на разных правилах общения старомосковского и западноевропейского общества, были, хорошо показывает мемуаристика начала XVIII века. Так, Ю.Юль, прибыв в 1709 г. по пути в Петербург в Нарву, после приезда в город генерала-

адмирала Ф.М.Апраксина как посланник по «нормам вежливости, принятой между людьми, умеющими общаться в свете», уведомил его о своем прибытии, а затем сидел дома, ожидая первого визита русского адмирала. Визита не последовало, и сам Юль вынужден был отправиться к Апраксину вопреки всем европейским нормам. В более сложной ситуации оказался ганноверский посланник Х.-Ф.Вебер. Прибыв в 1713 г. в Петербург, он начал наносить обычные визиты русской знати. Сначала, имея приглашение, Вебер явился на пир к адмиралу Ф.М.Апраксину, но от офицера, охранявшего вход в залу, получил грубый отказ («меня пренагло вытолкали вниз по лестнице») и только через знакомых смог попасть в собрание. Затем, при нанесении визитов вежливости вельможам, первый же боярин долго держал его на морозе, а потом не впустил в дом, заявив, что так как у гостя нет дела к нему, то «и от тебя с ничего не желаю»; а другой просто заявил, «такой земли я не знаю, ступай к тем, к кому ты послан». Из этой учебы Х.-Ф.Вебер сделал для себя вывод, что в России нет обыкновения докладывать о себе, и зарекся не переступать порога к русским вельможам без приглашения, кроме господ министров[22]. Таким образом, церемониал 1744 года давал четкие правила поведения обеим сторонам. Актуальность их для русской стороны показывает и появившееся одновременно с введение церемониала в жизнь особое постановление от 23 апреля 1744 г. о визитах, рассчитанное на русскую элиту[23].

Теперь обратимся к 4-й части, определившей форму публичной аудиенции после публичного посольского въезда в столицу. Она касалась аудиенций у императрицы и членов императорской фамилии, которые проходили одна за другой в один день (пункты 56-87).

По утвержденному Церемониалу, императрица назначала день и час аудиенции (в NB: «употребление бывшего римско-императорского и французского дворов») и назначала комиссара для препровождения посла, которого уведомлял об этом обер-церемониймейстер (п. 56)[24]. Этот же чин сообщал послу об аудиенции и расставлял внутри резиденции монарха караул,

состоявший, во-первых, из 400 гренадеров с офицерами, стоявших по пути следования посла от парадных ворот, во-вторых, из унтер-офицеров гвардии с алебардами и, в-третьих, из стоящего в параде обычного караула Конной гвардии. В комментарии к данному тексту первоначального проекта указывалось, что «алебардиеры» являются «употреблением двора цесарского и французского»[25]. Об аудиенции (п. 57) сообщалось высшим чинам двора, обер-камергеру, обер-гофмаршалу и гофмаршалу, обер-сталмейстеру и обер-гофмейстеру, так как они готовили для церемонии богатую ливрею, экипажи и пр.

В день аудиенции комиссар и обер-церемониймейстер отправлялись за послом с кортежем из трех дворцовых карет, запряженных цугом, и в сопровождении «ливреи», бывшей ранее при публичном въезде посла (п. 58). В доме посла проходило церемониальное шествие в покои и торжественная встреча. «Ливрея» при этом шла впереди, у кареты комиссара встречали посольские дворяне, внизу у лестницы – сам посол, который давал ему правую руку и место. В апартаментах дома посол, обер-церемониймейстер и комиссар садились в равные кресла, и если посол одевал шляпу, то ее одевали и гости. После взаимных комплиментов все тем же порядком сходили с крыльца дома. Но в карете первое место (правая рука) занимает уже посол, второе – комиссар, третье – обер-церемониймейстер. Комментарий на полях, предназначенный, вероятно, для Елизаветы Петровны, разъяснил порядок мест в карете: первое и второе – на заднем сиденье справа и слева, третье и четвертое – на переднем сиденье напротив первого и второго[26]. Места при встрече и следовании в посольском доме, во дворце и в карете показывали, кто гость, а кто хозяин и на чьей территории – посла или русской стороны – происходит действо. 2-я и 3-я кареты от дворца предназначались для посольских дворян и секретаря.

Церемониальная колонна для шествия была организована по европейским правилам. «Порядок марша» состоял из 10 пунктов:

1. Два унтер-офицера (не от гвардии) верхами.

2. Карета обер-церемониймейстера цугом.

3. 6 конюхов ее и.в. верхами по два в ряд.

4. Гоф-фурьер верхом, за ним 2 скорохода и 12 лакеев ее и.в. пешие.

5. Третия карета ее и.в. цугом для дворян посольских с 2 лакеями по сторонам.

6. Вторая карета ее и.в. для секретаря посольства цугом, с 2 лакеями по сторонам.

7. Первенствующая ее и.в. карета цугом с послом, комиссаром и обер-церемониймейстером, по сторонам 2 пажа ее и.в. верхами, 2 гайдука пешие (по одному на стороне).

8. Потом следует дом Посольский, и его кареты, заложенные цугами, по их порядку, а если у посла в свите есть трубачи, то они не берут на аудиенцию труб.

9. Карета комиссара с его собственною ливреей.

10. Два унтер-офицера [не гвардии] верхами.

Из комментариев к этому порядку шествия отметим сообщение к пункту 1-му, что указанный в нем первоначально офицер с половиной деташемента Конной гвардии употребляется только при северных дворах, и комментарий к пункту 2, что при римском дворе употреблялись только два драбанта и два камер-лакея. Вследствие этих пояснений в принятом русском документе появились открывавшие шествие только два армейских унтер-офицера. К пункту 4 «Порядка марша» на полях был комментарий об употреблении во Франции в Версале кареты цугом, а в Париже – заложенной парою при отсутствии «ливреи»[27]. Последнее русской стороной учтено не было.

Особые правила в церемониале были предусмотрены для въезда на территорию дворца (п. 63). Через парадные ворота на «двор чести» из кортежа имели право въезжать только пустая карета обер-церемониймейстера и карета посла с ним самим. Все остальные участники шествия, сойдя на землю, проходили во двор пешие, сняв шляпы (NB: «этикет бывшего римско-императорского двора...»). При этом караул отдавал честь по-

слу, порядок чего был скрупулезно расписан: солдаты ставили ружье на караул, рейтары стояли с обнаженными палашами, барабаны били аппель или позыв, знамена были распущены, а офицеры пехотной гвардии отдавали честь шляпами без уклонения эспонтонов (сабель); офицеры Конной гвардии отдавали честь шпагою. По комментарию на полях при новом венском и французском дворах барабаны уже не били, что для России учтено не было, и по правилам этих же дворов, если посол одевал шляпу, то это же делал и комиссар («NB»). При шествии во дворе от кареты посол следовал между обер-церемониймейстером и комиссаром со своим посольским сопровождением, секретарь нес верительную («верющую») грамоту (п. 64)[28].

Во дворце в комнату ожидания (залу посольскую) посол следовал через апартаменты, у которых все двери были отворены. По пути его встречали придворные чины по нарастающей их социального положения: во дворе – церемониймейстер и камер-юнкер, у крыльца – один камергер, на крыльце у сенных дверей – гофмаршал, в камере ожидания один из знатнейших придворных – обер-гофмаршал, обер-гофмейстер, обер-шталмейстер или обер-егермейстер (пункты 66-67). В «обжидательной каморе» посол находился то время, в течение которого обер-церемониймейстер докладывал императрице о его прибытии и получал указание о приеме. Затем он вел посла на аудиенцию через аванзалы дворца. Впереди шли посольские дворяне, за ними – церемониймейстер, камер-юнкер и камергер, между ними гофмаршал, далее обер-церемониймейстер, комиссар и позади всех – посол. За ним шли секретарь с верующей грамотой и ливрея (п. 68). В аудиенц-залу «ливрея» не входила, дворяне останавливались посреди залы, где посол делал второй поклон, и далее не шли (п. 72).

В аудиенц-зале ее величество принимала посла, стоя на своем императорском престоле-помосте со ступенями одна (более на престоле никто не стоял). Канцлер и вице-канцлер находились справа у трона, позади от них в некотором расстоянии обер-гофмейстерина, статс-дамы, фрейлины и другие дамы в линию, слева от трона располагались придворные кава-

леры (ими являлись в XVIII веке высшие придворные чины до камер-юнкера включительно) и особы первых классов по рангам (п. 73). В комментарии к этому пункту, являющемуся одним из ключевых, были даны примеры презентации монарха на аудиенциях дворов Священной Римской империи, Англии, Испании, Швеции и Франции. При этом указывалось, что сидя, монархи принимали только восточных послов и что эта норма присутствует в Англии, Швеции и во Франции, тогда как при имперском дворе и в Испании монархи стоят, как это было теперь принято и в России. По церемониалу, в залу аудиенций посол входил без шляпы и оную не надевал (по установлениям Петра Великого), отдавал три обычных поклона (пункты 74-76). К этому фрагменту даны в комментариях отсылки на русские аудиенции, а именно: англичанина Витворта 1710 г., поляка Хоментовского 1720 г. и шведа Цедеркреца 1725 г., которые не надевали шляп, так как и головы монархов не были покрыты; а также на приемы двора Анны Иоанновны, когда монархиня была в короне, а дипломаты в шляпах[29].

По церемониалу, далее посол всходил на трон-помост, где произносил речь, кланяясь при именах ее величества и своего государя, и отдавал ее величеству грамоту, которую та передавала подошедшему канцлеру или вице-канцлеру. Далее этот чин, именем ее величества, говорит ответную речь, находясь на троне и только «на российском языке»! Вопрос языка в XVIII веке был крайне важен. Единых норм еще не было. В имперской практике могли использовать латынь, в Испании – испанский, и т.д. Во Франции и в России международным считался французский язык[30]. Так было при большом дворе. При аудиенциях при малом дворе Петра Федоровича, герцога Голштинского, в употреблении был и язык немецкий. Использование русского языка в церемониале 1744 года, таким образом, было важным моментом национального самоутверждения. Однако при Екатерине II в ходу вновь был французский, и если только иностранный посол или посланник использовали свой родной язык (например, английский, как лорд Букингем), то ответ произносился на русском[31]. По церемониалу 1744 года в

завершение аудиенции посол представлял дворян и секретаря своей свиты, императрица жаловала их к руке (знак милости), и посол, спиной к двери, уходил с тремя поклонами (п. 77).

Далее он находится в посольской комнате, откуда совершал визиты к великим князю и княгине, шествуя со свитой, как и на аудиенцию к императрице (в комментариях отмечается, что в Испании и во Франции приемы у принца Астурийского и дофина проходили, как и у короля). При аудиенциях у наследника трона и его супруги в России посла принимали в парадных залах или больших кабинетах стоя и без шляп. Роль трона при этом у князя играли ковер и стол; на приеме у великой княгини упоминалось кресло. Кавалеры свиты великого князя также приветствуют посла на территории его апартаментов. У ее высочества присутствует малый двор – гоф-дама, гофмейстер, фрейлины и кавалеры. За территорией 2-й половины, то есть личных апартаментов их высочеств, посла «принимал» для сопровождения гофмаршал императрицы. Сопровождал посла обер-церемониймейстер, комиссар оставался в ожидательной комнате. В специальном пункте русского церемониала оговаривалось, что если б в России были другие принцы и принцессы, то аудиенции устраивались бы и у них при сопровождении одного обер-церемониймейстера, что соответствовало этикетам Франции, Испании и Англии (п. 84).

Возвращается домой посол с теми же церемониями, с которыми был принят (п. 85). В NB описано, как во Франции интродуктор провожает посла до его дома. При других аудиенциях великого князя, поездка посла должна была совершаться тем же образом, и кроме этого для поздравлений с государственными праздниками посол посещал дворец по приглашениям. Во дворце посол не имел права передвигаться в иных помещениях, кроме как отведенных для приемов (пункты 86, 87)[32].

Таким был церемониал публичной аудиенции в акте 1744 года. В нем были расписаны действия, определены чины, набор церемониальных помещений, набор предметов, составлявших обстановку.

Представленный материал показывает, что, во-первых, русская сторона, входя в Европу, стремилась усвоить европейские (общие для мировой дипломатии) порядки в области внешней церемониальной формы. Задача изобрести или отстоять что-то оригинальное и собственное в области церемониального языка, навязав его другим странам, не ставилась. Документы показывают, что при разработке документа многое из европейских обычаев при русском дворе выяснялось и аналитически осваивалось впервые, об этом свидетельствуют многочисленные разъяснения на полях. В принятых прежде формах дипломатического этикета уже были многочисленные европейские порядки, а в силу этого от каких-то принималось решение отказаться (пример – пушечная пальба-приветствие при въезде).

При этом Россия стремилась учитывать порядки Европы в целом, то есть всех значимых европейских стран, а не какой-то одной, хотя очевидно вкусовое внимание к Франции и Священной Римской империи. В силу этого была проведена большая работа по анализу европейского международного этикета. Русская сторона заказывала и сравнивала иностранные образцы, и после этого сама выбирала нужное. В итоге она создавала свой собственный церемониал в рамках европейского церемониального языка. В этом плане создание церемониала походило на все другие действия по установлению новых чинов и церемониалов российского двора.

Примечательно, что утверждая для своей страны политический ранг империи, петербургский двор не копировал исключительно порядок Священной Римской империи, но при такого рода действиях отстаивал высокий статус своей страны. Имплицитно это было зафиксировано в форме личного «общения» русского монарха и европейских послов. Появившийся первым из документов такого рода дипломатический церемониал для послов первого ранга (с небольшими добавлениями для второго ранга) автоматически ставил страну в разряд великих держав.

---

[1] *Юзефович Л.А.* «Как в посольских обычаях ведется…». М., 1988; *Семенов И.Н.* У истоков кремлевского протокола. М., 2005.

[2] См.: *Похлебкин В.В.* Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах, фактах: справочник. Вып. 1. М., 1992. С. 202.

[3] В 1722 г. были учреждены статские чины обер-церемониймейстера и церемониймейстера и чин надворного обер-церемониймейстера, который в XVIII века пожалован не был (см.: Полное собрание законов Российской империи. Сер. I. Т. 6. №. 3890. (Далее: ПСЗ-1)).

[4] Уроженец Пьемонта, учившийся в Париже. С 1722 г. служил в России помощником обер-герольдмейстера.

[5] При Петре I представлял в России интересы герцога Мекленбургского. Умер в марте 1730 г.

[6] 1727-1741 годы Санти провел в ссылке в Сибири и вновь получил чин после возвращения ко двору при Елизавете Петровне.

[7] РГИА. Ф. 273. Оп. 1. Д. 1. Л. 77, 122-122 об.

[8] Опубликован: ПСЗ-I. Т. 12. № 8908; *Волков Н.Е.* Двор русских императоров в его прошлом и настоящем. М., 2001. С. 103-120. Печатный экземпляр см.: РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 10. Л. 1-11.

[9] Кроме послов, в дипломатической практике XVIII века действовали аккредитованные при монархе дипломаты второго ранга – посланники и полномочные министры (или министры-резиденты). О рангах см.: *Сатоу Э.* Руководство по дипломатической практике. М., 1947. С. 161-165.

[10] См.: РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 252. Л. 36, 57-66 (Краткое описание этикета с чужестранными министрами при римском императорском дворе, составлено в 1739 г.); Д. 253. Л. 7-14, 178 (Церемониал обычной при аглинском дворе для послов и других публичных министров, составлен в 1738 г.), 17–19 об. (Этикет польского двора); Д. 255. Л. 1-27 (Регламент... короля шведского, касающийся до церемонии... при принятии иностранных министров... 8 марта 1694 г.); и др.

[11] Там же. Оп. 3. Д. 798.

[12] Там же. Д. 8. Л. 44-44 об., 87-88 об.

[13] Там же. Л. 197-199 об.

[14] АВП РИ. Ф. 2. Оп. 2/1. Д. 1572. Записки и сообщения в КИД от Церемониального департамента. 1744 г. Л. 296-337.

[15] В 1724 г. французский посол потребовал, чтобы первым к нему приехал статс-секретарь, о чем не пожелал и слушать король, отправивший в результате посла назад во Францию без аудиенции.

[16] АВП РИ. Ф. 2. Оп. 2/1. Д. 1572. Л. 296-337.

[17] Там же. Л. 298, 296 об.

[18] РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 8. Л. 48; АВП РИ. Ф. 2. Оп. 2/1. Д. 1572. Л. 298 об.
[19] АВП РИ. Ф. 2. Оп. 2/1. Д. 1572. Л. 299.
[20] РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 8. Л. 49 об.-50; АВП РИ. Ф. 2. Оп. 2/1. Д. 1572. Л. 299 об.-300.
[21] АВП РИ. Ф. 2. Оп. 2/1. Д. 1572. Л. 298.
[22] *Юль Ю.* Записки датского посланника Юста Юля в России при Петре Великом, 1709-1711 гг. // Лавры Полтавы. М., 2000. С. 57-58; *Вебер Х-Ф.* Записки // Русский архив. 1872. Стб. 1063-1065.
[23] АВП РИ. Ф. 2. Оп. 2/1. Д. 1572. Л. 208-208 об.
[24] Там же. Л. 316 об.-317.
[25] РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 8. Л. 66 об.
[26] АВП РИ. Ф. 2. Оп. 2/1. Д. 1572. Л. 320.
[27] Там же. Л. 320-320 об.
[28] Там же. Л. 321 об., 322 об.-323.
[29] Там же. Л. 325 об.-326.
[30] *Сатоу Э.* Указ. соч. С. 96.
[31] История дипломатии. М., 1959. Т. 1. С. 370.
[32] АВП РИ. Ф. 2. Оп. 2/1. Д. 1572. Л. 332 об.-333 об.

Казакова О.Ю.

ХРОНОТОП АМЕРИКИ В РУССКОМ ОБЩЕСТВЕННОМ МНЕНИИ В 1850-1860-е гг.*

Идея статьи возникла при изучении представлений русского общества о США в 1850-1860-е годы. В этот период четко фиксируются колебания интереса к американской проблематике, выражающиеся в количестве, объеме и уровне текстовых источников по теме. Конечно, у историка возникает искушение связать их с политическими, социокультурными процессами в России и США (чередованием либеральной и консервативной фаз правления Александра II, общественным подъемом на рубеже десятилетий, Гражданской войной 1861-1865 гг. и пр.). Однако традиционные детерминанты порой не дают исчерпывающих объяснений.

В условиях современного типа коммуникаций, характерного для европейской и российской европеизированной общественности второй половины XIX века, периодическая печать являлась важным каналом создания и трансляции образов Других (инокультурных представлений). Пресса, особенно ежедневная, более зависима от кратковременной конъюнктуры (событий, настроений аудитории, моды, способов и скорости передачи новостей и распространения тиража), чем от длительных социокультурных изменений.

Исследование американской темы в общественном мнении пореформенной России приводит к мысли о влиянии пространственно-временных параметров потока новостей из США на восприятие Нового Света. В выбранный период произошли

* Публикация подготовлена при финансовом содействии гранта Президента РФ на поддержку молодых российских ученых и ведущих научных школ № НШ–3040.2006.6. Ведущая школа академика Н.Н.Болховитинова «Северная Америка и ее отношения с Россией».

революционные изменения средств связи с США – неоднократные попытки установки телеграфного сообщения дважды (в 1858 и 1866 гг.) увенчались успехом. Эта эпопея вызвала значительный общественный резонанс, позволяющий определить сущность и значение пространственно-временных параметров восприятия Америки, а также выявить конкретные изменения информационного поля американской темы, повлиявшие на формально-содержательные аспекты инокультурных представлений русского общества.

Неразрывность пространства и времени находит выражение в термине «хронотоп» («времяпространство» от греч. chronos – время и topos – место). Концепция хронотопа первоначально была выдвинута в биологии и физиологии А.А.Ухтомским, обоснована в математическом естествознании на основе теории относительности. М.М.Бахтин перенес термин в литературоведение, рассматривая пространство и время не только как условия восприятия (познания), но и как его объект[1].

Концепция хронотопа весьма быстро распространилась из литературоведения и теории искусства[2] на другие области гуманитарного знания (политический хронотоп, социальный хронотоп, условный хронотоп). На наш взгляд, субъективно переживаемые взаимоотношения времени и пространства существуют в любой коммуникативной системе, в частности, диалоге культур, что позволяет нам использовать идеи Бахтина в качестве методологии данного исследования.

При наличии обширной литературы по космическому и художественному пространству и времени, обыденное их восприятие относительно мало изучено, в основном в рамках концептов «картина мира», «образ мира»[3]. Плодотворным исследованием пространственно-временных параметров картины мира с исторических позиций занимались представители школы «Анналов», особенно в период редакторства Ф.Броделя. В частности, идеи последнего о качественно различных длительностях («коротком времени» (час-неделя), конъюнктуре «среднего времени» (5-10 лет), «времени большой длительности») и

времени-пространстве получили широкое признание. В отечественной науке главная заслуга в постановке вопроса принадлежит А.Я.Гуревичу. В его классической работе «Категории средневековой культуры» пространство и время рассматриваются как основные компоненты «картины мира», подчеркиваются различия их переживания и осознания людьми разных цивилизаций.

Исходя из философско-сциентистской рефлексии, мы можем опираться на следующие тезисы:

– пространство и время, несмотря на трудность их выделения из контекста мышления и восприятия, являются базовыми элементами картины мира, культуры, человеческого опыта;

– субъективное восприятие пространства (глубины, протяженности) и времени (длительности, темпоральности) фиксируется в относительных, оценочных категориях – измеряется не километрами и часами, а обилием и разнообразием связей и отношений;

– деление временных отрезков на настоящее и прошедшее происходит при наличии между ними впечатлений, воспоминаний, событий – чем интенсивней социальная жизнь, общественная активность, событийная насыщенность, чем полнее и разнообразнее информационные потоки, тем короче временной зазор между прошлым и настоящим – социальное время ускоряется, ценность его растет;

– на обыденном уровне восприятия, характерном для повседневной коммуникации, при формировании общественного мнения о внешнем мире пространственно-временные характеристики являются условием и возможностью интерпретации объектов (стран, народов и пр.);

– единство времени и пространства, как и их ценностно-смысловая окраска, принципиально важны для раскрытия роли хронотопа в межкультурном диалоге, в частности, в восприятии Америки российской общественностью в середине XIX века;

– хронотоп как объект восприятия появляется в индивидуальном и общественном сознании при существенных измене-

ниях его параметров; в нашем примере, при радикальном сокращении времени коммуникации с Новым Светом в 1850-1860-е гг., деформации информационного поля.

Хронотоп Америки занимал особое место в картине мира европейца. По мере расширения территориальной экспансии человека зрело субъективное восприятие огромности мира. Историки, прежде всего, представители «школы «Анналов», давно заметили мировоззренческое значение Нового Света[4]. В частности, Рене Ремон в работе о восприятии США французами в первой половине XIX века говорит о «психологической дистанции» и факторах ее уменьшения или увеличения. Согласно его выводам, интерес и рост информированности общества сокращают эту дистанцию, как произошло, например, при открытии золота в Калифорнии в конце 1840-х гг.[5] В дальнейшем ускорение коммуникации с Новым Светом, упрощение информационного обмена с ним стимулировали субъективное ощущение сужающегося мира, наглядно иллюстрируя тезис Бахтина о том, что «пространство осмысливается и измеряется временем»[6].

Знакомство с Америкой повлияло не только на знания о размере Земли, на восприятие относительных категорий «далеко» – «близко», на переживание глубины пространства, но и на представления о границах цивилизации, о социокультурной идентичности. Изучение исторической перспективы диалога культур показывает, что восприятие темпоральности и протяженности имело важный ценностно-идентификационный компонент. В характеристике оппозиции «свое – чужое» центральной считается категория пространства, дихотомия внутреннего (культурного) и внешнего пространства признается важной универсалией любой культуры. Представления «свое – чужое» объединялись с понятиями «близкое» – «далекое», таким образом, «чужие» всегда оказывались удалены в пространстве[7].

В новое и новейшее время с усложнением социальной организации, многообразием международных контактов представления о «чужом» (Другом) как о «далеком» стали дифференцированными и опосредованными. Если в массовом созна-

нии данная особенность восприятия продолжала легко и прочно отливаться в этнические стереотипы, предубеждения, предрассудки, то культурная элита оформляла ее в сложные, полифонические образы. Например, в изучаемый период экзистенциальное переживание Америки как чужого, «того света» выразительно передано в произведениях Ф.М.Достоевского[8]. То есть США, несмотря на историческую преемственность, этнокультурную идентичность и обилие социально-экономических связей с Европой, в хронотопных характеристиках рассматривались как чуждый, далекий мир. По утверждению либерального публициста А.А.Краевского, «мы, обитатели Старого Света, во многих случаях решительно не в состоянии видеть в истинном свете события, совершающиеся у наших антиподов... Самая отдаленность... значительно ослабляет интерес, который возбуждают в нас в гораздо сильнейшей степени события, хотя далеко не столь важные, но более близкие нам и собственным нашим интересам»[9].

В середине XIX века революционные изменения в системе коммуникаций, на глазах одного поколения преобразившие облик европейского общества, обострили восприятие пространственно-временной удаленности Америки. Создание телеграфной сети и информационных агентств ускорило обмен новостями в Европе, образовав единое информационное поле сопредельных стран. Открытие в 1850 г. доступа к телеграфу для частных лиц произвело настоящий переворот на рынке информации[10]. Благодаря железным дорогам и совершенствованию почтового сообщения, периферия активно приобщалась к культурным стандартам столиц, в том числе в отношении интереса к внешнему миру. В 1852 г. установлено регулярное телеграфное сообщение между Петербургом и Москвой, а в 1854 г. вступила в строй линия между Петербургом и Варшавой, продолженная затем до прусской границы и соединенная с западноевропейской телеграфной сетью. Таким образом, российское общество стремительно вошло в общеевропейское информационное поле.

Современники осознавали важность и новизну телеграфной коммуникации. «Нет ничего приятнее, чем получать телеграфические известия о важнейших событиях Европы, – писал обозреватель газеты“Русский инвалид”. – Это род вседневного торжества человеческого ума, которого высокая изобретательность уничтожила время и расстояние, так что мы, находясь за тысячи верст от места происшествия, как бы присутствуем там и участвуем в ходе дел»[11]. Между тем средства связи с Новым Светом не изменились: самые быстрые пароходы доставляли известия из США за 10-14 дней, что по меркам новых стандартов информационного обмена могло казаться вечностью.

Недовольство запаздыванием новостей из-за океана связано не только с модернизацией средств коммуникации, но и со значением, которое современники придавали научно-техническим инновациям. Общество XIX столетия – периода промышленного переворота и господства позитивизма – сделало открытия и изобретения идолами современности, мерилом и глашатаем прогресса цивилизации. Апофеозом технического оптимизма поколения стали Всемирные выставки – гимн величию и созидательной мощи Человека. С одной стороны, общество ожидало и легко усваивало инновации, с другой – окрашивало изобретения радужным спектром эмоций, чувств, смыслов, ценностей – со слов очевидца, «муза служила кумиру пользы», объектами поэтического любования стали пар, электричество, станки, телеграфный кабель. Большой популярностью в Старом Свете пользовались сенсимонистские идеи глобального человечества, единство и синхронное развитие которого должно обеспечиваться общемировой системой коммуникаций – интернациональными дорогами, Панамским и Суэцким каналами, межконтинентальными средствами общения и обмена. Разумеется, с данных мировоззренческих позиций традиционный способ связи с Новым Светом воспринимался современниками как архаичный, а океан – как досадное, хотя и временное, препятствие на пути прогресса и мировой интеграции.

Нетерпеливое ожидание изменения хронотопа Америки обуславливалось и зарождавшейся современной концепцией средств массовой информации. Трансформация способов коммуникации в Европе стимулировала развитие новых форм их эксплуатации: появились информационные агентства и ежедневная печать, жившая регулярностью и свежестью новостей. По договору о разделе сфер интересов агентство Рейтер контролировало британский рынок информации (особенно, став партнером лондонской «Таймс») и монополизировало транзит сведений из США, получаемых с прибывающих кораблей. В критических случаях – Гражданская война, дело «Трента»[12] (1861) – у английских берегов курсировал передвижной телеграф, встречавший трансатлантические суда еще в океане.

Главный партнер Рейтера на континенте, французское агентство Гавас, упрекало его: «Вы мне присылаете слишком много новостей из Северной Америки. Большинство этих новостей мало интересны для газет»[13]. Гавас произвольно опускал три четверти получаемых американских депеш. Покровительство агентству Наполеона III обеспечивало его экспансию на другие страны континента, в т.ч. в России. «Санкт-Петербургские ведомости» критиковали американские материалы Гавас за «радикальное и даже отчасти презрительное непонимание всего заграничного»[14].

Отечественным изданиям иногда приходилось извиняться перед читателями за качество оперативной информации. Например, недоразумения возникли с телеграфным сообщением о битве при Манассасе (Булл-Ране) 21 июля 1861 г. «Русский инвалид» подчеркивал, что «телеграфические известия американского происхождения при поверке их позднейшими сведениями теряют значительную долю своего веса, а иногда даже разлетаются в пух»[15]. «Северная пчела», сообщая новость, сделала оговорку: «Мы приглашаем наших читателей не верить цифрам телеграфических депеш из Америки: служители телеграфных станций в Вашингтоне, Балтиморе и Нью-Йорке гораздо более убивают сепаратистов, чем соединенная армия генералов Паттерсона, МакКлелана и Мак-Дауэла»[16]. «Совре-

менная летопись» оценила известие как чрезвычайно важное, но сомнительное, «так как оно получено через посредство заведения Рейтера, которого депеши оказываются нередко очень неверными»[17]. Несмотря на критику и попытки нарушить сложившуюся монополию[18], российская пресса с 1855 по 1866 г. составляла колонку «телеграфических депеш» по материалам из США агентств Рейтера и Гаваса. Когда в 1866 г. К.В.Трубников организовал Русское телеграфное агентство, бюллетени которого выходили по 2-3 раза в день и обходились редакциям дешевле, количество телеграмм на страницах газет заметно возросло.

Существовавшие до середины 1850-х гг. немногочисленные газеты помимо официальной части (правительственные распоряжения, назначения, награды) заполнялись письмами, перепечатками из других изданий, туристическими заметками, научно-популярными статьями. Информационная (новостная) концепция периодических изданий была в новинку для российских издателей и читателей. Например, «Северная пчела», старейшая и долгое время единственная частная газета России, не смогла включиться в гонку за новостями. В 1856 г. один из ее корреспондентов, побывав в США, с недоумением воспринял ажиотаж вокруг свежей информации: «Глядя на лихорадочное состояние болезненно дрожащего ситизена (гражданина. – *О.К.*), в котором он распечатывал или хватал новую телеграфическую депешу, не раз думал я, что это любопытство дано ему как кара небесная за ослушание, за неповиновение. Из чего они только по пустому беснуются?»[19] Спустя несколько лет «Северная пчела» закрылась, уступив в борьбе за читателя газетам современного типа.

Главными козырями обновленной ежедневной прессы стали актуальность и информативность, измерявшиеся скоростью передачи телеграмм, их обилием и тематическим разнообразием. Важность телеграфа как оперативного средства информации проявилась в издании вечерних выпусков, печатавших телеграммы, поступившие в течение дня, а также в переходе ведущих газет в вечерний формат[20]. Современники признавали

востребованность и перспективность новых изданий, но критически оценивали их как деградацию журналистики. Например, сатирический листок «Заноза» иронизировал: «Все неспособные создать что-нибудь собственное ломают себе спины и головы над длинными столбцами больших политических газет... Маленькая газета живет умом, большая – телеграфическими депешами»[21].

А.А.Краевский, владелец знаменитого журнала «Отечественные записки» и газеты «Голос», рекомендовал читателям обращаться именно к «Голосу», способному удовлетворить их жизненно важные информационные потребности[22]. Ф.М.Достоевский, сотрудник журналов «Время» и «Эпоха», оспаривал мнение Краевского: «Дело в деле, а не в одном факте ежедневности... Можно подозревать, что почтенный издатель "Голоса" принимает за жизненность еще и то, что он печатает в "Голосе" телеграммы и имеет способ уведомлять *прежде* всех о случившихся вчерашний день фактах». По мнению Федора Михайловича, важно не то, кто скорее сообщит, но *как* и *что* скажет: «Дело не в телеграммах и не в раздроблении по листам и не в одной скорости, не в одной поспешности передачи известий. Известие-то всегда есть, да что передать-то о нем – вот затруднение!» На этот случай Достоевский рекомендовал читать журналы[23]. Тем не менее, Краевский верно почувствовал общественную конъюнктуру – очень скоро его «Голос» достиг рекордных для России тиражей, а некоторые журналы были преобразованы в газеты – «Сын Отечества», «Журнал министерства внутренних дел» (газета «Северная почта»), «Русская беседа» (газета «День»).

Появившиеся в середине века телеграфные агентства фактически создали новый стиль журналистики. К тому моменту сложилось две системы периодики: англо-саксонская и континентальная. Первая рассматривала газеты как средства массовой информации, вторая возлагала на них идейно-идеологические, мировоззренческие, мобилизационные функции. «У англичанина любопытство серьезное, а не поверхностное, не легонькое, не французское, не девичье, словом, политическое,

а не общительное любопытство, выражаемое словом "information", переводимое не иначе, как целым оборотом "желание быть уведомленным" – описывал ситуацию русский очевидец. – Он (англичанин. – *О.К.*) читает газету, как целуют женщину»[24].

За образец континентальной системы периодики можно взять французские газеты, наследницы революционно-пропагандистских листков XVIII века. Неслучайно за ними закрепились названия «пресса мнений», «пресса общественного мнения», «большая пресса». Однако в изучаемый период различия двух систем периодики сглаживались: на континенте явственно прослеживается тенденция создания информационной, так называемой «малой прессы», отказавшейся от мнения, политической ориентации в пользу популярности, гигантского тиража. Известный журналист эпохи Жюль Валле писал о «стипльчезе новостей», закружившем газеты, специалисты по истории прессы отмечают характерное для нее «безумное преследование события»[25].

В нашей стране идейными и интеллектуальными кормильцами общества являлись т.н. «толстые» журналы, а ведомственные и университетские газеты находились на периферии читательского внимания, существуя за счет обязательной подписки казенными учреждениями. Российская газета медленно двигалась к формату средства массовой информации, предпочитая почетную роль «прессы мнений», невозможную, однако, для нее по цензурным условиям. По свидетельству современника, «газеты не играли еще (большой. – *О.К.*) роли, и молодежь в особенности сравнительно мало интересовалась газетами, интерес к которым возрастал только в случае войны, крупных судебных процессов или террористических покушений»[26]. Событийная (новостная) концепция ежедневной прессы сложилась на глазах изучаемого нами поколения.

Ф.Бродель в программной работе «История и общественные науки. Историческая длительность» связал темпоральность со структурными изменениями внутри периода, соотнеся событийность с «коротким временем». Он считал кратковре-

менность наиболее капризной, наиболее обманчивой из всех форм длительности, в фундаментальном труде «Средиземноморье и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II» отозвался о событии как о *«пене истории»*. Бродель подчеркивал многозначность понятия «событие»: «Я бы ограничил его значение тем, что происходит в сжатые промежутки времени... Заметим, что газетные хроники или журналы наряду с большими событиями, называемыми историческими, описывают незначительные события повседневной жизни: пожар, железнодорожную катастрофу, цены на зерно, преступление, театральную премьеру, наводнение». Ежедневный формат газет заставлял их придерживаться обезличенного и простого стиля изложения, обратной стороной которого становилось утрата понимания процессов в калейдоскопе событий. Сформировавшаяся во второй половине XIX века концепция средств массовой информации, отстаивавших приоритет события, «факта» над мнением, процессом, длительностью, влияла на мировосприятие читательской аудитории, приучая ее ценить свежесть, скорость передачи известий.

Рост ценности и оперативности внешнеполитической информации для ежедневной прессы и читающей публики в ценностно-смысловом плане привел к актуализации представления о современности, «здесь-и-сейчас», что усилило восприятие информационного обмена с США как архаичного, не отвечающего новым общественным потребностям. В частности, газетчики сожалели, что при начале финансового кризиса 1857 года еще не было телеграфного кабеля, иначе Англия смогла бы предотвратить крах американских банков своими кредитами[27]. «Ах! – сокрушались они, – если бы кабель существовал в день убийства Линкольна или в час взятия Ричмонда...»[28] «С жадностью следим за ходом телеграфии, – сообщал прогрессивный еженедельник «Экономический указатель». – С удачным окончанием этого громадного дела и заморье и море должны значительно изменить свой вид и значение. Море, в особенности, приобретает от этого много безопасности и делается обыкновенной большой дорогой, окаймленной в темную ночь огнями»[29].

В зависимости от плотности информации можно говорить о различной относительной плотности времени[30]. Рассматриваемая нами ситуация наглядно подтверждает данный тезис – быстрый и интенсивный обмен сведениями между европейскими странами, действительно превратившийся в поток информации, повышал относительную плотность времени обитателей Старого Света. Тем острее ощущалось выпадение США из общего информационного поля, что привело как к ажиотажному интересу к прокладке трансатлантического телеграфного кабеля, так и к его выраженной эмоционально-ценностной окраске.

Идея строительства телеграфной линии между двумя частями света привлекла большое общественное внимание. Герцогиня де Дино, путешествуя по Европе в 1858 году, отмечала повсеместное внимание к прокладке телеграфного кабеля: «Для нас стали привычными чудеса электричества, это новое предприятие явится потрясающим событием, земля станет слишком маленькой для науки и человеческого могущества»[31]. История установления телеграфной связи растянулась на годы, она полна дерзких мечтаний и рухнувших надежд, горьких уроков и неугасимого энтузиазма. Все проекты зародились и реализовались в изучаемый нами период, разворачиваясь в законченное, полное драматических коллизий произведение со счастливым концом – пятикратные попытки установить телеграфную связь Нового Света со Старым увенчались успехом.

Планы соединения двух континентов подводным телеграфом обрели реальные перспективы, как только Ирландия получила телеграфное сообщение с Англией, а Новая Земля – с Канадой. Теперь оставалось соединить Новую Землю с Ирландией, что составляло более 3000 км. В 1856 году американец Сайрус Филд основал «Атлантическую телеграфную компанию» при технической и финансовой поддержке англичан. 6 августа 1857 г. из Ирландии отбыли нагруженные кабелем американский паровой фрегат «Ниагара» и британский «Агамемнон». Однако через пять дней кабель оборвался. Десять месяцев спустя Филд предпринял вторую попытку. Теперь суда с кабелем расходились от общей точки на середине дистан-

ции. 4 и 5 августа 1858 г. «Агамемнон» пришел в Ирландию, а «Ниагара» – к Новой Земле. В этот день связь с Америкой сократилась с двух недель до двух с половиной часов.

Новое техническое достижение было с воодушевлением воспринято современниками. Андре Зигфред, известный французский американист, писал: «В эпоху прокладки первого трансатлантического кабеля фраза классика "Наше время – самое богатое на чудеса" естественным образом утверждалась в умах. В своем идеализме, кажущимся теперь наивным, современники видели лишь человеческий прогресс, и это была хорошая вера: Мишле, как и все, верил, что Франция в XX веке объявит мир во всем мире, а Жюль Верн стал певцом этой эпохи»[32]. «Трансатлантический телеграф – это чудо, которое в эпоху, менее богатую на чудеса, взбудоражило бы воображение, – читаем в ведущей бонапартистской газете "Конституционалист". – Наш век поднялся выше поэзии и победил чародеев»[33]. «Санкт-Петербургские ведомости» в большой передовице писали о прокладке кабеля как о событии не громком, но значительном. «Неважно, в чьей голове родилась эта мысль, – подчеркивала редакция. – Радуемся, что дух человека одержал эту огромную победу над природой, радуемся, что земной шар опоясан металлической нитью на службу предприимчивости и деятельности человека»[34]. «Северная пчела» назвала прокладку «необыкновенной победой над расстоянием!». «Русский инвалид» отметил изменение временного континуума: «Теперь с установлением атлантического телеграфа известия из Америки, получаемые с пароходами, будут уже очень стары. Например, в "Times" сообщают известие из Ньюфаундленда от 27 августа, тогда как "Персия" и "Германия" привезли почту от 17-го числа»[35]. Однако 6 сентября 1858 г. информационные агентства сообщили о нарушении функционирования трансатлантического телеграфа, а 20 октября – о полном прекращении его работы. «Из Соединенных Штатов получены известия, увы! не по атлантическому телеграфу, но обыкновенным путем, с почтовыми пароходами», – сообщалось в «Московских ведомостях»[36].

Несмотря на фиаско предприятия, публика не теряла оптимизма. Известный русский журналист М.Л.Михайлов писал из Парижа: «Оставим Венеру Милосскую без рук, Notre-Dame оставим без шпиля и станем лучше строить железные дороги, пароходы, музеи, скромного вида школы, проводить тоннели и электрические телеграфы. Даже неудачи тут не так страшны: ведь атлантическая проволока будет же действовать...»[37] Значение телеграфной связи продолжало обсуждаться в средствах массовой информации. Например, газета «Северная пчела» посвятила передовицу (!) установлению телеграфного сообщения между Нью-Йорком и Сан-Франциско, как «событию, которое должно обратить на себя внимание каждого в России, как очень близкое ее экономическим интересам и находящееся в прямой связи с экономическим бытом империи». Если, рассуждал автор, связать европейскую часть страны с побережьем Тихого океана, тогда не нужен будет трансатлантический кабель и Россия окажется в центре потока новостей[38].

Действительно, после неудачи 1858 г. стали рассматриваться планы соединения Америки с Европой через Россию. В 1859 г. американец П.М.Коллинз выдвинул грандиозный проект русско-американского телеграфа через Берингов пролив. Ему удалось заинтересовать президента «Компании западных соединенных телеграфов» Х.Сибли, главного конкурента С.Филда, а также дипломатов и высокопоставленных чиновников. Под гарантии российского правительства идея Коллинза начала осуществляться, но была заброшена по инициативе американцев в связи с очередной удачной прокладкой телеграфа под Атлантикой.

В июле 1866 г. пароход «Грейт Истерн» потянул через океан новый, усовершенствованный кабель. Первая политическая телеграмма из Нью-Йорка была получена в Лондоне 19 (31) июля. По словам очевидца, «1866 год останется в памяти человечества, как год кабеля и встанет в один ряд с 1492-м (годом открытия Америки Х.Колумбом. – *О.К.*)»[39]. Теперь внимание публики привлекла не грандиозность предприятия, аналогичного четырем предыдущим попыткам, а его конкретные ре-

зультаты. Поэтому хронотоп Америки вышел на первый план восприятия современников. Многие европейские газеты опубликовали торжественную передовицу лондонской «Таймс»: «Со времени открытия Колумбом Америки не было ничего такого, что могло бы сколько-нибудь сравниться с нынешним необыкновенным расширением сферы человеческой деятельности»[40]. По оценке французских журналистов, телеграфная связь «превращает время в пустую абстракцию». Одни из них провозглашали: «Близок момент, когда ангел Апокалипсиса воскликнет: “нет больше времени!”»[41], «Океана более не существует»[42]; другие объявляли об упразднении расстояния между Старым и Новым Светом[43], радовались возможности жить в одном пространственно-временном поле с США, чувствовать пульс великой нации[44]. Газета «Весть» констатировала, что «океан не составляет более преграды для письменных сообщений между старым и новым светом»[45]. «Московские ведомости», еще недавно довольствовавшиеся депешами двух- или трехнедельной давности, теперь досадовали на семичасовую задержку сообщений из-за отсутствия телеграфной линии между Ньюфаундлендом и материком[46].

1866 год внес существенные коррективы в появление в периодической печати материалов из-за океана и, как следствие, в информационное наполнение образов Другого у читающей публики. Объективными показателями изменения американской проблематики в российской прессе в связи с модернизацией канала информации являются обеднение комментария, краткость и тематическая пестрота сообщений, временной регресс.

Обеднение комментария обусловлено тем, что редакции российских газет не чувствовали себя компетентными в современной американской ситуации. Данные исследования свидетельствуют о том, что у большинства из них не существовало цельной, последовательной позиции по отношению к Америке, прежде всего потому, что события в заокеанской республике редко затрагивали принципиальные вопросы общественной и внутриполитической жизни России. При оценке американской

действительности газеты могли высказывать разные, порой полярные мнения, не замечая противоречия. Раньше издания через день-два после депеш, полученных с трансатлантическими судами, публиковали комментарии к ним американских газет, прибывших на тех же кораблях, а также готовили дайджест европейской прессы. Теперь информационная цепочка разрывалась – разница между телеграммой и почтой из Америки составляла две недели, что лишало заокеанские сюжеты значительной доли актуальности и читательского интереса.

Из-за временной пропасти между телеграфным известием о событиях в США и адекватной реакцией на них нарушались хронология изложения американской темы и ее понимание потребителями информации. Например, 25 октября 1868 г. петербургская газета «Весть» опубликовала телеграмму о победе У.Гранта на президентских выборах, а рядом с ней заметку «по поводу вражды, разделяющей теперь американский народ в виду предстоящего выбора президента». Газета не обратила внимания на ретроспективность публикации, но воспользовалась ею для критики нестабильности, насилия и хаоса американской демократии «в назидание европейским демократам»[47]. Не имея компетентных оценок с места события, редакции либо не откликнулись на важную политическую новость о новом президенте США, либо дали отвлеченные, формальные комментарии. «Московские ведомости» в передовице упомянули о победе Гранта с целью напомнить о собственных взглядах. Они подчеркнули, что республиканская партия – национальная, то есть выступает за единство страны: «Национальная политика теперь приобретает новое и небывалое развитие как внутри, так и вне страны»[48]. «Биржевые ведомости» владельца телеграфного агентства К.В.Трубникова поместили свой комментарий в передовой статье вслед за сообщением о разливе Амударьи: «Мы убеждены, что в течение следующих трех лет Соединенные штаты будут представлять картину порядка, законности и национального достоинства. Не сомневаемся, что выбор Гранта удовлетворит всех. Он американец в полном смысле и в совершенстве знает интересы своего отечества»[49].

По сравнению с пространными аналитическими публикациями российской прессы к предыдущим президентским выборам, отклики на события ноября 1868 г. кажутся беспомощными и сухими, не соответствующими ко многому обязывающему статусу политических газет. Помня, разумеется, о росте внутриполитической реакции, снижении общественной активности в России после покушения на императора в 1866 г., специфику информационного обеспечения публикаций о США также следует учитывать при объяснении снижения качества и количества материалов по американской проблематике в русской периодике конца 1860-х годов.

Краткость телеграфных сообщений и тематика известий зависели от информационных агентств. Необходимость быстрой доставки новостей предписывала им лапидарность – вырабатывалась так называемая схема перевернутой пирамиды: «шапка», содержащая основную мысль, затем важные сведения, в конце детали. Телеграфный стиль требовал от редакций определенных навыков работы с корреспонденцией. Обозреватель газеты «Голос», например, не смог по иностранным телеграммам составить связного рассказа о последних сражениях Гражданской войны из-за отрывочности и хаотичности информации[50]. «Уже более трех лет, как русские, да и вообще все европейские читатели газет привыкли не находить в телеграммах, получаемых каждые две недели из Северной Америки, ничего, кроме едва ли кому-нибудь понятных и для всех одинаково скучных подробностей о ходе военных действий между северянами и их рабовладельческими противниками, – жаловался журналист “Библиотеки для чтения”. – То Шерман побивает Ли, то Ли побивает Гранта, то вдруг телеграмма напоминает нам снова о каких-то давно забытых генералах Батлере или Борегаре, и то с такой лаконичностью, как будто все мы должны помнить, в каком именно углу Соединенных Штатов упомянутые генералы пребывали со своими армиями в продолжение последних шести месяцев. К тому же сравнительно малое знакомство нашей публики с политическим, даже географическим положением Соединенных Штатов, сходство между

именами генералов и названиями местностей в обеих странах (в северных и южных штатах. – *О.К.*) – все это вместе вызывало в нашей читающей публике совершенное равнодушие к ходу нынешней американской междоусобицы»[51].

В соответствии с бюллетенями телеграфных агентств изменялся характер газетных материалов. С одной стороны, заметки в прессе становились более сжатыми; существо дела отражалось уже в первой их фразе, остальной текст только дополнял и разъяснял сказанное[52]. Телеграфные сообщения по проложенному трансатлантическому кабелю оказались дорогим удовольствием, стоили по 50 франков золотом за слово (для сравнения, дневной заработок низкооплачиваемых рабочих был в 10 раз ниже). Разумеется, информационные агентства только усилили экономию на телеграммах, провоцируя объяснимое недовольство газет. «Заметная туманность, появившаяся в последнее время в новостях из Америки, связана со многими причинами, но в первую очередь с краткостью трансатлантических телеграмм», – объяснялась с читателями редакция одной из них[53].

С другой стороны, Гавас и Рейтер считали политические и дипломатические новости самым престижным занятием для журналиста. Тем не менее, в подборках их депеш «человеческий интерес» занимал больше места, чем «дипломатическая солидность»[54]. В ведущую газетную рубрику «Телеграммы» попадало все содержимое бюллетеней информационных агентств – разносюжетные (политические, экономические, криминальные, забавные) и разнокалиберные (важнейшие государственные и международные события соседствовали с законодательными инициативами отдельных штатов, дуэлями, происшествиями, презентациями) сообщения, которые ранее разносились редакциями по страницам и отделам. Американский писатель Г.Торо задолго до 1866 г. предвидел специфику межконтинентального информационного обмена: «Мы очень спешим с сооружением магнитного телеграфа между штатами Мэн и Техас; ну, а что если Мэну и Техасу нечего сообщить друг другу?.. Мы стремимся прорыть туннель под Атлантиче-

ским океаном и на несколько недель сократить путь от Старого Света к Новому; но первой вестью, которая достигнет жадного слуха Америки, может оказаться весть о коклюше принцессы Аделаиды»[55]. Действительно, первые телеграммы из-за океана, опубликованные всеми европейскими газетами, сообщали рядовые новости о допущении депутатов штата Теннеси в конгресс и расовых столкновениях в Новом Орлеане. Издания сами признавали незначительность известий, но печатали их с ремаркой «получено через трансатлантический кабель»: «Ее (телеграммы. – *О.К.*) содержание не представляет ничего важного, но разве сам факт депеши не является настоящим чудом? Нью-Йорк теперь лишь в нескольких часах от Парижа, тогда как на прошлой неделе он был в десяти днях пути»[56]. Обилие разнообразных сведений о сегодняшнем дне США создавало иллюзию одновременности и сопричастности жизни Старого и Нового Света, новости из-за океана органично вливались в ординарный повседневных поток информации, окружавшей европейцев, что на уровне межкультурной коммуникации снимало как хронотопные характеристики удаленности США, так и ценностно-идентификационную оппозицию «свой – чужой».

Для русских наблюдателей начало работы межконтинентального телеграфа создало эффект темпоральной регрессии хронотопа Америки. Теперь Петербург получал новости из Нью-Йорка на 12 дней быстрее, всего с двухдневным астрономическим опозданием, но из-за разницы летосчисления – на 10 дней раньше даты события.

Динамика новостного обеспечения американской темы на страницах российских газет

Событие в США	Дата события (н. ст.)	Дата публикации известия о событии с. ст. / и. ст.	Разница (в днях)	
			Фактическая	Психологическая
Президентские выборы	31 октября 1852	14 ноября / 26 ноября	26	14

Событие в США	Дата события (н. ст.)	Дата публикации известия о событии с. ст. / н. ст.	Разница (в днях)	
			Фактическая	Психологическая
Президентские выборы	4 ноября 1856	14 ноября / 26 ноября	22	10
Установка телеграфного сообщения с Европой	**5 августа 1858**	**5 августа / 17 августа**	**12**	**0**
Восстание Джона Брауна	17 октября 1859	18 октября / 30 октября	13	1
Президентские выборы	6 ноября 1860	8 ноября / 20 ноября	14	2
Сражение при Булл-Ране	21 июля 1861	25 июля / 6 августа	16	4
Прокламация А.Линкольна об освобождении рабов	1 января 1863	5 января / 17 января	16	4
Сражение при Геттисбурге	1-3 июля 1863	5 июля / 17 июля	14	2
Президентские выборы	8 ноября 1864	10 ноября / 22 ноября	14	2
Убийство А.Линкольна	14 апреля 1865	15 апреля / 27 апреля	13	1
Установка телеграфного сообщения с Европой	**27 июля 1866**	**18 июля / 30 июля**	**3**	**-9**
Покупка Аляски у России	30 марта 1867	20 марта / 1 апреля	2	-10
Президентские выборы	3 ноября 1868	24 октября / 5 ноября	2	-10

США и Западная Европа существовали в единой системе датировки, и потому наглядно представляли и яснее осознавали запаздывание новостей. В частности, комментируя известие

об убийстве А.Линкольна (1865), всколыхнувшее общественное мнение, пресса Лондона, Парижа, Берлина указывала, что в США уже давно проведены полагающиеся по этому случаю траурные мероприятия, о которых читателям Старого Света только предстоит узнать. В случае заранее известной даты значительного события за океаном европейские средства массовой информации пытались сгладить временную разницу. Например, парижская газета «Пресса» написала через неделю после президентских выборов 1864 г. и за неделю до получения известия о них, что «выборы президента американской республики уже свершившийся факт»[57]. Ее коллега, газета «Родина» вышла со статьей «Президентские выборы» на следующий день (9 ноября 1864) после их проведения в США. Разумеется, при отсутствии сведений о событии (прибывших через две недели) рассуждения редакции были гипотетическими, а фразеологические обороты, времена глаголов – странными: «Сегодня должны состояться выборы президента... но возможно они не состоятся. 8 ноября (сегодня для автора статьи, но уже вчера для читателя номера. – *О.К.*) мы увидим в Америке печальный спектакль»[58]. Установление телеграфного сообщения позволило Европе и США обмениваться информацией день в день, ощущать одновременность происходящего.

Россия XIX века продолжала жить по старому стилю. Конечно, всякий грамотный человек знал о двенадцатидневной разнице летосчисления. Однако, будучи погружен в российскую действительность, окруженный повседневной жизнью с привычной датировкой, он воспринимал ее автоматически. В газетах отмечается хаотичная датировка телеграфных депеш из США. Как правило, указывалась дата по новому стилю, в скобках – по старому. Но зачастую редакторы произвольно выбирали очередность дат. Примечательно, например, сообщение «Русского инвалида» о победе А.Линкольна на выборах 1860 года. Читатель, открыв 8 ноября свежую газету, узнавал, что получена депеша из Лондона от 7 (19) ноября (вчера – *О.К.*), посланная из Нью-Йорка 7 ноября (26 октября) (вчера?! – *О.К.*). После 1866 года для русских потребителей внеш-

неполитической информации произошел временной регресс, так как американские события «убежали» из актуального для них времени вперед, к общеевропейскому летосчислению. Первая телеграмма по случаю прокладки подводного кабеля сообщала: «В Петербург телеграфируют из Нью-Йорка от 3 августа, то есть от пятницы 22 июля (по трансатлантическому канату), что в Новом Орлеане произошли волнения»[59]. Согласно Бахтину, хронотоп в сознании воспроизводит пространственно-временную картину мира не прямо, он не отображает время и пространство, а рисует их условный образ[60]. Эффект темпоральной регрессии являлся, на наш взгляд, одним из неосознаваемых факторов «психологической дистанции» между русской публикой и США.

На основе изучения общественного мнения об Америке, выражаемого и формируемого периодической печатью, можно сделать следующие выводы и предположения.

1. Сокращение времени передачи информации сняло для Европы барьер общения с США, но не упразднило (из-за невосполнимого разрыва информационной цепочки, чреватого утратой интереса и понимания заокеанской действительности, из-за темпоральной регрессии) психологическую дистанцию для русских наблюдателей.

2. Время американских событий не только «убежало» к европейскому. Благодаря телеграфу и информационным агентствам новости из-за океана сообщались теперь одновременно и вместе с европейскими. Как следствие, образ Америки лишался экзотизма, рассматриваемого специалистами в двух планах – как пространственный (внимание к далеким странам) и временной, обусловленный наличием хронологической дистанции между объектом восприятия и воспринимающей общностью[61]. Территориальная удаленность заокеанской республики объективно не изменилась с введением телеграфа, но с точки зрения ее восприятия она сократилась, соответственно повлияв на универсальную культурную оппозицию «свой – чужой». Несмотря на то, что США граничили с Россией с востока, она воспринимала их (и продолжает воспринимать до сих

пор) с запада, объединяя, непроизвольно и осознанно, в единую западную цивилизацию. Как известно, американская цивилизация строила свою идентичность на основе эмансипации от Европы, закрепившейся в языковых конструкциях Старого и Нового Света. Между тем, возникший с введением межконтинентального телеграфа информационный поток объективно способствовал включению США в пространственно-временной континуум западноевропейских стран, становясь призмой восприятия и формирования инокультурных представлений.

3. Одновременное с научно-техническими достижениями изменение потребительских требований к информации, формирование концепции средств массовой информации усиливали значение пространственно-временных параметров известий из-за океана для формирования представлений о США. По правилам, выработанным англосаксонской прессой, информационное сообщение должно содержать ответы на пять вопросов: кто? что? где? когда? почему?[62]. Два из пяти вопросов предполагали пространственно-временные характеристики события. Согласно Бахтину, «сюжетные события в хронотопе конкретизуются, обрастают плотью, наполняются кровью». Однако «событие не становится образом. Хронотоп же дает существенную почву для показа-изображения событий»[63].

4. На данный момент трудно однозначно определить характер и направление изменения хронотопа Америки для русской публики в 1850-1860-е гг., однако очевидно, что в данный период он был замечен, воспринят отечественными наблюдателями, вышел из социально-психологического бессознательного под свет общественного мнения. Бахтин различал хронотопы по степени эмоционально-ценностной интенсивности. Если рассматривать восприятие Америки с момента ее открытия, то на 1850-1860-е гг. придется второй пик интенсивности хронотопа Америки в коллективном сознании, картине мира европейцев.

5. Хронотоп Америки участвовал в формировании образности, переживался в аксиологических, моральных, эстетических категориях. С точки зрения современной социальной психоло-

гии и истории культуры очевидно, что в человеческом восприятии пространство и время связаны с материальными объектами и, одновременно, с цивилизационными, архетипическими представлениями о смысле, темпе, ритме витальности, ценности времени. М.Хайдеггер предложил несколько типов пространственности (и, соответственно, темпоральности, длительности), в числе которых пространство науки и связанной с ним техники отличается от пространства повседневного поведения и общения или условного пространства искусства[64]. В Новое время, когда сущностными явлениями сделались науки и машинная техника и мир стал представляться как картина, которую человек имеет перед собой, ответ на вопрос о хронотопе межкультурного общения как видоизмененной форме объективного физического или космического пространства, казался безусловно утвердительным. Картина мира человека XIX столетия целиком находилась во власти ньютоновской модели абсолютных времени и пространства. Ее особенностью является полная оторванность времени и пространства от материальных объектов. Отсюда появились выражения «занять место», «покорить пространство», отражающие антропоцентрические ценности. То есть универсальные психологические закономерности восприятия времени и пространства не признавались, не осознавались современниками. Однако в откликах на изменение способа коммуникации с США в 1850-1860-е гг. без труда выявляются оценочные суждения о хронотопе Америки. То есть прокладка телеграфа дала повод вербализировать подспудно существовавшие представления, которые пока воспринимались как художественная метафора, а не характеристика социальной реальности и межкультурного диалога. Ярким примером служат размышления общественного деятеля и писателя В.Ф.Одоевского о перспективах совершенствования коммуникаций до точки, когда «путешествие вокруг всего земного шара можно будет совершить... ужас! в течение *одиннадцати* дней!». Одоевский ссылается на знаменитого политэкономиста Мишеля Шевалье, большого поклонника США. «В этой стране быстрота сообщений, удобство переноситься из

места в место уничтожили все различия в нравах, в образе жизни, в одежде, в устройстве дома и... в понятиях (когда они не касаются личных выгод каждого); оттого для жителей этой страны нет ничего нового, любопытного, нет ничего привлекательного... Кажется, что может быть лучше такого состояния? Но умный Шевалье с похвальной откровенностью признается, что полное следствие такой полезной, удобной и расчетливой жизни – есть *тоска неодолимая, невыносимая!* – Явление в высшей степени замечательное!»[65] Впервые современники задумались о моральном значении совершенствующих средств коммуникации с Америкой, их вкладе в общественный прогресс, диалог культур.

Предпринятое исследование не претендует на методологическую глубину и можно рассматривать его результаты как частный случай. Для нас было важно показать, как существенное изменение информационного поля может влиять на инокультурное восприятие и в каких взаимосвязях характеристики поля находятся с социокультурными процессами внутри воспринимающего сообщества. Дальнейшей разработке темы препятствуют лакуны ее идейно-теоретического осмысления, неудовлетворительное состояние понятийного аппарата для описания субъективного переживания пространственно-временных условий диалога культур, проблема репрезентативной источниковой базы изучения хронотопа в исторической перспективе. В данном случае путем экстраполяции бахтинской концепции хронотопа на представления о «Другом» установлено, что пространственно-временные параметры американской темы влияли на ее образный ряд, качественное изменение хронотопных характеристик (из-за строительства трансатлантического телеграфа, формирования новостной, т.е. событийной, концепции СМИ) привело к трансформации информационного поля межкультурного общения и восприятия США.

---

[1] *Бахтин М.М.* Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Вопросы литературы и эстетики. М., 1975.

[2] *Никитина И.П.* Пространство мира и пространство искусства. М., 2001.

[3] *Панюков А.И., Панюкова Ю.Г.* Образ пространственно-временной среды как компонент образа мира // Теория и история. Красноярск, 2003. № 3.

[4] Один из основоположников школы «Анналов», Ф.Бродель рассматривал окружающую среду, прежде всего, море, как субъект истории. В его концепции море представлено историческим персонажем, активно влияющим на судьбы связанных с ним людей, на их повседневную жизнь и деятельность (*Бродель Ф.* Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. М., 2002). Ученик Броделя Пьер Шоню развил тему на примере взаимосвязей Европы с Америкой (*Chaunu P.* Séville et l'Atlantique (1504-1650). 12 vol. P., 1955-1960; *Idem.* Histoire. Science sociale. La durée, l'espace et l'homme à l'époque moderne. P., 1983).

[5] *Remon R.* Les Etats-Unis devant l'opinion française. P., 1962. Vol. I. P. 172.

[6] *Бахтин М.М.* Указ. соч. С. 234.

[7] *Лучицкая С.И.* Образ Другого: опыт типологии // Вестник РГНФ. 2000. № 1. С. 76.

[8] Высокая частотность топонима Америки и производных от него словоформ (около 90) свидетельствует о его особом хронотопическом статусе в системе художественного мира писателя (Образ Америки в художественной космологии Ф.Достоевского (к постановке проблемы) // gheist.narod.ru/amerika.htm)

[9] Голос. 1864. 4 (16) марта.

[10] Le Dictionnaire du Second Empire. P., 1995. P. 1057.

[11] Русский инвалид. 1861. 30 апреля.

[12] В ноябре 1861 г. судно северян остановило британский пароход «Трент», на котором в Европу отправлялись эмиссары мятежного Юга, и задержало их. Это едва не привело к войне США с Англией и Францией. – *прим. ред.*

[13] *Palmer M.* Des petits journaux aux grandes agences. Naissance du journalisme moderne. P., 1983. P. 111.

[14] Санкт-Петербургские ведомости. 1856. № 60.

[15] Русский инвалид. 1861. 27 июля.

[16] Северная пчела. 1861. 25 июля.

[17] Современная летопись. 1861. № 30. С.12.

[18] «Поггенполю, благодаря его официальным связям, удалось образовать (со значительными казенными субсидиями) новое предприятие "Agence telegraphique", имевшее целью поставить нас в неко-

торую независимость от телеграфного агентства Рейтера. Он стал издавать "Correspondance" litographice, но не долго». (*Тернер Ф.Г.* Воспоминания жизни. СПб., 1910. С. 17).

19 *Каменский П.* О журналистике в Америке // Северная пчела. 1856. 26 ноября.

20 М.Н.Катков писал в анонсе на 1863 год: «Газета будет выходить не утром, как было до сих пор, а пополудни, около пяти часов – это даст возможность представить самые свежие новости и не отстать в этом от петербургских – то, что появится в Петербурге по телеграфу до 2-х часов пополудни, появится в «Московских ведомостях» тем же днем». (Московские ведомости. 1862. 25 ноября).

21 Заноза. 1864. № 5.

22 Цит. по: *Достоевский Ф.М.* Каламбуры в жизни и в литературе // Полное собрание сочинений. Л., 1980. Т. 20. С. 139-140.

23 Там же. С. 142-143. Редакционную политику А.А.Краевского Достоевский описал в сатирическом рассказе «Крокодил». (Юмор серьезных писателей. М., 1990. С. 38-43).

24 *Каменский П.* Указ. соч.

25 *Bellet R.* Histoire de la presse sous le Second Empire. P., 1967. P. 265.

26 Газета «Русские ведомости», 1863-1913. М., 1913. С. 71.

27 La Patrie. 1858. 14 août.

28 *Frédérix P.* Un siècle de chasse aux nouvelles, de l'Agence d'information Havas à l'agence france-presse (1835-1957). P., 1959. P. 93.

29 Экономический указатель. 1857. № 27.

30 *Земан И.* Познание и информация. М., 1966. С. 202.

31 *Dino, de, duchesse.* Chronique de 1831 à 1862. P., 1911. Vol. IV. P. 280.

32 Préface par André Siedfried // *Frédérix P.* Un siècle de chasse aux nouvelles, de l'Agence d'information Havas à l'agence france-presse (1835-1957). P., 1959. P. 7.

33 Cité: Ibid. P. 66.

34 Санкт-Петербургские ведомости. 1858. 6 августа.

35 Северная пчела. 1858. 6 авг.; Русский инвалид. 1858. 27 августа.

36 Московские ведомости. 1858. 13 сентября.

37 *Михайлов М.Л.* Парижские письма // Сочинения. М., 1958. Т. 3. С. 69.

38 Северная пчела. 1861. 18 ноября.

39 Le Siucle. 1866. 3 août.

40 Санкт-Петербургские ведомости. 1858. 5 августа.

41 La Patrie. 1856. 14 octobre.

[42] Le Constitutionnel. 1866. 31 juillet.
[43] L'avenir national. 1866. 29 juillet, 2 août.
[44] Le Temps. 1866. 29 juillet.
[45] Весть. 1866. 24 июля.
[46] Московские ведомости. 1866. 26 июля.
[47] Весть. 1868. 25 октября.
[48] Московские ведомости. 1868. 27 мая.
[49] Биржевые ведомости. 1868. 26 октября.
[50] Голос. 1865. 11 (23) апреля.
[51] Новое государство Британская Америка // Библиотека для чтения. 1865. Кн. 1-2, № 3-4. С. 52.
[52] *Березина В.Г.* Газеты 1860-х годов // Очерки по истории русской журналистики и критики. Т. 2: Вторая половина XIX века. Л., 1965. С. 58.
[53] Le Constitutionnel. 1867. 22 mars.
[54] *Palmer M.* Op. cit. P.1 36.
[55] *Николюкин А.Н.* Взаимосвязи литератур России и США. Тургенев, Толстой, Достоевский и Америка. М., 1987. С. 147.
[56] Le Journal des Débats. 1866. 30 juillet, 2 août.
[57] La Presse. 1864. 14 novembre.
[58] Ibid. 9 novembre.
[59] Московские ведомости. 1866. 26 июля.
[60] *Бахтин М.М.* Указ. соч. С. 121-122.
[61] *Jourda P.* L'exotisme dans la litterature française depuis Chateaubriand. Genève, 1970. Vol. I. P. 11-12.
[62] *Wolgensinger.* L'histoire à la Une, la grande aventure de la presse. P., 1989. P. 56.
[63] *Бахтин М.М.* Указ. соч. С. 403.
[64] См. подробнее: *Никитина И.П.* Указ. соч.
[65] *Одоевский В. Ф.* Русские ночи. Л., 1975. С. 36.

Стрижкова Н.А.

ПЕРСПЕКТИВЫ МИРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ В 1918-1924 гг. В ПРЕДСТАВЛЕНИИ ЖУРНАЛИСТА Д.И.ЗАСЛАВСКОГО (по материалам дневника)

«Представление об иных этносах, странах, культурах – неотъемлемая важная составляющая национального самосознания…»[1] В последнее десятилетие проблема восприятия внешнего мира, формирования внешнеполитических стереотипов становится все более актуальной в области гуманитарных исследований, вышло рад монографий и статей, посвященных этой проблематике[2].

События, произошедшие в России и в мире в начале XX в., способствовали возрастанию в массовом сознании интереса к политическим вопросам, вызывали желание по-новому взглянуть на место России в мире, особенно в период революции и гражданской войны. Наиболее полноценно и достоверно восприятие человеком тех или иных событий в стране и мире отражают источники личного происхождения, наибольшую ценность среди которых представляют дневники.

В Российском государственном архиве литературы и искусства хранится малоизвестный и практически не введенный в научный оборот дневник Д.И.Заславского, охватывающий наиболее трагический период российской истории – 1917-1936 гг.

Давид Иосифович Заславский – известный советский журналист и публицист, один из ведущих сотрудников главного печатного органа в СССР – газеты «Правда». В советское время он зарекомендовал себя как непримиримый защитник традиций Октябрьской революции и столп сталинизма. Начав с фельетонов, Заславский постепенно стал одним из главных политических обозревателей «Правды», отражавшим в своих

статьях генеральную линию партии. Из-под его пера выходили самые яркие и хлесткие статьи о мировой политической ситуации. «акулах мирового империализма», поджигателях новой войны, сам он называл себя «хорошее перо Сталина». Но влиятельнейшим партийный функционером и идеологом советской власти Заславский стал не сразу.

В период революции и гражданской войны, вслед за многими своими современниками, Давид Иосифович воспринял приход к власти большевиков как исторический абсурд[3]. Мечтающий о революции в России, он оценивал происходящие события как очередной азиатский бунт русского народа. Революция застает его в Киеве, и там, активно сотрудничая в качестве журналиста в либеральной газете «День», он пытается разобраться и дать оценку окружающей его действительности. Свидетельством эволюции его политической позиции является дневник, который он вел почти ежедневно с 1917 по 1924 г.

Записи Заславского отражают происходящие в стране, во всем многообразии их проявления, процессы, которые автор, несмотря на царивший вокруг хаос, старался осмыслять и оценивать в контексте всей русской и мировой истории. В своем дневнике он размышляет не столько над революцией, сколько о глубинных причинах, ее вызвавших и о перспективах развития государства при установившемся режиме.

В первые годы советской власти одним из центральных лозунгов большевиков и главным ориентиром внутренней и внешней политики был призыв к мировой революции. Этот лозунг привлекал в их ряды радикально настроенных революционеров и с негодованием воспринимался либерально-демократической интеллигенцией. Так, в своих дневниках историки Московского университета Ю.В.Готье и С.Б.Веселовский оценивают ориентацию большевиков на мировую революцию как подлое предательство, в котором нет ни государственного, ни национального смысла[4]. Схожие мысли и оценки можно найти и в дневнике М.М.Пришвина: «люди, живущие с постоянным ощущением конца, жаждой коллективно умереть во имя “новой” религии под названием коммунизм, в основе мировоззре-

ния которых, отсутствует какая-либо созидательная идея, могут привести страну только в пропасть. В их деятельности не может быть ни государственного, ни правового, ни национального смысла»[5].

Давид Иосифович Заславский размышлял над перспективами мировой революции в более широком смысле, пытаясь соотнести события, происходящие в России, с ходом мировой истории. Он стремился понять, является ли русская революция и большевизм явлением, которое навсегда вычеркнет страну из числа мировых держав и остановит ее развитие, или всему этому есть объяснения в общемировых политических процессах и русский народ сопричастен общему ходу истории[6]. Ответы на эти вопросы были для него необходимы для приобретения собственной политической позиции, формирования отношения к новой советской действительности, определения своего места в ней.

Заславский внимательно следит за событиями, происходящими в мире, сопоставляет их с российской действительностью. Именно это сопоставление позволяло ему постигать действительность в более глубоком историософском смысле.

Новости о мировых политических процессах поступали в революционный Киев нерегулярно, искаженные цензурой, или в форме слухов, поэтому его рассуждения строились в основном на предположениях, догадках, а их исследование позволяет определить стереотипы русского человека в восприятия истории и менталитета европейских народов в сравнении с русским.

Произошедшую в России революцию Заславский, как и многие его современники, оценил как крестьянский бунт, не имеющий ничего общего с социализмом в его европейском понимании: «Какой в России социализм. Это страна бакунизма, социалистического Стеньки Разина»[7]. В 1917 г. он убежден, что большевистская власть внутри страны держится только на инертности русской интеллигенции, невежестве масс, которые верят в лозунг грядущего революционного похода в Европу. Сам же он воспринимал этот лозунг двояко. С одной

стороны, он видел, как и многие, в этой идее основной обман большевиков, внушающих невежественному народу безумную фанатичную веру. Но, с другой стороны, отмечал верный стратегический шаг большевистской власти, использующей фантастическую идею для интегрирования в мировой исторический процесс. Поэтому появляется в его дневнике странная в контексте общей критики большевиков фраза о том, что Ленин «реалист и националист. Его политика глубоко национальна»[8].

Предпосылки к этой интеграции в мировое революционное движение Заславский видит отнюдь не в силе революционных масс в России, возглавляемых большевиками. Русский пролетариат он воспринимает только как аморфную взбунтовавшуюся толпу, не имеющую никакой политической и гражданской позиции: «Русских большевиков, т.е. попросту дикарей в средней Европе нет»[9]. Предпосылки существуют в глубоком политическом и социальном кризисе, которым охвачены почти все мировые державы после Первой мировой войны. Во всех странах Европы социалистическое движение с его лозунгом социальной справедливости и либеральных свобод, сливаясь с националистическими движениями, стоящими на защите национальных интересов, создают взрывоопасную предреволюционную ситуацию: «Ошибается, кто к Европе пытается приложить русский аршин, но ошибается и тот, кто в России видит исключение. Россия – классическая страна бунта, но бунтарские элементы имеются и в Польше, и в Австрии, и в Италии, и во Франции – и по-своему в Англии и Соединенных Штатах. Полосы анархизма вообще миру не миновать»[10].

Революционной России Заславский отводит роль искры, которая способна взорвать эту «бочку с горючей смесью». Большевики, по его мнению, вклинившись своими лозунгами социальной справедливости в раздираемое противоречиями и проблемами послевоенное мировое политическое пространство, смогут участвовать тем самым в общем историческом процессе, привлекать внимание к себе как к новой политической силе в Европе и поддерживать внимание к Советской России со стороны европейских государств: «Неужели мы здесь идем

навстречу восстанию? Если оно вспыхнет и увлечет немецких солдат – ведь это мыслимо, то большевизм станет мировой проблемой. Европа действительно взлетит вверх ногами»[11].

Сложную политическую ситуацию Заславский отмечает во всей Европе, в 1917-1918 гг. он обозначает географию революционных очагов: Польша с ее сильными национал-социалистическими движениями, Болгария, Венгрия, Австрия и в большей степени Германия. Из-за цензуры он почти не получает новостей о происходящем в Европе, а только прогнозирует различные сценарии развития событий на международной арене. В 1917-1918 гг. он считал, что перспективы революции в Европе стоят в прямой зависимости от итогов мирных переговоров: «Если начнутся мирные переговоры, и если нации Западной Европы и Соединенных Штатов сохранят выдержку и спокойствие, не поддадутся жадности и чувству злобы и мести, то Ленину останется как Керенскому – сломать кий: "Сорвалось"»[12]. При таком исходе событий большевизм просуществует не больше нескольких дней. Но с большей вероятностью он предполагает подписание жесткого и провокационного мирного договора, который в очередной раз обнажит все противоречия в Европе, затронет национальные чувства и приведет в итоге к социальным революциям, начало которым положит Германия: «Но если Фош и прочие заупрямятся и бросят Германии прямо провоцирующее предложение, тогда – Гражданская война в Германии, распад ее, торжество большевизма. Но и начало сильнейшего брожения в странах согласия и в дальнейшем революция в Италии и Франции... Политики должны быть мудрее»[13].

Заславский со вниманием следит за социал-демократическим движением в Германии, отмечает силу и влияние немецкого народа в Европе, который даже в период своего унижения держит в напряжении мировые державы и идет в авангарде всемирного социалистического движения. Давид Иосифович с восхищением приветствует «умную революцию» в Германии, почти мирный переход от монархии к президентской республике во главе с Эбертом. Именно такую револю-

цию мечтала увидеть русская интеллигенция и сам Заславский в России. Тактика немецких социалистов, по его мнению, гениальна, она смогла спасти страну в кризисный период, и история «увидела первую революцию, проведенную сознательно, по программе и расчету, с талантом, но и с искусством»[14]. Заславский отмечает, что своей революцией немецкий народ превзошел в политическом таланте страны Антанты и снова стал центральной силой в Европе, потому что правительства Англии, Франции и Италии вынуждены будут во избежание революционного взрыва допустить своих социалистов в органы власти и провести социальные реформы по немецкому типу. Тогда произойдет распад единства стран Антанты, и начнутся социально-политические преобразования по всей Европе, которые закончатся Лигой народов.

Доказательством своих предположений Заславский считал Версальский мирный договор, который стал откровенным выражением страха Европы перед Германией. Несмотря на свирепость условий договора, в нем была и другая сторона, открывающая, по словам Давида Иосифовича, путь к социализму: «Международное рабочее законодательство (одна из статей мирного договора. – *Н.С.*). Это историческое явление, в котором больше социализма и революционности, чем во всей русской мужицкой революции. Организация мирового хозяйства и международного соглашения пролетариата – уже не на словах, не в программах, а в живейших его насущных интересах – это реальный шаг вперед к социализму, красноречивый симптом происходящей социальной революции»[15].

Заславский констатирует, что Европа нашла путь грамотных социальных революций, не повторив анархического пути русского народа, русская революция оказалась вчерашним днем европейской революции, повторением Парижской Коммуны и испанских фуэросов. Причину этому он видит в коренном различии уровня капиталистического развития Европы и России, политической зрелости народов: «Запад тем и отличается от России, что государство там находится в услужении капиталу (и будет находиться в зависимости от труда, что и

есть социализм). У нас капитал и труд состоят на службе огромного мужицкого государства... Не общество живет за счет рабочего, а рабочий живет за счет крестьянского общества»[16]. Английские и немецкие рабочие никогда не допустили бы разрушения государства, потому что осознают себя как его строители, их цель – это социальные преобразования, которые были проведены после войны, благодаря давлению колоссальной мощи рабочих союзов на Западе.

Таким образом, большевики оказались не в авангарде социалистического движения, а позади его. Заславский отмечает, что большевикам необходимо менять тактику, чтобы интегрироваться в мировой исторический процесс, потому что популярность социалистического движения в Европе падала. Отдельным революционным движениям, таким, как выступление «спартаковцев в Берлине, революционное брожение в Баварии», Заславский большого значения не придает. Радикальные ветви социалистических партий, по его мнению, могут быть хорошей оппозицией, но реальной силы они в Европе к 1920 г. уже не представляли, а советская Россия оказать поддержку не могла. Заславский с насмешкой отзывается о созванном Лениным конгрессе Третьего Интернационала, который прошел в Москве с целью демонстрации сильного единого социалистического фронта: «В газетах бряцающие отчеты о третьем интернационале. Немецкие коммунисты отнеслись к нему сдержанно и в отзыве немца Альберта осторожный скептицизм. Маргариновая подкладка от него не укрылась. Он подчеркивает отсутствие рабочих, фиктивность правительства. Ленин знает, однако, что делает. В истории фикция не раз сходила за истину... Лассаль придал этому искусству фальсификации романтический характер: “Нас было немного, но мы умели так хорошо рычать, что враги видели перед собой миллионы”... Значение декоративного обмана в истории»[17].

Между тем Заславский отмечает, что русский большевизм имеет определенную привлекательность и популярность в глазах европейской общественности, но этой популярности способствует его декларативное противостояние «мировому капи-

талу»; большевизм в Европе, по словам Заславского, «это синоним анти-антантизма, англофобии...»[18]. В этом прослеживаются набирающие все большую популярность в Европе националистические настроения, лозунги пересмотра статей Версальского мирного договора. Поэтому большевикам для приобретения популярности и поддержки на Западе необходимо декларировать право наций на самоопределение, восстановление государств Европы в их исторических границах. Тогда появится возможность соединиться с польскими и венгерскими националистическими партиями, поднять немецких националистов и встать во главе нового революционного движения: «Большевизм сделался не столько лозунгом социального освобождения, сколько национальной борьбы против Англии»[19].

В реализацию такого хода событий Заславский верит больше, чем в мировую социалистическую революцию. Но также он отмечает изменившиеся к началу 1920-х годов социально-политические условия в советской России, в связи с чем отношение самих большевиков к революции в Европе менялось: «Советская Россия заинтересована в революции на Западе, но только наполовину. А на другую половину она заинтересована в процветании и развитии европейского капитала. Что даст России экономически длительная война на Западе?»[20] Россия совершала переход к НЭПу, власть большевиков окрепла, начались преобразования внутри страны: «Советский коммунизм поблек, стал деловым и будничным, стал национальным по задачам, стал местным явлением»[21].

Оценивая общую политическую ситуацию в стране и мире в начале 1920-х годов, Заславский еще раз выражает одобрение верной стратегии большевиков, которые внедрялись в националистические движения в Европе, не декларируя этого, а параллельно налаживали дипломатические связи со странами Европы, с целью конструктивного сотрудничества, привлечения иностранного капитала в экономику молодого советского государства. Таким образом, большевики заручались поддержкой действующих правительств стран Европы, вливались в общий мирный ход развития послевоенного мира и не теряли

связи с набирающими силу новыми политическим движениями. Для самого Заславского этот вывод означал примирение с советской действительностью, осознание большевистской власти как окончательно установившейся, начинающей переход к государственному строительству. И в 1924 г. Заславский записал в дневнике: «Начинаю верить коммунистам... Иного пути для России все равно нет»[22].

---

1 *Голубев А.В.* «Если мир обрушится на нашу Республику»: советское общество и внешняя угроза в 1920-1940-е годы. М., 2008. С. 5.

2 *Борисов Ю.С., Голубев А.В., Сахаров А.Н.* История. Россия и Запад // Образ России. Русская культура в мировом контексте. М., 1998; Россия и Запад: Формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX века. М., 1998; Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 1. М., 2000; *Голубев А.В.* Запад глазами советского общества: (основные тенденции формирования внешнеполитических стереотипов в 30-е годах) // Отечественная история. 1996. № 1; *Замятин Д.Н.* Гуманитарная география. Пространство и язык географических образов. СПб., 2003; *Сенявская Е.С.* Образ врага в сознании участников Первой мировой войны // Россия и Европа в XIX –XX веках. Проблема взаимовосприятия народов, социумов, культур. М., 1996.

3 РГАЛИ. Ф. 2846. Оп. 1. Д. 68. С. 41.

4 *Веселовский С.Б.* Дневники, 1915-1923, 1944 // Вопросы истории. 2000. № 9. С. 121; *Готье Ю.В.* Мои заметки. М., 1997. С. 204.

5 *Пришвин М.М.* Дневник, 1918-1919. Т. 2. М., 1994. С. 74.

6 РГАЛИ. Ф. 2846. Оп. 1. Д. 68. С. 32.

7 Там же. Д. 69. С. 9.

8 Там же. Д. 67. С. 59.

9 Там же. С. 70.

10 Там же. Д. 68. С. 41.

11 Там же. С. 32.

12 Там же.

13 Там же. С. 45.

14 Там же. Д. 69. С. 9.

15 Там же. С. 55.

16 Там же. С. 65.

17 Там же. С. 43.

18 Там же. Д. 70. С. 4.

19 Там же. С. 118.

20 Там же. Д. 74. С. 2.

21 Там же. Д. 71. С. 19.

22 Там же. Д. 74. С. 13.

Леконцев О.И.

КРЕСТЬЯНСТВО И МИР В 1920-е – НАЧАЛЕ 1930-х годов (на материалах Вотской автономной области и Вятской губернии)

Вотская автономная область и Вятская губерния (в настоящее время Удмуртская Республика и Кировская область) – два региона между Волгой и Уралом, от которых даже в настоящее время тысячи километров до любой границы. Узнать о международной обстановке здесь можно только из средств массовой информации. А в межвоенную эпоху, в рамках Советского Союза, расстояние до внешних границ было куда больше, источников и объема информации куда меньше, чтобы иметь ясное представление о событиях за границей. Волго-Уральский район был типичной советской глубинкой, до которой сведения о происходящем во внешнем мире доходили далеко не всегда.

Тем не менее, население всегда интересовалось международной обстановкой, составляло о ней свое мнение и судило о ее воздействии на жизнь в СССР. Но, поскольку объем информации до населения доходил в скромных масштабах и зачастую в искаженном виде, то и представления о внешнеполитической жизни в 1920-х – начале 1930-х годов были нередко далеки от реальности. По сути, в межвоенную эпоху население судило не о действительных событиях, а об их интерпретации в советской прессе и в многочисленных слухах, доходивших до него через различные источники.

Взгляды различных социальных групп достаточно жестко разделялись. Документы 1920-1930-х годов четко показывают разницу в представлениях рабочих, крестьян, служащих и интеллигенции, а нередко разницу взглядов и внутри этих групп.

Из взглядов этих социальных групп на международную обстановку особый интерес представляют суждения крестьянст-

ва, поскольку оно являлось основной частью населения исследуемых регионов (в Вотской области в 1920-е годы оно составляло 91,6%, а в Вятской губернии – 93% всего населения[1]).

Данная тематика уже достаточно широко раскрыта в последние годы в новейшей исторической литературе. Особо следует отметить плодотворную работу научного семинара по проблемам взаимовосприятия культур, работающего в Институте российской истории РАН, который в настоящее время является ведущим в разработке данной тематики.

Хочется верить, что материалы представленной нами статьи позволят расширить картину исторического прошлого 1920-х – начала 1930-х годов.

Изучение представлений крестьянства возможно через документы советских и партийных структур тех лет, изучавших настроение населения. В первую очередь здесь можно выделить различные информационные (однодневные, недельные, двухнедельные и пр.) сводки Вотского и Вятского отделов ОГПУ, а также различного рода сводки и доклады партийных и советских органов областного и губернского уровня.

Как правило, секретные, они были достаточно правдивы, хотя и не объективны в полном масштабе – на их содержание накладывались политические, идеологические и др. взгляды составителей.

Взгляды крестьян в рамках данной статьи изучаются на протяжении двух разных периодов советской истории – новой экономической политики, развитие которой в провинции активно началось после ликвидации значительной части последствий разрухи гражданской войны и голода 1921 года (1923-1927 гг.) и коллективизации (1928-1933 гг.). Два этих периода ярко характеризуют межвоенную эпоху.

Красной нитью через крестьянские представления о международной обстановке обоих периодов проходит ожидание войны со странами Запада, причем в большинстве случаев проигравшей стороной крестьянством называется СССР. Причины же войны на отдельных этапах называются разные.

Эпоха нэпа для крестьянства была относительно спокойной. Сельское хозяйство после кризиса начала 1920-х годов, к

середине десятилетия, как в целом по стране, так и в исследуемых регионах в целом достигло дореволюционного уровня.

Политическая ситуация в это время для крестьянства также была благоприятной. Борьба в руководстве большевистской партии и советского правительства деревню не затрагивала. Единственная крупная реформа по оживлению советов, достигшая в 1925 г. максимума, в целом воздействовала на крестьянство положительно, серьезно смягчив экономическое и политическое давление государства.

Отсюда сравнительно спокойная реакция деревни на большую часть событий за границей.

Представления крестьянства о международной обстановке и взаимоотношениях стран Запада и СССР, влияния западных государств на внутреннее положение в СССР показывают, что в эти годы оно в первую очередь черпало информацию о международной политики из советской прессы. Отсюда и соответствующая ориентация представлений о международном положении.

В 1925-1926 гг. среди крестьянства распространилась информация о Китайской революции. Обсуждались и другие события, представленные на страницах печати. Так, в июне 1925 г. «в деревне Кугунур Яранского уезда на собрании крестьяне говорили, что взрыв в Софийском соборе напрасно приписывают нашим, ведь политика есть и в других странах, как была и у нас при царе»[2].

Однако информация, формирующая представления о международной обстановке, притекала не только из прессы, но и из различных неофициальных источников. Поэтому крестьянские взгляды формировались далеко не всегда в том направлении, которое было выгодно государству.

В 1923-1926 гг. в исследуемом регионе сложились устойчивые стереотипы о возможности войны (иногда речь шла даже об уже начавшейся войне) с рядом европейских стран (к ним еще иногда присоединяли Японию) после отказа СССР от их требований.

В мае 1923 г. в Вятской губернии органами ОГПУ было отмечено наличие слухов «о неизбежности войны с Англией и Польшей». А в ряде волостей Котельнического уезда говорилось и о том, что «война уже начата, Ленин сбежал из Москвы, а поэтому в скором времени будет переворот».

Характерно отношение населения к этим слухам. В сводке ОГПУ указывалось: «большинство (относится. – *О.Л.*) враждебно и отрицательно, остальная же часть населения заняла выжидательную линию в том отношении, что с развитием военных действий большевикам свернут навсегда головы и тогда по-прежнему будет хороший порядок; более же сознательное крестьянство к означенным слухам относится пассивно, считая последние умышленно пущенными враждующим классом с целью возмущения масс».

Опасность таких слухов была оценена столь высоко, что специально подчеркивалось: «Губотдел ГПУ принимает зависящие меры, вплоть до изолирования из среды населения такого элемента»[3].

В июне этого же года по Вятской губернии среди «населения деревни стали ходить упорные слухи о скором начале военных действий с Англией и Францией, которые предъявили России такие требования, что не в состоянии таковые выполнить»[4].

В январе 1925 г. в Верхне-Лекской волости Нолинского уезда, по волостям Вятского и Яранского уездов среди населения «распространяются слухи торговым элементом, что в экономическое строительство нашей Республики вмешиваются Англия, Франция и Япония, скоро объявят войну и якобы в городах ожидают приказ о мобилизации»[5].

Крестьянство относилось на протяжении десятилетия (до коллективизации) к такого рода слухам и вообще к войне негативно. В сводке Вятского отдела ОГПУ в 1925 г. снова отмечалось, что «три четверти всего населения выявляет ненависть и не желания открытия военных действий и, на случай мобилизации, откажутся воевать, ссылаясь на то, что пусть тот начинает это дело, кому дорого, для них не является обязательным.

Остальные слои населения, как деревни, так и рабочих, более сознательные, ко всем провокационным слухам относятся с недоверием и не придают никакого значения, а наоборот – выявляют полное желание и готовность на защиту Совреспублики»[6].

Таким образом, авторы или сторонники этих взглядов смотрели на международные отношения и возможную войну, в которой они не сомневались, пассивно, со стороны. Они надеялись отсидеться в своем хозяйстве, пока большевики будут воевать с Западом.

Другая группа представлений о международной обстановке и внешней политики СССР появилась в связи с развитием внутриполитической обстановки. После отхода от активной политической деятельности В.И.Ленина начинается борьба за власть в руководстве партии и правительства, в результате которой часть руководства потерпела поражение. Политические интриги на верхах напрямую не затрагивали деревню. Однако крестьянство живо реагировало на них, опасаясь, что победа той или иной политической группировки может изменить обстановку в деревне в худшую сторону. Отсюда и различные слухи.

В марте 1925 г. в Вятской губернии, по сообщениям ОГПУ, в различных уездах начали сообщать о начале войны в связи с изменениями в руководстве страны: «Мобилизуют всех до 60 лет. Троцкий вышел из партии и уехал за границу – эти слухи по Котельническому уезду. 2/ по Халтуринскому уезду: “Из Ленинграда выезжают все жители, начинается война с иностранцами, которые идут на Ленинград и Москву. Троцкий бежал”. 3/ по Слободскому уезду: “будет война, 6 царств идут на Россию. Везде учат красноармейцев, проверяют лошадей”. При чем проверку агрономами с/х инвентаря в Сочневской волости крестьяне тоже сочли приготовлением к войне. 4/ По Нолинскому уезду: “Троцкого убрали от злости потому, что он не встал на защиту рабочих, а стал защищать крестьян. Будет война с Румынией”»[7].

В январе 1925 г. «в Даревской волости Котельнического уезда распространяются слухи, что т. Троцкий сбежал заграницу и оттуда нам грозит войной»[8].

В феврале 1925 г. «по Вахрушевскому району и друг. Слободского уезда распространено, в особенности между кулаками, следующее суждение в связи с Троцким: тов. Троцкого убрали из комиссаров, а Красная армия вся на его стороне и любит Троцкого, все богатое еврейство тоже на его стороне, если он захочет, то власть распадется на двое. Надо ожидать войны»[9].

В июне 1925 г. в волостях Яранского уезда «наиболее зажиточным крестьянством поддерживается слух и толки, что на освобождении кустарей от налогов настоял тов. Троцкий»[10].

ОГПУ в этой связи делало вывод в своей сводке за вторую половину 1925 г.: «Характерно, что слухи о войне крестьянами связывается с именем Троцкого»[11].

Вместе с тем, опыт предыдущих лет показывал крестьянам, что отсидеться в стороне не удастся, деревня будет вовлечена в войну добровольно или насильственно, а в тылу их семьи испытают все «прелести» военного времени.

Крестьянство хорошо помнило события эпохи «военного коммунизма» и гражданской войны, разорение, голод, многочисленные смерти и поэтому в годы нэпа остро реагировало на события на международной арене. В большинстве крестьянских стереотипов тех лет международные события напрямую связывались с ухудшением обстановки внутри страны и, как следствие, с негативным влиянием на крестьянское хозяйство.

В Вотской области руководство Ижевского укома партии писало в отчете о работе с 1 апреля по 1 октября 1926 г.: «Дальше, все группы крестьян почти в одинаковой мере боятся войны»[12].

Вятский губотдел ОГПУ отмечал в июне 1925 г.: «Вопросы политического значения – борьба за границей, партийная жизнь представляют для крестьянского населения мало интереса. Из внешних вопросов, выходящих за рамки обыденной

жизни крестьянина, он интересуется наиболее всего вопросом о войне, как связанной с мобилизацией, реквизициями и т.д.

Так, на примере приводим запрос-суждение крестьянина Кильмезской волости Малмыжского уезда Артамона Воробьева (середняка): «а что не слыхал ли ты что насчет войны. Только ведь начинает все налаживается, а случись война, опять все насмарку»[13].

Ожидания скорой войны приводили к часто непродуманным экономическим действиям. Еще летом 1924 г. среди крестьян Вотской области распространился слух, что «скоро будет война и у них будут весь скот отбирать». Реакцией на этот панический слух явилась массовая распродажа скота[14].

В январе 1925 г. в Черновской и Круглыжской волостях Котельнического уезда «ходят слухи, что скоро будет война и на Советскую Россию пойдут все иностранные государства. Крестьяне взволнованы этим и говорят, что если будет война, то нас опять разорят»[15]. Реакцией на этот слух было сокращение крестьянских хозяйств в ряде волостей.

Постоянно циркулирующие слухи о войне, опасения реквизиций с началом военных действий приводили к тому, что крестьяне очень чутко относились ко всяким конфликтам, возникающим между СССР и иностранными государствами, видя чуть ли не в каждом начало крупномасштабной войны. В июне 1925 г. в связи с событиями в Китае крестьянство Вятской губернии опасалось, «как бы Советская республика не была вовлечена в войну»[16].

В Вотской области летом 1926 г. «последний конфликт на Восточно-Китайской железной дороге некоторыми крестьянами рассматривался как неизбежное начало военных столкновений между СССР и Китаем»[17].

Помимо ожидания войны, в годы нэпа распространялись представления и о более конкретных последствиях международных событий. В Вятской губернии в июне 1925 г. «в разных местностях за отчетный период выявлены распространяемые слухи о том, что Советское правительство скоро будет пускать в обращение николаевские бумажные деньги (Малмыжский

уезд) с целью уплаты царских долгов и что своих денег у него недостаточно и наоборот пускаются слухи, что бумажные советские деньги будут аннулироваться за исключением червонцев (Омутнинский уезд)».

Вообще, лето 1925 г. оказалось богатым на различные слухи. Сводка ОГПУ по Вятской губернии зафиксировала, в частности, следующее: «В связи с событиями в Китае и вообще международным положением СССР кулак из деревни Мироновцы Ключевской волости Котельнического уезда Кощеев говорил: "Скоро война, Соввласти конец, не останется от нее и праха, и тогда снова как лебедь выплыву на свежую воду"».

Неизвестными лицами распространяются слухи о неизбежности в ближайшее время для Совроссии войны в защиту китайских рабочих.

В районе Чистопольской волости антисоветскими элементами распространяется слух, что Соввласть распродает иностранцам прииска, заводы, земли и леса за бесценок»[18].

В Вотской области в течение нескольких следующих лет, особенно весной 1926 г., среди крестьянства снова «циркулировали слухи о предстоящей войне и о падении нашей валюты. Население некоторых деревень, возбужденное этими слухами, прибегало к продаже и обмену своих лошадей, опасаясь конской мобилизации, а также к закупке наиболее необходимых товаров (соли, спичек, керосину и т.д.). В связи с распространением слухов о падении нашей валюты, крестьяне удерживают у себя звонкую разменную монету, обменивая на нее кредитные билеты.

Эти слухи широко используется кулачеством и так, например, зажиточная часть деревни Безино (Сосновская волость) воспользовалась слухами о предстоящей войне, путем агитации воздействовала на группу крестьян, решившихся выехать на выселок, и наиболее колеблющиеся крестьяне вышли из этой группы, благодаря чему оставшаяся часть как малочисленная, потеряла право на выдел»[19].

Подобная ситуация сложилась и в Вятской губернии в следующем, 1927 г.: «Разговоры о войне ведутся на каждой зава-

линке. Усиленная закупка товаров, распродажа скота. Распространение всевозможных слухов. Вот первая реакция на последние события. Некоторые кооперативы Котельнического уезда сообщают, что за последнее время были обороты по 3 тыс. в день, в то время как в нормальное время 1-2 тыс. р. в месяц. Закупают по 20-50 пудов соли. Продажа скота идет по двум направлениям: часто продают, чтобы закупить товаров, часто (более зажиточные) из-за боязни, что с началом войны все равно отберут.

Всеми этими заготовительными настроениями воспользовались частные торговцы (в кооперативе все разобрано, идут к частнику), которые усиленно распространяют слухи, что больше товаров не будет, деньги ходить не будут, все заберут для войны». Некоторые секретари Укомов писали в этом же 1927 году: «Есть опасения, что крестьянство будет брать деньги из Сберкасс»[20].

Иногда провинциальные органы власти сообщали о снижении влияния слухов. В информационном отчете о работе за время с 9 по 10 конференции (ноябрь 1925 – октябрь 1926 г.) Вотский облисполком писал: «В некоторых районах крестьяне, уверившись в ложности слухов, сейчас заявляют: “Читая газеты, мы видим, как европейские государства всячески стараются нарушить мир. Другой раз прочтешь и думаешь – вот не сегодня-завтра будет объявлена война, а смотришь, опять по старому тихо. Будь бы такая травля при старом правительстве, оно бы давно уже объявило войну, а вот советское правительство учитывает, что война нашему брату крестьянину не выгодна и поэтому старается уладить международные конфликты”»[21].

Однако эти сообщения советских и партийных органов были скорее попыткой убедить Центр в стабильности в регионах, чем действительностью. Ухудшение международных отношений, нагнетание обстановки в советской прессе в 1927 г. привели к усилению слухов о приближающейся войне.

Руководитель Вятской пропгруппы ЦК сообщал из Вятской губернии в июле 1927 г.: «Последние события сильно вско-

лыхнули все слои деревни. Разговоры о войне ведутся на каждой завалинке»[22]. В Вотской области облисполком весной 1927 г. отмечал, что по области «ходят слухи не первый месяц о возможной войне»[23].

Следует отметить, что в условиях постоянного ожидания возможной войны многие действия местных властей на протяжении всего десятилетия представлялись как подготовка к новой войне. В феврале 1925 г. среди населения Халтуринского уезда, в Колковской и Фаленковской волостях Слободского уезда «распространился слух, что молодые допризывники 1903 г.р., взятые для прохождения Всеобуча, больше в родные дома не вернутся, т.к. со дня на день будет объявлена война – СССР будет предложено иностранными державами об уходе от власти. Эти слухи можно слышать и от беднейшего населения»[24].

В августе 1925 г. «В другой ячейке этого же (Халтуринского) уезда было решено созвать конференцию актива. На созываемую конференцию учтенным активистам были разосланы персональные повестки. Получив повестки о явке на собрание, крестьяне не поняли, в чем дело, остались в недоумении и заключили, что их будут призывать в армию ("опять война" – как выражались они сами)»[25].

Тревожное настроение наблюдалось в Ижевском уезде Вотской области летом 1926 г.: «в связи с проводимой кампанией по военизации населения и нетактичным выступлением по этому вопросу отдельных уполномоченных, доходило до того, что крестьяне заставляли выписываться из пионеротрядов своих детей»[26].

Отношение отдельных слоев крестьянства к этим слухам было неоднозначное. В 1927 г. руководитель Вятской пропагандистской группы ЦК Епифанов разделил отношение крестьян к приближающейся войне на три группы, в основном по социальному признаку:

«I. Часть бедноты, середняков и большинство молодежи настроено воинственно, – "даешь винтовку" – кричит молодежь. Середняцкая часть серьезно взвешивает и в своих высту-

плениях отмечает – достижения Соввласти, ее миролюбие, но, мол, дальше терпеть нельзя. Нужно защищаться. Один середняк очень красочно говорил: "Я 5 лет воевал за Советскую власть и если нужно, то опять пойду и всем нам крестьянам нужно идти". Часто беднота сознательно относится к предстоящей войне и готовится к ней – "нам беднякам нужно идти в первую голову". Эти настроения отмечаются и секретарями Укомов и пропагандистами.

2. Не надо воевать, нежелание войны, – это настроение идет главном образом от середняцкой чести и части бедноты. Основные доводы: а/ "Прошлая война наше хозяйство разрушила и мы вот до сих пор не восстановимся, а новая война, новая разорение", б/ "буржуазные государства сильнее нас и поэтому они нас все равно раздавят" (в связи с силой буржуазии много ходит слухов о громадных запасах газов, которых хватит на 200 милл. людей, о 200 верст. пушках и т.д.) Есть даже советы откупиться и даже ходят слухи, что "Англия требует Вологодскую и Вятскую губ., т.к., мол, ей леса нужны"; другой слух – "сейчас налог увеличат, т.к. мы хотим откупиться от Польши". Это настроение выявляется не только в частных разговорах, но и на собраниях. Например, на одном собрании в связи с англо-русским разрывом и убийством Войкова, присутствовало 200-300 чел., но когда принимали резолюции, то громадное большинство не голосовало. Есть, хотя и небольшие разговоры, о дезертирстве (особенно в лесных волостях). Есть в связи с разговорами о войне – выходы из комсомола, колебания у молодой части партийцев (Яранский, Нолинский уезды), но это ничтожное меньшинство.

3-е настроение. Это враждебное нам кулацкое, которое сейчас усиленно оживляется. Радость войны. Надежда на скорое падение советской власти. Жажда расправы и переходящие прямо в угрозу заявления, вроде: "Довольно, поездили на нашей шее, капут теперь вам", или заявляют бедноте: "Вот уйдете на войну, а мы вам здесь покажем продразверстку и налог". К этой группе относятся кулаки, часть зажиточных, духовенство и некоторые сектанты. Эта группа, например, распространя-

ет слух, что: "Царь жив и сейчас находится в Англии и она стремится опять его посадить на престол", или "Сталин и другие идущие с ним коммунисты хотят войны, а Троцкий и Зиновьев хотят мира и организуют другую партию". Разжигают враждебное отношение к рабочим – "это, мол, война все из-за них, они хотят всех ограбить и лезут не в свое дело, обещали заботиться о нас, а на самом деле набивают свои карманы". Особенную работу проявляют и евангелисты, в Шараповской волости появился агитатор из Москвы, который на собраниях доказывал, "что наши большевики хотят завладеть всей землей и если мы не прекратим это, то нас господь накажет" (лозунг – бей большевиков). Есть сведения, что все эти враждебные группы в различных уездах проявляют политическую активность, собираются на собрания, усиленно выписывает газеты. Избивают коммунистов. Затравляют бедноту. Срывают культурные мероприятия, например, в Вятском уезде, Якимовагинской волости в одной деревне переходят на широкополосицу, зажиточная часть, не довольная этой мерой, угрожала бедноте: "вот подождите, уйдете на войну, мы вашим семьям покажем широкополосицу"»[27].

Таким образом, в годы нэпа доминирующим представлением в умах крестьянства было ожидание скорой войны. Отношение к ней со стороны основных слоев деревни было отрицательным, а нередко даже паническим. Только отдельные представители зажиточного крестьянства, надеясь на возврат царских, дореволюционных порядков приветствовали такие слухи.

С началом радикальных изменений в конце 1920-х гг., которые напрямую затрагивали население, в том числе крестьянство, – «Лудорвайское дело»[28], хлебозаготовки, коллективизация, раскулачивание, общее снижение уровня жизни, недостаток продовольствия и промышленных товаров – подход к событиям международной сферы изменился. Теперь население стало связывать улучшение обстановки в СССР в целом и их жизни в частности с действиями западных стран, которые начнут войну. Если в годы нэпа военные действия связывались с разорением и смертями, то теперь в первую очередь с крахом

большевистского режима, колхозного строя и улучшения их жизни. До какого же состояния надо было довести крестьянство, если оно в своей массе стало желать войны и поражения своей страны!

И в данное время причинно-следственные связи формирования крестьянских стереотипов периодически менялись. В целом можно выделить три группы представлений, связанных с международной обстановкой, сформировавшихся в эти годы:

1. В 1928-1929 гг., когда недостаток продовольствия по сравнению с предыдущими годами был особенно ощутим, такое положение связывали с вывозом хлеба за границу и приближающейся войной. Причем на этот раз такое мнение было едино для разных слоев населения. Вятский отдел ОГПУ летом 1929 г. сообщал характерные примеры.

Двое рабочих (Илья Логунов и Илья Бурков) говорили: «Надо устроить забастовку, большевикам приходит капут. Скоро весь хлеб отправят за границу. Пока отправляют хлеб туда, так там молчат, а когда нечего будет отправлять, тогда будет война и большевикам – крышка».

Рабочий железнодорожных мастерских г. Вятки Лиханов Борис, сын служащего, на собрании говорил: «Куда вы девает хлеб, который берете с крестьян. Все за границу отправляете. У меня товарищ был в Одессе, сам видел, как хлеб на пароход грузят, а здесь мы сидим голодом»[29].

В городе Халтурине жена служащего Е.Окишева 14 июня 1929 г. в группе женщин рассуждала: «Я знаю хорошо – война будет. Куда все девалось, в самом деле»[30].

Особенно частыми такие слухи были среди крестьянства:

«Зажиточный крестьянин в беседе с соседом, по поводу проведенных им закупок пуда керосина и др. товаров, говорил в конце июля 1929 г. соседу: “Разве ты ничего не знаешь, ведь уж на западе Россия началась война и идет мобилизация, вот посмотри, скоро ничего не будет”»[31].

«Кулаки и подкулачники дер. Притес Вожгальского района Черемискин Павел и Черемискин Андрей Семеновичи, в среде крестьян середняков ведут систематическую агитацию, в конце

августа 1929 года говорили: "Скоро вспыхнет война, в кооперации и у частника ничего из промтоваров не будет, что нам крестьянам сейчас надо заблаговременно все заготовлять, что большевики осенью хлеб у трудовиков крестьян будут отбирать и отдавать его бедноте, что лишнего поля засевать не надо и т.д.", что вредно отзывается на крестьянстве. В результате крестьяне разбирают у частника и в кооперации весь неходовой товар».

В селе Средне-Ивкино толпа крестьян, настроенная кулаками, в момент выдачи дефицитных товаров, требовала у правления П/общества отчета, «почему не в достаточном количестве товаров, тогда как в других районах товаров вдоволь. Выражая недовольство, крестьяне заявляли: "Прекратили частную торговлю, а сами и табаком как следует снабжать не могут. Скорее бы война, хоть разогнали бы вас всех"»[32].

В Вотской области (Ижевский уезд) в конце зимы 1928 г. «среди крестьян в связи с дефицитом промтоваров стал сильно распространятся слух о войне. Главной причиной крестьяне нехватки товаров крестьяне связывают с началом военных действий»[33].

2. В период коллективизации начали широко появляться представления о помощи западных стран крестьянству, ликвидации колхозов при поддержке Запада. В частности, об этом говорят отдельные примеры в основном из сводок ОГПУ.

Братья Катлаковы дер. Мальцевской Зюздинского района «ведут агитацию среди населения против Советской власти, распространяя нелепые слухи, что война началась, что скоро придет и сюда и всех коммунистов и колхозников будут вешать и т.д.».

Кулак Н.М.Фоминых из дер. Сухоногово Верховского района в группе соседей рассказывал: «Скоро начнется война, это уже все знают. Тогда Советскую власть разобьют, а колхозников всех перевешают».

Поп Сарычев из села Шестакова Слободского района говорил бедняку Елькину из дер. Елькины: «Зачем вы вступаете в колхоз, всех вас Соввласть на пайке там оставит. Раньше при

царе не было колхозов, а хлеба было больше. Вот обождите, скоро Англия нажмет кнопку, тогда вас, колхозников, всех вместе с коммунистами, в помойную яму – к ногтю»[34].

В Вотской области (Глазовский уезд) в Слудском районе «кулаки пускают слухи о том, что раз стали коммунистами – все равно будет война»[35].

3. В начале 1930-х годов, когда колхозный строй испытывал определенные трудности, а уровень жизни крестьянства упал до весьма низкого уровня, практически все мероприятия Советской власти связывались с неизбежной войной.

Так, например, в докладной записке ОГПУ об отчетно-перевыборной кампании Советов по Вотской автономной области, направленной в Москву, сообщалось следующее:

Учитель Сентемской волости Ижевского уезда, прибыв на рождественские каникулы в Сосновскую волость, распространял слухи о том, что скоро начнется война: «Поэтому сейчас стараются везде выбирать бедноту, чтобы получить со стороны ее поддержку»[36].

«Соввласть начинает мазать пятки, граждане крепитесь, не сдавайте хлеб а кооперацию, скоро начнется война. (Кулак в дер. Барашки Завьяловской волости Ижевского уезда)»[37].

Подобные сведения приходили и из других мест: в Советском районе (бывшей Вятской губернии) середняк-единоличник дер. Антаки в ответ на призыв вступать в колхозы заявлял: «В колхоз разве дурак пойдет, там народ мрет, как собаки. Скоро ли перевернется эта власть, скоро ли война, тогда бы разделались с советчиками и колхозниками»[38].

Вообще в 1932-1933 гг. в условиях трудного продовольственного положения, а затем голода особенно ярко виден взгляд крестьянства на то, что вернуться к доколхозной жизни можно только с помощью Запада. Этот стереотип складывается в деревне, как уже указывалось выше, в основном с коллективизацией, но сейчас занимает господствующее положение. Нижегородский отдел ОГПУ (Вотская область и территория ликвидированной Вятской губернии в 1928-1934 гг. входили в Нижегородский, с 1932 г. – Горьковский край), анализируя причины

трудного положения, наряду с организационно-хозяйственными недочетами, недостатком кормов и продовольствия в ряде колхозов, низким заработком колхозников, выделяет «панические настроения недостаточно устойчивой части колхозников, происходящих под влиянием а/советских агитации и распространения слухов со стороны кулаков и АСЭ о предстоящей войне, падения Советской власти и расправы над колхозниками»[39].

Часть крестьянства, несмотря на проводимые репрессии, в разговорах между собой высказывались достаточно жестко:

«В колхозах жить становится трудно. Советская власть к хорошему не приведет. Порядков никаких не видно. Советская власть должна скоро пасть. Вот тогда с активистами разделаемся. Тогда они узнают, как обижать мужиков. Оружия у меня хватит и еще кой у кого найдется, а кроме этого мы оружие должны взять у коммунистов, которых будем уничтожать. Сейчас нам мешают активисты, как только начнется война, наша организация должна выступить с оружием в руках против Совлласти. Когда уничтожим коммунистов, нам жить будет лучше»[40].

Таким образом, рассматривая представления крестьянства о международной обстановке и взаимоотношениях стран Запада и СССР, необходимо отметить, что основным предположением, на котором базируются все остальные, является мысль о скорой войне. Каково бы не было положение в стране, крестьянство было уверено в скорых военных действиях. Причины войны выдвигались различные в разные периоды, причем чем сложнее было положение в деревне, тем сильнее привязывались они к жизни крестьянства.

Разумеется, такие предположения и оценки крестьянства о внешнеполитическом положении СССР и в целом международной обстановке не соответствовали реальному положению. Однако их изучение дополняет историческую картину прошлого, помогает выяснить причины некоторых поступков крестьянства и воссоздать психологию крестьянства межвоенной эпохи.

---

1 История Удмуртии. XX век. Ижевск, 2005. С. 102; ГАСПИ КО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 177. Л. 11.

2 ГАСПИ КО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 51. Л. 18.

[3] ГА КО. Ф. Р-875. Оп. 4. Д. 15. Л. 132.
[4] Там же. Л. 84.
[5] ГАСПИ КО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 50. Л. 16.
[6] ГА КО. Ф. Р-875. Оп. 4. Д. 15. Л. 84.
[7] ГАСПИ КО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 50. Л. 170.
[8] Там же. Л. 36.
[9] Там же. Л. 77.
[10] Там же. Д. 51. Л. 18.
[11] Там же. Л. 170.
[12] ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 709. Л. 208.
[13] ГАСПИ КО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 51. Л. 45.
[14] ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 308. Л. 75.
[15] ГАСПИ КО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 50. Л. 36.
[16] Там же. Д. 51. Л. 18.
[17] ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 709. Л. 208.
[18] ГАСПИ КО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 51. Л. 19.
[19] ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 673. Л. 107 об.
[20] ГАСПИ КО. Ф. 1. Оп 5. Д. 233. Л. 14.
[21] ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 673. Л. 107 об.
[22] ГАСПИ КО. Ф. 1. Оп 5. Д. 233. Л. 14.
[23] ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 794. Л. 6.
[24] ГАСПИ КО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 50. Л. 77.
[25] Там же. Д. 3. Л. 44.
[26] ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 709. Л. 208.
[27] ГАСПИ КО. Ф. 1. Оп 5. Д. 233. Л. 14-16.
[28] В июне 1926 г. в деревнях Лудорвай, Юська и Лудзь Ижевского района Вотской области, по постановлению крестьянского схода, были публично выпороты 176 крестьян-бедняков. Дело получило всесоюзную огласку; по официальной версии, решение схода было связано с попыткой бедноты выделиться и организовать машинное товарищество и расценивалось как антиколхозное кулацкое выступление. – *прим. ред.*
[29] ГА КО. Ф. Р.-877. Оп. 2. Д. 9. Л. 6.
[30] Там же. Л. 8.
[31] Там же. Л. 22.
[32] Там же. Л. 81.
[33] ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп 1. Д. 912. Л. 4.
[34] ГА КО. Ф. Р-877. Оп. 2. Д. 9. Л. 324.
[35] ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 700. Л. 68.
[36] Там же. Д. 886. Л. 72.
[37] Там же. Л. 80.
[38] ГА НО. Ф. Р.-1519. Оп. 1. Д. 85 А. Л. 32.
[39] ГОПА НО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1298. Л. 200.
[40] ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1666. Л. 10.

II. ВОЙНА КАК КОНТЕКСТ ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗОВ

Кулешова Н.Ю.

МОДЕЛИ МИРА В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ИЗ ИСТОРИИ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ РОССИИ И ГЕРМАНИИ

Слишком одностороннее увлечение материально-экономической стороной истории Первой мировой войны привело к тому, что духовная составляющая в значительной степени оказалась вне поля зрения историков. Это, прежде всего, относится к идеям борьбы за новое устройство мира, в котором не будет больше войн, а восторжествуют свобода и счастье всего человечества. В данной идеологии нашли свое выражение не только официальные пропагандистские установки, но и чаяния самих масс, связывавших с войной, как это ни странно звучит, надежды на новую, лучшую жизнь.

Так, российский присяжный поверенный Н.П.Розанов в 1914 г. говорил о неизбежном наступлении после войны «вечного мира» и, обращаясь к воинам, заявлял: «Участвуя в мировом событии, вы содействуете переходу того Рубикона, за которым начинается “новая жизнь – счастливая и свободная”»[1]. Сама русская армия, по свидетельству современников, была проникнута верой в то, что она «борется за лучшее будущее для будущих поколений»[2]. Известный русский писатель В.И.Немирович-Данченко с воодушевлением констатировал: «с нами яркие надежды, с нами вера в победу, вера в новую эру благополучия»[3]. Именно война, по убеждению другого автора,

Е.Никитина, была способна воплотить в действительность «такое тесное братство народов, о котором едва ли могли помышлять те благородные мечтатели всех времен, которые несли человечеству горячую проповедь о мире всего мира»[4]. А либеральная газета «Русское слово» уже на следующий день после объявления войны Германией восторженно приветствовала начало «новой эры всемирной истории», в которой с окончанием войны осуществятся самые пылкие мечтания «о братстве народов и о царстве мира, правды и любви»[5]. Не меньше надежд на новый период в жизни человечества возлагал поэт В.Брюсов:

Пусть, пусть из огненной купели
Преображенный выйдет мир![6]

Такого рода мысли высказывались и в других странах – активных участницах всеобщей схватки. В воззвании, с которым в начале войны обратился к французским солдатам президент палаты депутатов, говорилось: «Завтра, когда вы восторжествуете, Европа отдохнет. Она не будет больше жить в постоянной тревоге. Плоды народных трудов не будут больше поглощаться смертоносными извержениями»[7]. А в Германии еще в 1912 г. генерал Бернгарди утверждал: «Война, предпринятая ради высоких целей, должна быть рассматриваема... как необходимость политическая в интересах прогресса биологического, общественного и нравственного»[8].

Таким образом, с мировой войной напрямую связывалась возможность решения важнейших мировых проблем. И в этом проявилось сходство общественно-политической мысли различных стран. К тому же представления о всеобщем мире, свободе и счастье народов нашли свое воплощение в определенных *моделях мирового устройства*. По совокупности вошедших в них идей, их характеру и направленности эти модели были до удивления схожи между собой. Развиваясь в течение нескольких столетий, они были активизированы именно в годы жесточайшего мирового кровопролития. Не только каждая из противоборствовавших сторон, но и многие из государств – членов одного военного блока, даже различные политические

силы внутри одной страны, стремились реализовать свою собственную модель будущего международного, общественно-политического и культурного порядка. При этом провозглашался принцип универсализма, предполагавший развитие мира по единому образу и подобию. Различным был лишь фундамент нового мира, тот основной путь, по которому, по мысли сторонников каждой модели, должны были следовать народы к своему светлому будущему.

Важнейшие роли в процессе борьбы за осуществление нового устройства мира играли Россия и Германия, имевшие в своем идейном арсенале несколько различных моделей. Причем обе страны признавали модель, которую условно можно обозначить как *территориальную*. В идеях ее построения отразились давние представления о противнике как источнике военной угрозы и путях ликвидации этой угрозы. Ради освобождения человечества от войн, территориальная модель предполагала раздел территории тех государств, которые представляли угрозу миру. Однако мнения о том, откуда исходила военная опасность, в России и Германии кардинально расходились.

Так, Россия выступала в роли освободительницы народов от германской угрозы. Уже 26 июля (ст. ст.) 1914 г. в царском манифесте торжественно провозглашалось, что Россия взялась за оружие, чтобы вместе с союзниками «устранить, наконец, вечную угрозу германских держав общему миру и спокойствию»[9]. Для этого она собиралась вести войну до тех пор, пока, как говорил 8 (21) ноября 1914 г. Николай II французскому послу М.Палеологу, «германские державы не будут раздавлены. Самое главное... это – уничтожение германского милитаризма, конец того кошмара, в котором Германия нас держит вот уже больше сорока лет. Нужно отнять у германского народа всякую возможность реванша. Если мы дадим себя разжалобить – это будет новая война через немного времени»[10].

Сознание такой необходимости выражала и общественность страны. Недаром в российских изданиях высказывалась мысль: «Укротится Германия, некому будет вооружать Европу... Теперешний “вооруженный мир” заменится настоящим

миром. И, кто знает – может быть, исчезнет не только угроза войны, но и сама война?»[11] Желание раз и навсегда ликвидировать главный источник угрозы миру, в числе прочих, демонстрировало «Русское слово»: «Мы будем бороться за светлое будущее всего человечества, за уничтожение чудовищного гнезда милитаризма... Святое дело освобождения человечества от бремени насилия и вечных угроз должно быть доведено до конца. Страшны жертвы, труден путь, но велика награда»[12]. Даже у большинства петроградских рабочих, как отмечал большевик В.В.Куйбышев, в начале войны наблюдалось «приблизительно такое настроение: чванного шовинизма и безразборчивой ярости против всех немцев я у них не видел, но ненависть к германскому правительству и командующим классам Германии сильна... Мечтают освободить Германию от безответственной власти и разоружить в результате всю Европу»[13]. И не случайно в ходе успешного наступления русской армии осенью 1914 г., в результате которого германские войска были отброшены к границе российской Польши, а австро-венгерской армии пришлось отступить к Карпатам, в союзнической Франции с восторгом отмечалось: «Русские армии подвигаются на запад с неодолимым стихийным натиском, остановить который не может никакая человеческая сила. Высокий патриотизм и какой-то *мистический энтузиазм* одушевляют народные массы, которые от берегов Великого океана до Балтики устремились на запад с жаждой победы»[14] (выделено мною. – *Н.К.*).

Действительно, общим желанием правящей верхушки, армейских кругов и широких масс российского общества было тогда взятие Берлина русской армией. Еще 1 (14) августа император Николай II предписал Верховному главнокомандующему великому князю Николаю Николаевичу «очистить себе как можно скорее и во что бы то ни стало дорогу на Берлин»[15]. Показательно, что даже студенты Московского университета, дружно выразившие свою готовность вступить в ряды армии 9 октября 1914 г., в день начавшегося контрудара русских войск по наступавшей на Варшаву германской армии, торжественно заявили главноначальствующему г. Москвы генерал-майору Адрианову: «Мы надеемся вступить в бой с немцами

уже не под Варшавой, а под Берлином». Адрианов безоговорочно поддержал их в этом стремлении: «Вместе с вами желаю, чтобы армия и вы вступили героями в Берлин». Его слова были покрыты восторженными криками: «Ура! В Берлин, в Берлин!»[16]

Считалось, что лишь со взятием Берлина появится реальная возможность сокрушить материальную основу германского милитаризма – могущество Германской империи – посредством ее расчленения. Свои конкретные соображения по данному вопросу российский император изложил в беседе с французским послом 8 (21) ноября 1914 г. «Большие перемены произойдут, в особенности в самой Германии... Россия возьмет себе прежние польские земли и часть Восточной Пруссии. Франция возвратит Эльзас–Лотарингию и распространится, быть может, и на рейнские провинции. Бельгия должна получить, в области Ахена, важное приращение своей территории: ведь она так это заслужила. Что касается до германских колоний, Франция и Англия разделят их между собою по желанию. Я хотел бы, наконец, чтобы Шлезвиг, включая район Кильского канала, был возвращен Дании. А Ганновер? Не следовало ли бы его воссоздать? Поставив маленькое свободное государство между Пруссией и Голландией, мы бы очень укрепили будущий мир».

Как видно, в представленных планах раздела германских земель заключалась идея передела территории в пользу победителей. Но, вместе с тем, речь шла о реализации определенной модели мирового порядка, с помощью которой предполагалось упрочить мир на основе изменения соотношения политических сил на международной арене, обуздания агрессора посредством лишения его материальной возможности для проведения в дальнейшем завоевательной политики. Недаром Николай II, заканчивая изложение своей программы будущего мира, особо подчеркнул: «Наше дело будет оправдано перед Богом и перед историей, только если им руководит великая идея, желание обеспечить на очень долгое время мир всего мира». По свидетельству М.Палеолога, произнося последнюю фразу, царь «выпрямился на своем кресле; его голос дрожит от

торжественного религиозного волнения; особенный блеск освещает его взгляд. Очевидно, и его совесть, и его вера затронуты»[17]. Именно с разделом Германской империи на составные части – немецкие княжества, каждое из которых не смогло бы никому угрожать, связывались надежды российской общественности на то, что в Европе прекратится вакханалия вооружений и настанет «новая эра мира... любви и труда»[18].

Между тем, Германия, в свою очередь, стремилась сыграть решающую роль в обеспечении безопасности всей Европы и мира. 7 августа 1914 г. германский император Вильгельм II, обращаясь с прокламацией к немецкому народу, представлял себя истинным миротворцем, а свою империю – исключительно миролюбивым государством: «Я и предшественники мои с самого основания Германской империи всегда стремились к поддержанию всемирного мира и к пользованию этим миром для прогресса страны». Напротив, Англия, Франция и Россия, с его точки зрения, являлись главной преградой на пути народов к мирной счастливой жизни. Он обвинил их в том, что, проводя политику милитаризма, они покушались на само существование его империи: «Ныне нас хотят унизить, нас просят убавить наши военные силы, тогда как наши враги вооружаются для коварного нападения». Более того, германский император заявил, что захватчики перешли уже к активным действиям, напав на его мирную страну с ее трудолюбивым народом: «Враг нападает на нас среди мира. К оружию!»[19]

Данный взгляд на происхождение войны и ее инициаторов получил широкое распространение в германском обществе. Вслед за императором его высказывали германские ученые и деятели искусства. «Неправда, что Германия вызвала эту войну, – утверждалось в подписанном ими "Манифесте 93-х", – ни народ германский, ни правительство, ни император не хотели ее... И только тогда, когда сначала начали ему угрожать, а вслед за тем и напали на него из засады три великие державы, наш народ поднялся, как один человек»[20]. Причем для большинства немецкого населения врагом № 1 представлялась Россия вследствие давно распространенного мнения о постоянно исходившей от нее военной опасности[21].

Немцев пугали громадные просторы восточной соседки, которые она, по общему убеждению, приобрела в результате своей «расширительной политики», подталкиваемой неутолимой «жаждой завоеваний»[22]. Считалось, что «поглощение» ею Финляндии, разгром могущественной Швеции, серьезный удар по положению Турции в Европе привели к дальнейшему росту ее военной мощи и вооружений и лишь подогрели ее захватнические аппетиты. 7 сентября 1879 г., вскоре после русско-турецкой войны, германский канцлер О.Бисмарк предупреждал императора, что «похоже на то, будто Россия... приняла на себя наследство наполеоновского милитаризма, а вместе с тем и ту миссию, выполнение которой отмечено темными пятнами на фоне европейского мира». Чувства недоверия и откровенной враждебности немцев к России постоянно питала уверенность в том, что по отношению к Германии она «всегда имела и имеет... агрессивные намерения»[23].

Даже освободительные походы русской армии 1813-1814 гг. против наполеоновского владычества в Пруссии и Австрии не являлись для них исключением в данном отношении. По сложившимся представлениям, русские войска тогда «великолепно... умели воровать и грабить, мародерствовать и угонять»[24].

В общественном мнении Германии и союзной ей Австро-Венгрии Россия являлась отсталой и чуждой им азиатской, варварской страной, нашествие которой неизбежно означало уничтожение их культуры и цивилизации. «Когда приближались к нашему селу русские в 1914 году, – рассказывал один юный галицийский украинец, – то нас заранее предупреждали против них. Говорили, что русские казаки и с одним только оком (все кривые), и что они расставят котлы на площади и будут хватать детей, варить и есть. При вступлении их войск мы все прятались в овес, в канавы, но потом мало-помалу стали вылезать и, встречая от них только ласку и угощение, привязались к ним всей душой». На вопрос, почему же люди поверили «таким басням», юноша отвечал: «Все верили в деревне, потому что нам долго толковали так»[25]. Насколько широко были распространены подобные представления о русских «варва-

рах», достаточно красноречиво доказывала позиция германских социалистов. «Немецкие жены и дети, – заявляла редакция партийной газеты "Vorwarts" 19 июля (1 августа) 1914 г., – не должны стать жертвами русских жестокостей, германская земля не должна стать добычей русских казаков... в настоящий момент мы защищаем все, что дано германской культурой и германской свободой, против ничем не стесняющегося и варварского врага»[26].

Германия выступала не только в роли защитницы своего государства, но и освободительницы народов от «русской угрозы», и в этих целях она вынашивала свою территориальную модель мира, которую стремилась реализовать в случае военной победы. По своим мировоззренческим основам данная модель имела безусловное сходство с территориальной моделью России, поскольку означала такой разгром и ослабление противника, которые бы полностью исключали в дальнейшем возможность его вооруженной агрессии. Как убежденно заявлял известный германский публицист и политик П.Рорбах, русское «колоссальное государство с 170 миллионами населения должно... подвергнуться разделу в интересах европейской безопасности»[27]. Следствием раздела России должно было стать лишение ее выхода к Балтийскому и Черному морям, что неизбежно меняло бы соотношение сил на международной арене в пользу Германии. По первоначальным, господствовавшим накануне и в первые месяцы войны гипотетическим планам, предполагалось «прогнать Россию за Урал»[28], а Германии, по выражению Вильгельма II, предстояло «сделаться столь же могучим государством... каким некогда была Римская всемирная империя». Намечалось пределы новой Германской империи «воздвигнуть до Волги и Черного моря»[29], отстоять ее права «на море Средиземное и на Атлантический океан»[30], и, в конечном итоге, собрать «наследие древности», под которым подразумевались почти все народы Европы[31].

Однако в 1915-1916 гг., уже после срыва плана молниеносной войны, в Германии стали выдвигаться более скромные варианты расчленения России и создания нового политического объединения. В это время в стране приобрела популярность

идея «Срединной Европы» как политического и экономического союза стран Центральной Европы, расположенном «между Россией и Западными державами»[32]. В соответствии с такой корректировкой взглядов на новые очертания границ известный германский историк Шефер в феврале 1915 г. заявлял, что «громадная русская сила должна быть вытеснена за Днепр». Тогда, пояснял он, «явится возможность образовать под главенством Германии и Австро-Венгрии, от Северного мыса до Средиземного моря союз держав, обеспечивающий за каждой из них прочность существования и мир»[33]. О претензиях Германии стать «убежищем мира»[34], гарантом всеобщей безопасности в случае реализации ее территориальной модели говорил и немецкий профессор международного права Ф.Лист.

Но построить новый, «вечный» мир только на произвольном разделе чужих территорий и их новом соединении было невозможно. Следовательно, территориальную модель необходимо было дополнить другими моделями национального и духовного характера. Неслучайно поэтому германскую территориальную модель вполне органично дополняла *культурно-расовая* модель мирового порядка, или модель *германизма*. Разумеется, это название, как и названия других моделей, даваемые в данном исследовании, не претендует на непререкаемую истину и носит условный характер.

Модель германизма сформировалась благодаря идеям германских политиков, государственных деятелей, ученых, историков, философов, публицистов, по крайней мере, XVIII – начала XX века. Она предполагала утверждение всеобщего мира, свободы и счастья человечества на основе «германизации» народов. Последняя означала необходимость всем стать германцами, прежде всего, через германскую кровь, а в случае отсутствия таковой – через приобщение к германской культуре, цивилизации, через повсеместное внедрение германского образа мышления и германского понятия истинной духовной свободы.

Такая постановка задачи исходила из убеждения, что германцы являются представителями высшей расы, избранной нацией, в жилах которой течет кровь, заключающая в себе свойства творческой одаренности, исключительности, гени-

альности. А антропологический тип германца с присущими ему высоким ростом, белокуростью, голубыми глазами и продолговатым лицом представляет собою самый совершенный тип арийца и вообще человека. Даже сам Иисус Христос, как доказывалось немецкими антропологами и филологами, был германцем, вернее, арийцем – предком германца, поскольку обладал совершенным физическим типом[35]. По утверждению немецких ученых, германская кровь, влитая еще племенами готов, франков, лангобардов в другие европейские народы, стала причиной рождения итальянских и французских гениев, но с уменьшением ее влияния культура латинских стран бесповоротно пошла на спад.

В сочинениях хорошо известного в России немецкого антрополога и мыслителя Л.Вольтмана «Die Germanen und die Rennaissance in Italien» (1905), «Die Germanen in Frankreich» (1907) всячески обосновывалось, что среди потомков германцев в Италии были Микельанджело, Леонардо да Винчи, Рафаэль, Колумб, Галилей, Верди, Гарибальди, а во Франции – Мольер, Вольтер, Руссо, Робеспьер, Наполеон I, Лавуазье, Гюго и многие другие выдающиеся личности. Получалось, что все итальянское Возрождение и вся многовековая французская культура являлись творчеством «никак не итальянского и французского народа, а одного лишь немецкого»[36].

Все это, безусловно, повлияло на формирование представлений о том, что немцы – единственные обладатели человеческой культуры во всей ее полноте, носители высшей цивилизации. «Немецкая культура самая лучшая, самая надежная, самая существенная, – был уверен немецкий юрист О.Гирке. – Она является элементом, наиболее необходимым для всеобщей цивилизации». По убеждению известного химика профессора Оствальда, превосходство немецкой нации было обусловлено ее организацией. «Германия есть страна, по преимуществу организованная. Организация, вот новый фактор, введенный нами в историю цивилизации»[37].

Действительно, немецкая организация, немецкий порядок представлялись германцу вершиной достижений человечества, ибо мир в германской мистике и философии изначально казал-

ся «темным и хаотическим», неупорядоченным и недисциплинированным. Все другие народы, по замечанию известного русского философа Н.А.Бердяева, немец всегда «ощущает, как беспорядок, хаос, тьму, и только самого себя ощущает немец, как единственный источник порядка, организованности и света»[38]. Порядок отождествлялся с истинной духовной свободой, с государственно-политическим, моральным и умственным совершенством. «Нельзя оставаться нейтральным по отношению к Германии и германскому народу, – писал на четвертом месяце войны профессор берлинского университета Адольф Лассон. – Можно лишь или считать Германию наиболее совершенным политическим организмом, какой когда-либо существовал в истории, – или желать ее разрушения... Мы в нравственном и умственном отношении выше всех остальных, и нам нет равных... Мы – наиболее свободный народ в мире, ибо мы умеем повиноваться. Наш закон – разум, наша сила – сила ума, наша победа будет победой мысли»[39].

Уверенность в том, что в «государстве и в философии порядок и организация могут идти лишь от немцев», породили, как подчеркивал Н.А.Бердяев, их «органическое культуртрегерство». Германцы ощутили себя призванными принести миру освобождение от хаоса и тьмы бескультурья, выступить духовным лидером человечества в интересах общего блага. Причем данные притязания переживались ими «с моральным пафосом», как важнейший долг, как их культурно-организаторская миссия в мире[40].

Еще в конце XVIII века немецкий философ И.Г.Гердер, преклоняясь перед гением германцев, считал, что именно они «призваны руководить Европою на пути прогресса»[41]. Призвание Германии, как считал и император Вильгельм II, состояло в том, чтобы приподнять другие, «низшие» нации до своего культурного уровня. «Мы – соль земли... – открыто заявил он в 1906 г. – Бог создал нас, чтобы мы цивилизовали мир»[42].

«Мы призываемся указывать направление всему человечеству»[43], – утверждал известный идеолог «Срединной Европы» в военные годы Ф.Науман. «Германцы избранное племя на земле, – указывал профессор фон Зейден во “Frankfurter Zei-

tung". – И они исполнят, что им предначертано судьбой: управлять миром и вести другие народы к счастью всего человечества»[44].

Но для этого необходимо было добиться военно-политического преобладания в мире, стать господствующей нацией, одержать победу в кровопролитной войне. Тогда, по распространенному убеждению, другие народы сами признали бы лидерство Германии, необходимость подчинения высшей расе. «Наступит день, – подчеркивал профессор Оствальд, – когда нам будут благодарны. Другие народы придут в Германию за новыми силами, ибо мы призваны дать счастье человечеству»[45].

Путь к счастью, прогрессу и высшей цивилизации других народов лежал через их германизацию. Собственно, в этом и заключалась особая миссия Германии. Как подчеркивал профессор Гуммель, «Германия имеет своим назначением через распространение германской крови обновлять истощенные части старой Европы»[46], а, по мнению Менцеля, «германизация тождественна с цивилизованием и облагораживанием»[47]. По сути, это было стремление онемечить, огерманить весь мир, превратить его во «Всегерманию»[48]. Даже в умеренных кругах германского общества, проповедовавших концепцию «Срединной Европы», хотя и раздавались голоса о необходимости «считаться с национальными особенностями» могущих объединиться в ней народностей, но, тем не менее, незыблемой оставалась установка на объединение их «вокруг немечества», насаждение его порядков, которые «должны были стать образом жизни всех»[49]. Только при таком условии представители «избранной» нации готовы были гарантировать сохранность нового мирового устройства и утверждение в нем истинной свободы высшей цивилизации. Недаром по достижении немцами положения «мирового народа»[50], ожидалось начало новой эпохи, истинной истории человечества. «Германизм, – убежденно заявлял юрист О.Гирке, – есть самое законченное завершение предыдущих периодов истории»[51].

Таким образом, культурно-расовая модель мира, или модель германизма, весьма существенно дополнявшая герман-

скую территориальную модель, выражала стремление Германии подогнать все человечество под некий общий порядок. Предполагалось интегрировать хозяйственную жизнь всех стран, сформировать общие для них идейно-нравственные принципы, повсеместно внедрить «высшую» организацию и «высший» тип духовной свободы. Создаваемые при этом политические формы объединения, будь то «Срединная Европа» или всемирная империя, с едиными вооруженными силами, экономическим пространством и культурой, по мысли германских идеологов, создавали почву для ликвидации войн и осуществления заветной мечты человечества о вечном мире. Но условием создания такого миропорядка выступало требование всем стать германцами, если не по крови, то по культуре и образу мышления. С точки зрения Германии, это был высший идеал общества, то светлое будущее человечества, ради которого можно было пожертвовать частью своей нации, не говоря уже о других народах.

Однако для многих народов означенный путь продвижения к миру и счастью был совершенно неприемлем. В российском общественном мнении внешнеполитические замыслы Германии воспринимались как неприкрытые претензии на мировое господство. «Та мечта, которою грезил Александр Македонский, на которой сорвался Наполеон, – писала, например, в самом начале войны леволиберальная газета “День”, – встает перед нами теперь как призрак, закованный сталью. Германия трудилась над ней полвека... Но если она победит, то вместо всемирного братства, о котором мечтают пророки, будет всемирное рабство, империя невиданной силы, владычество избранной нации, которая и ныне считает себя сверхнародом, аристократией блондинов, сливками белой расы, и соседей своих рассматривает, как нации низкого сорта»[52].

Наряду с неприятием модели германизма, в России вынашивались собственные планы будущего устройства человечества. В определенном течении ее общественно-политической мысли ярко проявилась *христианско-православная* модель мирового порядка, сформировавшаяся благодаря идеям религиозных, государственных, научных и литературных деятелей кон-

ца XV – начала XX века. Приверженцы данной модели признавали за Россией роль духовного лидера в мире, считая, что именно она способна принести мир, счастье и свободу всему человечеству. В отличие от замыслов германизации народов, они выступали за их христианизацию, или «православизацию».

Данный путь предполагал глубокое усвоение христианского учения как основы жизни и деятельности человека, его мировоззрения и нравственности. Проповедуя эту идею, яркий представитель религиозной мысли России С.Дурылин в годы Первой мировой войны ссылался на следующие слова славянофила К.С.Аксакова: «христианство истинно, и христианство есть единый истинный путь. Следовательно, этим истинным путем и надобно идти»[53]. Только так, считал Дурылин, человечество в состоянии избавиться от поразившего его страшного недуга – растления душ и духовной опустошенности. О необходимости постепенного преодоления в мировой истории темного и злого начала светлым и добрым, «Хаоса Космосом *путем христианизации человечества*» (выделено мною. – *Н.К.*) говорил и другой автор, А.Цинговатов. «Христос, христианство, – утверждал он 7-го декабря 1914 г. в публичной лекции, посвященной заветам Ф.И.Тютчева, – вот единственный исход из трагических противоречий "злой жизни"... духовное наследие Христа... явлено для спасения *всего человечества*»[54]. При этом русские религиозные мыслители считали, что настоящая христианская истина заключается лишь в православии, а именно – в его русском варианте.

Такого рода убеждение возникло еще во времена образования Московского государства, которое после падения Византийской империи и освобождения от монголо-татарского ига стало единственным независимым православным государством. В соответствии с концепцией, сформулированной монахом Филофеем около 1523-1524 гг., Россия была провозглашена последним воплощением истинного христианского – Ромейского царства, «Третьим Римом», и русский народ в своей целостности был духовно отграничен от остального мира, отпавшего от истины[55].

Примечательно, что выдающийся мыслитель Ф.М.Достоевский в «Дневнике писателя» за 1876 год констатировал: Россия и в допетровские времена понимала, что она «несет внутри себя драгоценность, которой нет нигде больше, – православие, что она – хранительница Христовой истины, но уже истинной истины, настоящего Христова образа, затемнившегося во всех других верах и во всех других народах»[56]. Тот же взгляд высказывал выдающийся русский историк и писатель Н.М.Карамзин. В XVII веке, в царствование Михаила Федоровича и сына его Алексея Михайловича, утверждал он, «деды наши... оставались в тех мыслях, что правоверный россиянин есть совершеннейший гражданин в мире, а *Святая Русь* – первое государство»[57]. А в годы Первой мировой войны известный русский писатель и философ В.В.Розанов отмечал, что его современники «надеются, верят и рвутся построить идеальное государство... И такая игра на сердце, что "*мы – самые лучши*" (все "наши русские")...»[58] (выделено мною. – *Н.К.*).

Главным отличием носителей истинного вероучения считалось признание ими приоритета духовных, нравственных ценностей над вещественными, материальными. Напротив, жизненные идеалы европейцев, утвердившиеся на основе западного христианства, представлялись прямо в противоположном свете. Но если в устремлении их преимущественно к внешнему благополучию славянофилы и Достоевский винили католицизм, рассматривая его как не духовную религию, из-за которой «на Западе Христа потеряли»[59], то в годы мировой войны главная борьба была направлена против протестантизма в лице вражеской Германии. По распространенному в России мнению, из-за разрыва таинственной связи с Богом германцы сформировали убеждение, что «счастье наше, благополучие, все внутреннее удовлетворение человека зависит прежде всего от внешних условий, создаваемых самим человеком»[60]. Вследствие этого, как утверждалось, моралью «страны, создавшей Канта, стало уважение к богатству и толстому животу, набитому колбасой и налитому пивом»[61].

В соответствии с такими представлениями, русские религиозные мыслители кардинально расходились с германцами, да

и в целом с европейцами, в оценке истинного общественного прогресса, истинной культуры, истинной духовной свободы. Лишь с православной верой они связывали развитие высшего типа человеческой цивилизации, достижение свободы высшего порядка, как внутренней свободы от устремлений к материальной наживе и политическому господству. Только повсеместное распространение данного вероучения, по мнению сторонников указанных взглядов, могло привести к созданию самого свободного, справедливого и счастливого общественного устройства – «Царствия Божьего на земле». С возведением христианской нравственности в основу всей жизни человека, с их точки зрения, решался вопрос не только установления социальной гармонии внутри каждого общества, но и создания всемирного братства различных народов, примирения людей всей планеты, их окончательного единения и, соответственно, реализации многовековой мечты человечества о вечном мире. «Мы должны и будем бороться за *мир всего мира*, видя в нем ни космополитические теории, а Царствие Божье на земле»[62], – писал в 1914 г. В.Орлов.

Как видно, главным условием наступления этого светлого будущего представлялась необходимость всем стать православными. Примечательно, что еще в XVII веке великий голландский ученый Гуго Гроций высказывался абсолютно в том же духе: «Ясно, что если все люди станут христианами и будут жить по-христиански, то не будет никаких войн»[63].

Разумеется, именно России отводилась особая миссия в совершенствовании мира на указанных основаниях. В частности, А.Цинговатов, обращаясь к заветам Ф.Тютчева, прямо провозглашал: *«Живая собирательная душа человечества – Россия. России суждена единственная, исключительная роль во всемирной истории...* Неисповедимыми путями Промысла России предначертана великая, священная миссия – *привести человечество к ногам Христа*»[64]. Осуществление этой миссии, по убеждению религиозных мыслителей, предполагало православное просвещение народов, привнесение в человечество новой идеи, раскрытия ему «таинства свободы»[65], что, безусловно, означало использование исключительно мирных

средств для достижения цели. Однако обязательным условием исполнения Россией ее великого предназначения они считали овладение Константинополем, чего невозможно было добиться дипломатическим путем. Константинополь, с их точки зрения, должен был не только удовлетворить чисто экономические потребности страны в обладании знаменитым портом, но и стать объединительным центром православных, славянских народов, во главе которых России предстояло решить предначертанные ей задачи. Ведь присоединение Константинополя давало России военно-политическое и духовное преобладание в мире и тем самым – материальные и духовные предпосылки для последующего проведения мирной всеобщей «православизации».

Отсюда признание религиозными мыслителями войны, в том числе мирового масштаба, как неизбежного явления на пути реализации Россией ее великой миссии. Еще Ф.М.Достоевский в марте 1877 г. выражал свою полную уверенность в том, что именно в Восточном вопросе произойдет «окончательное столкновение наше с Европой»[66], о чем весьма кстати вспомнил известный философ и поэт В.Иванов. Достоевский, констатировал он в 1916 году, «предвидел настоящую мировую из-за Царьграда войну, не нами поднятую, и заранее учил, что нам должно ее принять»[67]. Как видно, через «большую войну» (выражение, использовавшееся в литературе тех лет) предполагалось перейти к прочному миру человечества путем его всеобщего единения на православных началах. Что же касалось политических форм будущего объединения народов, то здесь у сторонников христианско-православной модели мира не было единства взглядов. Для одних это должна была быть единая, под началом России, всемирная империя, для других – нечто вроде Соединенных Американских Штатов. Однако, в любом случае, всемирный союз государств и народов, должен был иметь, прежде всего, духовный характер.

Итак, в период Первой мировой войны его духовная составляющая, помимо пропагандистских установок, вызванных сиюминутными соображениями идеологического обеспечения военных действий, включала в себя глубокие, уходившие корнями вглубь веков идеи мировоззренческого характера. Они

нашли свое яркое воплощение в различных моделях мирового устройства, за реализацию которых боролись общественно-политические силы обеих противостоявших сторон, в том числе Германии и России. Несмотря на негативное восприятие друг друга, прямо противоположные представления об источнике военной опасности и видимое отличие предложенных фундаментов будущего мира, в идеях его построения обоих государств проявился целый ряд закономерностей общественно-политического мышления. Так, «вечность» мира должна была основываться на политическом, экономическом и духовном единении человечества. Этим предполагалось ликвидировать любую из возможных причин возникновения военной угрозы. Важнейшее место отводилось идеям свободы и счастья народов, хотя они в каждом случае имели свой особый смысл и значение. За каждой моделью мира стояло государство, на которое возлагалась решающая роль в ее практической реализации и распространении. Оно должно было стать политическим и духовным лидером в мире для осуществления своей великой миссии, что неизбежно подразумевало его борьбу за укрепление своих политических, экономических и территориальных позиций. А отсюда срабатывала общая схема: через мировую войну прийти к счастливому светлому будущему всего человечества.

---

1 *Розанов Н.П.* Освободительная война. Подольск, 1914. С. 13-15.

2 Протоколы Центрального Комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии. Т. 2: Протоколы Центрального Комитета конституционно-демократической партии, 1912-1914 гг. М., 1997. С. 434.

3 Великая война России за свободу и объединение славян: сборник статей для школьных и народных библиотек. М., 1914. С. 95.

4 *Никитин Е.* Великая война и духовное возрождение России. М., 1915. С. 9.

5 Цит. по: *Гришин М.И.* Помни о войне. М.; Л., 1924. С. 127.

6 *Брюсов В.* Современность. Последняя война // Русская мысль. 1914. № 8. С. 241.

7 *Блументаль Ф.* Буржуазная политработа в мировую войну 1914-1918 гг. Обработка общественного мнения. М.; Л., 1928. С. 36.

[8] *Саблер В.К.* Французы о немцах. Очерк В.Десятовского. Пг., 1916. С. 29-30.
[9] *Розанов В.В.* Война 1914 года и русское возрождение. Пг., 1915. С. 32.
[10] *Палеолог М.* Царская Россия во время мировой войны. М., 1991. С. 127.
[11] Великая война России... С. 134-135.
[12] Цит. по: *Гришин М.И.* Указ. соч. С. 127.
[13] *Тютюкин С.В.* Война, мир, революция: идейная борьба в рабочем движении России 1914-1917 гг. М., 1972. С. 82.
[14] Великая война России... С. 108.
[15] *Палеолог М.* Указ. соч. С. 78.
[16] *Блументаль Ф.* Указ. соч.С. 143.
[17] *Палеолог М.* Указ. соч. С. 129-130.
[18] *Орлов В.* Причины русско-немецкой войны и ее конечная цель. М., 1914. С. 14.
[19] Так говорит Германия: подлинные документы и изречения о германских замыслах и поступках. Пг., 1915. С. 84, 85.
[20] *Блументаль Ф.* Указ. соч. С. 132.
[21] См.: Война Германии против Советского Союза, 1941-1945: документальная экспозиция. Берлин, 1992. С. 11-12.
[22] Немецкий страх перед «Русскою опасностью». М., 1914. С. 21; Война Германии против Советского Союза... С. 11.
[23] Немецкий страх перед «Русской опасностью». С. 5, 6.
[24] Война Германии против Советского Союза... С. 12.
[25] *Антоний (Храповицкий), митрополит.* Ф.М.Достоевский как проповедник возрождения: главы из книги // Ф.М.Достоевский и Православие. М., 1997. С. 112.
[26] *Блументаль Ф.* Указ. соч. С. 70-71.
[27] *Рорбах П.* Война и германская политика. М., 1915. С. 88, 106.
[28] *Кашкаров В.* На пороге великих событий: (замыслы Германии и задачи России). М., 1914. С. 12.
[29] Там же. С. 9-10, 15.
[30] *Саблер В.К.* Указ. соч. С. 57.
[31] См.: *Дурылин С.* Лик России. Великая война и русское призвание: лекция, читанная в 1914-16 г. в Москве, Костроме и Рыбинске. М., 1916. С. 11.
[32] *Науманн Ф.* Срединная Европа. Пг., 1918. С. 33.
[33] *Саблер В.К.* Указ. соч. С. 19.
[34] *Троян С.* Германская либеральная концепция «Миттельевропы» в годы Первой мировой войны // Первая мировая война: страницы истории. Черновцы, 1994. С. 6.

[35] См.: *Дурылин С.* Указ. соч. С. 11, 13.
[36] Там же. С. 12; см. также: *Саблер В.К.* Указ. соч. С. 22.
[37] *Саблер В.К.* Указ. соч. С. 24.
[38] *Бердяев Н.А.* Русская идея. Судьба России. М., 1997. С. 369.
[39] Русские ведомости. 1914. 9 ноября. С. 3.
[40] *Бердяев Н.А.* Русская идея. Судьба России. С. 369-370.
[41] *Саблер В.К.* Указ. соч. С. 1.
[42] Так говорит Германия... С. 84.
[43] *Саблер В.К.* Указ. соч. С. 23.
[44] Так говорит Германия... С. 61.
[45] *Саблер В.К.* Указ. соч. С. 24.
[46] Там же. С.20.
[47] *Дурылин С.* Указ. соч. С. 15.
[48] Там же. С. 10-11, 13.
[49] *Садовая Г.М.* Ф.Науман: от «промышленной демократии» к «Срединной Европе» // Первая мировая война: политика, идеология, историография: (к 75-летию начала войны). Куйбышев, 1990. С. 106, 108.
[50] *Рорбах П.* Указ. соч. С. 11.
[51] *Саблер В.К.* Указ. соч. С. 24.
[52] Цит. по: *Гришин М.И.* Указ. соч. С. 128-129.
[53] *Дурылин С.* Указ. соч. С. 35.
[54] *Цинговатов А.* В Россию можно только верить!: (заветы Ф.И. Тютчева). Ростов н/Д, 1915. С. 6, 4.
[55] См.: *Синицына Н.В.* Третий Рим: Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). М., 1998. С. 323-328; *Парилов О.В.* Русская идея: от Древней Руси к Новому времени. Н. Новгород, 2005. С. 95, 114.
[56] *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч. Т. 23. Л., 1981. С. 46.
[57] *Карамзин Н.М.* Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях // Русская идея: сборник произведений русских мыслителей. М., 2002. С. 48.
[58] *Розанов В.В.* Мимолетное. 1915 год // Русская идея. М., 1992. С. 259.
[59] *Зеньковский В.В.* Ф.М.Достоевский, Владимир Соловьев, Н.А.Бердяев // Там же. С. 344; см. также: *Бердяев Н.А.* Алексей Степанович Хомяков. М., 2005. С. 94.
[60] Современные события при свете веры: доклады на религиозных собраниях в доме Е.Г.Швартц. Пг., 1915. С. 24.
[61] *Розанов В.В.* Война 1914 года и русское возрождение... С. 66.
[62] *Орлов В.* Указ. соч. С. 13.

[63] *Гроций Г.* О праве войны и мира: три книги, в которых объясняются естественное право и право народов, а также принципы публичного права. Репринтное воспроизведение издания 1956 г. М., 1994. С. 97.

[64] *Цинговатов А.* Указ. соч. С. 4-5,6.

[65] *Хомяков А.С.* Полн. собр. соч. Т. 4. М., 1900. С. 230.

[66] *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч. Т. 25. Л., 1983. С. 74.

[67] *Иванов В.* Родное и вселенское. Статьи (1914-1916). М., 1918. С. 154.

Сенявская Е.С.

ОБРАЗ ТУРЦИИ КАК ПРОТИВНИКА РОССИИ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ В СОЗНАНИИ АРМИИ И ОБЩЕСТВА*

Причины участия Турции в Первой мировой войне против России коренились как в давних геополитических противоречиях и соперничестве двух государств, так и в ставшей в начале XX века влиятельной идеологии пантюркизма. Один из главных идеологов пантюркизма Зия Гекальп утверждал: «Политические границы родины турок охватывают всю территорию, где слышна тюркская речь и где имеется тюркская культура». И патетически вопрошал: «Где ныне Туран? Где же Крым? Что стало с Кавказом? От Казани до Тибета везде только русские»[1]. Тюрки объявлялись «чистокровной высшей расой», призванной господствовать над другими народами. В 1910 г. на обсуждение турецкого меджлиса (парламента) была вынесена резолюция о запрещении туркам вступать в смешанные браки, а на съезде партии «Иттихад» выдвинут лозунг «Турция – только для турок». При этом доказывалось, что в государстве не должно остаться места ни армянам, ни грекам. Выступавший на этом съезде доктор Назым ставил вопрос о полном уничтожении армян – как единственно возможном решении «армянского вопроса», поскольку «существование армянской государственности в восточных вилайетах... было бы могильным камнем для нашей программы туранизма». Говорил он и о том, где именно следует возрождать «Великий Туран»: «На Востоке в Азии имеются беспредельные просторы и возможности для нашего развития и расширения. Не забывайте, что наши предки пришли из Турана, и сегодня в Закавказье, как и к востоку от Каспийского моря на просторных землях

* Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 05-01-01086а).

тюркоязычные племена составляют почти сплошное население, находящееся, увы, под ярмом нашего векового врага – России. Только в этом направлении открыты наши политические горизонты, и нам остается выполнить наш священный долг: осуществить объединение тюркских племен от Каспийского до Желтого моря...»[2] Турецких солдат воспитывали в духе мести «неверным», призывали «отомстить за честь турок», над которой «надругались» в 1912 г., а газета «Азм» писала 1 июля 1913 г.: «Каждый солдат должен вернуться к дням варварства, жаждать крови, быть безжалостным, убивая детей, женщин, стариков и больных, пренебрегать имуществом, честью, жизнью других»[3].

Российский Кавказ и Среднюю Азию в 1908-1914 гг. «буквально наводнили турецкие эмиссары и агенты, действующие под видом купцов, паломников, путешественников», которые «вели пропаганду, искали связи с антирусскими силами, организовывали центры подрывной деятельности»[4]. Однако не слишком надеясь на собственные силы в осуществлении своих планов по созданию Великого Турана, турки в канун Первой мировой войны большие надежды возлагали на союз с немцами. Так, другой видный деятель партии «Иттихад» Текин Альп писал: «Если русский деспотизм... будет уничтожен храбрыми армиями Германии, Австро-Венгрии, Турции, тогда от 30 до 40 миллионов турок получат независимость. Вместе с 10 миллионами османских турок они образуют нацию... которая так продвинется вперед к великой цивилизации, что, вероятно, сможет сравняться с германской цивилизацией... В некотором отношении она достигнет превосходства над вырождающейся французской и английской цивилизацией»[5].

В самом начале Первой мировой войны, в секретной телеграмме от 3 августа 1914 г. посол России в Константинополе М.Н.Гирс писал: «По отзыву нашего военного агента, турецкая армия в настоящий момент в таком состоянии, что не представляет для нас пока опасности», но уже 27 августа с тревогой констатировал: «Положение дел на французском театре боевых действий сильно возбуждает турок, считающих, что общая победа вполне будто бы обеспечена за Германией. В виду этого

временное, сравнительно благоприятное, впечатление, произведенное на Порту нашим предложением письменно гарантировать неприкосновенность территории Турции, сильно сглаживается, и она не проявляет особого нетерпения связать себя с нами»[6].

Министр иностранных дел России С.Д.Сазонов в секретной телеграмме директору дипломатической канцелярии при штабе Верховного главнокомандующего от 29 августа 1914 г. подчеркивал, как «важно сохранить мирные отношения с Турцией, пока не определится решительный перевес русско-французских войск над австро-германскими», и что «с общей политической точки зрения, разделяемой Францией и Англией, весьма важно, чтобы война с Турцией, если бы она оказалась неизбежной, была бы вызвана самой Турцией»[7].

5 октября 1914 г. М.Н.Гирс пишет из Константинополя, что «война вероятнее всего неизбежна», «весь вопрос в том, когда именно и при каких условиях она наступит», и высказывает предположение, что немцы могут спровоцировать вступление Турции в войну или турки решатся на это сами «в случае успеха наших противников»[8]. 29 октября Сазонов сообщает Гирсу о том, что «турки открыли военные действия против незащищенного порта Феодосии и канонерки, стоявшей в одесском порту»[9]. Вслед за Феодосией и Одессой, были обстреляны Севастополь и Новороссийск. «Впечатление в обществе очень велико... нападение турок нашло отклик в самых глубинах русского сознания»[10], – записал в эти дни французский посол при Русском Дворе в 1914-1917 гг. Морис Палеолог.

В действительности удар по городам на черноморском побережье России был нанесен двумя германскими крейсерами «Гебен» и «Бреслау», офицеры и матросы которых по приказу назначенного командующим турецкими военно-морскими силами немецкого контр-адмирала Сушона сменили бескозырки на фески, спустили на кораблях немецкий флаг и вывесили турецкий[11]. Провокация удалась – в ответ на враждебные действия кораблей под турецким флагом Россия, а затем Англия и Франция объявили Турции войну. Таким образом, Османская империя вступила в нее на стороне держав Центрального блока.

2 ноября 1914 г. Николай II обратился с манифестом к русскому народу: «Предводимый германцами турецкий флот осмелился вероломно напасть на наше Черноморское побережье... Вместе со всем народом русским мы непреклонно верим, что нынешнее безрассудное вмешательство Турции в военные действия только ускорит роковой для нее ход событий и откроет России путь к разрешению завещанных ей предками исторических задач на берегах Черного моря»[12].

На Кавказе образовался новый театр военных действий между Россией и Турцией. Здесь в 1915 г. русская армия провела ряд успешных военных операций, что привело к взятию крепости Эрзерум и порта Трапезунд – главных баз турок для действия против российского Закавказья.

На турецкой территории, куда вступили русские войска, им пришлось соприкоснуться не только с турками, но и другими этническими группами мусульманского (курды) и христианского населения (армяне, ассирийцы – «айсоры»), часть из которого, прежде всего христиане, были настроены враждебно к туркам и преследуемы ими, и, соответственно, встречали русских как своих защитников и освободителей. И айсоры, и курды воспринимались русскими как «дикие племена», однако, первые, христианские, – с сочувствием как единоверцы и жертвы массового террора, вторые, мусульманские – враждебно.

Курды были воинственными племенами, с которыми приходилось сражаться русской армии на Кавказском фронте. Интересную характеристику курдам дает в своих «Записках» казачий офицер Ф.И.Елисеев, оставивший ценные воспоминания о событиях на «периферийном» фронте Первой мировой войны: «Курды – как кочевники, отсюда и полуразбойники – все вооружены огнестрельным оружием и ножами. Молодой курд, не имеющий винтовки, не может жениться, то есть никто за него не выйдет замуж, как за недостойного. Кроме того, перед войной турецкое правительство выдало всем курдам десятизарядные винтовки старого образца со свинцовыми пулями»[13]. И далее: «Стариннейший народ. Все кочевники...» Курды мусульмане, однако «мечетей у них нет, или они очень редки и

примитивны – это просто сараи... Живут они древними своими обычаями. Турок недолюбливают». Оценивая воинственность этого народа, Елисеев отмечает, что «всякий курд счастлив и обязан иметь какое-либо ружье. Они предпочитают патроны со свинцовой пулей. Такая пуля делает рваные раны, заражает их, и в большинстве случаев смертельный исход неизбежен». И приходит к неожиданному выводу, сравнивая себя с противником: «В общем, курды народ хороший, и мы их даже полюбили. Из них получились бы отличные конные полки, наподобие казачьих. Да таковыми они и были в Турецкой армии – как иррегулярные конные части». Жестокое сопротивление курдов он связывает с бесцеремонным поведением русских войск в отношении местного населения с первобытным еще сознанием и традиционным укладом: «При таком положении побежденного даже европеец взялся бы за нож для защиты своей семьи, чести. А ведь курд был самый настоящий полудикарь, разбойник, воинственный человек, к тому же мусульманин. Вот почему он и стрелял в русского солдата при удобном случае...»[14]

Русские видели жестокость курдов, но сначала недооценивали их боеспособность: «Они также защищали свое отечество, как и мы свое. Местные курды отлично знали свою гористо-пересеченную местность, которую мы, завоеватели, не знали... Мы, упоенные успехами первых дней войны, силы и сопротивление курдов не считали серьезными, равными отпору настоящей регулярной армии. Полудикие воинственные курды... всегда вооруженные винтовками и ножами, они, при превосходстве своих сил, были храбры и дерзки»[15].

Ненависть к неприятелю добавили поступающие со всех сторон известия о геноциде армянского населения в Турции весной 1915 г. Сигналом к началу террора, возведенного в ранг государственной политики Стамбула, и направленной на уничтожение самого слова «Армения» в Турции, послужило восстание армянского и ассирийского населения горной области Хеккияри юго-восточнее озера Ван, поднятое 11 апреля 1915 г. с целью обеспечить быстрое овладение городом Ван наступающими русскими войсками. Кроме того, по мере продвижения российской армии вглубь Восточной Анатолии армяне в

ряле мест формировали партизанские отряды, выступали в качестве проводников, переводчиков, разведчиков при русских войсках.

Всеобщая депортация армянского населения, известного своими симпатиями к России и Антанте, а потому рассматривавшегося турецким правительством как «потенциальный сообщник врага», из Западной Армении в пустынные области Северной Месопотамии сопровождались массовой резней, жертвами которой, по разным данным, стали от 600 тыс. до 1,4 млн. армян и полмиллиона ассирийцев[16]. После решения турецких властей о проведении «акции», генерал-губернаторам восточно-анатолийских вилайетов был разослан циркуляр: «Каждый мусульманин будет подвергнут смертной казни на месте, если приютит у себя какого-нибудь армянина»[17]. Еще на месте, в Западной Армении, уничтожались мужчины, способные к сопротивлению. Женщины, старики и дети сгонялись в «караваны смерти», на которые по дороге к месту депортации нападали мусульманские племена, продолжая резню беззащитных людей. Оставшиеся в живых и добравшиеся до концлагерей в Месопотамии переселенцы в большинстве своем погибли уже там из-за невыносимых условий содержания. В резне армян и христиан-айсоров «отличились» не только турки, но и курды.

По многочисленным оценкам, армянские добровольческие дружины были ценными помощниками русским войскам в их операциях против турок. «Их дисциплина и вся суть воинского движения, построенного на добровольческих началах, были основаны на глубочайшем национальном энтузиазме, с главной целью – освобождением Армении от турок... Они дрались фанатично, и ни турки, ни курды армян, как и армяне их, в плен не брали. Они уничтожали друг друга в бою безжалостно»[18].

Именно на турецком фронте русским войскам пришлось столкнуться с «азиатской войной» – невиданными проявлениями жестокости, в том числе по отношению к мирному населению. «Из села выскочили десятка два конных курдов и в беспорядке широким наметом понеслись на юг, – вспоминал Ф.И.Елисеев. – Мы вскочили в село. Оно оказалось армянским.

В нем – только женщины и дети. Все они не плачут, а воют по-звериному и крестятся, приговаривая: «Кристин!.. Кристин!.. Ирмян кристин!» Ничего не понять от них о событиях, происшедших в селе. Жестом руки успокаиваю их... А через версту, у ручейка, видим до десятка армянских трупов. Теперь нам стала ясна причина рыданий и скрежета зубов женщин в селе. Все трупы еще свежи. У всех позади связаны руки. И все с перерезанным горлом. Одежда подожжена и еще тлела. Все молодые парни с чуть пробивавшимися черными усиками. Картина жуткая. Казаки молча смотрели на них. И для них, как христиан, лик войны менялся. Они возненавидели курдов и жаждали мщения»[19]. Типичным зрелищем, которое встречали на своем пути русские, было «армянское село с православной церковью, где навалены трупы женщин и детей, зарезанных в ней курдами. Картина страшная...»[20].

Особенно горько было узнать о судьбе города Ван, жители которого в мае 1915 г. ликующе приветствовали их как своих освободителей и защитников, «безусловно уверенные» в том, что «теперь-то, при помощи русских победных войск, будет освобождена и построена их Великая Армения». Никто тогда еще не знал, что «не позже чем через два месяца все жители города Ван и всего округа переживут жуткую трагедию и их дивный город будет разграблен курдами и сожжен...»[21]. Впоследствии вновь побывавшие в гостеприимном Ване русские солдаты застали там полное запустение. Они узнали, что после оставления города весной «в него вошло до 200 конных курдов. Разграбив его и дорезав оставшихся там больных и дряхлых армян, курды подожгли город и ушли». Город был разорен настолько, что русским полкам пришлось остановиться биваком за городской чертой. «Ужасно там... – рассказывали очевидцы. – Словно никогда и не существовало этого цветущего города с 200-тысячным населением, со своим добром, со своими роскошными садами». Подобные картины зверств турецких войск и мусульманских племен по отношению к единоверцам русских провоцировали ответную жестокость, проявления которой на этой войне были отнюдь не редки. Так, увидев разорение армянского города Ван «2-я Забайкальская казачья бригада... отошла на восток, расстреляв заложников-курдов»[22].

Жестокость «азиатской войны», геноцид турок по отношению к мирному христианскому населению негативно влияли на моральное состояние русских войск, чувствовавших свою вину за невозможность оградить дружественный народ, его женщин, детей и стариков от преследований врага: «Как их спасать, куда везти – мы не знали. Кругом витала смерть, и они своим беспомощным присутствием только отягощали войска, вносили естественное сердоболие в души казаков, столь отрицательный элемент в войнах»[23].

Непосредственное соприкосновение русских войск с турками на территории, населенной преимущественно иными этническими группами, происходило либо в ходе боевых действий против регулярных турецких частей, либо при общении с военнопленными. И по сравнению с «дикими» курдами они воспринимались как гораздо более «цивилизованный», почти «европейский» противник, который признавал определенные правила воинской этики. Например, возглавлявший плененный казаками батальон «турецкий капитан, небольшого роста, сухощавый, с тонкими и благородными чертами лица матового цвета, выбритый, но с пышными черными усами в стороны» при встрече вежливо отдал русским офицерам честь, и они ответили ему тем же. И если курдские иррегулярные части воспринимались как «дикари» и «оборванцы», то оценка турок, даже пленных, была качественно иной: «Турецкие солдаты – молодые и бодрые. Хорошо обмундированы. Лица открытые, смелые. Упадка воинского духа в них не было заметно»[24].

Иногда турки вызывали даже сочувствие, особенно когда «субъект восприятия» обладал рефлективными способностями, задумывался о смысле войны и пытался представить себя на месте противника. Вот описание одного боевого эпизода, в котором свидетель отдает дань уважения храбрости врага и видит в нем такого же, как он сам, человека: «А турки... бедные турки! Бедные люди... такие же, как и мы, воины, у которых есть и свое отечество-государство, есть и свои святые обязанности перед ним, как и у нас, казаков. Есть у них своя отличная воинская дисциплина, и свои семьи, и свои хаты... Семьи томительно будут ждать от них вести с фронта “об их здоровье и благо-

получии", но... их они уже никогда не получат! Они, турки, всегда храбрые солдаты своей Великой Турецкой империи, под казачьими выстрелами как-то сразу странно остановились. Некоторые немедленно попадали на землю и не встали, другие быстро повернули назад, устало побежали и стали падать, падать и... не вставать уже. Из-за перевала показалась новая группа турок. Видя гибель своих, немедленно же рассыпалась в цепь и двинулась вперед, на поддержку»[25].

Образ турецкого врага дополняли и сведения о порядках на турецком флоте. Так, в газете «Вестник X армии» от 12 мая 1915 г. была опубликована заметка «Турок, сдавших суда, казнят». В ней говорилось: «Из Севастополя сообщают, что последнее время команды турецких судов, застигнутых нашим флотом в море, после первого же выстрела наших кораблей поспешно высаживаются в шлюпки. Однако турки плывут не к берегу, который обыкновенно находится очень близко, а едут по направлению к нашему флоту, находящемуся в нескольких верстах. Оказывается, что тех турок, которые при потоплении нашим флотом вражеских судов избегают нашего плена, турецкое правительство приказывает казнить как изменников и предателей»[26]. Сведения о подобных порядках, непривычных для дореволюционной русской армии, возвращали читателю прежние представления о турках как о восточном народе, ведущем войну с азиатской жестокостью даже в отношении «своих».

В целом Турция – этот давний недруг России, с которым она вела кровопролитные войны на протяжении нескольких столетий (в XVII–XIX веках), – в Первую мировую войну воспринималась русским сознанием как противник второстепенный, слабый и зависимый от более сильного врага – Германии. На Кавказском театре боевых действий русская армия столкнулась с еще более дифференцированным противником, нежели на европейском представляли собой австро-венгерские войска. Преследуемое христианское население было враждебно настроено по отношению к турецким властям и дружественно к русским. Неоднородной была и мусульманская часть населения турецких территорий, на которых велись боевые действия.

Русские войска сталкивались и с нерегулярными формированиями курдских племен, и с частями турецкой армии, наблюдая врага и в ходе боевых действий, и в быту. Как и в других войнах, здесь проявился весьма широкий спектр оценок и чувств по отношению к противнику: ненависть к жестокому «азиатскому» и «иноверческому» врагу при уважении к его храбрости, восприятие иной социокультурной среды со смешанным чувством любопытства, снисходительности и европейского высокомерия, сочувствие к страданиям мирного христианского населения при нередких случаях бесцеремонности оккупационных войск и даже их жестокости по отношению к мусульманам и т.д. Однако, по мере того, как война затягивалась, накапливались усталость и антивоенные настроения, противник, независимо от его национальности и вероисповедания, все более воспринимался как такой же человек, не по своей воле поставленный в безвыходную ситуацию «пушечного мяса».

---

1 *Шамбаров В.* За веру, Царя и Отечество. М., 2003. С. 74.
2 Там же. С. 74-75.
3 Там же. С. 75.
4 Там же. С. 75-76.
5 Там же. С. 75.
6 Царская Россия в мировой войне. Л., 1925. Т. 1. С. 6, 31.
7 Там же. С. 33.
8 Там же. С. 49.
9 Там же. С. 54.
10 *Палеолог М.* Царская Россия во время мировой войны. М., 1991. С. 123-124.
11 Мировые войны XX века. Кн. 2: Первая мировая война: документы и материалы. М., 2002. С. 378.
12 Там же. С. 380.
13 *Елисеев Ф.И.* Казаки на Кавказском фронте, 1915-1917: записки полковника Кубанского казачьего войска: в 13 брошюрах-тетрадях. М., 2001. С. 106-107.
14 Там же. С. 143-144.
15 Там же. С. 70.
16 *Шкундин Г.Д.* Болгария и Турция в «объятиях» германского союзника // Мировые войны XX века. Кн. 1: Первая мировая война: исторический очерк. М., 2002. С. 459.
17 Там же. С. 457.
18 *Елисеев Ф.И.* Указ. соч. С. 85-86.
19 Там же. С. 90-91.

[20] Там же. С. 93.
[21] Там же. С. 102.
[22] Там же. С. 139.
[23] Там же. С. 108-109.
[24] Там же. С. 161.
[25] Там же. С. 173.
[26] РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 730. Л. 14 об.

Нагорная О.С.

ОБРАЗ ВРАГА И ПОЛИТИКА СОДЕРЖАНИЯ РОССИЙСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ В НЕМЕЦКИХ ЛАГЕРЯХ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В период Первой мировой войны и последовавших революционных событий образ пленных солдат и офицеров царской армии превратился в неотъемлемую составляющую немецкой военной пропаганды. Во внутренней дискуссии образ безоружного врага использовался с целью дисциплинирования собственного населения и духовной мобилизации на ведение нынешней войны. С его помощью немецкая пропаганда пыталась оказать влияние и на международную дискуссию о виновниках войны и способах ее ведения. Правовое поле, созданное Гаагскими конвенциями, а также давление со стороны нейтральных стран заставляли военные и политические ведомства прикладывать значительные усилия, встраивая Германию в сообщество прогрессивных государств и смещая границу «варварства» на восток[1]. Сами лагеря военнопленных представляли собой уникальное пространство непосредственных контактов с врагом, свободное от воздействия аффекта фронтового сражения. Соответственно обращение с военнопленными на местах и риторика контактировавших с ними лиц отражают существующие стереотипы и их влияние на поведение отдельных индивидов и ведомственные мероприятия.

В последние годы с развитием «новой военной истории» проблематика военного плена на Восточном фронте Первой мировой войны привлекла к себе пристальное внимание исследователей[2]. Существующие на сегодняшний день работы подчеркивают многомерность данной темы: превратившись в массовый феномен, вражеские военнопленные и собственные подданные в лагерях противника приобрели для воюющих государств весомое военное, экономическое и дипломатическое значение. Сквозь призму военного плена находят свое отраже-

ние процессы тотализации военных действий[3], развитие системы международного права[4], а также внутриполитические проблемы воюющих государств: распространение принудительного труда[5], миграционная и социальная политика[6] и т.д. Историки едины во мнении, что военнопленные представляли собой важный объект национальной и революционной пропаганды и инструмент давления на вражеское государство[7]. Однако до сих пор в работах не уделялось достаточного внимания степени репрезентации образов врага и их влияния на мотивацию ведомств и отдельных индивидов, работавших с военнопленными, а также специфике пересекающихся дискурсов плена в России и Германии и их трансформации в революционный период.

На основе исследования инструментализации образа российских военнопленных в Германии в данной статье будет предпринята попытка выявления базовых составляющих конструкции врага, степень их распространения и влияния на действия акторов и групп, а также освещение изменений в восприятии противника в условиях «европейской гражданской войны» (Э.Нольте). Соответственно, конструкция другого рассматривается в качестве гибкого, многослойного образования, которое зависит от среды бытования (социальной группы или политического института) и трансформируется на основании нового опыта. Как представляется, подобный ракурс исследования позволит выйти за границы изучения изолированных пропагандистских шаблонов и осветить взаимосвязь между сконструированными представлениями и политической практикой. Работа базируется на материалах немецкой ведомственной переписки, публицистики и опубликованных воспоминаний.

В первые же месяцы войны число военнопленных на территории Германии превысило ожидаемый уровень и вынудило немецкие военные органы в срочном порядке разрабатывать планы размещения, обеспечения и медицинского обслуживания. В «фазу импровизации», как, впрочем, и позже, определяющее влияние на функционирование системы лагерей военнопленных оказал «горизонт ожиданий» (Р.Козеллек) – стерео-

типное видение противника, сформированное под воздействием военной пропаганды. Как свидетельствуют источники, пропагандистские и обывательские представления о восточных соседях основывались не только на либеральных[8], но и в большей степени на колониальных паролях. Именно с помощью данной риторики в отношении Российской империи политические и пропагандистские институты пытались компенсировать неудачи германского проекта заморской колонизации. Степень распространения колониальных представлений отражается не только в политических концепциях (например, в «Стратегии апельсина» или программе канцлера Бетмана Гольвега 1914 г.), но и в письмах немецких солдат Восточного фронта, воспринимавших оккупацию западных провинций России как миссию европеизации отсталого населения[9]. Именно укоренившиеся в сознании представления о культурной неполноценности восточных соседей имели решающее значение для немецкой политики военного плена в отношении русских солдат и офицеров в лагерях.

Первые партии военнопленных, прибывавшие с Восточного и Западного фронтов вглубь империи, вызвали массовое паломничество в лагеря немецких обывателей, явно воспринимавших многонациональное собрание безоружных врагов как захватывающее приключение в стиле «смотрин народов» (Voelkerschau)[10]. В многотысячных колоннах пленных и экзотическом виде отдельных формирований население стремилось найти подтверждение превращению Германии в мировую державу. Одна из важных линий немецкой пропаганды врага в период войны была инициирована этнографами, лингвистами и антропологами, увидевшими в системе лагерей уникальную возможность организации полевых экспедиций по изучению расовых типов, языков и обычаев. Большая часть подобных проектов была завершена богато иллюстрированными изданиями, которые помимо научной имели прежде всего пропагандистскую значимость, наглядно демонстрируя населению и нейтральным державам, что Германия ведет войну с «целым миром врагов»[11]. Кроме того, подобные публикации возвышали немецкую культуру как противовес «нравственно неполно-

ценным противникам» в лице военнопленных африканцев, азиатов (включая народности Российской империи) и восточноевропейцев (включая евреев), «не имевших представления о немецкой чистоте»[12]. Последние издания подобного рода вышли в свет уже после войны с целью опровержения обвинений союзников в плохом обращении с военнопленными и доказательства немецкого вклада в процесс европеизации отсталых народов.

Переписка немецких военных и дипломатических ведомств свидетельствует, что русские военнопленные были поставлены на одну ступень с колониальными частями в армиях западных союзников. В ответ на ноту английского правительства, которое в качестве доказательства негуманного содержания британских подданных в Германии указывало на совместное размещение офицеров-англичан с русскими, немецкая сторона парировала: если Англия не останавливается перед использованием в войне «цветных всех рас как союзников», то она не должна удивляться, когда ее «офицеры в плену попадают с ними в тесный контакт»[13]. С точки зрения заместителя начальника Германского Генерального Штаба, размещение пленных западноевропейских стран с находящимися «на более низкой культурной ступени русскими» или жителями колоний должно было использоваться как репрессивная мера и инструмент давления на противника[14].

Распространенность колониальных стереотипов определила содержание русских военнопленных. С одной стороны, Прусское военное министерство (далее – ПВМ), опасавшееся репрессий в отношении немецких подданных в России, стремилось привести ситуацию в лагерях в соответствие с международным правом. Однако сами берлинские чиновники, являвшиеся активными реципиентами и выразителями предубеждений, не препятствовали, а только способствовали их укреплению и распространению. В основополагающих предписаниях русские определялись как «масса, находящиеся на низком уровне развития», над которой достаточно сложно установить контроль. В одном из документов неодобрение распространившейся на местах практики привязывания бежавших и вновь

пойманных военнопленных обосновывалось тем, что подобная мера оценивается как унизительная, «даже если в случае русских на это можно не обращать внимание». Отчеты о применении наказаний в лагерях обязательно упоминали, что русские «привыкли к железному принуждению на родине», где якобы самым распространенным наказанием является порка[15]. Даже депутаты рейхстага, критиковавшие произвол в лагерях как «в высшей степени непродуманную политическую линию», оговаривались, что «тяжело работать с массой людей, стоящих на более низком культурном уровне, т.к. наведение порядка среди них требует неординарных мероприятий и наказаний»[16].

В сообщениях с мест при описании опыта общения с русскими солдатами преобладали упоминания инфантильной непретенциозности и безынициативности, зависимости поведения от количества пищи и низкого развития умственных способностей[17]. В отчетах комендатур, составленных в 1917 г., основным мотивом описания представителей русской нации было признание их поголовной неграмотности, откуда вытекали духовная неполноценность, боязнь бога и верность режиму. В несколько более выгодном свете представлялись жители западных провинций вследствие положительного влияния на них немецкой культуры[18].

Стереотипы врага способствовали использованию на местах более жестких средств дисциплинирования. В лагерях и рабочих командах, превратившихся по сути дела в вотчину комендантов или начальников охраны, часто царил неконтролируемый из центра произвол. Начальник лагеря Гэнзвизе протестовал против перевода новых групп русских в его лагерь и заявлял, что с его стороны «понимание этих большей частью диких людей исключено из-за отсутствия знания языка и нравов». Далее он признавался, что по отношению к прибывшей недавно из Геттингена партии военнопленных, которую он именовал «недисциплинированной бандой», он в первые же дни приказал применить оружие. В отчете другого коменданта отмечалось, что раз «послабления в адрес русских воспринимаются ими как слабость немецкого правительства и народа», то он будет «действовать в соответствии с принципом: пусть

они нас ненавидят, но только если они нас боятся»[19]. Несмотря на традиционно уважительное отношение к представителям военной элиты противника, пренебрежительная оценка распространялась и на русских офицеров, которые, по мнению комендантов, были лишены налета цивилизации, «ревностно пытались показать себя на фоне французов культурным народом, но попадали при этом в комичные ситуации»[20].

Сформированные предвоенной пропагандой представления усугубились во время оккупаций Восточной Пруссии. Известия о зверствах русских армий, особенно казачьих частей, легли на хорошо подготовленную почву и обросли невероятными подробностями: к примеру, русские якобы отрубали или простреливали всем юношам в провинции правую руку, чтобы лишить их возможности держать оружие. Реагируя на подобные слухи, Верховное командование настаивало, что условия жизни в лагерях должны быть сведены к минимуму, необходимому для поддержания жизни[21]. На местах рассказы об ужасах русского вторжения, особенно в начале войны, приводили к безоглядному обращению охраны с пленными: «солдаты ждали удобного случая, когда рядом не будет офицера, чтобы отомстить русским издевательствами или избиением». Несмотря на неодобрительное отношение вышестоящих инстанций к происходящему, «по-человечески» оно им «было понятно»[22].

Немецкие ведомства активно использовали в отношении военнопленных из царской России расовую риторику. Наиболее ярким ее воплощением стал «Отчет о военнопленных в саксонских лагерях в форме представления о государственном строе, народности и расе», основанный на убеждении, что «раса при формировании образа народа играет самую важную роль». Миссионерское видение роли германцев в истории восточно-европейских народов, привело автора (рядового инспекционного врача) к выводу, что эстонцы и латыши обязаны сохранению своей народной сущности и языка «работе их германских господ». Русские военнопленные определялись им, как и многими его коллегами, в качестве «несимпатичных рабов», а убеждение в «космополитичности» и более низком

нравственном уровне восточно-европейских евреев заставляло его воспринимать любые их действия как характерное для их расы подобострастие в стремлении получить привилегии[23]. Уже сам факт возведения данного опуса в ранг итогового отчета инспекции лагерей двух армейских корпусов подчеркивает распространенность подобных представлений в немецких военных органах. Показательно, что данные смысловые конструкции уже в веймарский период переместились в школьные учебники: «Русские не способны к творческой и созидательной деятельности. Всем, что Россия до сих пор создала, она обязана состоявшим на русской службе немцам и балтийским немцам»[24].

Практическое воплощение мышление расовыми категориями нашло в политике предоставления военнопленным немецкого гражданства. Первоначальные намерения восполнить военные потери Германии с помощью прилежных работников из их числа натолкнулись на убеждение ПВМ в необходимости сохранения чистоты немецкой нации. Соответственно, в качестве условий дарования гражданства были определены «чисто арийское происхождение», полное телесное и душевное здоровье и моральная благонадежность. Прошения «цветных» военнопленных должны были безусловно отклоняться, а к заявлению каждого прилагались сведения о форме черепа, цвете глаз и волос. Из всех представителей восточно-европейских народностей перспективно в глазах немецких военных ведомств выглядели только русские немцы из поволжских колоний, которые подлежали строгому отделению от евреев и немцев из Польши, «где народность уже поблекла»[25].

После возникновения в лагерях эпидемий тифа и холеры, носителями которых чаще всего являлись имевшие более стойкий иммунитет русские солдаты, сотрудники немецких военных органов укрепились в своем представлении о нечистоплотности восточных соседей: «Русские верили, что если на человеке нет насекомых, значит, он нездоров. Они не испытывают такого отвращения перед вшами, как западноевропейцы»[26]. Образ неграмотной и ленивой нации определил и порядок использования военнопленных из царской России в систе-

ме принудительного труда. Уверенное в неспособности русских солдат работать с техникой, немецкое военное командование предписывало отправлять их на тяжелые физические работы в сельском хозяйстве или в шахтах.

Влияние устойчивых образов врага на реализацию немецкой политики прослеживается и на примере агитации среди национальных меньшинств Российской империи в лагерях. По представлениям немецкой стороны, русские немцы, поляки, украинцы, прибалты, татары и кавказские народности воевали против Центральных держав не из убеждения, а по принуждению, и вследствие этого были предрасположены к сотрудничеству против собственного правительства. В ходе войны мусульмане и поляки вербовались соответственно в турецкую армию и польский легион, пропагандистская деятельность в отношении остальных была нацелена на реализацию немецких стратегических интересов на восточно-европейском пространстве уже после окончания войны. Решающую роль при разработке и реализации агитационных программ сыграли изначально смутные представления о населении восточных территорий, в том числе противоречие между привычными для Германии принципами определения национальности и принятым в России самоопределением в соответствии с религиозной принадлежностью. С подачи антропологов, в качестве отдельных народностей военные органы выделяли сибиряков и казаков, к которым часть комендантов произвольно относили и киргизов. Сами представители этих «становящихся» национальных меньшинств определяли себя русскими или украинцами и создавали путаницу в статистических данных. Напротив, для неожиданно «обнаруженных» в ходе деятельности администрации Обер Ост белорусов или заявивших о себе в качестве потенциальных сепаратистов туркмен ПВМ не смогло сформулировать программу просветительских мероприятий[27]. В итоге, пренебрежительное отношение на местах к национальным меньшинствам не позволило воспринять их в качестве равноправных партнеров и обусловило неудачи агитации.

В планах немецких органов по отношению к военнопленным из царской России заметную роль играл фактор револю-

ционизации. Уже в июне 1914 г. центральные и некоторые местные органы обосновывали необходимость распространения в лагерях революционной пропаганды: «Если мы будем подстрекать их основательно против царизма, тогда это вознаградится хорошими процентами... Революция в России может в будущем защитить нас от его жестокой натуры»[28]. С подачи ПВМ в лагерях раздавалась пропагандистская литература, допускались контакты пленных с заграничными революционными организациями. Отдельные инициативы не превратились однако в последовательно реализуемую политическую линию из-за опасений местных органов, что данные идеи могут распространится за пределы лагерей. Кроме того, в революционных агитаторах видели шпионов, которые «в союзе с немецкими элементами пытались разрушить предприятия, участвовать в стачках или бежать из лагеря»[29].

По военным и политическим соображениям октябрьские события 1917 г. в России изначально приветствовались немецким политическим руководством, однако ситуация полностью изменилась в ноябре 1918 г., когда «шок собственной революции придал господству большевиков новое значение и радикализовал его рецепцию». Характеристика Ноябрьской революции как «большевистской» означала проекцию ужасов Гражданской войны в России на события у себя дома[30]. Опираясь на тезис Й.Баура, можно утверждать, что русские военнопленные способствовали переносу конфликтных линий русской гражданской войны не только на внутриполитическую ситуацию в Германии[31], но и на европейскую политику в целом.

С началом революции сторонники республики попытались нейтрализовать военнопленных как угрозу дополнительных беспорядков. Типичным примером их деятельности является обращение баварских советов ко всем заключенным местных лагерей, в котором последние именовались «товарищами» и «братьями» и объявлялись гостями Германии. Взамен на гарантию обеспечения и обещания скорейшей отправки им предлагалось сохранять спокойствие и оставаться на местах «во имя интернационального братства народов»[32]. В крупнейшем лагере в окрестностях Мюнхена – Пухгейме – состоялось вы-

ступление министра-президента Баварии Курта Эйснера, объявившего военнопленных свободными людьми и спровоцировавшего тем самым беспрепятственный выход русских солдат в город[33]. И если офицерские лагеря демонстрировали равнодушие по отношению к большевистской пропаганде, то солдаты в этой ситуации начали налаживать связи с левыми либо использовали создавшийся хаос в своих личных целях: для смены рабочего места, бегства из тюрьмы или возвращения на родину[34].

Сложившаяся на юге Германии ситуация гражданской войны и отправка военнопленных западноевропейских стран изменили целеполагание революционеров в отношении русских солдат, которые стали рассматриваться в качестве потенциальных защитников социалистической республики. В апреле 1919 г. из Мюнхена в Пухгейм было направлено предписание освободить военнопленных для их вступления в революционную Красную армию. Несмотря на сопротивление комендатуры, прибывшие из города вооруженные представители Советов обеспечили новой формой и оружием около 300 человек, которые были привлечены к патрулированию мюнхенских улиц. Согласно источникам, примерно это же число пухгеймовцев погибли в стычках с Фрайкором[35] или стали жертвами белого террора[36].

Участие незначительного числа русских военнопленных в революционных событиях позволило правым силам представить всю массу заключенных лагерей как убежденных большевиков, являвшихся опасным инструментом в руках Москвы и немецких коммунистов. В прессе регулярно публиковались пугающие сообщения, что «спартакисты предприняли шаги путем освобождения и снабжения русских оружием реализовать свой преступный замысел». Население призывалось «держать глаза и уши открытыми»[37]. Неудивительно, что в адрес военных органов поступал ответный поток обращений с требованиями избавить от опасного соседства с русскими большевистскими ордами внутри страны, находящимися под влиянием местных коммунистов[38]. Искусственно нагнетаемые опасения перед большевистской пропагандой и возможном участии во-

снопленных в беспорядках и коммунистическом путче способствовали возникновению напряженной обстановки в отдельных лагерях, доводившей до столкновений и применения оружия со стороны охраны. Не имея возможности организовать немедленную отправку, немецкие центральные ведомства требовали от местных органов усиления дисциплинарных мероприятий[39]. Чрезвычайное положение в лагерях было объявлено весной 1920 г., когда правительство опасалось организации спартакистами всеобщего восстания в лагерях[40].

Антибольшевистская риторика и образ военнопленных играли для немецкой стороны важную роль при выстраивании отношений со странами-победительницами. Пытаясь смягчить эффект поражения в войне и вновь найти свое место в европейском концерте, немецкие военные и дипломатические ведомства представляли Германию в качестве последнего бастиона перед рвущимися в Европу коммунистическими ордами. В адрес представителей Антанты в Комиссии по перемирию и позже в Межсоюзническую комиссию регулярно поступали заявления, что «для Германии в первую очередь стоял вопрос победы над большевизмом в собственной стране. Большевизм в глазах немецкого правительства – враг любой цивилизации. Для Германии возможность быть форпостом в борьбе с ним снижается из-за тяжелых условий перемирия и продолжающейся блокады». И только в случае смягчения условий перемирия, она способна остановить «красную волну с востока, вредному воздействию которой не смогут противостоять страны Антанты»[41]. Вершиной возможного сотрудничества победителей и побежденных в сопротивлении большевизму стали военные действия в Прибалтике. Значительное число русских военнопленных старой армии было завербовано в формирования Авалова–Бермондта, которые под именем «Западнорусской армии» сражались вместе с Фрайкором против Красной армии, параллельно пытаясь укрепить на этой территории немецкое влияние. Как отмечают Х.Ляйдингер и В.Моритц, неожиданный успех данной операции продемонстрировал Антанте, какую опасность кроет в себе вербовка военнопленных и как легко «направленная против красной Москвы» военная инициатива

может противоречить ее интересам[42]. Запрет союзников на дальнейшее пребывание немецких частей в Прибалтике подчеркнул безнадежность надежд германского правительства найти свое место в стане победителей.

Несмотря на внешнеполитические неудачи, образ военнопленных и антибольшевистские лозунги продолжали использоваться правой оппозицией внутри страны для критики правительства. Слухи о расстрелах в Советской России представителей бывшей военной элиты приводили к тому, что очередная отправка из офицерских лагерей порождала трагические воззвания местной прессы в адрес Берлина: «Неужели мы уже превратились в вассальное государство еврейских московитов?!»[43] Основной причиной возмущения стала деятельность Бюро по делам военнопленных под руководством В.Коппа, который с февраля 1920 г. был признан официальным представителем Советской России в Германии. Заголовки правых газет пестрели заявлениями о сотрудничестве Бюро со спартакистами в деле пропаганды и подготовки восстания с участием военнопленных. Своего пика антибольшевистский психоз достиг после интернирования в Германии красноармейских частей, участвовавших в советско-польской войне. Не только в общественной, но и во внутриведомственной дискуссии отражалось беспокойство в отношении деятельности комиссаров в лагерях и посещения их председателем Центроэвака А.Эйдуком. В итоге в ноябре 1920 г. президент республики подписал разрешение о применении оружия против интернированных, что привело к протестам советской стороны и угрозам репрессий по отношению к оставшимся в России немецким офицерам.

15 декабря 1920 г. по инициативе Немецкой национальной партии в рейхстаге состоялись парламентские слушания по поводу «коммунистического террора», процветающего в лагерях в отношении небольшевиков при попустительстве немецких комендатур[44]. Интерес публики к обсуждаемому вопросу подтверждался полными трибунами для зрителей и присутствием в палате большинства депутатов. И хотя слушания не привели к каким-либо значимым последствиям, сами выступления указывают на присвоение широким общественным спектром,

вплоть до СДПГ, господствующей в Веймарской республике антибольшевистской риторики. В своей речи социал-демократ Штюкклер заявил: «Мы, СДПГ, – противники большевизма. Если большевизм не создал в Германии твердую опору, мы должны благодарить за это СДПГ»[45]. В традициях военной пропаганды другой представитель партии – Вельс – подчеркивал, что русский народ давно «сбросил с себя следы культуры»[46].

Наряду с антибольшевистскими представлениями важной частью образа русских военнопленных в ранней Веймарской республике стал мотив внутриэкономической угрозы. В условиях растущей безработицы в Германии русские были представлены в качестве виновников всех бед, так как задержка их отправки обуславливала затянувшееся пребывание в немецких хозяйствах и на предприятиях. Несмотря на повторные распоряжения МВД при приеме на работу отдавать предпочтение местным жителям, хозяева нанимали более дешевых и менее претенциозных русских. Это вызывало многочисленные протесты со стороны населения вплоть до угроз организации стачки сельских и промышленных рабочих[47], заставляя Центральное управление по делам военнопленных изыскивать возможности для скорейшей отправки.

* * *

Таким образом, наблюдавшееся в начальный период войны стихийное паломничество немецких обывателей и исследователей в лагеря, а также риторика немецких ведомств представляются яркой иллюстрацией преобладания в Германии колониальных стереотипов по отношению к восточным соседям. Данные коды определяли условия содержания российских военнопленных, дисциплинарные практики, судебные приговоры, их место в системе принудительного труда, а также механизмы реализации сепаратистской пропаганды в лагерях. Пренебрежение к восточноевропейцам прослеживается на фоне более уважительного обращения немецкой стороны с пленными анг-

личанами, французами и бельгийцами, взаимоотношения же между солдатами и офицерами стран Антанты подчеркивает общеевропейский характер стереотипного восприятия русских.

После заключения мира на Восточном фронте и Ноябрьской революции в Германии российские военнопленные рассматривались обеими сторонами как средство достижения собственных целей в «европейской гражданской войне». За исключением узкого круга коммунистов в политической дискуссии ранней Веймарской республики военнопленные бывшей Российской империи были представлены как живое воплощение большевизма внутри страны, а также как угроза для рынка труда. Обращение к их образу использовалось разными политическими силами в целях найти свое место в лагере победителей, как основа антиправительственной критики и мобилизации населения против внутренней и внешней коммунистической угрозы.

---

[1] См.: *Hinz U.* Die deutschen Barbaren sind doch die besseren Menschen. Kriegsgefangenschaft und gefangene Feinde in der Darstellung der deutschen Publizistik 1914-1918 // In der Hand des Feindes. Kriegsgefangenschaft von der Antike bis zum Zweiten Weltkrieg / Overmans R. (Hrsg.) Koeln, 1999. S. 357.

[2] Подробнее о состоянии исследований см.: *Overmans R.* Ein Silberstreif am Forschungshorizont? Veroeffentlichungen zur Geschichte der Kriegsgefangenschaft // Ibid. S. 461-483; *Nachtigal R.* Kriegsgefangenschaft an der Ostfront 1914-1918. Literaturbericht zu einem neuen Forschungsfeld. Frankfurt am Main, 2005; *Gatrell P.* Prisoners of War on the Eastern Front during World War I // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2005. Summer. Vol. 6, N 3. P. 557-566.

[3] См.: *Hinz U.* Gefangen im Grossen Krieg: Kriegsgefangenschaft in Deutschland 1914-1921. Essen, 2005.

[4] *Томан И.* Россия и Красный Крест (1917-1945): Красный Крест в революционном государстве: деятельность МККК в России после Октябрьской революции 1917 г. М., 2002; *Hinz U.* Humanitaet im Krieg? Internationales Rotes Kreuz und Kriegsgefangenenhilfe im Ersten Weltkrieg // Kriegsgefangene im Europa des Ersten Weltkriegs / Oltmer J. (Hrsg.). Padeborn, 2006. S. 216-236.

[5] *Oltmer J.* Baeuerliche Oekonomie und Arbeitskraeftepolitik im Ersten Weltkrieg. Beschaeftigungstruktur, Arbeitsverhaeltnisse und Rekrutierung von Ersatzarbeitskraeften in der Landwirtschaft des Emslandes 1914-1918. Soegel, 1995; *Ленцен И.* Использование труда русских

военнопленных в Германии (1914-1918) // Вопросы истории. 1998. № 4. С. 129-137; *Nachtigal R.* Die Murmanbahn: die Verkehrsanbindung eines kriegswichtigen Hafens und das Arbeitspotential der Kriegsgefangenen. Grunbach, 2001; *Rawe K.* «...wir werden sie schon zur Arbeit bringen!»: Auslaenderbeschaeftigung und Zwangsarbeit im Ruhrkohlenbergbau waehrend des Ersten Weltkrieges. Essen, 2005.

6 *Roeppinger R.* Kriegsteilnehmer zweiter Klasse? Die Reichsvereinigung ehemaliger Kriegsgefangener, 1919-1933 // MGZ. (2005). 64. S. 391-423; *Abbal O.* Die franzoesische Gesellschaft der Zwischenkriegszeit und die ehemaligen Kriegsgefangenen // Kriegsgefangene im Europa… S. 295-308.

7 См.: *Hinz U.* Die deutschen Barbaren… S. 336-361; *Overmans R.* «Hunnen» und «Untermenschen» – deutsche und russisch/sowjetische Kriegsgefangenschaf-tserfahrungen im Zeitalter der Weltkriege // Erster Weltkrieg – Zweiter Weltkrieg: Ein Vergleich. Krieg, Kriegserlebnis, Kriegserfahrung in Deutschland, [1914-1945] / Thoss B., Volkmann H.-E. (Hrsg.). Paderborn, 2002. S. 335-365; *Wurzer G.* Die Kriegsgefangenen der Mittelmaechte in Russland im Ersten Weltkrieg. Goettingen, 2005; *Nachtigal R.* Privilegiensystem und Zwangsrekrutierung. Russische Nationalitaetenpolitik gegenueber Kriegsgefangenen aus OEsterreich-Ungarn // Kriegsgefangene im Europa… S. 167-194. В своей обзорной работе о месте военнопленных в революционных процессах на Восточном фронте, Г.Ляйдингер и В.Моритц не анализируют подробно немецкую систему плена, обозначая ее как идентичную австрийской. См.: *Leidinger H., Moritz V.* Gefangenschaft, Revolution, Heimkehr: die Bedeutung der Kriegsgefangenenproblematik fuer die Geschichte des Kommunismus in Mittel- und Osteuropa, 1917-1920. Wien, 2003.

8 Подробнее о данной линии пропаганды см.: *Jahn P.* «Zarendreck, Barbarendreck – Peitscht sie weg!»: Die russische Besetzung Ostpreussens 1914 in der deutschen Oeffentlichkeit // August 1914: ein Volk zieht in den Krieg / Boenisch M. (Hrsg.) Berlin, 1989. S. 147-157; *Idem.* Zarendreck, Barbarendreck: Die russische Besetzung Ostpreussens 1914 in der deutschen Oeffentlichkeit // Verfuehrungen der Gewalt: Russen und Deutsche im Ersten und Zweiten Weltkrieg / Eimermacher K. (Hrsg.). Muenchen, 2005. S. 226.

9 См.: *Liulevicius V.G.* Kriegsland im Osten. Eroberung, Kolonisierung und Militaerherrschaft im Ersten Weltkrieg. Hamburg, 2002. S. 201.

10 Исследования Моник Шеер, подробно рассматривающей этнологические исследования в лагерях военнопленных, подчеркивают репрезентативность колониальных кодов в общественной дискуссии. См.: *Scheer M.* «Voelkerschau» im Gefangenenlager. Anthropologische «Feind»-Bilder zwischen popularisierter Wissenschaft und Kriegspropaganda 1914-1918 // Swischen Krieg und Frieden: Die Konstruction des Feindes / R.Johler (Hrsg). Tübinden: Tubinder Vereinigung für Volkskunde. (Im Druck).

11 *Overmans R.* «Hunnen» und «Untermenschen»... S. 341.

[12] *Doegen W.* Kriegsgefangene Voelker: Haltung und Schicksal in Deutschland. Berlin, 1919. S. 4.
[13] BayHStA, M Kr., Nr. 1639, PKMIN, 29.5.1915.
[14] SaechsHSta. 11248. Saechsisches Kriegsministerium. Nr. 6905. General-Quartiermeister. 22.10.1914.
[15] BayHStA. Intendantur der militaerischen Institute. Nr. 160. Arbeitskommando Dachau. 12.1.1916; SaechsHSta. 11352. Stellvert. Generalkommando. Nr. 727. Taetigkeitsbericht der Inspektion der Kriegsgefangenenlager XII und XIX A.K. Juli 1918.
[16] Цит. по: *Hinz U.* Die deutschen Barbaren… S. 356.
[17] См.: BayHSta. M Kr. Nr. 14131. PKMIN. 5.9.1915; SaechsHSta. 11248. Saechsisches Kriegsministerium. Nr. 6994. PKMIN 4.7.1917. Geheim; HStA Stuttgart. M 400/3. Bue 5. Kommandantur Ulm. 6.3.1915; M 72/2. Bue 92. Inspektion der Kriegsgefangenenlager des XIII. A.K. 2.12.1918; Q 1/37. Bue 71. Kommandantur Eglosheim. 29.10.1917. Russische Armee; *Peter J.* Ein deutsches Gefangenenlager. Das grosse Kriegsgefangenenlager Ingolstadt. geschildert von seinem Kommandanten // Sueddeutsche Monatshefte. Jg. 18. 1921. Febr. S. 335.
[18] HStA Stuttgart. Q 1/37. Bue. 71. Kommandantur Eglosheim. 29.10.1917. Rus. Heer; SaechsHSta. 11348. Stellv. Generalkommando. Nr.164. Kommandantur Bautzen. 5.11.1917. Beurteilung des russischen Heeres.
[19] См.: *Нагорная О.* Санкционированное принуждение и произвольное насилие по отношению к российским военнопленным в немецких лагерях (1914-1922) // Проблема насилия в истории России. Челябинск, 2007. С. 17-33.
[20] *Peter J.* Ein deutsches Gefangenenlager… S. 335.
[21] См.: *Нагорная О.* Санкционированное принуждение… С. 17-33.
[22] Barch-MA. MSg 201/385. Die Verhaeltnisse in den Kriegsgefangenenlagern in Deutschland um die Jahreswende 1915/16.
[23] См.: SaechsHSta. 11352. Stellvert. Generalkommando. Nr. 728. Bericht ueber die Kriegsgefangenen in den saechsischen Kriegsgefangenenlagern in Form einer Darstellung nach Staatsform. Volkstum und Rasse. 1.8.1918.
[24] *Waschik K.* Metamorphosen des Boesen. Semiotische Grundlagen deutsch-russischer Feindbilder in der Plakatpropaganda der 1930er bis 1950er Jahre // Verfuerungen der Gewalt… S. 300.
[25] HStA Stuttgart. M 77/1. Bue 827. Wuerttembergisches MdI. 19.10.1917; BayHSta. St.GKdo I.A.K. Nr. 1986. PKMIN. Dauerhaftes Verbleiben von Gefangenen in Deutschland; SaechsHSta. 11248. Saechsisches Kriegsministerium. Nr. 6981. PKMIN. 6.12.1915; PKMIN. 28.11.1917; Nr. 727. Taetigkeitsbericht der Inspektion. Juli 1918.
[26] Barch-MA. MSg 201/385. Die Verhaeltnisse in den Kriegsgefangenenlagern in Deutschland um die Jahreswende 1915/16.
[27] К вопросу о национальной пропаганде в лагерях см.: *Нагорная О.* Пропаганда сепаратизма среди восточно-европейских народностей

Российской империи в германских лагерях военнопленных Первой мировой войны // Проблемы истории. филологии и культуры. Магнитогорск, 2006. № 3. С. 129-140.

28 BayHStA. M Kr. Nr. 1633. Bayerisches Kriegsministerium. 1.12.1914.

29 BayHStA. Stellv. GKdo II. b. A.K. Nr. 275. Sitzungsprotokol. 29.6.1917.

30 *Jahn P.* «Zarendreck, Barbarendreck»: Die russische Besetzung Ostpreussen 1914 in der Oeffentlichkeit. S. 226; *Waschik K.* Op. cit. S. 301.

31 *Baur J.* Zwischen «Roten» und «Weissen» – Russische Kriegsgefangene in Deutschland nach 1918 // Russische Emigration in Deutschland 1918 bis 1941: Leben im europaeischen Buergerkrieg / Schloegel K. (Hrsg.). Berlin, 1995. S. 98.

32 BayHStA. M Kr. Nr. 1697; см. также: *Baur J.* Zwischen «Roten» und «Weissen»... S. 94.

33 BayStA. Stv.GenKdo I. A.K. Nr. 1395. Inspektion der Kriegsgefangenenlager des I. A.K. 26.3.1919.

34 BayHStA. M Kr. Nr. 1701. Kommandantur Plassenburg. 15.5.1919.

35 Фрайкор (букв. свободный корпус) – полувоенные формирования, неоднократно возникавшие в Германии и Австрии в XVIII-XX веках. В частности, Фрайкор был создан по инициативе генерала Л.Мэркера в декабре 1918 г. для борьбы с революционным движением и сыграл большую роль в подавлении революционного движения, восстаний в Силезии, Прибалтике и др. – *прим. ред.*

36 BayHStA. M Kr. Nr. 1701. Stellv. GKdo des I. A.K. 31.5.1919; Kommandantur Puchheim. 14.5.1919; ГА РФ. Ф. 9491. Оп. 1. Д. 42. Л. 42.

37 Barch R 904/85. Mecklenburgische Zeitung. 15.3.1919.

38 StA Erlangen. Fach 94. Akt 280. Bericht an die Regierung von Mittelfranken. 17.4.1919; BayHStA. M Kr. Nr. 1700. Praesidium der Regierung Niederfranken. 30.4.1919; Nr. 1701. Kommandantur Hammelburg. 17.5.1919; Bayrisches Ministerium des Kriegsgelegenheiten. 5.7.1919.

39 BayHStA. M Kr. Nr. 1701. PKMIN. 24.6.1919; SaechsHSta. 11248. Saechsisches Kriegsministerium. Nr. 7073. PKMIN. 18.3.1918.

40 BayHStA. M Kr. Nr. 1704. MdI. 7.4.1920.

41 Barch R 904/263. Deutsche Waffenstillstandkommission. Spa. 25.1.1919. Rueckfuehrung der russischen Kriegsgefangenen.

42 См.: *Leidinger H., Moritz V.* Gefangenschaft. Revolution. Heimkehr... S. 631.

43 Fraenkische Nachrichten. 1920.10.11.

44 BayHStA. (Stellv.) Bayer.Militaerbevollmaechtiger in Berlin. Nr. 36. Reichstag. 22.11.1920.

45 *Schlesinger M.* Erinnerungen eines Aussenseiters im diplomatischen Dienst. Koeln, 1977. S. 153.

46 Цит. по: *Zelt J.* Die deutsch-sowjetische Beziehungen in den Jahren 1917-1921 und das Problem der Kriegsgefangenen und Internierten // ZfG. 1967. Hf. 3. S. 1029.

47 GStA PK. HA I.Rep. 87 B. Nr. 16103. Regierungspraesident. 18.2.1920.

Быстрова И.В.

СССР И АНГЛО-АМЕРИКАНСКИЕ СОЮЗНИКИ В 1941-1945 гг.: ЭВОЛЮЦИЯ ВЗАИМОВОСПРИЯТИЯ

Созданная в годы Второй мировой войны коалиция стран «большой тройки» – СССР, США, Великобритании – представляла собой союз государств с различными политическими системами, объединившимися против общего врага. В последние годы увидели свет немало отечественных и зарубежных исследований и документальных публикаций, так или иначе касающихся личных взаимоотношений лидеров «большой тройки» в годы Второй мировой войны[1]. В то же время активно разрабатывается новое направление в отечественной историографии, связанное с изучением проблемы взаимовосприятия, в том числе истории формирования «образа врага» и «образа союзника» в СССР и странах Запада[2]. Кроме того, появился более широкий доступ к архивным документам по данной тематике. Таким образом, у исследователя появилась возможность по-новому осветить «человеческую сторону» взаимоотношений союзников, в том числе показать эволюцию представлений американцев, русских и англичан друг о друге.

Основными «точками соприкосновения» союзников в годы войны на территории СССР были, во-первых, дипломатические центры – Москва, Куйбышев, Владивосток (где находились дипломатические миссии союзников). В этих районах имели место контакты между высшими политическими, военными, дипломатическими представителями. Личное общение между официальными представителями союзников и советскими людьми было крайне затруднено, поскольку иностранцы сознательно отгораживались от населения СССР советскими органами безопасности.

Во-вторых, зонами непосредственного взаимодействия между советскими людьми и «простыми» английскими и американ-

скими моряками были города, где останавливались и подолгу находились союзные конвои «северного маршрута» ленд-лиза – Мурманск, Архангельск, Молотовск (Северодвинск). Кроме того, группировки американских ВВС базировались на авиабазе в Полтаве, откуда совершали челночные бомбардировки Румынии, названные в честь Сталина («дядюшки Джо») «Фрэнтик Джо»[3]. Американские летчики непосредственно сталкивались с советскими людьми – в основном военными и сотрудниками спецслужб и дипломатическими представителями и в дальневосточном регионе, в связи с начавшимися с марта 1942 г. и участившимися особенно в 1944 г. посадками американских самолетов, которые вели войну с Японией, на Советском Дальнем Востоке. Контакты имели место и на южном «персидском» направлении, на территории Ирана, через которую также осуществлялись поставки по программе ленд-лиза. На территории США такие контакты осуществлялись на Аляске – в Номе и Фербенксе, где советские летчики принимали американские самолеты, перегонявшиеся по авиатрассе «Аляска–Сибирь».

Контакты имели место и на отдельных участках советско-германского фронта, и в ряде советских городов и промышленных центров (Урал, Сталинград и т.д.), куда выезжали с ознакомительными поездками представители союзников (Г.Гопкинс, У.Уилки и другие). Некоторые представители дипкорпуса (например, американский консул во Владивостоке Уорд) совершали поездки через всю страну и оставили свои путевые заметки с впечатлениями о жизни советских людей.

Общим для большинства посещавших СССР представителей США и Великобритании было стремление лично узнать правду об СССР и его героической борьбе против Германии и донести ее до своих народов, установить дружеские отношения с советскими людьми, помочь организовать военно-экономическую помощь СССР в своих странах.

Необходимо подчеркнуть, что Советская Россия и «демократический Запад» стали непримиримыми врагами после Октября 1917 г. Эта враждебность культивировалась внутри каждой из стран в течение десятилетий. «В мгновенье ока» быв-

шие враги стать союзниками, конечно, не могли: требовался определенный период перехода от состояния враждебности к толерантности и дружелюбию. Остановимся в общих чертах на проблеме, как постепенно менялись представления американцев, англичан и русских друг о друге под влиянием реалий борьбы с общей опасностью.

Возникновение в Европе очага военной опасности в лице фашизма привело к временному сближению бывших противников. Возможности будущего сотрудничества были намечены в ходе англо-франко-советских переговоров в Москве 1939 г., за которыми внимательно следили США. Неудача этих переговоров, заключение пакта Молотова–Риббентропа, война СССР с Финляндией – все это привело к новому обострению англо-советских и советско-американских отношений.

Реакция правительств и народов Великобритании и США на нападение Германии на СССР и их позиция в начальный период Великой Отечественной войны были неодинаковы. Как отмечал английский посол в СССР А.Керр в беседе с В.М.Молотовым 17 июня 1942 г., «в Англии 44 миллиона населения едины в своих симпатиях к СССР... Когда Германия напала на СССР, то народ в Великобритании поднялся одновременно с Черчиллем за оказание помощи СССР»[4] (это объяснялось во многом крайне затруднительным положением Великобритании, подвергавшейся германским бомбардировкам). Уже летом 1941 г. Англия предоставила СССР первый кредит в размере 1 млрд. фунтов стерлингов, был подписан советско-английский договор и т.д. (США начали оказывать военно-экономическую помощь по ленд-лизу с октября 1941 г., соглашение об американских поставках СССР было заключено только 11 июня 1942 г. в результате поездки в Вашингтон наркома иностранных дел СССР В.М.Молотова). Неформальную реакцию англичан отражали воспоминания английских капитанов и офицеров судов, приходивших с конвоями в Мурманск, Архангельск, Молотовск. «Английские капитаны и офицеры признавались, что население Англии, узнав о нападении Германии на СССР в 1941 г., воспрянуло духом и вздохнуло с облегчением, считая

что отныне для Англии опасность миновала и что русская армия спасет Англию»[5].

В США ситуация была значительно сложнее; влиятельные политические силы в обществе выступали против союза с СССР. Многие десятилетия вплоть до Второй мировой войны в США господствовали идеи изоляционизма. По выражению А.Керра, «в Америке 130 миллионов населения, и половина из этого количества не имеет совершенно никакой подготовки в вопросах внешней политики». Он утверждал, что внешней политикой интересуется «население, проживающее на восточном и западном побережье страны. Население же средней части США больше всего интересуется своими фермами, автомобилями... Эти люди нуждаются в перевоспитании, и президенту приходится учить и перевоспитывать этих людей».

Кроме того, как докладывал в записке наркому иностранных дел СССР В.М.Молотову от 4 июля 1944 г. посол СССР в США А.А.Громыко, «возможности получения сколько-нибудь существенной материальной помощи от США в начале войны были крайне ограниченными... В официальных кругах США и среди широкой общественности в то время господствовало мнение, что Советский Союз потерпит поражение через несколько месяцев после начала советско-германской войны... Часто можно было слышать заявления о том, что, осуществляя поставки Советскому Союзу, США... могут оказать помощь фашистской Германии, так как последняя после одержания победы над Советским Союзом может захватить поставленные ему вооружения и материалы»[6]. Президенту Ф.Рузвельту приходилось вести длительную работу по «перевоспитанию» общественного мнения и своего собственного народа.

Преодолеть стереотипы враждебности в отношении друг друга предстояло и Сталину. Советская пропаганда должна была переубедить свой собственный народ, ответив на вопрос, который, согласно донесениям партийных органов, возникал у многих советских людей: «Почему нам помогают Англия и Америка, ведь они же капиталисты?» Для ответа на этот важный вопрос И.В.Сталин в своей речи от 6 ноября 1941 г. провел различие между двумя группами «капиталистов»: фашистами и

англосаксонскими демократиями, которые «не только не присоединились к походу немецко-фашистских захватчиков против СССР, а, напротив, оказались в одном лагере с СССР против фашистской Германии»[7].

Идеи укрепления антигитлеровской коалиции стали постепенно внедряться в практику агитационно-массовой работы в СССР на местах. В 1942 г. в перечне лекций появилась тематика, связанная с укреплением «боевого союза», «могучей антифашистской коалиции» СССР, Англии и США против «гитлеровской Германии и ее союзников» (при этом положительная информация о «союзниках» в официальных советских изданиях строго «дозировалась»)[8].

В процессе «перевоспитания» своих народов в духе сотрудничества руководители стран-союзников – бывших врагов часто апеллировали к историческим традициям. Главная линия аргументации, часто проводившаяся в беседах между советскими и американскими представителями – Россия и Америка имеют глубокие исторические традиции дружбы, основанные на том, что русский и американский народы имеют много общих черт.

Высказывание Рузвельта процитировал Сталину посол США в СССР адмирал У.Стэндли 23 апреля 1942 г.: «имеются все основания для традиционной дружбы между нашими народами, которая существовала... задолго до того, как американцы стали представлять собой нацию. Этим основанием служит характер наших народов. Оба народа являются реалистами, и они хорошо осознают, что недоразумения, которые иногда возникают, объясняются большими расстояниями, разделяющими их, и недостаточно быстрыми средствами связи»[9].

Руководители СССР и США часто употребляли термины «реалисты», «бизнесмены» в адрес друг друга в качестве комплимента. После возвращения В.М.Молотова из поездки в США в июне 1942 г. Стэндли задал ему вопрос, «считает ли он Рузвельта реалистом и похож ли Рузвельт в этом отношении на русских?». Молотов ответил, что «Рузвельт является большим реалистом и во многом имеет сходство с тем, что имеется у русских»[10].

Во время беседы Сталина с председателем Торговой палаты США Джонстоном 26 июня 1944 г. последний отметил, что «И.В.Сталин прямо без обиняков подходит к делу и он, И.В.Сталин, является прямо-таки настоящим бизнесменом.

Т. Сталин ответил, что если бы он родился в Америке, он был бы, вероятно, действительно, бизнесменом».

Далее Сталин рассуждал о традиционной исторической общности между русскими и американцами в свойственном ему стиле. В ходе беседы Джонстон предположил, что «русские хотят иметь дело с Америкой между прочим и потому, что они недолюбливают Англию».

На это И.В.Сталин ответил, что дело заключалось не в этом. Он высказался следующим образом: «Англия это страна аристократическая, а США не аристократия. При царе Россия управлялась аристократией, но народ прогнал аристократию и Россия стала демократической страной. Это одна из причин симпатий русских к Америке. Кроме того, русские рады, что американцы воюют против немцев».

Джонстон отметил, что «симпатии к русским у американцев имеют исторические корни. Во время американской революции ни одни из автократических режимов в Европе не хотел иметь дело с Америкой. Исключением был лишь русский царь. И это американцы хорошо помнят»[11].

В беседе с председателем Управления по делам военного производства Д.Нельсоном 15 октября 1943 г. Сталин также активно развивал эту тему. В ответ на заявление Нельсона, что «русские похожи на американцев. Оба народа имеют одинаковые вкусы, но трудность состоит в том, что оба народа плохо знают друг друга», советский вождь пустился в рассуждения: «Русские ближе сходятся с американцами, чем с людьми другой национальности. Русским нравится простота отношений, существующая на американских фабриках и заводах между рабочими и инженерами. Их отталкивает чопорность и надменность англичан... У американцев и русских много общего в быту и в отношениях к народу».

Далее Сталин делал общий вывод: «по опыту он должен сказать, что в течение 20 лет строительства в нашей стране

русские предпочитали иметь дело с американцами, нежели с другими иностранцами»[12]. Общность национального характера заключалась в простоте и демократичности. По выражению Молотова, русским нравились в американцах их демократическая простота, деловая энергия и живой ум.

Американцы, совершавшие в конце войны инспекционные поездки по СССР (например, в Сталинград в составе Комиссии по возмещению ущерба, нанесенного фашистскими захватчиками), отмечали, что русские люди своей энергией и оптимизмом, с которыми они восстанавливали из руин разрушенные города, очень напоминали американцев. Известный советский дипломат И.М.Майский так писал об этом в своем дневнике: «Поездка в Сталинград с американской делегацией в межсоюзной репарационной комиссии, 14 июня 1945 г.». При осмотре города всех американцев поразили две вещи: «колоссальность разрушений; энергия и бодрость сталинградцев в восстановлении города». Гостям «бросилась в глаза поношенность платья и обуви у сталинградского населения, а также недостаток всякого рода ширпотреба».

Вместе с тем, по словам Майского, «самый вид сталинградцев им очень импонировал. Я ездил все время в одной машине с Поули и Любиным и слышал те замечания, которыми они обменивались по поводу всего встречавшегося по пути...

Любин: Посмотрите, как ходят сталинградцы: каждый орган свободен и энергично двигается, – совсем как у нас, в Америке.

Поули: Да, это сильный народ.

Л.: Посмотрите, вот эти три девушки, которые сейчас прошли: оденьте их в другие платья, и они будут совсем, как три девушки в Нью-Иорке.

П.: Да, они похожи на американок»[13].

Аналогичными были впечатления и остальных членов делегации.

Иное мнение о представлениях американцев высказал генеральный консул США во Владивостоке Клабб. Дипломатический агент Наркомата иностранных дел во Владивостоке Дюкарев записал в своем дневнике 4 сентября 1944 г.: «На наши

вопросы Клаббу, представляют ли американцы реально, что дала Россия для общей борьбы по разгрому гитлеровской Германии... знают ли американцы, как русским тяжело, Клабб ответил, что книг о борьбе России в Америке выпущено много, но конечно, "сытый голодного не разумеет", реально рядовой американец не представляет всех Ваших трудностей». Присутствовавший там же бывший генконсул США Уорд заметил, что «русские так же мало информированы о трудностях морской войны и им тоже трудно представить, что значит хотя бы одно потопленное торговое или военное судно»[14].

Направляя американских военнослужащих в СССР, военное руководство снабжало их инструкциями, которые должны были создать наилучшее впечатление у русских об американцах. Вместе с тем, такого рода документы отражают довольно расхожие стереотипы представлений о русском народе, его обычаях и особенностях поведения. Так, в наставлении для военнослужащих группы 15-й военно-воздушной армии США, направлявшейся на авиабазу в Полтаву, содержались следующие указания: «Не вступайте в политические или социальные дискуссии, затрагивающие сравнения с нашими собственными институтами», «не хвастайтесь диковинками жизни в Америке», «русские женщины, как правило, открыты и дружелюбны, но не принимайте этого как приглашение к большей близости», «русские – опытные и стойкие выпивохи. Водку не следует пить на пустой желудок, поэтому всегда ешьте при выпивке», «водка делается из зерна или картофеля, выглядит как вода, пахнет как антифриз; русские используют ее от комариных укусов, для чистки одежды, как лекарство при расстройстве желудка и просто для питья»[15].

Другое дело, что на практике эти инструкции далеко не всегда выполнялись. Между русскими и иностранными союзниками складывались личные взаимоотношения, которые зачастую приводили к изменению представлений друг о друге.

Отношения военных и дипломатических представителей союзников, осуществлявших практическое сотрудничество с советской стороной, были далеки от идиллии. Англичане и американцы, работавшие в СССР, находились под постоянным

контролем со стороны органов безопасности и были лишены возможности вступать в контакты с «простыми» советскими людьми. Положение посла в Москве в наиболее блестящей форме обрисовал все тот же А.Керр, который по живости и образности изложения не имел себе равных среди всех представителей союзников. В беседе с И.В.Сталиным от 24 февраля 1943 г. этот сюжет был изложен следующим образом: «Керр говорит, что... он несчастливый посол. Он ни с кем не видится и ни с кем не говорит, кроме своих сотрудников. Он, Керр, черпает свою духовную пищу только из своих разговоров с И.В.Сталиным, В.М.Молотовым, Вышинским и Павловым. Эти беседы дают очень многое. Но это единственные люди, с которыми он говорит. Он, Керр, хотел бы расширить круг своих знакомых.

Т. Сталин говорит, что это придет. Дело в том, что у нас мало людей, знающих английский язык, а в английской миссии мало людей, знающих русский язык... Язык – говорит т. Сталин, – вот что мешает.

Керр говорит, что если это окупится, то он готов изучить русский язык. Дело в том, что в Лондоне его все спрашивали, что за люди русские. Он им описывал И.В.Сталина и В.М.Молотова... Он хотел бы видеть рабочих, работающих на советских заводах».

«Т. Сталин спрашивает Керра, разве кто-нибудь мешает ему в этом? Мы поможем Керру в этом отношении. Он скромен. Американцы – те более смелые люди. Они просят все им показывать...

Т. Сталин добавляет, что Рузвельт всех, кого он посылает в СССР, назначает специальными представителями президента. Это по его, т. Сталина, мнению, неправильно.

Керр смеется и говорит, что Черчилль, например, этого не делает.

Т. Сталин отвечает, что Черчилль более серьезно относится к этому. Англичане и американцы разные по характеру люди, хотя они и имеют общий язык»[16].

Несмотря на жалобы «дипломатического корпуса», никаких изменений в положении представителей союзников в тече-

ние всей войны так и не произошло. Незадолго до своего окончательного отъезда из Москвы, в беседе со Сталиным от 25 января 1946 г. Керр снова вернулся к теме «одиночества посла»: «Если иностранному послу в Москве не везет в коллегах, то он будет чувствовать себя в Москве очень одиноким. От времени до времени стимулом для него служат визиты к Генералиссимусу Сталину и Молотову. Но в настоящее время иностранный посол в Москве вынужден общаться лишь со своими сотрудниками или своими коллегами, которых он, Керр, за исключением Гарримана (посол США в СССР. – *И.Б.*), считает очень нудными людьми. Поэтому в интересах хороших настроений среди послов... он просил бы Генералиссимуса Сталина расширить круг знакомых иностранных послов в Москве, включив в него писателей, врачей, ученых – представителей интеллигенции, с которыми всегда приятно бывает иметь общение.

Т. Сталин спрашивает Керра, что нужно для этого сделать. Может быть, основать клуб?

Керр отвечает, что в этом нет нужды. Ему приходилось встречаться с очень интересными людьми на приемах, устраиваемых Молотовым. Но оказывалось, что люди не хотели посещать посольство. Когда он, Керр, приглашал их к себе, они очень любезно отвечали согласием, но не приходили. Он, К., думает, что если можно было бы намекнуть как-либо, что с послами можно заводить дружбу, возможно советские люди стали бы приходить в посольство и положение сразу бы резко изменилось.

Т. Сталин говорит, что, следовательно, по мнению Керра, советские люди боятся приходить в посольство.

Керр отвечает утвердительно.

Т. Сталин благодарит Керра за совет и говорит, что это можно будет сделать»[17].

Однако реально в этом отношении ситуация не изменилась.

Напряженная обстановка вокруг дипломатического «корпуса» США сложилась на советском Дальнем Востоке. Особое возмущение «слежкой» за представителями американских союзников выражал генеральный консул США во Владивостоке А.И.Уорд, который в отличие от А.Керра, был известен своими «антисоветскими настроениями».

Одной из причин недовольства союзников были различные препятствия, которые, по их мнению, чинило им советское руководство в практической работе. Так, в беседе с И.В.Сталиным 2 июля 1942 г. американский посол У.Стэндли жаловался, что «он уже пробыл в СССР три месяца и в течение этих трех месяцев он испытывал задержки, препятствия и трудности со стороны некоторых... советских органов в удовлетворении пожеланий посольства». «Например, военно-морской атташе американского посольства лишь через неделю добился разрешения своего выезда из Куйбышева в Мурманск для оказания помощи американским морякам, пострадавшим от бомбардировок и обмораживания. Затем тот же американский военный атташе лишь через месяц смог получить разрешение на свой выезд из Куйбышева в Москву...

Т. Сталин говорит, что это недоразумение. Во избежание подобных недоразумений в будущем он, т. Сталин, предложил бы, чтобы американским представителям было дано разрешение на выезд в нужный пункт СССР без запроса пропуска в каждом отдельном случае. При этом американские представители должны лишь, конечно, нас предупредить, когда они желают выехать»[18].

В беседе со Сталиным 28 марта 1942 г. А.Керр жаловался, что «британские люди, работающие в СССР, недовольны нашими людьми. Керр говорит, что он беседовал со своим новым другом Макфарланом. Он выражал удовлетворение приемом, оказанным ему на Севере и при поездке на фронт. Он хотел бы поближе подойти к советским людям и работать с ними в более тесном контакте. Но ему иногда кажется, что его держат на расстоянии руки от советских людей. Макфарлан считает, что совместная работа наших генштабов недостаточно тесная».

На это И.В.Сталин ответил, что, возможно, «сотрудничество наших штабов недостаточно тесное. Относительно Макфарлана и британских людей, работающих в России, т. Сталин говорит, что между англичанами и русскими есть некоторые недоразумения. Эти недоразумения объясняются тем, что англичане и русские не совсем друг друга понимают. Русские, особенно военные, сильно заняты, мало спят. Фронт большой и

требует к себе постоянного внимания. Это не всегда понимают англичане. Макфарлан обижается, что он мало встречается с русскими, мало веселится с ними. С другой стороны, есть ошибки, грубости и недостатки со стороны русских. Например, люди Макфарлана попросили показать им ПВО Москвы. Русские почему-то отказали. Макфарлан думает, что есть приказ не показывать. Систему ПВО Москвы показать можно – это чепуха. Т. Сталин говорит, что Макфарлан делает поспешные выводы. Т. Сталин заявляет, что может быть Макфарлан хочет осмотреть еще что-нибудь, например, образцы трофейного вооружения. В этих случаях он должен обращаться не к малым людям, которые воспитаны в том духе, что все секретно, а к т. Шапошникову, т. Василевскому, к нему, т. Сталину»[19].

Причиной конфликтов являлось также, по свидетельствам очевидцев, неуважительное отношение военных представителей союзников (прежде всего речь шла об англичанах) к русским, с которыми им приходилось постоянно сотрудничать в ходе военных действий. Одна из подобных коллизий становится ясной из беседы И.В.Сталина с А.Керром и послом США А.Гарриманом 23 сентября 1944 г. при обсуждении вопроса о создании в Москве трехстороннего комитета по координации действий союзников состоялся следующий «обмен мнениями»:

«Т. Сталин спрашивает, кого предполагается включить с английской и американской стороны в предполагаемый трехсторонний комитет.

Гарриман отвечает, что с американской стороны буден назначен генерал Дин.

Керр говорит, что с английской стороны будет назначен генерал Бэрроус.

Т. Сталин говорит, что наши военные не доверяют генералу Бэрроусу. Они не смогут с ним работать. Генерал Бэрроус не уважает наших военных и они его не уважают.

Керр отвечает, что ему казалось, что это уже относится к прошлому. Ему, Керру, было известно, что вначале были трудности во взаимоотношениях Бэрроуса с советскими офицерами, но теперь они как будто устранены. Согласно последним

сведениям, у Бэрроуса в результате его поездки на фронт установились хорошие отношения с советскими офицерами.

Т.Сталин говорит, что, к сожалению, это не так... Если Керр помнит, то впервые Бэрроус напросился на прием к Маршалу Василевскому, когда Маршал Василевский находился в Крыму. Маршал Василевский в то время решительно отказался встретиться с генералом Бэрроусом, и встреча не состоялась. Генерал Бэрроус вторично просил о встрече, когда Маршал Василевский находился в Прибалтике. Он, т. Сталин, заставил Маршала Василевского принять генерала Бэрроуса.

Он, т. Сталин, хочет, чтобы Керр верил, что он, т. Сталин, говорит, что дело не в том, чтобы хвалить Красную Армию. У Красной Армии много ошибок. Дело в том, что генерал Бэрроус смотрит на наших людей как на дикарей. Это обижает наших людей и делает невозможным сотрудничество с генералом Бэрроусом.

Керр говорит... что Британскому Правительству необходимо отозвать генерала Бэрроуса»[20].

Личное общение между «рядовыми» американцами, англичанами и советскими людьми имело место в местах стоянки северных конвоев ленд-лиза. Там также возникали конфликты. Проблемы и трудности положения моряков-союзников неоднократно обсуждались на высшем дипломатическом уровне.

Так, в беседе между В.М.Молотовым и американским послом Стэндли от 21 августа 1942 речь шла, в частности, «об удобстве и благополучии американских моряков, прибывающих в Мурманск и Архангельск». В ответ на претензии американского посла Молотов в свойственной ему довольно резкой манере заявил: «В Мурманске 1/3 города уничтожена германскими бомбардировками. Тем не менее забота об американских и английских моряках... будет находиться в числе первых задач и возможные меры будут приняты».

Стендли выступил с предложением, чтобы американское правительство доставило необходимое количество продовольствия, табак, папиросы, конфеты и пр.

Посол сообщил, что «в Архангельске находятся в настоящее время 1300 человек из состава команды судов, которые

были потоплены. Эти люди ничем не заняты и они, вероятно, причиняют немало хлопот советским органам... В ближайшее время будут приняты меры для эвакуации этих моряков»[21].

Через год ситуация в Архангельске приобрела более взрывоопасный характер. В беседе с Молотовым от 16 августа 1943 г. Стэндли отметил: «В Архангельске находятся несколько американских судов. В связи с тем, что команды в течение продолжительного времени оторваны от родины и... находятся в бездействии, возникает ряд недоразумений... В Архангельске вообще неважная обстановка. Вчера там застрелился один американец».

Стэндли также обратился к Молотову с просьбой наладить более тесное сотрудничество между дипагентом в Архангельске и помощником военно-морского атташе Френкелем[22].

13 декабря 1943 г. английский поверенный в делах Бальфур вручил В.М.Молотову «меморандум относительно организации интернационального клуба для британских моряков в Молотовске» (ныне Северодвинск. – *И.Б.*). В документе отмечалось недовольство советских людей поведением английских моряков. В оправдание моряков отмечалось, что «в свободное время им нечего делать, поэтому они пьют, и там происходят различные неприятные инциденты... Было бы лучше, если бы советские люди больше общались с британскими моряками, находящимися в Архангельске».

Молотов отметил, что этому мешает, конечно, язык. При этом руководитель внешнеполитического ведомства СССР выразился в свойственной ему резкой манере, сказав, что «наши люди не любят, чтобы с ними обращались как с колониальным народом. Со стороны же британских моряков имели место случаи даже нападения на советских людей. Он, Молотов, стал бы в таких случаях драться. По его мнению, не следует раздувать такого рода инциденты, а их надо ликвидировать, когда они возникают»[23].

По данным дипагента НКИД в Мурманске А.Тимощенко, «за навигацию 1943-1944 гг. в Мурманске было привлечено к уголовной ответственности» и осуждено к тюремному заключению три американца (Расмуссен, Бориц и Крулл), что «зна-

чительно дисциплинировало моряков». В то же время было «зарегистрировано в районе порта – 20 случаев спекуляции иноморяков, 39 случаев хождения после 00 час. И в одном случае было изъято холодное оружие (финский нож). В действительности случаев спекуляции и других нарушений было во много раз больше, но органы милиции все еще недостаточно вели с этими нарушениями борьбу»[24].

Составленный Тимощенко документ от 16 мая 1944 г. «Вопросы и высказывания команд иностранных пароходов» (Мурманск) представляет большой интерес с точки зрения характеристики представлений «простых» американцев и англичан об СССР и их взаимоотношений с советскими людьми.

Большинство «иноморяков» было настроено дружественно к СССР и питало симпатии к советскому народу и Красной Армии. Как сообщалось в отчете, «иноморяки и капитаны знают нашу страну очень мало, но интересуются жизнью в СССР и высказывают свои симпатии к героической борьбе Красной Армии. Сообщения об успехах Красной Армии на фронтах встречались ими в "Интерклубе" бурными аплодисментами. По рассказам иноморяков, они с большим интересом ждали прибытия пароходов на Север СССР, т.к. побывать в России – теперь является мечтой многих граждан их стран. Они... жаловались, что им не удавалось приобрести в Мурманске сувениры на память о России и в поисках этих сувениров променивали подросткам сигареты и шоколад на советские звездочки или финские ножи кустарного изготовления». Большинство моряков покупало в качестве сувениров почтовые марки и, «заклеивая ими обе стороны почтовых открыток, отправляло последние через советскую почту к себе на родину для памяти о своей поездке на Север»[25].

«В знак солидарности и выражения своих симпатий к СССР некоторые команды американских пароходов производили сбор подарков для раненых бойцов и офицеров Красной Армии, посещали станции по переливанию крови и в отдельных случаях сдавали в один прием двойные дозы крови для советских госпиталей»[26].

Впечатление капитанов и моряков иностранных судов о «местном населении» было довольно благоприятным. Они отмечали, в частности, что «на них производит большое впечатление тот факт, что население Мурманска, несмотря на трудные условия Заполярья, близость фронта и опасность вражеских бомбардировок, не покидает город и успешно помогает Красной Армии своим трудом. Многие иноморяки с удивлением отмечали, что в Мурманске они не увидели попрошайничества среди населения в таких широких размерах, как это наблюдается в портах других стран; их удивило также, что столь характерные для многих портов мира притоны и проституция отсутствуют в СССР. В "книге отзывов" Мурманского «Интерклуба» группа американцев записала, что "в Мурманске они сделали важное открытие, а именно: "деньги здесь не говорят", как в других странах (т.е. нет продажных женщин)».

Такое положение во многом было достигнуто благодаря усилиям по «чистке» города силами органов НКВД. Согласно справке из НКВД в адрес В.М.Молотова от 20 марта 1944 г., «органами милиции за второе полугодие 1943 г. и первый квартал 1944 г. арестовано и административно выслано из гг. Архангельска и Молотовска 185 притоносодержательниц, проституток и другого преступного элемента». Кроме того, «с ноября 1943 г. по март 1944 г. изъято 1338 беспризорных детей и несовершеннолетних преступников»[27].

Местное население в целом относилось к американским и английским морякам с симпатией как к союзникам. Однако, как отмечено выше, не обходилось без эксцессов в виде хулиганства и более тяжелых преступлений со стороны моряков; спекуляции мелкими предметами иностранного производства, в которой были задействованы как иностранные, так и советские граждане; мелких преступлений со стороны местного населения.

В целом создается впечатление, что основной группой советских людей, с которыми вступали в контакт моряки союзных конвоев, были дети и подростки, которые работали в порту на разгрузке иностранных пароходов, или преследовали иностранцев с преступными целями (спекуляция, воровство и

т.д.). Эти контакты зачастую вызывали, по мнению автора вышеупомянутого документа от 16 мая 1944 г. «Вопросы и высказывания команд иностранных пароходов», «неверные представления о положении детей в СССР» и вопросы со стороны моряков типа: «Каково положение детей, работающих в Мурманском порту?», «Почему в России разрешается использовать детей на непосильных работах?», «Почему у детей имеется много денег и почему они скверно ведут себя на улице?» (последний вопрос «вызывался, в частности, тем, что в некоторых случаях несовершеннолетние нарушители, помимо спекулятивной покупки сигарет у иностранцев, обворовывали их карманы, похищая документы и деньги)».

Взаимонепонимание между союзниками проявлялось в вопросах и дискуссиях, которые проводились в «Интерклубах». Иноморяки демонстрировали «недопонимание» политики СССР по самым различным вопросам (сущность политического режима и экономические «трудности», преследования религии в СССР, отношения СССР и Японии, «польский вопрос», проблемы послевоенного устройства мира и многие другие).

Многие из них, питая в целом симпатии к Советскому Союзу, полагали, что СССР не относится к разряду демократических государств (об этом свидетельствовали задававшиеся моряками вопросы «Существует ли в СССР демократия и имеется ли свобода слова и печати в такой степени, как это допускается в США и Англии?, «Почему в СССР допускается только одна партия, а не многие» и т.д.).

«Острые» вопросы задавались и по проблемам внешней политики СССР: «С кем думала воевать Россия в 1939 г. с Англией или Германией?; Почему Россия заключила пакт с Германией в 1939 г, если она действительно искала дружбы с демократическими державами? Почему Россия напала на Польшу в 1939 г.? Почему Россия захватила территорию Финляндии?».

Вместе с тем, пребывание в СССР приводило зачастую к изменению привычных для иностранцев представлений, внушавшихся им пропагандой в собственных странах. Так, в ходе дискуссий в «Интерклубах» моряки и капитаны английских и американских судов обычно задавали вопрос, «как оценивается

советским населением помощь, которая оказывается союзниками материалами и вооружением... По рассказам американских моряков, среди населения США широко распространено мнение, что Красная Армия успешно наступает, благодаря помощи вооружением и материалами, которые посылаются американцами в СССР; о промышленных возможностях нашей страны американский обыватель имеет слабое представление». Вместе с тем, многие моряки заявляли, что «посетив СССР, они начинают понимать, что советский фронт поглощает огромное количество вооружения и те материалы, с которыми они приходят на Севере, составляют небольшую долю того, что требует фронт»

В качестве примера изменения в лучшую сторону представлений западных союзников о русских можно привести следующий пример, описанный в книге известного американиста В.О.Печатнова. В начале войны англичане выступали против поставок в СССР боевых самолетов по причине «технической отсталости русских». По выражению британского маршала авиации А.Гарриса, «русские механики вопиюще неспособны к эффективной эксплуатации и ремонту даже знакомой им техники». Но американцы, проверявшие ход сборки американских самолетов типа «Томагавк» в Архангельске, отметили, что советские техники стояли «выше армейских техников США по мастерству, смекалке и моральному духу. Они работают под открытым небом, в грязи, на ветру и под дождем по 14 часов в сутки, не имея штатного инструмента и технических инструкций». Вывод – «Советскому Союзу следует поставлять только лучшие американские самолеты». Главный куратор английского ленд-лиза А.Гарриман вскоре высказался на этот счет так: «Нам не нужно беспокоиться о посылаемом нами оборудовании, самолетах и танках. Русские знают, как содержать и эффективно использовать их... неуклюжий русский мужик стал искусным механиком».

В ходе личных контактов обнаруживались различия в представлениях русских и американцев об отношении к вышестоящим лицам. Типичным было, например, поведение моряков северных конвоев в присутствии американского посла Гарри-

мана, который приехал в Мурманск в апреле 1944 г. в связи с передачей Советскому Союзу крейсера «Милуоки». При появлении посла в интерклубе «никто из моряков даже не встал в порядке приличия; моряки сидели так же безразлично, небрежно развалившись на стульях, флегматично зевая и жуя резинку»[28]. Представителей советского дипломатического ведомства такое поведение очень удивляло.

В целом документы показывают, что в течение войны «лед недоверия» между союзниками не растаял до конца, противоречия тлели под оболочкой дружбы и сотрудничества. Однако по мере усиления и углубления общения между союзниками на уровне контактов между рядовыми их представителями привычные стереотипы слабели, отношения становились более человечными и дружескими. То же самое происходило и в отношениях высших лиц, дипломатов, военных. Война сформировала своеобразную модель неформальных отношений «лидер к лидеру», «народ к народу», «человек к человеку» между СССР и странами Запада и способствовала обогащению представлений советских граждан, американцев, британцев в отношении друг друга.

---

1 См., например: *Ржешевский О.А.* Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии: документы, комментарии, 1941-1945. М., 2004; *Он же.* Кто был кто в Великой Отечественной войне. М., 2003.; *Он же.* Война и дипломатия. М., 1997; Советско-американские отношения, 1939-1945. М., 2004; Вторая мировая война в воспоминаниях У.Черчилля, Ш. де Голля, К.Хэлла, У.Леги, Д.Эйзенхауэра. М., 1990; *Фейс Г.* Черчилль, Рузвельт, Сталин. Война, которую они вели, и мир, которого они добились. М., 2003; Секретная переписка между Ф.Рузвельтом и У.Черчиллем. М., 2005; *Невежин В.А.* Застольные речи Сталина: документы и материалы. М.; СПб., 2003. С. 303-383.

2 См.: Россия и Запад. Формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX века. М., 1998; Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 1. М., 2000; и др.

3 См.: *Печатнов В.О.* Сталин, Рузвельт, Трумен: СССР и США в 1940-х гг. М., 2006. С. 148.

4 АВП РФ. Ф. 06. Оп. 4. Пор. 129. Папка 14. Л. 36.

5 Там же. Ф. 0129. Оп. 28. Пор.72. Папка 72. Л. 36.

[6] Там же. Ф. 06. Оп. 6. Пор. 63. Папка 45. Л. 5.
[7] Цит по.: *Печатнов В.О.* Указ. соч. С. 37.
[8] Подробнее см.: *Голубев А.В.* «Враги второй очереди»: советское общество и образ союзников в годы Великой Отечественной войны // Проблемы российской истории. Вып. 5. Магнитогорск, 2005. С. 324-328.
[9] РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 379. Л. 3.
[10] АВП РФ. Ф. 06. Оп. 4. Д. 236. Папка 22. Л. 18.
[11] См.: РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 374. Л. 69-75.
[12] Там же. Л. 50-51.
[13] АВП РФ. Ф. Секретариат И.М.Майского. Оп. 1. Пор. 3. Папка 1. Л. 54-55.
[14] Там же. Ф. Референтура по США. Оп. 28. Пор. 12. Папка 155. Л. 62.
[15] *Печатнов В.О.* Указ. соч. С. 150.
[16] РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 284. Л. 48-49.
[17] Там же. Л. 128-129.
[18] Там же. Д. 379. Л. 19.
[19] Там же. Д. 284. Л. 5-6.
[20] Там же. Д. 379. Л. 59-62.
[21] АВП РФ. Ф. 06. Оп. 4. Пор. 236. Папка 22.
[22] Там же. Оп. 5. Пор. 334. Папка 29. Л. 58-59.
[23] Там же. Пор. 160. Папка 17. Л. 57.
[24] Там же. Ф. 0129. Оп. 28. Пор.72. Папка 162. Л. 44.
[25] Там же. Л. 33-34.
[26] Там же. Л. 41-42.
[27] ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 69. Л. 216.
[28] Цит. по: *Печатнов В.О.* Указ. соч. С. 138.

Голубев А.В.

«ЗДЕСЬ БУДЕТ АНГЛИЯ»: СОЮЗНИКИ В МАССОВОМ СОЗНАНИИ НАСЕЛЕНИЯ ЛИТВЫ В 1944-1945 гг.*

Образ союзника, как и образ врага, является одним из основных, если угодно, архетипических внешнеполитических стереотипов. При этом, если образ врага неоднократно служил предметом для специальных как философских и культурологических, так и конкретно-исторических исследований, то изучение формирования и эволюции образа союзника в российском (советском) обществе началось лишь в последние годы[1]. А ведь только в течение XX в. Россия дважды в ходе двух мировых войн выступала в качестве участника могущественной коалиции, и образ союзника, причем не только в годы войны, но и в межвоенный и послевоенный период, играл в сознании российского общества важную роль, в том числе при решении внутриполитических проблем.

В первую очередь сюжеты, связанные с восприятием союзников, привлекали внимание исследователей, занимавшихся историей Великой Отечественной войны. В частности, в опубликованных работах проанализированы общие тенденции формирования образа союзника в советском обществе военных лет[2]. Это был уникальный период, когда государства с различным социально-экономическим строем и достаточно непримиримыми идеологиями объединились для победы над общим врагом. И, конечно, именно в эти годы представления о союзниках занимали гораздо более важное место в сознании советского общества, чем накануне или после войны.

---

* Статья подготовлена в рамках научного проекта «Образ союзника в советском обществе в геополитическом контексте 20-40-х годов XX века» (Программа Отделения историко-филологических наук РАН «Исторический опыт социальных трансформаций и конфликтов»).

В данной статье предпринята попытка рассмотреть специфику представлений о союзниках в одном из самых «проблемных» регионов СССР – Прибалтике (на примере Литвы). В основу работы положены материалы Литовского Особого архива (Lietuvos Ypatingasis Archyvas), в частности фонды ЦК КП(б)Л и КГБ Литвы.

Отношение к западным союзникам у значительной (если не большей) части населения региона было предопределено событиями 1939 и особенно 1940 года[3]. Присоединение прибалтийских республик к СССР и последовавшая за этим их «ускоренная советизация» совершили переворот в массовом сознании. В 1939 г. значительной частью населения и даже политической и культурной элиты прибалтийских стран СССР рассматривался как «меньшее зло» по сравнению с гитлеровской Германией. Так, среди литовских военных было распространено мнение, что «лучше быть национально существующей Литвой в руках СССР, чем превратиться в Карельскую губернию в руках немцев». Однако уже в 1940 г. социально-экономические преобразования, рост цен и снижение жизненного уровня, а главное, начавшиеся репрессии и депортации привели к обратному результату. «Мы внезапно очутились перенесенными из цивилизованной Европы за много столетий назад, в ужасное царство Тамерлана», – писал об этом времени латышский агроном Отто Эглайс[4]. И подобные настроения разделялись многими.

При этом большинство отдавало себе отчет в том, что восстановление независимости прибалтийских республик возможно лишь в результате вмешательства извне. Перед войной такое вмешательство логично было ожидать прежде всего от гитлеровской Германии – и в той же Латвии мрачно острили: «Гитлер может пожаловать Сталину наивысший орден – ведь за 700 лет немцы не могли добиться дружбы латышей, а Сталин это умудрился сделать за один год»[5].

Но при этом многие все же предпочитали получить помощь из других рук. В Литве уже в ноябре 1940 г. «пустили слух, что вот прилетят английские бомбардировщики и начнут бомбить город Вильнюс, что советская власть здесь установилась ненадолго и т.д., придут немцы или англичане...». Как отмечалось в

сводке НКГБ, «классовый враг использует это недовольство (ростом цен. – *А.Г.*), говоря, что при советской власти нет товаров, все дорого и что скоро придут немцы, англичане и вернутся поляки»[6]. Набор потенциальных противников, они же союзники в борьбе против «Советов», представляется для конца 1940 года совершенно невозможным (немцы и англичане в те дни воевали друг с другом, Польши не существовало вообще), но таковы уж законы массового сознания. Соединяя несоединимое, оно тем самым явственно выделяло главное. Для тех дней, пожалуй, главным было для Прибалтики разочарование в Советской власти и надежды на восстановление независимости любым путем.

Однако немецкая оккупация отнюдь не означала восстановления независимости. А в 1944 г. Красная Армия победно вернулась в Прибалтику, и жители Латвии, Литвы, Эстонии – вновь уже союзных советских республик – оказались частью советского общества.

Вообще, в годы войны все надежды и опасения, связанные с союзниками, оставались все-таки на периферии советского массового сознания (исключение составляли ожидания открытия «второго фронта», с которым в 1941-1942 гг. связывался перелом в войне, а в 1943-1944 гг. – ее скорейшее окончание)[7]. Но на Западной Украине[8] и в еще большей степени в Прибалтике вопрос о политике союзников оказывался без преувеличения первостепенным.

С первых дней освобождения прибалтийских республик от немцев развернулось сопротивление, как пассивное, так и активное, вторичной советизации. В этом сопротивлении, особенно на первых порах, важную роль играли формирования, созданные по инициативе и при поддержке немцев и продолжавшиеся сопротивление в надежде на принципиальное изменение хода войны и возвращение немецких войск. Однако для большинства противников Советской власти было ясно, что война Германией проиграна и что необходимо найти каких-то иных союзников, без помощи и прямого вмешательства которых борьба против армии-победительницы и огромного СССР, доказавшего свою жизнеспособность, немыслима. И такими

союзниками могли быть только «демократические державы», Англия и Америка, также оказавшиеся в числе победителей, настороженно относившееся в сталинскому режиму и его растущему могуществу в Европе, а главное, делавшие определенные политические жесты в сторону Прибалтики. Речь идет как о положениях «Атлантической хартии», осуждавших любые аннексии, так и о сохранении на Западе старых дипломатических миссий прибалтийских стран. И в Эстонии, и в Латвии прихода союзников ждали буквально со дня на день. В Латвии, например, в 1945 г. дело дошло до того, что один «очевидец» сам видел, «как по шоссе Рига–Взморье прошли 7 автомашин, украшенных национальными латышскими флагами, в которых сидели английские офицеры и лица, одетые в офицерскую форму бывшей латвийской буржуазной армии. Население якобы выходило на дорогу и забрасывало машины цветами», а другой, «будучи в Риге, увидел идущий по реке Западной Двине пароход, начал уверять присутствующих граждан, что на этом пароходе плывут английские войска»[9]. Подобные настроения были распространены и в Литве.

То, что союзники фактически согласились с оставлением Прибалтики в составе СССР[10], было либо неизвестно местным националистам, либо горячо ими опровергалось. Так, в декабре 1944 г. по советским учреждениям был разослан «Приказ № 13» штаба армии «Свобода Литвы», в котором сообщалось, что «в Румынии, Болгарии и Югославии установились фашистские власти и изгоняют коммунистов, и что Англия и Америка готовы оказать помощь Литве в изгнании Советов и сделать Литву свободной»[11]. А по поводу решений конференции трех держав в Ялте в феврале 1945 г. безапелляционно заявлялось: «Крымская конференция – это пыль в наши глаза и обман народа»[12].

Конечно, советские пропагандистские органы пытались бороться с подобными настроениями. Среди основных тезисов, которые предполагалось внедрять в сознание жителей Литвы, были, в частности, такие: СССР выиграл войну сам, благодаря проведенной в 30-е годы индустриализации, а не помощи союзников; отношения с союзниками нормальные, все проблемы

решаются за столом переговоров; Америке и Англии сейчас не до Прибалтики: продолжается война, намечается развал Британской империи, обостряются внутренние проблемы. Никакой помощи литовские националисты не получат, никто не собирается воевать с СССР за Восточную Европу – напротив, союзники отдают Восточную Пруссию; и пр.[13] Более того, соответствующая пропаганда велась даже за океаном – в январе 1944 г. секретарь ЦК Компартии Литвы А.Снечкус предложил организовать в США кампанию для сбора средств на эскадрилью самолетов «Советская Литва», для чего привлечь литовцев из США, Канады, Южной Америки, причем «не только просвещенные круги американских литовцев, но и проникнуть в литовские массы, находящиеся под влиянием враждебных партий и организаций»[14]. Правда, очевидно, под влиянием НКИД, кампанию решено было не проводить, но зато весной 1944 г. в советское Генконсульство в Нью-Йорке был направлен специально для работы с местной литовской общиной литовец П.И.Ротомский (Ротомскис), который регулярно выступал на митингах и собраниях, разъясняя американским литовцам, за что борется литовский народ, и разоблачал «антисоветских деятелей, которые везде кричат, что литовский народ с оружием в руках выступит против приближающейся Красной Армии»[15].

И тем не менее с лета 1944 г. постоянным мотивом в информационных материалах ЦК КП(б) Литвы оставались слухи о том, «что Литва будет теперь такая, как во времена Сметоны, так как этому поможет Англия и Америка». При этом признавалось, что «эта агитация *до некоторой степени пользуется влиянием среди населения* (выделено мной. – *А.Г.*) и отражается на проведении мобилизации» (кстати, один из аргументов противников мобилизации заключался именно в том, «что Англия и Америка не дали приказа о мобилизации, что русские это сами выдумали и не надо идти в Красную Армию»)[16].

На самом деле ситуация была гораздо сложнее, и если работники ЦК еще пытались делать хорошую мину при плохой игре, в материалах с мест положение характеризовалось намного жестче. Так, в сообщении Зарасайского укома КП(б)

Литвы делался такой вывод: «Наша агитмассовая работа мало действенна, а ихняя массовая работа все более распространяется, содержание которой заключается (помощь Англии, о приходе литовских войск и изгнание Советов с территории Литвы, о том, что конференция в Сан-Франциско признала старое литовское правительство и независимость Литвы)»[17].

Даже призванные в Красную армию придерживались подобных взглядов. Так, рядовые 50-й запасной Литовской стрелковой дивизии Белецкас и Ожакаускас в ноябре 1944 г. заявляли: «Хотя СССР вместе с союзниками разобьет Германию, война на этом еще не окончится. Советский Союз будет воевать потом с союзниками. Англия и Америка не допустят, чтобы большевизм закрепился в Европе... Большевиков нигде не терпят, не только в Германии, но и в Англии и Америке»[18].

Конечно, далеко не все население с радостью ожидало прихода союзников. Например, на собраниях крестьян, получавших землю в соответствии с советской земельной реформой, постоянно звучали вопросы: «Если придут англичане и американцы, не заберут ли землю, которую сейчас получаем»[19].

Что же касается противников Советской власти, они были настолько уверены в скором появлении англо-американских войск, что даже в листовках призывали порой «убивать всех советских активистов, называя их предателями, а красноармейцев не трогать, ибо после разгрома немцев под давлением англичан и американцев уйдут из Литвы»[20].

Своего апогея эти ожидания достигли в начале 1945 г. В материалах КГБ Литвы зафиксированы, помимо оживления деятельности «бандформирований», многочисленные высказывания на эту тему. Как подчеркивалось в «Докладной записке о результатах борьбы с бандитизмом и антисоветским подпольем на территории Литовской ССР за 1 квартал 1945 г.», «антисоветские элементы» распространяли «контрреволюционные провокационные слухи» о скорой гибели Советской власти, освобождении Литвы от большевиков после разгрома Германии с помощью Америки и Англии, и приводились конкретные примеры: «К весне надо ожидать, что загремит оружие наших лесных братьев и им окажет помощь Англия и Америка, кото-

рые освободят нас от большевиков... Сюда придут Англия и Америка и тогда будем стрелять русских крепче, чем в 1941 г.»[21].

Однако уже решения Крымской конференции вызвали некоторое разочарование. Как говорилось в спецсообщении НКГБ от 19 февраля 1945 г., «литовские националисты весьма разочарованы и недовольны успешным окончанием работы конференции, отсутствием разногласий среди союзников, а также тем обстоятельством, что вопрос о Прибалтике вообще не обсуждался на конференции»[22]. По мнению многих представителей литовской интеллигенции, это означало, что Литва останется советской.

Как заявил бывший член партии эсеров, «сталинская линия чувствуется на всем ходе конференции. Иллюзии о том, что Англия и Америка помогут восстановить буржуазную Литву нужно считать похороненными. Ориентироваться сейчас на их помощь бессмысленно»[23].

Конечно, наиболее убежденные противники Советской власти не только не отказались от надежд на помощь Запада, но порой даже открыто их высказывали. Например, в марте 1945 г. один из делегатов 1-го республиканского Крестьянского съезда Акимайтис утверждал: «Хотя Красная Армия, Америка и Англия и возьмут Берлин, все равно война не окончится. Война еще будет продолжаться, после которой Литва может быть или свободной, или здесь будет Англия»[24].

Вместе с тем в том же февральском спецсообщении подчеркивалось, что «литовское население результатами Крымской конференции по польскому вопросу[25] и по вопросу быстрейшего окончания войны довольно»[26]. Во многих откликах на решения конференции чувствовалось откровенное злорадство: «Хоть раз в конце концов поляки поймут, что здесь Литва, а не Польша... Хоть один раз полякам перестанет сниться о своей мощи. Пора понять, что настало время бросить империалистические стремления и отдать действительным хозяевам все чужие земли, оккупированные 20 лет назад. Не для того Советский Союз пролил столько крови, чтобы мог терпеть около себя фашистскую Польшу»[27]. Любопытный нюанс: литовские

жители Вильнюса прекрасно помнили, что город был занят поляками в 1920 г.; польские жители Вильнюса говорили о нем, как об «исконно польской земле»[28].

Здесь уместно отдельно коснуться настроений польской части населения Литвы, прежде всего Вильнюса. В 1944 г. поляки составляли большинство населения Вильнюса и Виленского края, в освобождении города в июле 1944 г. приняли участие, наряду с советскими войсками и подразделения Армии Крайовой (впрочем, сразу после освобождения города командование этих подразделений было арестовано советскими властями). Позднее многие (хотя далеко не все) польские жители Литвы переехали в Польшу, но в 1944-1945 гг. они (независимо от своего желания) де-факто и де-юре являлись советскими гражданами и таким образом составляли, хотя и весьма специфическую, часть советского общества. Настроение этой части населения отслеживалось советскими властями с особым вниманием.

При этом надо отметить, что, даже на фоне общего настроения Прибалтики в целом и Литвы в частности, польское население Литвы выделялось своим радикализмом. Так, уже в начале августа 1944 г. в Вильнюсе были зафиксированы такие высказывания представителей польской общественности: «Приближается момент, когда США и Англия скажут Советскому Союзу, что мы в вашей помощи не нуждаемся, предъявят им условия и потребуют подчиниться, не послушают, так они их придавят, недолго большевики будут в нашем городе... Я очень доволен, что населению города Вильнюс не выдают хлеба, тот энтузиазм, который был в первое время после прихода Красной Армии начинает остывать. Я бы хотел, чтобы населению города Вильнюс подольше ничего не давали... Трудно понять политику Англии и США, которые вместо того, чтобы совсем разбить монголов... снабжают русских вооружением и продуктами питания. Наша молодежь ждет со дня на день того момента, когда Америка и Англия объявят войну Советскому Союзу... В Советском Союзе нет никакой культуры, нет культуры не только у красноармейцев, которые голодные, грязные

и оборванные, а культуры даже нет у руководителей и маршалов»[29].

Литовских поляков прежде всего не устраивало решение о передаче Вильнюса в состав Литвы. Даже тем, кто признавал роль СССР в освобождении Польши и восстановлении ее государственности, было «неясно, почему Вильнюс передан Литве, так как в Вильнюсе живет всего полтора литовца»[30].

Тем более недовольны были противники Советской власти. И в этом случае они рассчитывали в первую очередь на западных союзников. Уже в июле 1944 г. в сводках НКГБ отмечалось, что «некоторые поляки считают, что Вильнюс лишь временно отдан Литве и миссиями (так в документе. – *А.Г.*) Америки и Англии будет возвращен Польше. Некоторые рассчитывают, что Вильнюс будет возвращен Польше после поражения Германии, когда якобы должно произойти столкновение между союзниками и Советским Союзом»[31].

Помимо судьбы Вильнюса, в этой среде центральное место среди вопросов послевоенного переустройства занимал «польский вопрос», причем то его возможное решение, на котором настаивал СССР, поддерживало лишь меньшинство советских поляков. Так, учитель Ромвальский уверял: «За одно ручаюсь, что 90% польского населения будет голосовать за Запад. Мы, поляки, которые уже видели жизненную “радость” Советской власти, передадим про это другим полякам, еще не знающим советской руки»[32].

В первые дни после освобождения Литвы Красной армией националистически настроенное польское население было уверено в поддержке союзников. Наиболее откровенно высказывались в июле 1944 г. офицеры Армии Крайовой (в разговоре с агентом НКГБ): «Через 2-3 месяца начнется другая музыка с Советами. Как только разобьют Германию, то никакой линии Керзона, никакой советской Польши, ни прочих фантастических дурачеств не останется и следа. Имеем самые хорошие заверения Англии и Америки о наших границах. И если что-нибудь у нас переменится, то это только на нашу пользу. Только могущественная Польша может быть барьером на Востоке»[33].

Полная сумятица в умах польского населения Литвы проявилась в комментариях по поводу отставки премьер-министра польского правительства в эмиграции С.Миколайчика[34] в ноябре 1944 г. С одной стороны, это расценивалось как поражение реакционеров; так, рабочий горкомхоза Александрович уверенно предрекал: «Отставка Миколайчика попутает все планы польским интеллигентам, особенно националистам. Нам – рабочим нужен такой руководитель, который бы отражал интересы рабочего класса. Миколайчик сидел в Лондоне, проживал там польское золото, затевал интриги с Советским Союзом, а судьбой польского народа не интересовался. Хорошо бы было, если бы к руководству польским государством пришло левое крыло». Зато, как подчеркивалось в спецсообщении НКГБ, «в кругах польских реакционеров сведения об отставке Миколайчика вызвали некоторую растерянность и породили противоречивейшие толки. Вместе с тем, польские реакционеры используют факт отставки Миколайчика для распространения самых фантастических слухов. Польские врачи националисты, обсуждая смену правительства в больницах Красного Креста, рассказывали, что Миколайчик якобы подал в отставку вместе с Черчиллем. Англия накануне заключения мира с Германией, для того, чтобы совместно ударить по Советскому Союзу, или даже таковой мир уже заключили, а потому Черчилль и Миколайчик должны были уйти».

Столь же противоречивые оценки давались перспективам советско-польских отношений: «Миколайчик пошел в отставку по требованию Англии и Америки, так как последние хотят ухудшить дипломатические отношения с Советским Союзом. Для этого им нужен человек с ясной политической линией по отношению к СССР, который не пойдет ни на какие компромиссы», – говорили одни. «Плохо, что Миколайчик ушел, ибо Квапинский[35] как человек более левый, начнет в угоду Советскому Союзу коммунизацию польского населения и, в конце концов, Польша потеряет свою политическую независимость и станет одной из провинций Советского Союза. Тогда мы, поляки, будем рабами в полном значении этого слова», – утверждали другие[36]. На самом деле отставка Миколайчика была вызва-

на не столько сложными политическими расчетами английского правительства, сколько разногласиями в правительстве польском; сменивший Миколайчика Т.Арцишевский был представителем правого крыла и противником каких-либо уступок СССР[37].

Более того, несмотря на смену премьер-министра, реальная политика союзников никак не оправдывала ожидания поляков. Сначала их разочаровал Черчилль, выступивший в палате общин по польскому вопросу в декабре 1944 г.

Среди откликов вильнюсских поляков преобладали гнев и разочарование: «Англичане обманули и предали Польшу... Англия поступает по отношению к Польше нечестно... Польша как союзник Англии предана последней. Если бы не Англия, то нынешней войны не было бы и Польша не воевала бы, а теперь Англия, втянув Польшу в такую войну, делает все, что потребует Советское правительство». Но тут же говорилось и о том, что «нельзя считать дело окончательно потерянным, пока не кончилась война, потому что во-первых Америка еще не сказала свое мнение; во-вторых Черчилль все же признает польское правительство в Лондоне... Обстоятельство, что Черчилль не говорил о позиции Америки говорит за то, что до конца войны еще многое-многое переменится»[38].

Однако гораздо большим ударом для вильнюсских поляков явились решения Крымской конференции.

Как утверждали авторы «Спецсообщения о настроениях в городе Вильнюс в связи с опубликованием коммюнике о результатах работы Крымской конференции трех союзных держав» в феврале 1945 г., «решения Крымской конференции об установлении границ Польши по линии Керзона было встречено националистической частью польского населения со злобой и неудовлетворенностью. Одновременно часть польской интеллигенции все еще рассчитывает на то, что после победы союзников над Германией возникнут разногласия между Англией, Америкой и Советским Союзом, что приведет к войне между ними, в результате которой СССР будет побежден, а Польша будет восстановлена в своих старых границах... Менее значительная часть поляков, в том числе и интеллигенции

удовлетворена решением польского вопроса Крымской конференцией руководителей трех держав».

Вообще решения Крымской конференции оказали отрезвляющее воздействие. Многие поняли, что будущее Польши предрешено: «Если выборы польского правительства будут проводиться при наличии на территории Польши частей Красной Армии, то результаты выборов будут в пользу СССР. В противном случае результат будет обратным... Я считаю, что при нажиме русского правительства в польское правительство будут выбраны сторонники Люблинского правительства. Не думаю, чтобы поляки еще раз поверили такой продажной проститутке как Англия и всей лондонской клике».

Как и после речи Черчилля, часто упоминалось о двуличии Англии. Но на сей раз и Америка не оправдала возложенных на нее ожиданий: «Теперь поляки потеряли всякую надежду на восстановление той Польши, которая существовала до 1939 года... Англия по существу очень легко согласилась на оставление в Польше существующего в настоящее время временного правительства и отказалась от лондонского правительства, которому обещала золотые горы. Полякам теперь ясно, что они должны плясать под музыку, которую нам будут играть... Очень обидно, что исконно польские – Вильнюсская и Львовская земли невозвратно отходят от нас. Англия всегда двулична, но Рузвельт должен был защищать Польшу... Англия и Америка вместо своего "первого союзника" – Польши предпочитают сильного – Россию, это обидно... Результаты конференции для поляков плохие. Америка и Англия мало отстаивали права Польши и Советский Союз провел почти целиком, что хотел. Надежды на Вильно и Львов рухнули. Очевидно, что Польша в дальнейшем останется под влиянием Советского Союза и если не произойдет крупных политических изменений, Польша будет советизирована и присоединена к Советскому Союзу».

Впрочем, далеко не все потеряли надежду на западных союзников. Хорошо, рассуждали многие, сейчас они предали Польшу, а вместе с ней и поляков, живущих в Литве, но их собственные интересы все равно приведут к столкновению с

СССР. Директор поликлиники Икуцкий уверял: «Конференция трех держав в Крыму конечно приблизит окончание войны между Советским Союзом и Германией. Но еще не видно, какие правительства будут после войны и что покажет мирная конференция при распределении территорий и сфер влияния. Англия, это своего рода торговец, который не может органически терпеть конкуренции и всегда является врагом именно самого сильного государства в Европе. А это значит, что после окончания военных действий против Германии, Англия может начать провокации против СССР»[39].

Таким образом и после Крымской конференции антисоветски настроенные вильнюсские поляки все свои надежды возлагали на конференцию в Сан-Франциско, затем на Потсдамскую, после Черчилля на Рузвельта, а после его смерти на Трумэна...

Впрочем, не дождавшись реальной помощи от союзников, литовские поляки обращали свои взоры в совсем уже неожиданную сторону. Так, в мае 1945 г., в ходе Сан-Францисской конференции, в Вильнюсе заговорили о том, что якобы турецкий посол на конференции потребовал восстановления Польши в границах 1793 года[40].

Даже окончание войны в Европе мало что изменило в их настроениях. Уже в середине мая 1945 г. в Вильнюсе были зафиксированы следующие слухи и высказывания: «В Лондон вызывают Сталина на конференцию трех государств. Спор будет из-за Польши. Америка требует, чтобы Польша была восстановлена в старых границах 1939 года, чтобы Красная Армия ушла с польской территории... Англия и Америка вооружают немцев и готовятся к войне против России, так что скоро настанет время, когда Москва будет также лежать в развалинах, как и Варшава... Капитуляция Германии еще не является концом войны. В скором времени разгорится война между Англией и Америкой с одной стороны и Советским Союзом – с другой. Английская пресса насыщена антисоветскими статьями и правительство Англии поощряет это. Советскому Союзу предложено вывести войска с занятых территорий Европы. Против СССР идут 44 государства... В Турции подготовлена польская

армия, которая вместе с союзниками выступит скоро против Советского Союза. Япония прекращает военные действия с Англией и Америкой, чтобы действовать против СССР на Востоке»[41].

Конечно, среди поляков были и другие настроения. Высказывалось, в частности, удовлетворение решениями Крымской конференции, которые расценивались как «хорошие результаты для Польши». При этом признавалось, что «Польша безусловно будет находиться под влиянием Советского Союза. Вопрос о городах Вильнюсе и Львове сейчас ясен. Эти города Польше возвращены не будут, но жалеть по этому вопросу нечего, потому что Польша получит лучшие земли на Западе после окончания войны».

Бывший помещик, граф Ю.Комаровский (один его сын был расстрелян немцами, второй воевал в Войске Польском) уверял: «Я рад, что мой сын вместе с Советской Армией освобождает Польшу от немецких захватчиков. Я никогда не сомневался в том, что существование польского народа зависит от дружбы с Советским Союзом. Польша, вместо малозначительных восточных территорий получит высоко культурные западные земли, а главное – море, но одно жалко, сентиментально жалко двух городов – Вильно и Львова»[42]. Некий мастер Федорович признавал: «Мы, поляки, понимаем, что Красная Армия освобождает Польшу и при ее помощи Польша будет восстановлена»[43].

Были, наконец, среди поляков и те, кто достаточно безразлично относился к политическим вопросам. Как говорил рабочий К.Ростковский, «пусть сам черт будет в польском правительстве, но только скорее бы кончилась война и было бы достаточно работы, чтобы можно было жить. Мне все равно, где быть – в Вильнюсе или в Варшаве, лишь было бы только, что кушать»[44]. Но такие высказывания скорее были исключением.

Помимо Англии и Америки, у литовских поляков в 1944-1945 гг. был еще один потенциальный союзник – созданные в СССР польские части, т.н. армия Андерса и армия Берлинга[45]. Эти соединения, особенно армия Берлинга, воевавшая на Восточном фронте, вызывали живой интерес у горожан; часто задавались вопросы – кто вооружил польскую армию, Англия

или СССР, стремится ли армия Берлинга к установлению большевизма в Польше и т.д.[46]

Среди живших в СССР поляков ходили упорные слухи о том, что армия Берлинга совместно с армией Андерса вот-вот объявят СССР войну при поддержке или даже прямом участии союзников. В результате этого будет восстановлена независимая демократическая Польша в границах 1939 года[47].

Так, в феврале 1945 г. по поводу обращения Верховного Совета, Совета народных комиссаров и ЦК Компартии Литвы к литовскому народу в связи с решением о передаче Вильнюса Литве, раздавались следующие комментарии: «это политика подготовки людей к тому, чтобы демократическую Польшу сделать социалистической и дать понять, какой должна быть в будущем Польша. Но люди свято верят в то, что Англия и Америка к этому не допустят. И на проходящей сейчас конференции премьер-министров 3-х государств они явно будут защищать интересы Польши. Вообще еще не конец тому, что Советы подходят к Берлину, вот союзники нажмут их, тогда и наши Берлинговцы понадобятся, ведь не зря сейчас поляки уговаривают друг друга вступить в армию Берлинга»[48].

И даже после окончания войны надежды на помощь новых польских армий оставались: «Генерал Андерс с пятнадцатитысячной армией идет на СССР через Турцию. Германия капитулировала также с целью, чтобы вместе с союзниками выступить против Советского Союза. Армия Берлинга тоже присоединилась к ним против СССР»[49]. Говоривший это даже не задумывался о том, какую, собственно, угрозу может представлять для СССР пятнадцатитысячная армия, идущая к тому же в Прибалтику из Турции...

* * *

Окончание войны не только не развеяло надежды на помощь западных союзников, но даже активизировало их. Так, в одной из листовок, распространяемых от имени президиума Союза литовских эмигрантов в мае 1945 г., говорилось: «Ли-

товцы! Уже близок час освобождения... Не может быть между СССР, Англией и Америкой сердечной дружбы. После капитуляции Германии перед союзниками поставлен вопрос – война с СССР... Все убеждены, что в случае войны между СССР и союзниками произойдет три внезапности. Красная армия будут разбита и уничтожена. От Советского Союза будет отнята Прибалтика, Белоруссия и Украина. Эти государства получат независимость...»[50]

В очередном спецсообщении НКГБ «о фактах антисоветских проявлений» от 21 мая 1945 г. приводились крайне любопытные примеры. В частности, достаточно видный советский чиновник, начальник отдела снабжения Наркомата лесной промышленности Литвы, бывший польский офицер А.К.Германович по поводу капитуляции Германии высказался так: «Вместо оживленных радостных лиц все ходят пасмурные, озабоченные, как будто в ожидании чего-то несовершенного. Даже базар это зарегистрировал, что после окончания войны все сильно подорожало. Советские военнопленные, захваченные союзниками, не хотят возвращаться на родину. Части польской армии генерала Берлинга целиком перешли к союзникам. Что-то висит в воздухе». Другой бывший офицер, майор Клодницкий, казалось, убеждал не столько собеседников, сколько самого себя: «Возглавляемая Трумэном независимость и самостоятельность всех государств и разных республик сводится к тому, что Советское правительство или будет вынуждено принять все условия союзников, или начнется новая война. Недопустимая вещь, чтобы русский, красный империализм поглощал государство за государством для своей фантастической идеи, результатом которой является общий недостаток, голодовка, потеря собственного человеческого "Я". Еще раз повторяю, что поляки не остались довольны окончанием войны. Наши люди как сидели, так и сидят в тюрьмах и ссылках. Земля наша как была занята, так и теперь остается занятой. Союзники неминуемо должны столкнуться с Советским Союзом. Занятие Красной Армией Балкан, всей южной и центральной Европы уже теперь создает для союзников такое положение, что им, собственно, нечего делать в Европе».

Подобные рассуждения, пусть спорные, пусть в чем-то (скажем, в отношении армии Берлинга) ошибочные, все же не слишком расходились с реальностью. Но люди, то ли более фанатично убежденные в поддержке союзников несмотря ни на что, то ли просто более легковерные, выдвигали совсем уже фантастические версии, сопровождавшиеся, тем не менее, конкретными датами и деталями: «28 мая Советской власти не станет в гор. Вильнюсе, здесь установится временно власть международной комиссии, которая займется установлением новой польской границы, по которой город Вильнюс отойдет к Польше... Скоро мы будем купаться в советской крови... скоро армия Андерса совместно с Турцией выступит против СССР и тогда конец будет советам... Сан-францисская конференция уже постановила: Советское правительство должно из Литвы, Латвии и Эстонии убрать наркоматы НКВД-НКГБ, войска и милицию. С территории Польши убрать только НКГБ и НКВД. Отправить по своим местам жительства всех политических заключенных». И наконец – «Польша и вся Прибалтика будет находиться в попечении Америки, а мы все станем американскими подданными»[51].

* * *

Весной и летом 1945 г. в Литве проводилась кампания по сбору подписей под обращением к Сталину. То, что раздавались саркастические вопросы – «Почему мы не подписываем письма Трумэну и Черчиллю, а только одному Сталину?», это бы еще ничего. Прошел упорный слух, что таким образом Советский Союз проводит «скрытый плебисцит», и если будет подписано другое обращение (очевидно, о выходе из состава СССР), то Литва станет независимой республикой[52].

В июне 1945 г., отвечая на вопросы следователя НКГБ, участница подполья Э.Гутаускайте объясняла, что она и ее друзья «рассчитывали на помощь Америки, каковая к этому времени подготовит и высадит свои войска на нашу территорию и затем нам поможет свергнуть советские власти и создать литовское независимое демократическое государство»[53].

Прошедшее время в показаниях Гутаускайте не должно никого обманывать. И после окончания Второй мировой войны в течение многих лет, особенно в условиях холодной войны, противники Советской власти в Прибалтике продолжали ждать триумфального появления западных армий.

Любой кризис в международных отношениях порождал все новые и новые слухи о скором начале войны и близящемся «освобождении». С самого начала, с 1944 и даже с 1940 года в этих ожиданиях рациональные аргументы переплетались с чисто мифологическими конструкциями. Именно это придавало им особую устойчивость: если рациональные рассуждения могут опровергаться реальностью, то на мифологические представления реальность практически не оказывает влияния. И высказывания относительно «прихода Англии и Америки», подобные тем, которые звучали в Литве в 1944-1945 гг., практически дословно еще много лет повторялись на кухнях, в очередях, в лесных бункерах. Впрочем, это уже выходит за рамки данной работы.

---

[1] Об образе союзника в массовом сознании советского общества см.: *Голубев А.В.* «Царь Китаю не верит...»: союзники в представлении российского общества 1914-1945 гг. // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 1. М., 2000. С. 261-293; *Он же.* Советское общество и «образ союзника» в годы Второй мировой войны // Социальная история, 2001-2002: ежегодник. М., 2004. С. 126-146; *Он же.* «Если мир обрушится на нашу Республику»: советское общество и внешняя угроза в 1920-1940-е годы. М., 2008. С. 192-237; *Сенявская Е.С.* От временных союзов к военно-политическому противостоянию: динамика восприятия Англии, Франции и США в российском и советском общественном сознании первой половины XX века // Проблемы российской истории. Вып. 6. Магнитогорск, 2006. С. 318-347; и др.

[2] См.: *Голубев А.В.* Антигитлеровская коалиция глазами советского общества (1941-1945 гг.) // Военно-историческая антропология: ежегодник. 2002: Предмет, задачи, перспективы развития. М., 2002. С. 334-345; *Он же.* «Враги второй очереди»: советское общество и образ союзников в годы Великой Отечественной войны // Проблемы российской истории. Вып. 5. Магнитогорск, 2005. С. 320-359; *Колдомасов И.О.* Эволюция образа союзника в советском обществе военных лет: от катастрофы к «великому перело-

му» // Проблемы российской истории. Вып. 7. Магнитогорск, 2006. С. 335-358; *Наринский М.М., Поздеева Л.В.* Взаимные представления: Имиджи, идеалы, иллюзии // Союзники в войне, 1941-1945. М., 1995. С. 326-347; *Печатнов В.О.* Сталин, Рузвельт, Трумен: СССР и США в 1940-х гг. М., 2006; и др.

3 О ситуации в Прибалтике накануне войны подробнее см.: *Зубкова Е.Ю.* Прибалтика и Кремль, 1940-1953. М., 2008. С. 44-128.

4 Там же. С. 96-97.

5 Там же. С. 98.

6 LYA. F. 1771. Ap. 1. B. 181. L. 30, 36.

7 Подробнее см.: *Голубев А.В.* «Если мир обрушится на нашу Республику»... С. 205-213.

8 См. в частности: *Крупина В.А.* Политика Советского государства в оценке населения Украины (1945-1947 гг.) // Россия и Удмуртия: история и современность. Ижевск, 2008. С. 671-675.

9 *Зубкова Е.Ю.* Указ. соч. С. 205.

10 Реальную позицию западных держав по вопросу Прибалтики хорошо иллюстрирует следующий эпизод. В марте 1943 г. на переговорах с министром иностранных дел Великобритании А.Иденом президент США Ф.Д.Рузвельт предложил решить вопрос о вхождении прибалтийских государств в СССР после войны путем организации плебисцита. Иден возразил, полагая, что «советское правительство будет настаивать на их поглощении» и что оно отклонит предложение Рузвельта. Президент на эту реплику отреагировал следующим образом: «Мы могли бы согласиться на поглощение, но при этом использовать его как инструмент при заключении сделки с Советским Союзом». Цит. по: *Зубкова Е.Ю.* Указ. соч. С. 133-134.

11 LYA. F. 1771. Ap. 7. B. 194. L. 99.

12 Ibid. F. K-1. Ap. 3. B. 60. L. 11.

13 Ibid. F. 1771. Ap. 8. B. 143. L. 1-38.

14 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 184. Л. 4.

15 LYA. F. 1771. Ap. 7. B. 84. L. 6-7.

16 Ibid. B. 193. L. 65, 113; B. 194. L. 63.

17 Ibid. Ap. 8. B. 253. L. 77. Сохранены стилистика и орфография документа.

18 Ibid. Ap. 7. B. 114. L. 8, 12.

19 Ibid. B. 194. L. 25.

20 Ibid. L. 80.

21 Ibid. F. K-1. Ap. 3. B. 60. L. 10-11.

22 Ibid. Ap. 10. B. 10. L. 152.

23 Ibid. L. 151-153.

24 Ibid. B. 20. L. 54.

25 Речь шла об окончательной передаче Советской Литве г. Вильнюс. Вильнюс, первоначально, по советско-литовскому договору 1920 г., принадлежавший Литве, в 1920 г. был захвачен поляками и

с 1922 г. официально вошел в состав Польши. Однако ни Литовская республика, объявившая Каунас лишь «временной столицей Литвы», ни СССР не признали присоединения Вильнюса к Польше. В октябре 1939 г. СССР передал Вильнюс и Виленский край Литовской республике. После освобождения Вильнюса в июле 1944 г., он, как и в 1940-1941 гг., стал столицей Литовской ССР.

26 LYA. F. K-1. Ap. 10. B. 10. L. 152.

27 Ibid. L. 153-154.

28 Ibid. L. 147.

29 Ibid. B. 11. L. 1-3.

30 Ibid. B. 10. L. 151; B. 15. L. 71.

31 Ibid. F. 1771. Ap. 7. B. 85. L. 13.

32 Ibid. F. K-1. Ap. 10. B. 10. L. 150.

33 Ibid. B. 16. L. 22.

34 Станислав Миколайчик (1901-1966) – польский государственный и политический деятель, депутат сейма, в 1940-1943 гг. вице-премьер, в 1943-1944 гг. премьер-министр польского эмигрантского правительства в Лондоне. В июне 1945 г. вошел в состав образованного в освобожденной Польше Временного правительства национального единства, заняв пост второго заместителя премьер-министра и министра земледелия. В 1947 г. эмигрировал в США.

35 Ян Квапинский (1885-1964) – польский политический деятель, заместитель премьер-министра, а также министр промышленности, торговли и судоходства в правительстве Миколайчика. Считался представителем левого крыла эмиграции.

36 LYA. F. K-1. Ap. 10. B. 11. L. 33-36.

37 Томаш Арцишевский (1877-1955) возглавлял польское правительство в эмиграции с ноября 1944 г. до того, как союзники в 1945 г. объявили о его официальном роспуске. Впрочем, он этого решения не признал и в 1947 г. передал свой пост генералу Т.Бур-Коморовскому. Таким образом польское правительство в эмиграции существовало до 1990 г.

38 LYA. F. K-1. Ap. 10. B. 10. L. 77-78.

39 Ibid. L. 146-150.

40 Ibid. B. 20. L. 192.

41 Ibid. B. 10. L. 192-194.

42 Ibid. L. 151.

43 Ibid. B. 15. L. 71.

44 Ibid. B. 10. L. 151.

45 30 июля 1941 г. в Лондоне было подписано советско-польское соглашение, в соответствии с которым было решено создать на территории СССР армию из числа польских граждан во главе с генералом В.Андерсом (1892-1970). Однако летом 1942 г. армия Андерса была выведена из СССР и впоследствии принимала участие в боях в Италии. В сентябре 1943 г. в СССР была сформирована 1-я польская пехотная дивизия имени Т.Костюшко во главе с полков-

ником (с 1944 г. генералом) З.Берлингом (1896-1980). Позднее она была преобразована сначала в 1-й Польский корпус, затем в 1-ю Польскую армию, а после объединения с прокоммунистическими партизанскими формированиями (т.н. Армия Людова) летом 1944 г. в Войско Польское.

46 LYA. F. 1771. Ap. 7. B. 85. L. 13.

47 Ibid. F. K-1. Ap. 10. B. 10. L. 80, 130; B. 12. L. 85, 89; B. 20. L. 192; etc.

48 Ibid. B. 10. L. 129-130.

49 Ibid. B. 20. L. 88.

50 Цит. по: *Зубкова Е.Ю.* Указ. соч. С. 206-207.

51 Ibid. F. K-1. Ap. 10. B. 20. L. 85-89.

52 *Tininis V.* Komunistinio rezimo nusikaltimai Lietuvoje, 1944-1953. Vol. 3. Vilnius, 2003. P. 212-213.

53 LYA. F. K-1. Ap. 3. B. 55. L. 67.

III. ПРОПАГАНДА КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗОВ

Григорьева О.И.

ОБРАЗ ГЕРМАНИИ НА СТРАНИЦАХ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА» (январь 1933 – июнь 1941 г.)*

В последние десятилетия в российской гуманитарной науке широкое распространение получили вопросы, связанные с механизмами формирования и функционирования внутри того или иного социума «образов» различных народов, социальных групп, государств и т.п. Тема эта, по сути, неисчерпаема и составляет предмет исследования особой научной дисциплины – *имиджинологии*, базирующейся на материалах и методиках целого спектра наук, от истории и культурологии до философии и социологии[1].

Одному из частных сюжетов имиджинологии и посвящена данная статья, в которой предпринята попытка проследить эволюцию образа Германии в советской пропаганде 1933-1941 гг. по материалам газеты «Правда». Мы намеренно ограничили общую проблему советско-германского взаимовосприятия в указанный период рамками одного периодического издания. Выбор в качестве источника газеты «Правда», являвшейся главным печатным органом ЦК ВКП(б), объясняется рядом причин, в числе которых как ее массовые тиражи, покрывавшие значительную часть грамотного (и не только) населения Советского Союза, так и огромный авторитет издания.

---

* Работа выполнена при поддержке Фонда Герды Хенкель, Германия (Gerda Henkel Stiftung); проект AZ 21/SR/06.

Именно «Правда» выражала официальную точку зрения партии по актуальным вопросам как внутренней, так и внешней политики СССР. Именно материалы этой газеты перепечатывали в дальнейшем другие печатные органы, подтверждая роль «Правды» как официального «рупора» коммунистической партии – «коллективного агитатора, пропагандиста, организатора трудящихся», «общенародной» и «авторитетнейшей» газеты советского государства[2].

О том важном значении, какое имела в СССР периодическая печать, свидетельствует принятое 14 ноября 1938 г. постановление ЦК ВКП(б) «О постановке партийной пропаганды», в котором прямо говорилось, что «в пропаганде марксизма-ленинизма решающим оружием должна являться печать», поскольку она дает возможность «ту или иную истину сразу сделать достижением всех»[3]. И первое место в ряду печатных изданий вплоть до конца 1980-х годов занимала «Правда», материалы которой позволяют выявить, каким образом и в каком направлении действовал механизм официальной советской пропаганды.

Материалы «Правды» многократно привлекали внимание как отечественных, так и зарубежных историков. Существует целый ряд статей и диссертаций, монографий и юбилейных сборников, в центре которых находится газета и освещаемые на ее страницах темы.

Интересующая нас тема – образ Германии на страницах газеты «Правда» в 1930-е – начале 1940-х годов – специально затрагивается лишь в нескольких статьях советских исследователей. Это работы С.И.Кузьминой[4] и М.А.Бочиной[5]. Обе статьи ограничены антифашистской и коммунистической проблематикой и, кроме того, не охватывают полностью интересующий нас период. С 1990-х годов в отечественной историографии возникает интерес к исследованию периодической печати как одного из каналов формирования общественного мнения 1930-1940-х годов. При этом исследователи, как правило, рассматривают образ всего Запада, не исключительно Германии[6], сопоставляют советские печатные издания с подобными германскими (например, журналов «Огонек» и «Berliner Illustrirte Zei-

tung»)[7] и т.п., не рассматривая отдельно газету «Правда» или формирование образа Германии на страницах периодики. Следует также выделить статью американского историка Джеффри Брукса с хлестким названием «Людей, которые не читают газет, надо морально убивать на месте»[8], посвященную роли «Правды» в советском обществе. Автор, помимо прочего, уделил внимание влиянию газеты на формирование образа Германии накануне Великой Отечественной войны.

Таким образом, историография рассматриваемой нами темы ограничивается несколькими статьями отечественных и зарубежных исследователей. В них затрагиваются отдельные аспекты темы, но в целом приходится признать, что проблема отражения образа Германии на страницах газеты «Правда» остается малоизученной.

Хронологически работа охватывает период с 1933 по 1941 год, что позволит отследить развитие образа Германии на страницах «Правды» на трех исторических этапах: непосредственно перед приходом Гитлера к власти, между утверждением власти нацистов и заключением советско-германского пакта о ненападении и в промежутке от пакта до начала Великой Отечественной войны.

Цели статьи – проследить процесс формирования образа Германии на страницах газеты «Правда» в 1933-1941 гг. и показать эволюцию внедрявшихся в массовое сознание пропагандистских стереотипов и клише. Задачи работы включают в себя следующие аспекты:

– во-первых, охарактеризовать содержание образа Германии на страницах «Правды» накануне прихода нацистов к власти (январь 1933 г.);

– во-вторых, проанализировать изменения, произошедшие в освещении «Правдой» тем и вопросов, касающихся Германии, после утверждения НСДАП у власти, и дать краткую характеристику того образа Германии, который утвердился в советской печати к моменту заключения советско-германского пакта о ненападении (31 января 1933 – 23 августа 1939 г.);

– в-третьих, оценить сущность и характер трансформации образа Германии в материалах «Правды» после подписания

августовского пакта 1939 г. и вплоть до начала Великой Отечественной войны (24 августа 1939 г. – 21 июня 1941 г.);

– в-четвертых, провести количественный анализ текстов газеты за весь период с 1933 по 22 июня 1941 г., содержащих информацию о Германии, с целью последующей содержательной интерпретации выявленных закономерностей (контент-анализ).

* * *

На протяжении всех 1930-х годов образы Германии и немецкого народа занимали важнейшее место в материалах газеты «Правда», что было тесно связано с особой ролью «германского фактора» в советской дипломатии. Как известно, взаимоотношения с Германией приобрели для молодой советской республики особый статус еще в начале 1920-х годов, когда обе страны, исключенные из мирового сообщества, нашли выход из дипломатической изоляции в сближении друг с другом. После этого, вплоть до 1933 г., между СССР и Германией поддерживались доброжелательные отношения, отмеченные контактами в самых различных сферах. Неудивительны в этой связи приводимые «Правдой» слова председателя Совнаркома В.М.Молотова на заседании III сессии ЦИК СССР 23 января 1933 г. о том, что «из всех стран, имеющих с нами дипломатические отношения, с Германией мы имели и имеем наиболее крепкие хозяйственные связи», поскольку «это вытекает из интересов обеих стран»[9].

В то же время Веймарская республика, наряду с другими странами Запада, продолжала оставаться для советской пропаганды государством либеральным и капиталистическим, государством, миропорядок которого прямо противоречил заявляемым идеалам советского общества, а потому ***чуждым***. Существовал и другой немаловажный фактор, влиявший на критический настрой советской пропаганды в отношении германской буржуазной демократии, а именно: солидарность и ставка на КПГ, пользовавшуюся немалой популярностью в немецком

обществе. С этим было напрямую связано уничижительное отношение к германским социал-демократам, именуемым в СССР не иначе как «социал-фашистами». Коммунисты и социал-демократы, игравшие на одном, левом, политическом поле, не могли не видеть друг в друге конкурентов, что находило постоянное отражение и на страницах «Правды» накануне прихода Гитлера к власти. Так, 10 января 1933 г. публикуется статья О.Дзениса «Против путаницы в вопросах фашизма и социал-фашизма», из которой следует, что наибольшую опасность для построения бесклассового социалистического общества в Германии представляют не фашисты, а социал-фашисты, а в качестве важнейшей пропагандистской задачи выдвигается следующая: «разоблачить истинную роль и лицо социал-фашизма перед широкими массами рабочего класса и всех трудящихся и вырвать обманутые социал-фашизмом слои из-под его влияния»[10]. В другой статье «Правды» осуждаются «социально-сводническиe функции социал-фашизма», выражающиеся в том, что социал-демократические организации служат средством сближения между молодыми работницами и буржуазной молодежью[11].

Последствия мирового экономического кризиса рубежа 1920-1930-х годов, больно ударившего и по экономике, и по политическому строю Германии, явились лишним подтверждением постулируемых в советских СМИ «непрочности» и «бесчеловечности» буржуазного мира, неотъемлемой частью которого была и Германия. Материалы «Правды» за январь 1933 г. рисуют мрачную картину бедствий и лишений немцев, обостренную разгулом правого экстремизма. Среди наиболее типичных сюжетов: политический и экономический кризис, «террор гитлеровских банд» и «провокации гитлеровцев против компартии»[12], многочисленные демонстрации и акции коммунистов против социально-политической несправедливости[13], статистика и конкретные примеры самоубийств[14] и т.д. Характерен очерк известного советского журналиста Д.Заславского «Страна молодых старух»[15], представляющий собой критический анализ монографии немецкой ученой Л.Францен-Хеллерсберг «Молодая работница, ее жизнь и ра-

бота». Наглядные картины половой дискриминации и жестокого административного гнета, приводящего к тому, что 25-летняя берлинская работница «выглядит как 35-летняя, а 35-летняя – как старуха», содержат в себе эмоционально окрашенную критику положения дел в Германии эпохи «великой депрессии». Д.Заславский специально останавливается и на политически активной части немецких девушек, лишний раз противопоставляя коммунистов социал-демократам. Образ германской женщины в этом материале «Правды», словно судьба самой Германии начала 1930-х, покалеченной мощным экономическим кризисом и стоящей на перепутье между «социал-фашистами» и коммунистами. Симптоматично, что главная угроза, исходившая в адрес не только коммунистов, но и всего немецкого народа и мира в целом, была Д.Заславским просмотрена.

Подытоживая, подчеркнем, что образ Германии, предстающей со страниц «Правды» накануне прихода Гитлера к власти, концентрирует внимание читателя на экономических трудностях, дестабилизирующей роли фашистов и социал-демократов, которым успешно противостоит одна единственная сила – компартия, что, по мысли автора передовицы от 30 января 1933 г., неминуемо должно будет привести «к дальнейшему ускорению революционного подъема в стране»[16]. Однако жизнь показала безосновательность этого прогноза «Правды».

31 января 1933 г. появляются первые сообщения о кардинальной перестановке в германском правительстве. «Гитлер – рейхсканцлер, – сообщает газета читателям. – Германская буржуазия готовится разрешить свои противоречия путем лобовой атаки против трудящихся масс и их авангарда – КПГ»[17]. Основными темами публикаций «Правды» в первые месяцы после назначения Гитлера рейхсканцлером становятся массовые репрессии нацистов против коммунистов и их печатных органов, информация о подготовке декретов о чрезвычайных судах и печати, об изменении избирательного закона и др. Большой резонанс получают события, связанные с поджогом рейхстага, правильно понятым в качестве сигнала «для похода против

компартии». Передовица от 4 марта 1933 г. дает недвусмысленную оценку вождям нацизма, озаглавленным «шутами на троне». «Ни для кого не является секретом, – пишет "Правда", – что единственное государство, не имеющее враждебных чувств к Германии, является СССР. Это знают все. Но этого не хотят знать главари партии, именующей себя национальной, которые усиленно своими антисоветскими выступлениями всячески работают над тем, чтобы испортить отношения с единственным другом германского народа... Так поступают только шуты на троне!»[18] Необходимо заметить, что в советской пропаганде всегда четко разграничивались германское государство и немецкий народ, и даже начавшаяся 22 июня 1941 г. Отечественная война далеко не сразу внесла коррективы в это правило; в этом заключалось одно из существенных отличий советской пропаганды от нацистской, видевшей в славянах «недочеловеков».

В течение первых лет правления НСДАП образ Германии на страницах «Правды» претерпевает серьезные изменения, характеризующиеся складыванием однозначно негативной и критической картины происходящих в ней событий. Общая тональность корреспонденций приблизительно такова: «В "культурнейшей" Германии, только что отпраздновавшей юбилей Вагнера, Гете и Гегеля, каждый день на улицах обильно льется рабочая кровь, и изо дня в день увеличивается количество жертв фашистского террора. Рабочие организации, их дома, кооперативы, редакции, книжные магазины ежедневно подвергаются нападениям озверелых фашистских банд, которые являются составной частью фашистского полицейского аппарата. Террор принимает все более широкие размеры... Преследуют писателей и ученых просто за "вольный образ мыслей"... Самые темные силы современности, смердящие обломки феодального общества, средневековые мракобесы, Гогенцоллерны и Вительсбахи, отставные вильгельмовские офицеры, сохранившиеся благодаря пенсиям, которые им щедро выплачивала Веймарская республика, вылезают из своих нор, чтобы броситься в смертельную схватку с пролетариатом»[19].

Подобная патетика дополняется многочисленными фактами и свидетельствами, демонстрирующими рост антисемитизма (взрывы синагог[20], бегство евреев[21], добровольные увольнения профессоров в знак протеста против погромов[22], официальные призывы к погромам[23], сопровождаемые просьбой не бить витрины, т.к. за них придется платить германским страховым обществам[24], и т.п.), политических репрессий (против коммунистов, социал-демократов, свободомыслящих католиков и протестантов)[25], половой дискриминации (реанимация формулы «три К»[26], ущемление прав в трудовой и образовательной сферах[27], изощренные издевательства в женских и семейных концлагерях[28]), гонений на интеллигенцию и «неправильную литературу» (увольнения, аресты, костры из книг)[29] и т.д.

Немало места отводится «скверным анекдотам» из жизни нацистской Германии: курьезные заметки о «белокуром помешательстве» среди немок, «благодаря которому уже проливаются целые потоки перекиси водорода»[30], или установлении мемориальной доски в честь «лучшей германской матери» Варвары Шмоцер, на рубеже 15-16 веков произведшей на свет более 50 детей[31], добавляли оттенок иронии в целом саркастическое описание нацистского государства. Как и в предшествующее приходу нацистов время, большое внимание занимают зарисовки, живописующие образ германской женщины. Эту тематику продолжает своими публикациями Д.Заславский: «Фашистский идеал германской женщины – это породистая дойная корова... Фашизм закружил голову германской мещанке обещаниями дать мужа, детей, дом. Старая и обычная в буржуазном обществе история соблазна “невинной девушки” опытным жуликом! Германская Гретхен смотрит теперь с разочарованием на своего жуликоватого Фауста. Ни мужа, ни детей, ни семейного очага...»[32] Работы советских публицистов дополняются наиболее яркими перлами нацистской пропаганды: так, один из германских женских журналов в одной из «установочных» статей переживает по поводу того, что «мы слишком мало плачем», в то время как «плач – это одно из высших проявлений душевной деятельности, в которой чувствуется трепет души, в частности – немецкой души»[33]. Пристальное критическое вни-

мание уделяется нацистскому закону о стерилизации, калечащем сотни немецких жизней[34].

Начиная с лета 1933 г. появляются первые материалы, предупреждающие о тотальной милитаризации Германии: «В тех областях производства в Германии, где имеется сколько-нибудь серьезное увеличение, там оно носит явно военный характер»[35]; «страна, превращенная в казарму»[36] и др. Среди тем для сочинений, предлагаемых немецким школьникам, пишет «Правда» в апреле 1934 г., такие перлы, как «Рейн – германская рана, а не граница Германии», «Почему Германия нуждается в колониях», «Как помочь немцам Поволжья», «Германия превыше всего»[37]. Количество публикаций, посвященных милитаризации и военным планам Германии, растет с каждым годом: от 75 в 1933 г. и 98 в 1934 г. до 199 в 1935 г. Среди них статьи и выступления как видных политических и военных деятелей СССР и мира, так и известных журналистов (М.Тухачевский, Г.Сокольников, К.Радек, В.Киршон, А.Афиногенов, А.Барбюс, Р.Бутби и пр.)[38].

Неоднократно сообщается в «Правде» об антисоветских провокациях германских властей (налеты на «Дероп» – общество по сбыту советских нефтепродуктов, аресты советских служащих и корреспондентов), инспирированной в Германии кампании помощи поволжским немцам, а также о «восточных» аппетитах нацистских геополитиков (от Гитлера до Розенберга). По-прежнему говорится об экономических трудностях, лишениях крестьянства и пролетариата, на фоне которых расцветают различные «модные пороки»[39]. Не снимается с повестки и важность разоблачения предательской позиции социал-демократов, помогавших буржуазии в «фашизации государства». В многочисленных публикациях подчеркивается, что «пролетарская революция может ликвидировать фашистскую диктатуру, лишь перейдя через труп социал-демократии»[40].

Таким образом, в течение 1933-1934 гг. происходит становление однозначно негативного образа Германии как страны, власти которой концентрируют в себе тотальный разгул животных инстинктов: от антикоммунизма до антисемитизма, и от поощрения всевозможных асоциальных явлений (проститу-

ции, гомосексуализма, садомазохизма) до подчеркнуто агрессивной внешнеполитической доктрины. Характерные заголовки «Правды», формирующие образ Германии, звучат так: «Крестьянская нужда в Германии»[41], «Еврейские погромы по программе или вне программы?»[42], «Культура на костре»[43], «Попытка Геринга сколотить антисоветский фронт»[44], «Бредовый план Розенберга»[45], «Ревизия Версальского договора»[46], «Навстречу инфляции»[47], «Фашистские застенки»[48], «Проституция – фашистская добродетель»[49], «Трагедия детей в фашистской Германии»[50], «Упадок культурной жизни в фашистской Германии»[51], «Германия – военный лагерь»[52] и т.д. Помимо слова, «Правда» активно использует язык карикатур: так, только за 1933 г. на страницах газеты было опубликовано 35 карикатур (в среднем по 3 за месяц), объектами критики в которых стали действия нацистов, а также попустительство социал-демократов и Ватикана «фашизации» Германии. Количество «германских» фотографий в «Правде» на порядок меньше: на них преимущественно показываются последствия прихода НСДАП к власти (концлагерь Дахау, безработные ученые, костры из книг, трудовые колонны, спуски новых линкоров и пр.), но в то же время фактически отсутствуют снимки первых лиц III Рейха. Так, впервые фотография А.Гитлера после прихода к власти появляется в «Правде» лишь 4 июля 1934 г. (свидание в Эссене с Круппом)[53], после чего он пропадает на долгое время (встреча с В.М.Молотовым в Германии в ноябре 1940 г.)[54]. Таким образом, фотографии «Правды» чаще воспроизводят жизнь жертв режима, в то время как непосредственно фашисты и их пособники оказываются вытесненными в пространство карикатуры[55].

Говоря об образе Германии середины 30-х годов, еще раз стоит подчеркнуть тот факт, что в «Правде», как и в других продуктах советской пропаганды, присутствует строгое разграничение между, с одной стороны, нацизмом и примкнувшими к нему социал-демократами, с другой, трудовыми массами немецкого народа, ведущими во главе с коммунистами борьбу против фашизма. Народ Германии предстает на страницах «Правды» преимущественно в двух ипостасях – *народа-*

жертвы и *народа-борца*. Созданию этой картины способствуют как приводимая статистика и корреспонденции, так и сочувственные включения «живых голосов» немцев в виде писем[56], извлечений из дневников[57] и т.п. Все это позволяет говорить как бы о «двух Германиях», представленных в газете: и если портрет одной вызывает сочувствие советского читателя, то другая удостаивается самых нелестных эпитетов и выражений.

Сформировавшийся к 1935 г. образ Германии на страницах «Правды» не претерпевает в последующие годы существенных изменений. Германии как таковой не уделяется столь пристального внимания, как в 1933-1934 гг., и публикации о ней обычно связаны с агрессивными внешнеполитическими акциями нацистского руководства, которым противопоставляется «наша борьба за мир». Как подчеркивал в отчетном докладе о работе правительства VII Съезду Советов СССР В.М.Молотов (январь 1935), «до тех пор, пока остаются в силе антисоветские национал-социалистские завоевательные планы, Советский Союз должен сделать отсюда все выводы»[58]. Расширенные обзоры о положении Германии давались, как правило, в годовщины прихода НСДАП к власти: публикации «Годовщина фашистского режима в Германии» (1934)[59], «Два года "Третьей империи"» (1935)[60], «Три года фашистской диктатуры в Германии» (1936)[61], опубликованный 31 января 1937 г. текст выступления Гитлера в рейхстаге[62], «Плачевный "юбилей" германского фашизма» (1938)[63] и извлечения из речи фюрера в номере от 1 февраля 1939 г.[64] В центре внимания этих публикаций – социально-экономические проблемы страны, милитаризация экономики и прочих сфер жизни, экспансионистский курс во внешней политике, и неизменно – сообщения о «возмущении фашистским режимом среди трудящихся масс и разоряемой мелкой буржуазии» и «растущем сопротивлении фашистской диктатуре»[65]. Интерес представляют посвященные Германии материалы рубрики «В помощь читателю», где даются краткие биографические данные о видных государственных и военных деятелях, основных периодических изданиях и финансовых магнатах III Рейха[66].

Дополнительные штрихи, рисующие образ нацистской Германии, были добавлены в ходе освещения «Правдой» политических процессов 1937 г., где обвинения «троцкистов» в сговоре с фашистами стали одним из главнейших пропагандистских штампов. Целью «торговцев родиной», как сообщала «Правда», было «вызвать войну, добиваться военного поражения СССР в результате войны с Германией и Японией»[67]. По уверению газеты, Троцкий и его советские соратники были готовы на отторжение Украины в пользу Германии[68] и «в полном согласии со своими хозяевами, в полном согласии с Гитлером, хотели ликвидировать достигнутое в СССР... равноправие наций и рас»[69]. В длинном ряду обвинений, предъявленных «троцкистам», их мнимое сотрудничество с Германией занимало чрезвычайно важное место, что лишний раз указывало на III Рейх как на глубоко враждебное Союзу государство. Наконец, стоит подчеркнуть и пристальный интерес «Правды» к событиям в Испании, «германскому» следу в которых были посвящены десятки материалов (статьи М.Кольцова, И.Ермашева, М.Александрова и других об участии немецких войск в боевых действиях, публикации фотографий германских танков в армии франкистов и пр.)[70].

Все это способствовало утверждению в советской пропаганде середины 1930-х годов пониманию Германии как государства с диктаторским режимом, опирающегося на «самую реакционную часть монополистического капитала», и наиболее вероятного очага войны в Европе и врага СССР. Как показывала «Правда» *этой* Германии по мере сил противостояла *другая*, «подлинная Германия», имеющая мало общего «с ее современными государственными деятелями и их деяниями»[71]. 10 августа 1939 г. в «Правде» перепечатывается материал американской газеты «Нью массес» под заголовком «Рост антифашистских настроений в Германии»[72], где вновь говорится о недовольстве и брожении среди немецкого пролетариата, интеллигенции и участившихся случаях дезертирства. В эти же дни публикуются многочисленные статьи, доказывающие несостоятельность мифа о мощи германской армии («Германия проиграет»[73],

«Поджигатели войны будут уничтожены!»[74], «Разоблаченный миф»[75]).

Внезапно на фоне привычных корреспонденций, клеймящих фашистскую Германию, 22 августа 1939 г. в «Правде» появляются первые известия, знаменующие резкий поворот в советско-германских отношениях и, как следствие, ведущие к пересмотру образа фашистской Германии в советской прессе. «Враг» стремительно превращается в «друга» и «партнера». После короткой заметки 22 августа о заключении торгово-кредитного соглашения и «желании обеих сторон разрядить напряженность в политических отношениях»[76], следует номер от 24 августа, значительная часть которого отдана под освещение Договора о ненападении между Германией и Советским Союзом. В передовой статье следующим образом провозглашается произошедшая «смена вех»: «Вражде между Германией и СССР кладется конец. Различие в идеологии и в политической системе не должно и не может служить препятствием для установления добрососедских отношении между обеими странами. Дружба народов СССР и Германии, загнанная в тупик стараниями врагов Германии и СССР, отныне должна получить необходимые условия для своего развития и расцвета»[77]. Более того, в опубликованном 1 сентября 1939 г. докладе В.М.Молотова на заседании Верховного Совета дается прямо противоположная прежним оценка антифашистской риторики советской пропаганды предшествующих лет: «Надо признать, что и в нашей стране, – говорит глава внешнеполитического ведомства СССР, – были некоторые близорукие люди, которые, увлекшись упрощенной антифашистской агитацией, забывали о... провокаторской работе наших врагов» – Англии и Франции – «стремящихся столкнуть лбами Германию и Советский Союз»[78].

«Правда» уделяет большое внимание и тому, как советские люди должны воспринимать изменения отношения к Германии. В трех номерах подряд – 5, 6, 7 сентября – публикуется ряд материалов о «единодушном одобрении трудящихся исторических решений Верховного Совета СССР»[79]. Сообщения эти стандартны и являются упрощенным пересказом доклада

Молотова. В качестве примера приведем выдержку из доклада депутата Верховного Совета СССР Татьяны Федоровой – «знатной метростроевки, ныне студентки Транспортной академии имени Сталина» – на собрании на московском заводе штампов и приспособлений: всем известная вражда между Советским Союзом и Германией, существовавшая несколько лет, разжигалась «любителями загребать жар чужими руками». Теперь же «мы заключили договор с Германией, мы желаем развивать дружбу между советским народом и германским народом»[80].

Каким же образом отразилось заключение пакта о ненападении на освещении образа Германии в «Правде»? В обзоре положения «современной Германии», размещенном на первой странице номера от 18 февраля 1940 г., перед читателем предстает высоко развитая индустриальная страна, обладающая мощной техникой, богатая своей машиностроительной и химической промышленностью. У Германии, подчеркивает «Правда», большие экспортные ресурсы в отношении ряда промышленных изделий, что делает ее выгодным экономическим партнером СССР; индустрия Германии нуждается в большом количестве сырья и эту потребность в значительной мере может удовлетворить СССР, т.к. его экспортные ресурсы сырья велики[81]. Вообще, промышленные успехи и достижения науки в III Рейхе становятся излюбленными темами при описании внутренней жизни страны: здесь и изобретение синтетического волокна нейлон[82], и создание электроакустического зонда[83], и пуск новых каналов[84], и успешные опыты производства обуви из стекла[85], и празднование 550-летия библиотеки Гейдельбергского университета[86]; и т.д.

С мая по сентябрь 1940 г. в «Правде» под рубрикой «В помощь читателю» публикуется целая серия статей, в которых профессиональные военные анализируют причины успехов немецкой армии на полях сражений и особенности ведения новой войны. «Воздушные десанты в современной войне» (капитан С.В.Соколов), «Две недели боевых действий на Западе» (военный обзор полковника Л.Антоненко), «Действия бронетанковых соединений в Западной Европе» (полковник А.Со-

колов), «Действия авиации на Западе» (полковник Б.Агеев), «Плавающие танки» (майор К.Петров), «Военно-морской флот в современной войне» (контр-адмирал В.Белли; выход статьи приурочен ко Дню ВМФ СССР), «Роль авиации в современной войне» (генерал-майор авиации Б.Теплинский; выход статьи приурочен к Всесоюзному дню авиации)[87] и т.д. Также была напечатана подобная статья из германской «Дейче альгемейне цейтунг» – «Контр-адмирал Гадов о роли германского флота»[88]. Во всех этих статьях неизменно высоко оценивается военный потенциал Германии, который, напомним, годом ранее оценивался весьма критически.

Из «Правды» советский читатель может узнать об открытии 21 января 1940 г. регулярного воздушного сообщения на международной авиационной линии Москва–Берлин[89]. Несомненно позитивный характер носят сообщения об успехах советских павильонов на Кенигсбергской[90] и Лейпцигской ярмарках[91], обеде в честь советских ученых у статс-секретаря германского министра просвещения Цшинца[92] и премьере «Ивана Сусанина» в Берлинском оперном театре[93], ответным шагом на которую выступает постановка «Валькирии» Вагнера в Большом театре[94].

Сообщения о фашистском терроре, различных формах дискриминации, антисоветских провокациях, росте рабочего движения и т.п. начисто пропадают из корреспонденций «Правды», касающихся Германии. Газета сообщает об увеличении продолжительности труда в III Рейхе до 12-16 часов, введении обязательной трудовой повинности для женщин, запрете на время войны поднимать расценки на заработную плату и приостановлении права на отпуска, но не забывает подчеркнуть, что «картина, изображенная здесь, типична для всех стран капиталистического мира»[95]. Общее мнение, складывающееся при знакомстве с рисуемым «Правдой» образом Германии 1939-1941 гг., можно свести к тому, что пропадают любые эмоционально окрашенные статьи или заметки, способные пролить свет на истинное состояние дел в стране. Те же материалы, которые появляются и касаются экономических или политических реалий внутри страны, ограничиваются сухой

констатацией фактов нацистской статистики (о численности или сферах занятости населения) либо перепечаткой отдельных примеров трудового законодательства. Подобные материалы, как правило, не комментируются и лишены негативной нагрузки.

Определенный интерес представляют опубликованные в «Правде» весной 1941 г. отдельные материалы, в которых узнаются отголоски пропаганды 1933-1939 гг. Так, обращают на себя внимание слова из первомайской передовицы, в которой о Советском Союзе пишется как «о стране... где выброшена на свалку истории мертвая идеология, делящая людей на "высшие" и "низшие" расы»[96]. Намек на идеологию нацистской Германии здесь очевиден. Характерны участившиеся случаи упоминаний деятелей мирового рабочего движения, Международной организации помощи борцам революции (МОПР) и др., прочно ассоциирующихся с антифашистской борьбой; публикуется статья председателя ЦК МОПР СССР М.А.Богданова, в ряде номеров освещается приезд известной революционерки А.Паукер, мелькают имена Г.Димитрова и В.Пика[97]. Симптоматичен и факт присуждения в марте 1941 г. Сталинских премий С.Эйзенштейну, П.Павленко, Н.Черкасову и А.Абрикосову за вышедший тремя годами ранее фильм «Александр Невский», который активно использовался в антифашистской пропаганде 1938-1939 гг.[98] Правда, в поздравительной статье Л.Кассиля «Кадры и роли», посвященной этому награждению, никоим образом не поминаются тевтонские «псы-рыцари» и немцы как заклятые враги славян[99], тем не менее, сам факт обращения и более того – чествования фильма, попавшего (после заключения пакта о ненападении) в невольную зону умолчания, наводит на определенные мысли. Но, говоря о подобных материалах «Правды» весны 1941 г., в которых можно усмотреть частичную реабилитацию былой антифашистской риторики, вряд ли целесообразно видеть в них признаки очередного свершающегося поворота в идеологии: слишком они малочисленны и слишком осторожны. Зато недвусмысленны материалы, вроде известного сообщения ТАСС от 14 июня 1941 г., в которых по-прежнему говорится о нерушимости советско-

германского договора и нелепости слухов о предстоящей войне[100].

Таким образом, на протяжении конца августа 1939 – середины июня 1941 г. образ Германии предстает на страницах «Правды» в полном противоречии с тем, что писалось в течение 1933-1939 гг. В качестве препятствия, мешавшего дружбе двух государств, указываются происки враждебных держав – Великобритании, Франции и США. Происходит одностороннее выпячивание всевозможных успехов и достижений Германии в военной, экономической, научной и спортивной сферах, в то время как любая информация, содержащая негативный характер, либо пропадает, либо объясняется трудностями военного времени и капиталистического уклада хозяйства. Если в 1933-1939 гг. Германия в лицах – это коммунисты в фашистских застенках и палачи-изуверы, то после пакта лики немецкого народа представлены профессиональными солдатами и учеными-изобретателями, вносящими посильный вклад в борьбу с такими «поджигателями войны», как Англия, Франция, США. Антифашистская тема надолго уходит со страниц «Правды», и лишь весной 1941 г. появляются отдельные разрозненные материалы, позволяющие вспомнить о ней, но не влияющие на общую картину. Вплоть до дня начала войны образ Германии, каким он предстает перед читателем главного советского печатного органа, вполне нейтрален и не несет негативной нагрузки.

* * *

С целью минимизировать субъективный фактор при рассмотрении темы был проведен сплошной подсчет количества материалов «Правды» (статей, заметок, информационных сообщений, выступлений и т.д.) за указанный период, содержащих информацию о Германии. Все материалы, содержащие упоминание «Германии», были сведены в тематические рубрики: 1) «Внутриполитическая ситуация в Германии» (политическая и партийная жизнь, репрессивное законодательство, за

исключением тем, связанных с КПГ); 2) «КПГ» (материалы, посвященные Компартии и тесно связанному с ней рабочему движению Германии: как деятельности партии, так и репрессиям против нее); 3) «Социальные проблемы в Германии» (безработица, преступность, проституция, суициды, положение различных половозрастных групп населения: детей, женщин, молодежи); 4) «Культура, наука и спорт»; 5) «Экономика Германии» (промышленность, сельское хозяйство); 6) «Подготовка к войне и военные действия» (милитаризация, армия, мобилизации и события начального этапа Второй мировой войны); 7) «Международное положение и внешняя политика» (исключая непосредственно военные действия и связи с СССР); 8) «Германия и СССР» (советско-германские отношения во всем многообразии: дипломатические, экономические, культурные и пр., отклики прессы двух стран на события друг у друга, а также информация о «германском следе» в деятельности «врагов народа» на больших московских процессах); 9) «Международная антифашистская борьба и Германия» (материалы об антифашистском движении, связанные с Германией). Рубрикация всего материала позволила, во-первых, создать относительно надежную ориентировку в огромном массиве газетной информации и, во-вторых, наглядно проследить, какие стороны жизни Германии должны были, по мысли пропаганды, особенно интересовать советского читателя в те или иные периоды времени. Интерес представляет и общая динамика частоты упоминаний Германии в газете.

Сразу стоит оговорить тот момент, что при сплошном подсчете частоты упоминаний не проводилась оценка степени эмоционального накала газетных текстов. Эмоциональная окраска содержания материалов, посвященных Германии, в значительной мере отражена в первой части статьи, в то время как тотальный анализ всех материалов по данному принципу вряд ли был бы целесообразен. Ведь он лишь подтвердил бы тот неоспоримый факт, что до августа 1939 г. в советских публикациях о Германии преобладал негативный либо эмоционально

нейтральный тон, а в последующем – нейтральный либо позитивный.

За период с 1 января 1933 по 22 июня 1941 года в «Правде» было опубликовано более 18880 материалов, в той или иной степени связанных с Германией. Как видно из таблицы, наибольшее количество публикаций приходится на 1933 (2528), 1934 (2262), 1939 (2219) и 1940 (2703) годы, наименьшее – на 1938 (1732). В течение 1935-1937 гг. наблюдается стабильная частота упоминаний, характеризующаяся средними показателями (2046, 2022 и 2077 материалов соответственно). Легко заметить, что пик интереса к Германии на страницах «Правды» приходится на первые 2 года правления нацистов и на 1939-1940-й годы, т.е. на периоды, когда происходила кардинальная смена советских пропагандистских установок. Отметим здесь, что за 7 первых месяцев 1939 г. в «Правде» появилось 1018 материалов о Германии (в среднем 145,4 за месяц), а за последние 5 – 1201 (240,2 за месяц), причем основное количество приходится на август–октябрь (238, 391 и 227 соответственно) – первые месяцы после заключения пакта о ненападении. Таким образом, можно сделать вывод, что на частоту упоминаний Германии в сторону увеличения влияли изменения в характере советско-германских отношений.

Наиболее популярными темами публикаций являлись проблемы внешней политики и международного положения Германии (за 01.01.1933–22.06.1941 – 39% от всего количества публикаций), подготовки к войне и военных действий (23%), взаимоотношений Германии и СССР (10%), деятельности КПГ и внутриполитической ситуации в стране (по 9%). Стабильно невысокий процент публикаций приходится на материалы, отнесенные в рубрики «Социальные проблемы в Германии», «Международная антифашистская борьба и Германия» (по 3%), «Культура, наука и спорт» и «Экономика Германии» (по 2%).

В течение 1933-1941 гг. тематика «германских» материалов газеты «Правда» претерпевала существенные изменения: одни темы выходили на первый план, другие медленно угасали. Наиболее характерные примеры подобных метаморфоз демон-

стрируют тематические блоки, посвященные росту милитаризма и военным действиям Германии, деятельности КПГ и международному антифашистскому движению. Так, публикации, отнесенные к рубрике «Подготовка к войне и военные действия», в период с 1933 по 1938 г. занимали 3-7% от общего числа материалов о Германии, после чего происходит их стремительный рост – от 33% в 1939 г. (тут необходимо учитывать, что война началась лишь в сентябре) до 81% в 1941 г. Два других тематических блока, напротив, демонстрируют тенденцию к угасанию интереса к ним: если в 1933 г. освещение вопросов, связанных с Компартией Германии, занимало более трети всех «германских» публикаций газеты (36%), а в 1935 – всего 9%, то на протяжении 1937-1939 гг. немецких коммунистов касается не более 1% публикаций, после чего наступает полное молчание. Аналогичная ситуация и с рубрикой «Международная антифашистская борьба и Германия»: 1933-1934 гг. – по 7%, в 1936-1937 гг. – по 3%, в 1939 г. – 1%, в 1940 г. – 0 публикаций. Заметное снижение после 1939 г. наблюдается и в количестве материалов по внутриполитической ситуации в Германии: 1-2% от общего числа против 15-16% в 1933-1934 гг. и 11% в 1938 г. В то же время подавляющее число публикаций 1939-1941 гг. приходится на материалы, связанные с войной и внешней политикой: 80% – в 1939 г., 90% – в 1940 г., 93,5% – в 1941 г. (до 22.06). Обращает на себя внимание относительно невысокий процент публикаций, касающихся различных аспектов взаимоотношений СССР и Германии, – по 8% в 1933-1935 гг., 2-7% в 1939-1941 гг.; высокие доли характерны лишь для 1936-1937 гг., но они связаны, в первую очередь, с разоблачением деятельности мифических «германских шпионов» на больших московских процессах и имеют скорее косвенное отношение к проблеме советско-германских связей. Подытоживая, следует указать на приоритет, отдававшийся «Правдой» освещению внешнеполитической и военной деятельности нацистской Германии, и на тесную взаимосвязь между, с одной стороны, содержанием и частотой публикаций, и, с другой, эволюцией советско-германских отношений на протяжении 1933-1941 гг.

Таким образом, образ Германии на страницах газеты «Правда» претерпевает в течение 1933-1941 гг. существенные

изменения. Германия накануне прихода А.Гитлера к власти предстает перед читателем государством, полном социальных, политических и экономических противоречий. Особое внимание уделяется дестабилизирующей роли фашистов и, в особенности, социал-демократов («социал-фашистов»), которым успешно противостоит единственная сила – КПГ, ведущая борьбу за права рабочего класса. В течение 1933-1934 гг. в материалах «Правды» происходит становление однозначно негативного образа Германии как страны, власти которой аккумулируют в себе тотальный разгул всех низменных инстинктов: от антисоветизма до антисемитизма и от государственного поощрения всевозможных асоциальных явлений, вроде проституции и гомосексуализма, до подчеркнуто агрессивной внешнеполитической доктрины. Одновременно с этим в «Правде» присутствует строгое разграничение между нацизмом, представляющим интересы реакционной части монополистического капитализма, с одной стороны, а с другой, трудовыми массами немецкого народа, ведущими во главе с коммунистами борьбу против фашизма. Эти «две Германии» прямо противостоят друг другу и слабо соприкасаются, что вполне укладывается в рамки устоявшихся доктрин пролетарской солидарности и интернационализма. Симптоматично, что наиболее популярными темами при освещении Германии являются деятельность немецких коммунистов и рост антифашистского движения, внешняя и внутренняя политика нацистов.

Кардинальное изменение образа Германии происходит сразу после подписания договора о ненападении. На первый план выдвигаются материалы, призванные продемонстрировать военные, экономические и научные успехи и достижения III Рейха, в то время как любая информация, содержащая объективные данные о положении дел в Германии, подчеркнуто лаконична и лишена всякой негативной коннотации. Публикации же на темы, связанные со Второй мировой войной (составляющие подавляющее большинство от общего числа «германских» материалов), отличает эмоциональная нейтральность, смешанная с долей уважения.

Упоминание Германии в газете «Правда» в 1933 – первой половине 1941 г.

Годы	*Рубрики*									
	Внутри-по-литичес-кая ситуация	*КПГ*	*Социаль-ные проблемы*	*Куль-тура наука, спорт*	*Эконо-мика*	*Подго-товка к войне и военные действия*	*Между-народное поло-жение и внешняя политика*	*Гер-ма-ния и СССР*	*Между-народ-ная антифа-шист-ская борьба и Герма-ния*	*Всего % от общего числа*
1933	377 15%	905 36%	68 3%	59 2%	97 4%	75 3%	550 22%	213 8%	184 7%	2528 13%
1934	356 16%	392 17%	82 4%	60 3%	96 4%	98 4%	823 37%	188 8%	167 7%	2262 12%
1935	221 11%	193 9%	98 5%	86 4%	53 3%	199 10%	936 45%	160 8%	100 5%	2046 11%
1936	123 6%	97 5%	70 3%	24 1%	57 3%	138 7%	1079 53%	378 19%	56 3%	2022 11%
1937	146 7%	19 1%	70 3%	31 1%	64 3%	88 4%	1028 50%	577 28%	54 3%	2077 11%
1938	188 11%	19 1%	26 2%	15 1%	24 1%	114 7%	1240 71%	75 4%	31 2%	1732 9%
1939	137 6%	12 1%	36 2%	25 1%	44 2%	727 33%	1062 47%	162 7%	14 1%	2219 12%
1940	49 2%	0 0%	32 1%	34 1%	19 1%	1907 70%	528 20%	134 5%	0 0%	2703 14%
1941	19 1,5%	1 0%	4 0,3%	22 1,7%	6 0,5%	1048 81%	162 12,5%	28 2,2%	4 0,3%	1294 7%
Всего	1691 9%	1708 9%	509 3%	372 2%	481 2%	4614 23%	7766 39%	2004 10%	638 3%	18883

[1] Россия и мир: из истории взаимовосприятия. Вып. 3. М., 2006. С. 3.
[2] Большая Советская Энциклопедия: в 30 т. Т. 20. М., 1975. С. 470-472.
[3] Цит. по: *Волковский Н.Л.* История информационных войн. Ч. 2. СПб., 2003. С. 284.
[4] *Кузьмина С.И.* Газета советских коммунистов о движении сопротивления в Германии (1929-1939) // Вопросы германской истории: Великий Октябрь и революционное движение в Германии. Вып. 5. Днепропетровск, 1977. С. 109-114.
[5] *Бочина М.А.* Антифашистская тема в «Правде» (1933-1937) // Ленинская «Правда» и проблемы истории партийно-советской журналистики. М., 1987. С. 83-92.
[6] *Первухина К.М.* Европейская культура в советской периодике 1930-х гг.: журнал «Интернациональная литература» // Россия и Европа в XIX-XX веках. Проблемы взаимовосприятия народов, социумов, культур. М., 1996. С. 116-128.
[7] *Туровская М.* Легко на сердце или Kraft durch Freude // Советская власть и медиа. СПб., 2006. С. 242-261.
[8] *Брукс Дж.* «Людей, которые не читают газет, надо морально убивать на месте» // Там же. С. 228-241.
[9] Правда. 1933. 24 января. С. 1.
[10] Там же. 10 января. С. 1.
[11] Там же. 12 января. С. 4.
[12] Там же. 10 января. С. 4.
[13] Там же. 5 января. С. 4.
[14] Там же. 25 января. С. 4.
[15] Там же. 12 января. С. 4.
[16] Там же. 30 января. С. 1.
[17] Там же. 31 января. С. 4.
[18] Там же. 4 марта. С. 1.
[19] Там же. 27 февраля. С. 1.
[20] Там же. 11 марта. С. 1.
[21] Там же. 16 марта. С. 1.
[22] Там же. 20 апреля. С. 4.
[23] Там же. 4 марта. С. 1.
[24] Там же. 31 марта. С. 4.
[25] Там же. 6 марта. С. 3.
[26] Там же. 1934. 8 марта. С. 4.
[27] Там же. 8 апреля. С. 4.
[28] Там же. 6 октября. С. 5.
[29] Там же. 1933. 2 августа. С. 4; 13 ноября. С. 44 и др.
[30] Там же. 19 ноября. С. 5.
[31] Там же. 13 декабря. С. 5.
[32] Там же. 1935. 8 марта. С. 4.

[33] Там же. 17 декабря. С.5.
[34] Там же. 21 декабря. С. 5; 3 июня. С. 5; 8 сентября. С. 5; Там же. 1936. 10 июня. С. 5 и др.
[35] Там же. 1933. 24 июля. С. 2.
[36] Там же. 1934. 25 мая. С. 5.
[37] Там же. 10 апреля. С. 4.
[38] Там же. 1935. 31 марта. С. 2; 4 апреля. С. 2-3; 8 апреля. С. 5; 17 апреля. С. 2-3; 13 мая. С. 2; 23 мая. С. 1; 1934. 1 августа. С. 5, 6; и др.
[39] Там же. 1934. 12 сентября. С. 5.
[40] Там же. 1933. 14 февраля. С. 3. См. также: Там же. 1933. 20 марта. С. 2; 12 апреля. С. 2-4; 1934. 28 января. С. 1-2; 1935. 30 января. С. 5.
[41] Там же. 22 февраля. С. 3.
[42] Там же. 4 марта. С. 1.
[43] Там же. 16 мая. С. 4.
[44] Там же. 12 марта. С. 1.
[45] Там же. 14 мая. С. 1.
[46] Там же. 10 мая. С. 2.
[47] Там же. 12 июня. С. 4.
[48] Там же. 6 июня. С. 4.
[49] Там же. 1934. 8 марта. С.4.
[50] Там же. 23 мая. С. 5.
[51] Там же. 28 ноября. С. 5.
[52] Там же. 5 октября. С. 5.
[53] Там же. 4 июля. С. 5.
[54] Там же. 1940. 18 ноября. С. 1.
[55] Ср.: *Орлова Г.* «Воочию видим»: фотография и советский проект в эпоху их технической воспроизводимости // Советская власть и медиа. С. 192-193.
[56] Напр.: Правда. 1933. 1 мая. С. 1.
[57] Там же. 1934. 27 ноября. С. 5.
[58] Там же. 1935. 29 января. С. 2.
[59] Там же. 1934. 30 января. С. 6.
[60] Там же. 1935. 30 января. С. 5.
[61] Там же. 1936. 30 января. С. 6.
[62] Там же. 1937. 31 января. С. 4.
[63] Там же. 1938. 31 января. С. 5.
[64] Там же. 1939. 1 февраля. С. 5.
[65] Там же. 1938. 31 января. С. 5.
[66] Там же. 1935. 3 апреля. С. 4; 12 августа. С. 5; 20 августа. С. 5.
[67] Там же. 1937. 25 января. С. 1.
[68] Там же. 24 января. С. 1.
[69] Там же. 26 января. С. 1.
[70] Там же. 1936. 31 августа. С. 4, 5; 18 ноября. С. 5; 2 декабря. С. 6; 20 декабря. С. 5; 1937. 3 января. С. 3, 5; 8 января. С. 5; 5 июня. С. 3 и др.

[71] Там же. 1939. 7 января. С. 4.
[72] Там же. 10 августа. С. 5.
[73] Там же. 26 июля. С. 5-6.
[74] Там же. 31 июля. С. 3.
[75] Там же. 14 августа. С. 5.
[76] Там же. 22 августа. С. 1.
[77] Там же. 24 августа. С. 1.
[78] Там же. 1 сентября. С. 1.
[79] Там же. 5 сентября. С. 2; 6 сентября. С. 2; 7 сентября. С. 3.
[80] Там же. 5 сентября. С. 2.
[81] Там же. 1940. 18 февраля. С. 1.
[82] Там же. 20 мая. С. 3.
[83] Там же. 1941. 8 июня. С. 5.
[84] Там же. 1939. 27 декабря. С. 6.
[85] Там же. 1940. 30 июля. С. 5.
[86] Там же. 5 марта. С. 5.
[87] Там же. 24 мая. С. 5; 26 мая. С. 5; 29 мая. С. 5; 31 мая. С. 5; 4 июня. С. 6; 28 июля. С. 5; 19 августа. С. 5; и др.
[88] Там же. 5 сентября. С. 5.
[89] Там же. 21 января. С. 8.
[90] Там же. 14 августа. С. 4; 15 августа. С. 5.
[91] Там же. 25 августа. С.5; 26 августа. С. 5; 27 августа. С. 5; 28 августа. С. 6; 31 августа. С. 5.
[92] Там же. 29 января. С. 5.
[93] Там же. 10 февраля. С. 5.
[94] Там же. 23 ноября. С. 4.
[95] Там же. 26 июня. С. 4.
[96] Там же. 1941. 1 мая. С. 1.
[97] Там же. 18 марта. С. 3; 7 мая. С. 6; 8 мая. С. 6.
[98] Там же. 16 марта. С. 2. См. также: *Шенк Ф.Б.* Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263-2000). М., 2007. Гл. 8-10.
[99] Правда. 1941. 16 марта. С. 4.
[100] Там же. 14 июня. С. 2.

Ватлин А.Ю.

«ДВА МИРА НА ОДНОЙ УЛИЦЕ»: ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА «НОВОЙ ГЕРМАНИИ» В СОВЕТСКОЙ ПРОПАГАНДЕ НАЧАЛА 1950-х годов

Хронологические рамки статьи охватывают первые два года существования ГДР. В это время завершается формирование пропагандистского образа «новых друзей» Советского Союза – стран народной демократии, Китая и Кореи. Образ «демократической Германии» примыкает к ним, но имеет и ряд важных особенностей. Это, прежде всего, наличие ее западного антипода, ФРГ, что облегчало введение информации о ГДР в контекст холодной войны, в том числе и в военно-стратегическом аспекте. Следует отметить и то, что в начале 50-х годов Восточная Германия еще не рассматривалась как государство «народной демократии», т.е. диктатуры пролетариата. Власть в ней находилась в руках «антифашистского блока, главнейшей задачей которого является борьба за объединение страны»[1]. Таким образом, применительно к ГДР дальнейший ход событий оставался открытым, что было крайне нетипично для сталинских идеологов, привыкшей оперировать готовыми фактами.

Сказывалось также и запоздалое по сравнению с восточноевропейскими соседями государственное оформление Германской Демократической Республики – советской пропаганде приходилось буквально «догонять» другие, сформированные ранее стереотипы друзей СССР. В случае с ГДР она не могла опираться на идею славянской солидарности, которая находила позитивный отклик в послевоенном советском обществе. Наконец, – и это самое главное – пропагандистам пришлось иметь дело с устойчивыми образами немца-врага и Германии-агрессора, которые принес с собой советским людям опыт военных лет. О том, как указанная специфика отражалась в пе-

чатной пропаганде СССР 1950-1952 гг., и пойдет речь в настоящей статье.

В качестве источников использованы материалы периодических изданий самого широкого спектра – от теоретических («Большевик», «Пропагандист и агитатор») до научно-популярных («Вокруг света») и развлекательных («Огонек»). Среди них есть издания, адресованные отдельным социальным и профессиональным группам: молодежи, женщинам, преподавателям школ и вузов. Ряд журналов выходил на нескольких языках и распространялся за рубежом, а потому претендовал на известный «либерализм» («Новое время», «Молодежь мира»). Разнообразие печатной периодики в послевоенном СССР было призвано замаскировать косность и догматизм господствующей идеологии, являлось одним из проявлений псевдодемократического антуража позднего сталинизма.

Особняком стоит журнал «Германская Демократическая Республика»[2], который издавался для стран народной демократии Министерством иностранных дел ГДР. Выдержанный в стилистике «сталинского барокко», наряду с парадными материалами о вождях СЕПГ и передовиках производства он давал богато иллюстрированные репортажи об отдельных землях Восточной Германии, об образе жизни, труде и отдыхе ее жителей. Не обладая точными данными о тираже журнала, можно предположить, что он являлся образцом «камерной пропаганды», попадавшим в лучшем случае в центральные библиотеки, но не доходившим до массового читателя в СССР.

Автор сознательно отказался от обращения к материалам о ГДР, появлявшимся в ежедневных газетах. Просмотр «Правды» за 1950-1952 гг. показал, что на ее страницах доминировали перепечатки речей ведущих деятелей ГДР, а также материалов и постановлений съездов и конференций СЕПГ. Немалое место занимали приветственные телеграммы из ГДР, в том числе Сталину, из номера в номер повторялись материалы под заголовком: «Немецкий народ приветствует» то или иное мероприятие правящей партии[3]. Подобный официоз копировал репрезентацию власти в СССР и вносил минимальный вклад в наполнение образа ГДР конкретным содержанием.

То же можно сказать и о ежемесячных изданиях. Чем выше тот или иной журнал находился в иерархии советской периодики, тем менее информативными были его материалы. Если центральные общественно-политические издания в статьях, посвященных ГДР, пестрели цитатами из выступлений Сталина[4], то в журналах для занимательного чтения вроде «Смены» или «Работницы» изредка можно было найти зарисовки из жизни простых людей в Восточной Германии, оживлявшие пропагандистские штампы. Однако это являлось не правилом, а исключением из него. Насаждаемый образ братской страны был максимально обезличенным, в нем почти полностью отсутствовала этническая составляющая, к минимуму сведено упоминание об исторических корнях и традициях, если они выходили за рамки классической культуры (И.С.Бах, И.Гете, Т.Манн и др.).

Такая «стерилизация» соответствовала перестраховочному настрою пропагандистской машины позднего сталинизма. Информационная и развлекательная составляющая в средствах массовой информации той эпохи были подчинены идеологическому диктату. Воспитывать, а не веселить советских людей должен был и кинематограф – так, художественный фильм «Не мечтай, Анетта» киностудии ДЕФА отделом пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) был отвергнут для показа в СССР, так как он «не несет никакой социальной нагрузки и является развлекательным в буржуазном смысле этого слова»[5].

Управление информационными потоками из единого центра вело к унификации не только содержания, но и форм подачи материала. Так, всплеск интереса печатных СМИ приходился на годовщину той или иной дружественной страны: издавались тематические номера журналов, переводились литературные произведения. В этом смысле ГДР явно не повезло – дата ее основания почти совпала с датой основания КНР, и китайская тема доминировала в октябрьских номерах советских журналов. Самый массовый из них – «Огонек» – практиковал специальные номера, посвященные той или иной «братской стране». Номер, посвященный ГДР, вышел уже в июле 1950 г., еще до первой годовщины образования республики. В нем было помещено обращение Отто

Гротеволя, ряд репортажей из ГДР и обязательное противопоставление с Западной Германией[6].

Приемом, характерным для всех периодических изданий, издававшихся в Москве, было предоставление своих страниц для интервью и статей представителей новой власти и культурной элиты ГДР, что создавало эффект получения информации «из первых рук». Среди них были Отто Гротеволь и Вильгельм Пик, министр тяжелой промышленности Фриц Зельбман, писательница Анна Зегерс.

Перед советской пропагандой стояла сложная задача – с одной стороны, нельзя было стирать память войны из сознания советских людей, с другой – следовало подчеркивать, что народ ГДР извлек должные уроки из прошлого, которое больше не повторится. Тезис о том, что германский империализм развязал две мировые войны, был дополнен оптимистическим выводом: только образование ГДР дает немцам и их соседям шанс выхода из порочного круга. Символом этого выступало объявление 8 мая в ГДР национальным праздником, днем благодарности Советскому Союзу за освобождение от фашизма[7].

Советская периодика старательно избегала острых тем – «третий рейх» как бы не имел отношения к новой Германии, ГДР представала перед читателем как страна без прошлого. Советский рабочий, побывавший в этой стране в 1950 г., говорил о том, что до поездки личных впечатлений о Германии у него не было[8]. А куда же делся военный опыт, когда между образом немца и образом врага был поставлен знак равенства?

Следы нацизма ограничивались городскими руинами и перемежались с напоминанием о коммунистах, ставших его жертвами[9]. Подсознательно читатель переносил этот антифашистский потенциал на все население, прежде всего молодежь, которая нашла в себе силы «искоренить следы нацистской идеологии». Писатель Петр Павленко в своих заметках о посещении ГДР упорно не замечал, что и случайно услышанные советские песни, и возгласы «Да здравствует Сталин!» после показа советских фильмов являлись не проявлением искренних чувств, а результатом умелой режиссуры[10]. Впрочем, советские

читатели, знакомые с организацией массовых восторгов в собственной стране, могли и сами об этом догадаться.

Для каждого из сегментов аудитории использовалась особая аргументация, подчиненная одной и той же цели. Так, в журнале «Славяне» подчеркивалось, что новая Германия порвала с извечным «Дранг нах Остен», установив добрососедские отношения со своими восточными соседями[11]. Антифашистский потенциал молодежи ГДР подробно описывался в изданиях, предназначенных для молодого поколения. Вопрос о том, какой след оставили в их душе годы, проведенные в «Гитлерюгенде» или «Союзе немецких девушек», практически не поднимался, хотя в литературе и кинематографе ГДР он являлся одной из доминирующих тем.

И все же ростки нового пробивали себе дорогу. Достаточно смелым шагом была фотография мемориала советским солдатам в берлинском Трептов-парке, открывавшая майский, «победный» номер журнала «Вокруг света» 1951 г. Обычно такой номер украшали образы победителей и картины баталистов. На сей раз их сменили пионеры ГДР, возлагавшие цветы к монументу. Традиционные образы войны и народа-победителя первых послевоенных лет стали сменяться более сложными, включавшими в себя и элементы примирения, мемориализации прошлого. И здесь наличие ГДР, ставшей символом нового начала немецкой истории, способствовало уходу советской пропаганды от стереотипов, сформировавшихся в военное время и видевших в немцах неисправимых агрессоров.

«Привязывание» ГДР к сфере советского влияния шло не только по военно-политическим каналам, немалую роль играла и идеологическая унификация, ключевым аспектом которой являлось активное внедрение стереотипа «учитель–ученик». Учителем и защитником новой Германии выступал как сам Сталин[12], так и в более широком плане – советский народ. Это являлось существенной модернизацией принципа «пролетарского интернационализма», на котором основывалась пропаганда СССР в межвоенную эпоху, и находило позитивный отклик среди собственного населения. Аморфное равенство пролетариев разных стран сменила четкая иерархия, на вершине

которой находился Советский Союз. Быть наставником и покровителем других народов – это воспринималось общественным мнением как честь, которую советские люди заслужили благодаря жертвам, принесенным в годы войны[13].

Правящая партия в ГДР принимала правила игры в учителя и ученика. Издававшийся на русском языке бюллетень о жизни в этой стране делал акцент на образы и сюжеты, которые легко узнавались советским читателем и демонстрировали яркие плоды наставничества[14]. Печатный орган СЕПГ газета «Нойес Дейчланд», в статье, посвященной созданию новой прессы ГДР, показывала, на кого следует равняться: «Перед нами блестящий пример оперативной, организующей, критично настроенной, связанной с массами, ответственной и принципиальной прессы: это большевистская пресса Советского Союза»[15].

Последняя вполне оправдывала подобную лесть. В соответствии с марксистскими канонами значительная часть материалов о ГДР в ней была посвящена базисным отношениям. Повсеместно подчеркивалось, что экономические успехи ГДР возможны только в сотрудничестве с мировым лагерем, который возглавляет СССР – на долю этого лагеря приходится 90% внешней торговли ГДР[16]. Преимущества «народных предприятий» в ГДР читатель неизбежно связывал с исторической правотой выбора, сделанного Россией в 1917 г.[17] Репортаж с Мейсенского фарфорового завода содержал такую фразу, вложенную в уста немцев: «С тех пор, как не стало капиталистов, у нас руки и голова стали работать быстрее»[18].

Составной частью «наставничества» была экспансия в сфере культуры. Жители ГДР внимали самому передовому театральному искусству, слушали советских писателей. Однако основным направлением экспансии было кино, не случайно названное Лениным «важнейшим из искусств». Отчеты министерства кинематографии СССР неизменно подчеркивали успех советских фильмов, которые в 1950 г. занимали 47% прокатного времени в кинотетрах ГДР. Всего за 1945-1951 гг. их увидело 349 млн. зрителей[19]. Даже жители Западного Берлина, уставшие от «голливудской стряпни», пробирались в восточный сектор города, чтобы увидеть образцы настоящего киноискусства[20].

Иллюстрации к статьям о жизни в ГДР делали ставку на узнаваемость образов, которые зритель мог привязать к собственному опыту. Это и советские офицеры на улицах Берлина, красные флаги и транспаранты, это и лики Сталина, сопровождавшиеся соответствующим комментарием: увидев портрет Сталина на улицах Берлина, немецкие друзья сказали: «Это улыбка отца»[21]. Лозунг «Учиться у Советского Союза», поданный на примерах из ГДР, не только поднимал самооценку советских людей, воспитывал патриотизм «нового типа», но и вписывался в общую кампанию борьбы с низкопоклонством перед заграницей[22]. СССР перестал быть учеником Европы, как повелось со времен Петра Великого, – вектор прогресса теперь направлен в обратную сторону, с Востока на Запад.

Доказательство этого факта, которым усердно занималась советская пропаганда в последние годы жизни Сталина, проявлялось в самых неожиданных, иногда достаточно комичных формах. Приведем только несколько примеров. Так, московский токарь Павел Быков отправился в 1950 г. в ГДР «передать немецким рабочим передовые советские методы скоростного резания металла»[23]. Принимающая сторона явно перестаралась – токарь начал учить не только коллег, но и создателей станков. На лекции в Дрезденском техническом университете один из слушателей с цифрами в руках показал, что такой скорости на данном станке достигнуть невозможно. Быков не смутился: «Я работал на новом советском станке, а вы оперируете данными, почерпнутыми, наверное, из книг прошлого века»[24]. Характерно, что задавший провокационный вопрос был представлен как «доцент К.», в то время как восхвалявшие русского токаря назывались в репортаже полными именами. Так подспудно создавался образ скрытого врага, не верившего в чудодейственную силу советского опыта.

Другой пример – не из прессы, а из отчетов о посещении ГДР советскими делегациями. В мае 1952 г. при посещении завода «Гуммиверке» в Саксонии-Ангальт бригадир завода «Красный треугольник» Петрова заявила: «на таком же конвейере в Ленинграде работают сидя, а здесь стоя. Сопровож-

давший ее представитель руководства завода ответил, что до сих пор им это не приходило в голову»[25].

Примером наставнического подхода были статьи о трансформации немецкого языка под влиянием Советского Союза. Наряду с использованием русских слов (комсомол, большевик, совет) автор статьи в научно-педагогическом журнале рассматривал неологизмы, «отражающие то новое, что возникло в ГДР в результате заимствования передового опыта советского народа»[26]. Сюда относились как новые словообразования (Volkseigentum, Planueberfuellung, Frauenqualitaetsbrigade), так и слова, получившие новое значение. Так, Wettbewerb перестал означать капиталистическую конкуренцию, Praemie – прибыль от игры на бирже, а Leistungslohn – потогонную систему оплаты труда (нельзя не отметить, что именно против такой системы боролась КПГ в годы Веймарской республики).

Действительно, немецкий язык переживал то же увлечение новообразованиями, которое отличало языковую практику первых лет Советской России. При этом он оказался гораздо более компактным, а следовательно, подходящим для социалистического «новояза». Конечно, автор упомянутой статьи не мог решиться на такой вывод, идущий вразрез с концепцией «наставничества», но один из приведенных им примеров говорит сам за себя: термин Qualitaetskolonne был переведен как «тракторная колонна машиннопрокатной станции, проводящая вспашку на высоком уровне». Впрочем, для перевода неологизмов сталинской эпохи не хватало даже потенциала немецкого языка. Крайне неуклюже выглядел термин «sich die selbstkritische Einstellung zu eigen machen», который должен был описывать самокритичный настрой жителей новой Германии.

Несмотря на предрешенность выводов, статья содержала и интересные наблюдения. Нельзя не согласиться с ее автором в том, что решающую роль в «трансфере» общественно-политической лексики сыграл перевод «Краткого курса истории ВКП(б)» на немецкий язык, а также культурный обмен СССР и ГДР (Kulturhaus, Laienspiel). Следует добавить, что данный процесс шел и в обратном направлении. Заимствование немецких «калек» позволяло советским пропагандистам обходить

острые углы. Так, без должного объяснения понятие «переселенцы» (Umsiedler), подразумевавшее в ГДР немцев, изгнанных из стран Восточной Европы, выглядело в советской прессе лишь как совокупность людей, получивших в свое пользование помещичью землю и переселившихся в деревню[27].

Советское влияние на все сферы жизни ГДР неизбежно приобретало в отечественной периодике тех лет формы гротеска. Так, в качестве зримого примера расцвета традиционных ремесел подавался сервиз мейсенских мастеров, посвященный истории ВКП(б)[28]. В таком же бодро-патетическом тоне «наставника» освещалось развитие советско-германских культурных и спортивных связей, соревнование на производстве и становление пионерской организации в ГДР[29].

В соответствии с местом того или иного журнала в спектре советской периодики допускались отступления от общей благостной картины «новой Германии». В узкоспециальных изданиях имели место даже критические нотки. Их содержала рецензия на документальный фильм «Демократическая Германия», вышедший на экраны в 1950 г. В ней высмеивались штампы в сопоставлении жизни в ГДР и Западной Германии, слишком уж красивыми с точки зрения рецензента выглядели дворцы и замки, показ которых сопровождался зловещим дикторским текстом: «Отсюда, из этих старинных юнкерских поместий, не раз протягивались руки к чужому добру»[30].

Серьезную критику содержал анализ одного из первых вузовских учебников по истории, появившихся в ГДР. Похвалы рецензента удостоилось то, что периодизацию всемирной истории учебник давал по советскому журналу «Преподавание истории в школе»[31]. Напротив, наличие в списке литературы «негодных трудов» Тревельяна, Каутского, Покровского, замазывание «непримиримой борьбы двух лагерей на фронте исторической науки» и, конечно, умаление роли России в развитии последней рассматривались как не преодоленное до конца влияние буржуазной идеологии.

В целом германская история до появления ГДР окрашивалась советскими пропагандистами исключительно в черные цвета, речь шла о «проклятом прошлом», от которого начал

избавляться народ Восточной Германии. Ни одного слова не было сказано о позитивном опыте социальной работы и общественной жизни в Германии до Гитлера. Позитив ограничивался литературной классикой и историей КПГ: Гете так часто соседствовал с Тельманом, что им можно было бы поставить общий памятник на полпути из Веймара в Бухенвальд.

Остальное прошлое получало «буржуазное» клеймо. Вот репортаж о колонии для малолетних преступников в Дрездене, который (по глупости или с иронией) был озаглавлен «Дети демократии»[32]. Этому учреждению исполнилось 80 лет, но до тех пор, пока оно находилось под опекой церкви, никакой «перековки» преступников там не происходило. Только советские солдаты, освободившие колонию, сняли с ее окон решетки, покатали воспитанников на танках и познакомили персонал с системой трудового воспитания Макаренко. Естественно, это открыло «детям демократии» путь в нормальную жизнь.

Раскол Германии был выигрышным моментом для советской пропаганды, ибо оказывался одним из проявлений переходного периода, который переживало человечество в своем движении от капитализма к социализму. Предыстория ГДР подавалась в советской пропаганде как реакция на раскол страны западными державами, которая «нанесла сокрушительный удар по планам англо-американских поджигателей войны, стремящихся возродить германскую агрессию и направить ее против свободолюбивых народов Европы»[33].

Пресные репортажи об успехах ГДР, длинные ряды цифр и однообразные силуэты новых строек в иллюстрациях к ним не могли вызвать у читателя ничего иного, кроме скуки и подсознательного отторжения. Тем больший интерес вызывало сопоставление этой идиллии с адом, который творился в западной части страны. До половины объема статей, посвященных успехам ГДР, занимал рассказ об ужасах жизни в Западной Германии (название ФРГ в те годы не употреблялось)[34], который получался гораздо более ярким и привлекал внимание рядового читателя.

Даже такое политически нейтральное событие, как 250-летний юбилей Германской Академии наук, получало антагони-

стическую окраску. Именно ученые ГДР выступали в роли продолжателей просветительских традиций Академии, в то время как их коллеги в Западной Германии живут и работают в «безотрадных условиях», лишенные поддержки государства и общества[35].

Реальные проблемы ГДР, о которых не писала советская пресса, переносились на Западную Германию в зеркальном отражении. В перевернутом мире пропагандистских штампов черное оказывалось белым, а недостатки – преимуществами. Так, в газетах и журналах СССР постоянно шла речь о притоке в ГДР эмигрантов из западной части страны – борцов за мир, сбежавших от полицейских репрессий, безработных, которые сразу получали место у станка, студентов, которых привлекала бесплатная учеба[36]. Газета «Правда» 27 июля 1952 г. дала обширные выдержки из интервью «известного западногерманского общественного деятеля» доктора Гереке, который переселился на постоянное место жительства в Восточный Берлин.

Весьма драматично в изложении советской прессы выглядели и попытки Запада задушить ГДР – его спецслужбы сбрасывали над территорией страны колорадского жука и зажигательные бомбы, похищали в Восточном Берлине партийных активистов. Здесь можно отметить явные параллели с довоенными кампаниями советской пропаганды, направленными против кулацкого и прочего вредительства.

Прочное место ГДР в лагере сил мира и демократии должен был символизировать Берлинский фестиваль молодежи 1951 г. В советских газетах писали о том, как американские солдаты издеваются над делегатами, прибывавшими в Берлин из западноевропейских стран, – на вокзалах, где они пересаживаются из поезда в поезд, их избивают прикладами, колют штыками, не дают воды и продовольствия[37]. По своей стилистике подобные статьи напоминали журналистику военных лет, живописавшую издевательства фашистов над мирным населением в оккупированных областях.

Духом классовой борьбы были проникнуты и репортажи с самого фестиваля: западноберлинская полиция охотилась за его участниками, над местами проведения массовых меропри-

тий американская авиация разбрасывала листовки[38]. Фестиваль давал возможность вести рассказ об успехах ГДР от имени третьих лиц – это были чилийские студенты, западные гости и т.д.[39] Таким приемом активно пользовались советские молодежные журналы, выступавшие в роли печатных органов международных организаций.

Совершенно особое место в формируемом образе новой Германии занимала ее столица, роль которой играла часть большого Берлина, попавшая под контроль Советского Союза. Затушевать то обстоятельство, что речь шла только о четверти города, было невозможно, допустимыми названиями этой части были «Восточный Берлин» и «демократический сектор». В репортажах из Берлина раскол мира и страны получал зримые очертания, здесь проходила граница между прошлым и будущим. Уникальная ситуация содержала в себе интригу, привлекала внимание читателя и представляла собой благодатную почву не только для журналистов, но и для деятелей искусства.

Так, будущий кинорежиссер Конрад Вольф в основу сценария своей дипломной работы, которая была защищена в московском ВГИКе в 1955 году, положил следующий эпизод: молодой человек из Западного Берлина едет в восточный сектор, чтобы устраивать там диверсии и террористические акты. Встретив очаровательную девушку, он отказывается от своих планов – и расплачивается за это собственной жизнью[40].

Подобными сюжетами пестрели рассказы начинающих советских писателей, большинство из которых никогда не было ни в Западном, ни в Восточном Берлине. В одном из них переводчица берлинской комендатуры Машенька Леонова в случайном попутчике узнает эсэсовца, в годы войны проводившего карательную операцию в их деревне. Она начинает преследование, но оказывается в Западном Берлине, где эсэсовца прячут покровители из американской военной полиции[41]. Не знаю, как для эсэсовца, а для Машеньки подобная ситуация могла обернуться вполне реальным тюремным сроком – с конца 40-х годов для работников СВАГ действовал строгий запрет на посещение Западного Берлина.

Эта часть города, как узнавал советский читатель, «сочетает в себе осколки фашистского прошлого с американским настоящим». Невозможность проверить, что же на самом деле там происходило, давало советским корреспондентам невиданный простор для фантазии. Валютные менялы в их репортажах превращались в нищих, выпрашивавших восточные марки, – «только дешевое продовольствие, приобретаемое в Восточном Берлине, спасает их от голодной смерти». Однако и здесь их ждали препоны – «полицейские осматривают сумки бедно одетых женщин, возвращающихся из демократического сектора в западный. Если в сумке хлеб, его немедленно выбрасывают на мостовую»[42]. При этом в Москве в начале 50-х годов было хорошо известно, что за одну западную марку в Берлине давали 7-9 восточных[43].

Впрочем, девушкам в Западном Берлине жилось чуть легче, ибо все они поголовно занимались проституцией, ублажая новых хозяев жизни из Америки. На прилавках книжных магазинов были выставлены тухлые отбросы массовой культуры – в репортажах назывались имена Генри Миллера, Бертрана Рассела, Олдоса Хаксли, Андре Жида. Западный Берлин представал городом сплошных руин, в котором строились только новые тюрьмы[44]. Список подобных небылиц можно было бы продолжать до бесконечности.

Тем более впечатляющими выглядели успехи столицы ГДР, взявшей на вооружение опыт массового строительства Москвы[45]. Статьи о Восточном Берлине и иллюстрации к ним в своей стилистике копировали репортажи со строек советской столицы. Главное, что их отличало, – допустимость показа руин и отсутствие «сталинских высоток», место которых занимали архитектурные проекты аллеи Сталина и (так и нереализованной) площади Тельмана на месте гитлеровской рейхсканцелярии[46].

Реже встречались в советской периодике описания нового Берлина, вызывавшие к жизни более глубокие исторические ассоциации: «Начало реконструкции города можно увидеть уже сейчас: памятник Вильгельму I уже снесен, закончена разборка руин дворца кайзера, с Унтер ден Линден убран памят-

ник Фридриху “великому”»[47]. Советскому читателю это должно было напомнить скорее первые годы после революции 1917 г., нежели монументальные планы перестройки послевоенной Москвы.

Конечно, информация о ГДР доходила до советских граждан не только через прессу. Делегации восточногерманских профсоюзов, деятелей науки и культуры встречались в СССР со своими коллегами, неизменно оставляя восторженные отзывы о пребывании в первой стране социализма. Кстати, движение в обратную сторону было гораздо более скромным – ЦК ВКП(б) неоднократно уменьшал состав советских делегаций, отправлявшихся в ГДР, или сокращал сроки их пребывания[48]. Если немецкое Общество германо-советской дружбы (ОГСД) было образовано в Берлине уже летом 1947 г.[49], то его советский аналог – только десять лет спустя. Представитель Советской военной администрации в Германии С.И.Тюльпанов так обосновывал это на учредительной конференции ОГСД: «Мы еще пока не можем создать аналогичное общество. Мы ведь еще не знаем, как будут развиваться события в дальнейшем, и станет ли (немецкий. – *А.В.*) народ демократическим»[50]. Действительно, появлению советского общества дружбы с немецким народом мешало наличие «неправильных», западных немцев. Еще большее значение имел горький опыт войны – раны, нанесенные германской агрессией народам Советского Союза, только начали постепенно затягиваться.

Немало трудовых коллективов Восточной Германии пытались завязать прямые связи с советскими коллегами, рассказывали в письмах о себе, вызывали на соревнование. Продавцы из города Галле 13 декабря 1950 г. обратились в Ленинградский универмаг с предложением «вступить в сношение с Вами и обмениваться опытом»[51]. Партбюро магазина, не привыкшее дружить без указки сверху, в панике обратилось за советом в вышестоящие инстанции. Через несколько недель письмо из Галле добралось до международного отдела ЦК ВКП(б), где и было благополучно похоронено.

Аналогичная судьба постигла обращение женщин, работавших в Промышленном банке ГДР, и сотни других инициа-

тив[52]. Бюрократическая «дружба сверху», контролируемая чиновниками обеих стран вплоть до первичной ячейки ОГСД, гасила искренние чувства людей, пытавшихся на уровне межличностного общения преодолевать отчуждение наших народов. Такого рода «дружбе» не должны были мешать никакие воспоминания о прошлом, выходящие за рамки отработанных ритуалов. План пребывания делегации Общества дружбы из ГДР в ноябре 1951 г. в последний момент подвергли корректировке: «посещение кирпичного завода было отменено в связи с тем, что на заводе имеется много немецкого оборудования»[53].

Отчеты, направлявшиеся в ЦК ВКП(б) по итогам пребывания в Советском Союзе делегаций из ГДР, мало чем отличались от статей в прессе – немцы выступали в роли благодарных учеников. Они восторгались удоями наших коров, которые в два с половиной раза превосходили немецкие стандарты, «с сожалением говорили о том, что у них на родине цирковое искусство не является злободневным и политически направленным» и т.д. и т.п.[54] Если позицию немцев отличали стыд и покаяние за ущерб, причиненный Советскому Союзу в годы войны, то их партнеры всячески подчеркивали, что «великодушный советский народ не хочет помнить прошлое»[55].

Так ли это было на самом деле, остается открытым вопросом. Механизмы жесткого отбора информации, характерные для позднего сталинизма, приводили к тому, что образ ГДР получался «желаемым», а не «действительным». Еще одной отличительной чертой советской пропаганды тех лет был ее наступательный, даже агрессивный характер, подразумевавший активное использование негативных образов, связанных с Западом. Два мира сосуществовали в одной стране, в одном городе, даже на одной улице.

Анализ советской периодики в последующие годы показывает, что такой подход не исчез ни со смертью Сталина, ни с началом оттепели в СССР. Он лежал в основе ультиматума Хрущева 1958 г., когда пропагандистский выпад советского лидера на митинге в Лужниках превратился во внешнеполитическую акцию с далеко идущими последствиями. Образ ГДР начал радикально меняться лишь после появления берлинской стены – из двух ми-

ров остался один, «наш мир», и все, что оказывалось вне его границ, размывалось, теряло конкретные очертания.

После установления дипломатических отношений Западная Германия в советской прессе стала называться собственными именем, сохранявшиеся образы «вечно вчерашних», «недобитых нацистов», «боннских реваншистов» входили в явное противоречие с утверждением, что ФРГ превратилась в составную часть западного мира и западноевропейского сообщества. Пропагандистские штампы вроде «европейской колонии США» или «марионетки Запада» выглядели менее устрашающими на фоне реального исторического опыта первой половины века, когда Германия искала свой собственный «зондервег», дважды обратив в руины значительную часть Европы.

Начиная с 60-х годов связка ГДР – ФРГ, Восточный – Западный Берлин постепенно исчезает из арсенала советской пропаганды. Потеряв опору в своем антиподе, образ «первого государства рабочих и крестьян на немецкой земле» становится все более скучным, общественный интерес в Советском Союзе все больше переключается на события в ФРГ. ГДР уныло «шагает от пятилетки к пятилетке», для советских людей данная страна становится все более «нашей» – и все менее немецкой[56].

В это время на Западе Германии бушуют студенческие волнения, в острой борьбе пробивает себе дорогу новая восточная политика. Здесь налицо и накал страстей, и яркие телевизионные картинки, и непредсказуемость исхода тех или иных событий. Фактически «второе рождение ФРГ»[57] на рубеже 60-70-х годов применительно к советскому общественному мнению означало формирование образа новой, настоящей Германии – образа, возникшего независимо и даже вопреки усилиям государственной пропаганды.

---

[1] *Соколов П.* О сущности и формах государственной власти в странах народной демократии, ГДР и Китае // Пропаганда и агитация. 1951. № 5. С. 27-28. Характерно, что новости из ГДР не появляются в колонке «Правды» «В странах народной демократии» даже в 1952 г.

[2] В 1952 г. журнал назывался «Германская Демократическая Республика на стройке».

[3] Так, материалы об одобрении немецким народом решений Второй конференции СЕПГ (9-12 июля 1952 г.) появлялись в «Правде» вплоть до 30 июля 1952 г.

[4] См. например: Поворотный пункт в истории Европы // Большевик. 1951. № 18.

[5] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 250. Л. 27.

[6] Под американской пятой // Огонек. 1950. № 30.

[7] Поворотный пункт в истории Европы // Большевик. 1951. № 18. С. 1.

[8] *Быков П.* У германских рабочих // Новое время. 1951. № 3.

[9] *Чекин И.* День новой Германии. Ко второй годовщине Германской демократической республики // Огонек. 1951. № 41.

[10] *Павленко П.* Молодая Германия: (из записок писателя) // Знамя. 1951. № 7.

[11] *Бережков В.* Прочная гарантия мира // Славяне. 1950. № 12. С. 10-14.

[12] *Tichomirov A.* Stalinbild(er) in der SBZ/DDR: die deutsche Nachkriegsgesellschaft im Spannungsfeld zwischen Propaganda und Erfahrung // Historische Erinnerung im Wandel. Neuere Forschungen zu deutschen Zeitgeschichte unter besonderer Beruecksichtigung der DDR-Forschung / Hrsg. von Heiner Timmermann. Muenster, 2007. S. 467-509.

[13] *Зубкова Е.Ю.* Послевоенное советское общество: политика и повседневность, 1945-1953. М., 2000. С. 131.

[14] В фоторепортаже «Советские спектакли на немецкой сцене» зритель легко узнавал персонажи Гоголя и Вишневского (Германская Демократическая Республика на стройке. 1952. № 2), в очерке «Аллея Сталина – первая социалистическая улица Берлина» – знакомые контуры московских новостроек (Там же. № 5).

[15] Neues Deutschland. 1950. Februar. № 11.

[16] *Бережков В.* Прочная гарантия мира // Славяне. 1950. № 12; Экономическое развитие ГДР // Внешняя торговля. 1951. № 5.

[17] Народные предприятия в ГДР // Новое время. 1951. № 29.

[18] В старом саксонском городке// Там же. № 8.

[19] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 501. Л. 109-123.

[20] Советские фильмы в Германии // Искусство кино. 1951. № 1. С. 47.

[21] Огонек. 1951. № 33.

[22] Сталин и космополитизм: документы Агитпропа ЦК КПСС, 1945-1953. М., 2005.

[23] *Быков П.* У германских рабочих // Новое время. 1951. № 3.

[24] Там же. С. 24.

[25] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 645. Л. 69-70.

[26] *Крепких Н.И.* Влияние русского языка на развитие общественно-политической терминологии демократической Германии // Иностранные языки в школе. 1950. № 6. С. 26-34.

[27] *Зегерс А.* Женщина в новой Германии // Советская женщина. 1951. № 5. С. 39.

[28] В старом саксонском городке // Новое время. 1951. № 8.

[29] В борьбе за мир. Дружба советских и немецких спортсменов // Физкультура и спорт. 1951. № 7

[30] *Погожева Л.* Демократическая Германия // Искусство кино. 1951. № 1. С. 5-6.

[31] *Васильева О.* Новый учебник для студентов-историков в ГДР // Вопросы истории. 1951. № 10. С.119.

[32] *Рудим В.* Дети демократии // Смена. 1951. № 12. С. 19.

[33] *Митрофанов Н.* Образование Германской Демократической Республики // Преподавание истории в школе. 1951. № 2. С. 28.

[34] См. например: Поворотный пункт в истории Европы // Большевик. 1951. № 18; *Никитин В.* Успехи ГДР // Пропагандист и агитатор. 1951. № 21. С. 40-51.

[35] Огонек. 1950. № 28.

[36] В старом саксонском городке // Новое время. 1951. № 8.

[37] Молодежь мира. 1951. № 10.

[38] Огонек. 1951. № 33, 34.

[39] Два мира // Молодежь мира. 1951. № 11.

[40] *Jacobsen W., Aurich R.* Der Sonnensucher Konrad Wolf. Biographie. Berlin, 2005. S. 264-265.

[41] *Ющенко Л.* Однажды в Берлине // Огонек. 1951. № 49.

[42] *Безыменский Л.* В Берлине // Новое время. 1951. № 15. С. 21-25.

[43] РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1168. Л. 138.

[44] *Паркер Р.* Мы смотрели «витрину свободного мира» // Огонек. 1951. № 41.

[45] *Чекин И.* День новой Германии: ко второй годовщине Германской демократической республики // Огонек. 1951. № 41.

[46] *Безыменский Л.* В Берлине // Новое время. 1951. № 15. С. 21-25. [Остатки рейхсканцелярии активно разбирали на сувениры американские туристы].

[47] *Рудим Вл.* В Восточном Берлине // Вокруг света. 1951. № 5. С. 4.

[48] См.: РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1177.

[49] До июля 1949 г. носило название «Общество по изучению культуры Советского Союза». См. подробнее: *Dralle L.* Von der Sowjetunion lernen...: Zur Geschichte der Gesellschaft fuer Deutsch-Sowjetische Freundschaft. Berlin, 1993.

[50] Цит. по: *Dralle L.* Op. cit. S. 118.

[51] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 645. Л. 2.

[52] См.: Там же. Д. 477. Л. 90-91.

[53] Там же. Д. 645. Л. 120.

[54] Там же. Л. 7-18, 25.

[55] Там же. Л. 80, 120.

[56] Напутствуя в 1983 г. автора на стажировку в Берлин, его товарищи по студенческой группе назидательно говорили: «Курица не птица, ГДР не заграница».

[57] См.: *Зонтхаймер К.* Федеративная Республика Германия сегодня. Основные черты политической системы. М., 1996. С. 57-60; *Görtemaker M.* Geschichte der Bundesrepublik Deutschland. Von der Gründung bis zur Gegenwart. München, 1999.

Зубков С.А.

СОВЕТСКАЯ ПРОПАГАНДА НА ЗАРУБЕЖНЫЕ СТРАНЫ И ФОРМИРОВАНИЕ НОВОГО ОБРАЗА СТРАНЫ И ЕЕ ЛИДЕРОВ В МИРЕ, 1953-1964 гг.*

Внешнеполитическая пропаганда СССР с первых лет советской власти занималась построением и трансляцией позитивного образа страны и ее вождей[1]. Известный эксперт в области изучения советской пропаганды на зарубежные страны Ф.Баргхорн заключал: «***Слова и образы*** играют более постоянную, и, может быть, более важную роль, чем пули и рубли, в стремлении Москвы подорвать социальный строй капитализма и создать общество на основе марксизма-ленинизма»[2]. Результаты этой деятельности, однако, далеко не всегда были успешными, и советская внешнеполитическая пропаганда часто напоминала «стрельбу холостыми»[3]. Недостатки работы советской пропагандисткой машины становились особенно очевидными на переломных этапах мировой политики, когда Советский Союз от позиции конфронтации с Западом переходил или стремился перейти к формату партнерских отношений.

Так случилось в период Второй мировой войны и первые послевоенные годы: установление союзнических отношений и расширение контактов с западными странами потребовали, как об этом пишет В.О.Печатнов, «реконверсии» советской внешнеполитической пропаганды[4]. Речь шла не только о смене общего тона пропагандистских кампаний – с конфронтационного на миролюбивый или, по крайней мере, уважительный. Ставилась задача «завоевать» западного потребителя, настроить его позитивно по отношению к СССР, а это означало научиться говорить с западной аудиторией на понятном ей языке. Для

---

* Статья подготовлена в рамках проекта, осуществляемого при финансовой поддержке Gerda Henkel Stiftung (AZ 26/SR/06).

перестройки пропаганды был придуман удачный лозунг: «советское содержание – заграничная форма»[5]. Правда, этот лозунг, рожденный в журналистской среде (его автор – советский корреспондент в Лондоне Э.Генри), не нашел тогда понимания у партийного руководства. Некоторые позитивные изменения в направлении налаживания информационной коммуникации с Западом действительно происходили: в СССР стали распространяться зарубежные издания (журнал «Америка», газета «Британский союзник»), развивался научный и культурный обмен. Однако уже в 1946 г. начавшаяся было перестройка внешнеполитической пропаганды была свернута, и информационный мир стал жить по законам холодной войны. Процесс конфронтации был обоюдным – в результате холодная война стала в полном смысле войной пропагандистской, информационной.

В 1953 г. все пришлось снова начинать с нуля – новое время и новые задачи советской внешней политики требовали изменения концепции и методов работы пропагандистских структур. Решать эту задачу было совсем непросто. Закрытость советского общества породила настоящий информационный «голод», когда не только обычные граждане, но и люди, профессионально занимающиеся пропагандистской работой, были ограничены в доступе к необходимой информации. Советскую пропаганду на Запад сталинского периода с полным правом можно назвать не только «стрельбой холостыми», но и «стрельбой вслепую»: разоблачая Запад, писатели и журналисты часто плохо представляли себе сам объект критики[6].

Поэтому первая поездка делегации советских журналистов в США осенью 1955 г. стала настоящим «открытием Америки»[7]. Это 33-дневное путешествие явилось результатом договоренностей между СССР и США, достигнутых во время Женевского совещания в июле 1955 г. В отчете о поездке отмечалось, что американская администрация в организации турне шла навстречу пожеланиям советских журналистов. Так, в программе поездки сначала не были запланированы встречи с простыми американцами, однако, как только делегация обратилась в Госдепартамент с просьбой организовать такие встречи, эта просьба была немедленно удовлетворена[8].

Общение с американцами стало для журналистов источником новой информации, в том числе и о последствиях собственной пропагандистской работы. Особенно поразило советских гостей, что разные люди, упоминая об СССР, повторяли одни и те же слова: «Мы вас боимся». «У многих из них, – следовал комментарий, – не ликвидированы навязанные холодной войной опасения якобы коварных намерений СССР»[9]. Однако главный вывод заключался в другом: «В часы этих встреч... мы убедились, как нам вредит плохое знание американской жизни, поверхностное, вульгарное освещение процессов, происходящих в стране... наше всегдашнее педалирование на темные стороны американской жизни, проводящееся к тому же в духе бесконечного повторения одних и тех же устаревших мотивов». Далее следовал вывод: «Думается, что пришла пора пересмотреть систему пропаганды на американские темы, отказаться от всяческих публицистических ухарств и перейти к принципиальному, глубокому и спокойному освещению проблем американской жизни». При этом, конечно, подчеркивалось, что освещение с новых позиций американских реалий должно проводиться, «не уступая ни одной принципиальной идейной позиции»[10].

Представление Советского Союза американской публике, по мнению членов делегации, также нуждалось в серьезной корректировке. «Пора вырваться к широкой аудитории», – писали они в своем отчете[11]. Чтобы добиться этого, надо «перестроить поведение советских граждан, находящихся в США», научиться «играть» по тем правилам, которые приняты на Западе: выступать по радио, по телевидению, встречаться с прессой и простыми американцами. Речь шла, таким образом, об овладении приемами публичной деятельности. Потом эту тактику будет успешно использовать Н.С.Хрущев.

Поведение советских представителей в западных странах – сотрудников дипломатического корпуса, ТАСС и других структур – резко отличалось от поведения их западных коллег. Советские посольские работники и даже корреспонденты были, как правило, закрыты для публичного общения. Они получили даже особое прозвище – «раки-отшельники». Подобное

поведение объяснялось не индивидуальными особенностями, а принципами работы советских представительств за границей: любое публичное выступление сотрудников этих структур требовалось сначала согласовывать с Москвой. В такой ситуации «люди совершенно разучились доверять собственной голове и собственным, подчас немалым, познаниям»[12].

До 1955 г. советская система пропаганды на зарубежные страны не претерпела сколько-нибудь значительных перемен. Однако после Женевы критика в ее адрес стала звучать все настойчивее. Она высветила существование двух главных проблем, двух уязвимых мест работы советской пропагандисткой машины. Первая касалась содержания и оперативности транслируемой на Запад информации, вторая – методов пропагандистского воздействия на зарубежную аудиторию, которые не соответствовали ее запросам и особенностям восприятия информации. В Советском Союзе издавалось несколько журналов на иностранных языках, распространяемых в других странах. Так, на английском языке выходили журналы «Ньюс», «Новое время», «Советский Союз», «Советская женщина», «Советская литература». Однако журналы, издающиеся, как правило, с периодичностью два раза в месяц, неизбежно теряли в оперативности публикуемой информации. В этом заключалась одна из причин их низкой популярности и плохой распространяемости за рубежом[13]. Газета «Москоу Ньюс», которая выходила с 1930 г., в 1949 г. прекратила свое существование. Между тем, вместе с активизацией советской внешней политики потребность в оперативных материалах была очень высока. Первыми критичность ситуации оценили люди, по долгу службы связанные с проблемами информационного обеспечения, т.е. журналисты и другие сотрудники СМИ.

Один из них – литсотрудник журнала «Новое время» Л.А.Безыменский – в записке, адресованной секретарю ЦК КПСС М.А.Суслову, отмечал: «Во время работы в качестве спецкора на международных конференциях мне неоднократно приходилось слышать от иностранных журналистов, что на Западе исключительно повысился интерес к документам советской внешней и внутренней политики». В связи с этим автор

записки предлагал начать выпуск специального издания, в котором оперативно и в полном объеме могли бы публиковаться официальные документы советского правительства и МИД[14]. Другие предложения касались возобновления издания газеты «Москоу Ньюс». При этом подчеркивалось, что газета должна обрести новый формат, по «типу и характеру отвечающий привычкам зарубежных читателей»[15].

Объектом критики стала система радиовещания на зарубежные страны. Статистика Московского радио фиксировала, что интерес к его передачам среди зарубежных слушателей растет из года в год. Об этом, в частности, свидетельствовало увеличение потока писем, приходящих на Московское радио из разных стран мира: в 1949 г. было получено всего 5 тысяч писем, в 1954 г. – 34 тысячи, а за неполные девять месяцев 1957 г. – уже 240 тысяч[16]. Только за три месяца 1957 г. (с июля по сентябрь) редакция Московского радио получила 57 341 письмо из 83 стран мира (это было на 41 848 посланий больше, чем за аналогичный период 1956 г.) Среди приславших письма на радио лидировали слушатели из социалистических стран (46 648 писем), на долю слушателей из стран, которые проходили по разряду «капиталистические» (включая страны «третьего мира») пришлась примерно шестая часть всех посланий (10 490). Остальные 206 писем принадлежали гражданам Югославии, которую в Советском Союзе считали отдельно, не причисляли ни к одному из лагерей. При этом доля писем из ведущих стран Запада была относительно невелика: 1 306 посланий пришло из США, 289 – из Англии, 459 – из Франции, 255 – из ФРГ[17].

Вместе с тем увеличение потока писем свидетельствовало не столько о качестве вещания Московского радио, сколько о возросшем интересе зарубежных граждан к Советскому Союзу вообще. Не случайно главная тема писем – это просьба больше рассказывать о стране и ее людях, которая косвенно отражала неудовлетворенность имеющейся информацией[18]. Встречалась и конкретная критика в адрес советской системы Иновещания[19]. Так, редактор главного печатного органа французской компартии газеты «Юманите» Пьер Куртад составил специ-

альную записку «О передачах Московского радио на французском языке» (1957 г.). Он тоже анализировал письма радиослушателей, однако его оценки расходились с позицией редакции Московского радио: по данным Куртада, интерес французов к его передачам не рос, а уменьшался по сравнению с довоенными и военными годами. Аудитория Московского радио кроме того стремительно «старела»: среди слушателей преобладали старые рабочие, письма на радио от интеллигенции встречались редко, от молодежи их почти не было. Слушатели Московского радио превращаются в своего рода «закрытый клуб», – считал Куртад[20].

Проблема советского Иновещания заключалась, по мнению французского журналиста, в том, что оно не учитывало специфики аудитории. Основные недостатки – «запоздалая информация, догматический характер текстов, формализм, безжизненность, часто сомнительное качество языка». «Эти передачи, – заключал Куртад, – скучные, во всяком случае, на французский вкус»[21]. Журналист отметил также «неимоверное злоупотребление» истертыми сравнениями и эпитетами, вроде: «оплот мира», «играть с огнем», «жгучие вопросы», «бурное развитие» и т.д.[22] Передачи о Советском Союзе носили столь же стандартизированный характер, превращаясь по сути в рапорты о достижениях. Подобный тон лишал эту информацию в глазах аудитории главного – достоверности. «Если вы хотите, чтобы вам верили, когда вы говорите об успехах, – обучал Куртад своих радиоколлег азам журналистики, – необходимо также иногда упоминать о некоторых трудностях, которые вы испытываете»[23]. Аналогичные претензии в адрес советского Иновещания и печатных изданий, распространяемых за рубежом, поступали и из других стран[24].

Предпринимались меры для исправления ситуации, сложившейся в сфере пропагандистского обеспечения советской внешней политики. В 1956 г. возобновилось издание газеты «Москоу Ньюс», в США начал выходить новый иллюстрированный ежемесячный журнал «СССР» на английском языке, появились его аналоги в других странах («Советский Союз сегодня» в ФРГ и Канаде, «Этюд Совьетик» во Франции). Одна-

ко все эти мероприятия носили характер единичных акций и не принесли значительного эффекта. Импульсом к комплексному пересмотру методов работы служб внешней пропаганды стали события в Венгрии. «Органы советской пропаганды, рассчитанные на заграницу, – говорилось в решении Президиума ЦК КПСС, – не сумели своевременно противопоставить потоку клеветы на Советский Союз и коммунистические партии аргументированную информацию и анализ событий в Венгрии»[25]. Это признание означало, что информационную войну между Советским Союзом и западным миром, которая сопровождала венгерские события, советская сторона по сути проиграла.

В феврале 1957 г. вопросы внешнеполитической пропаганды рассматривались Президиумом ЦК КПСС. Была создана специальная комиссия во главе с В.М.Молотовым, которая подготовила проект постановления «О мерах улучшения советской пропаганды на зарубежные страны». Постановление было принято 4 марта 1957 г. В этом документе отмечалось, что масштабы и уровень внешнеполитической пропаганды «не отвечают задачам Советского государства и резко отстают от требований, вытекающих из сложившейся международной обстановки». Было признано, что пропаганда на зарубежные страны «зачастую носит пассивный оборонительный характер, с большим опозданием реагирует на события международной жизни, нередко ведется примитивно, без достаточного учета национальных и культурных особенностей стран, традиций и обычаев народов»[26]. Перестройка системы пропаганды на зарубежные страны была признана «важной политической и государственной задачей». По-новому – без привычных идеологических штампов и профессионально (с точки зрения пиар-деятельности) – была сформулирована цель внешнеполитической пропаганды: «*обеспечение серьезного влияния с нашей стороны на общественное мнение и настроения различных слоев населения зарубежных стран с должным учетом их особенностей и требований момента*»[27] (выделено мной. – *С.З.*). Учет требований момента и требований аудитории – два главных принципа имиджинологии, обеспечивающих успешное решение поставленных задач[28].

Помимо новаций, содержание решения ЦК КПСС не было свободно от «груза прошлого». По-прежнему предлагалось «разоблачать агрессивную политику империалистических государств», оказывать «противодействие реакционной буржуазной пропаганде» и т.д. Однако при этом все-таки подчеркивалось, что делать это надо «гибко» и «оперативно»[29]. Предусматривало постановление и проведение частичной реорганизации системы внешнеполитической пропаганды. Было принято решение о создании новой структуры – Государственного комитета по культурным связям, которому подчинялись Главное управление радиовещания, Совинформбюро и Издательство литературы на иностранных языках. Руководство работой Комитета было поручено непосредственно Секретариату ЦК КПСС, что свидетельствовало о важности тех задач, которые предстояло решать новой организации[30]. Одна из них заключалась в «изучении приемов и методов зарубежной пропаганды»[31]. По существу это означало признание очевидных успехов работы западных пропагандистских служб и стремление использовать их опыт – факт сам по себе достаточно примечательный.

Интенсивное изучение западного опыта ведения пропаганды началось в том же 1957 г.[32] В декабре 1957 г. заместитель председателя Госкомитета по культурным связям с зарубежными странами А.Н.Кузнецов встречался с директором Информационного агентства США (ЮСИА) Дж.Алленом. Беседа длилась полтора часа, в течение которой Кузнецов расспрашивал своего американского коллегу о структуре и принципах работы ЮСИА[33]. В 1958 г. лица, ответственные за внешнеполитическую пропаганду, получили в руки многостраничный документ под грифом «совершенно секретно», в котором содержался подробный анализ деятельности Информационного агентства США. «Для наших пропагандистских и контрпропагандистских органов, – следовал главный вывод, – представляет большой практический интерес изучение организации, методов и направленности американской службы пропаганды»[34]. В документе подробно описывались «азы» пиар-деятельности: использование различных каналов коммуникации (от прессы

до частного туризма), дифференцированное воздействие на аудиторию (выделение групп «лидеров мнений» и работа с ними), механизмы создания информации-сообщения. Некоторые из этих приемов были взяты на вооружение отечественными пропагандистскими структурами, особенно в части развития иностранного туризма, формирования «лидеров мнений» (в роли которых выступали, например, западные журналисты, аккредитованные в СССР), использования новых каналов коммуникации, в первую очередь телевидения, и т.д.

Одним из результатов изучения западного опыта пропагандистской деятельности стало создание 5 января 1961 г. вместо Совинформбюро нового информационного института – Агентства печати «Новости» (АПН). Новое агентство преподносилось в качестве публичной структуры, выступающей от имени общественных организаций – Союза журналистов, Союза писателей, Союза советских обществ дружбы с зарубежными странами и др.[35] Как говорилось в материалах Секретариата ЦК КПСС, «появление открытого источника информации о Советском Союзе, в отличие от полузакрытого и вызывавшего подозрения у многих иностранцев Совинформбюро, выявило новые возможности для расширения советской пропаганды за рубежом»[36]. О результатах своей деятельности АПН периодически отчитывалось перед Идеологическом отделом ЦК КПСС.

АПН по сравнению с Совинформбюро работало более профессионально. Во-первых, его деятельность была специализирована по направлениям: пропагандой на страны капиталистические, социалистические, а также Азии, Африки и Латинской Америки занимались три разных редакции. Совинформбюро работало главным образом через посольства – АПН налаживало непосредственные контакты с зарубежными информационными агентствами и прессой. Перед АПН была поставлена задача изучать газетно-журнальную среду конкретной страны и готовить материалы для публикации в западной прессе с расчетом не только на аудиторию страны в целом, но и на различные группы читателей внутри нее[37]. Это уже был вполне «западный» подход.

Каналы АПН играли ключевую роль в трансляции позитивного имиджа СССР и Н.С.Хрущева на Запад. О размахе деятельности по распространению текстов Хрущева, материалов о нем и советской внешней политике свидетельствуют, например, данные о работе французского бюро АПН за 1963 г. Помимо регулярной публикации информации о внешнеполитических инициативах советского лидера на страницах журнала «Этюд Совьетик» в качестве приложений к журналу были изданы следующие выступления и интервью Хрущева 1963 г.: речи на встрече руководителей партии и правительства с деятелями литературы и искусства (тираж 22 510 экземпляров), перед избирателями Калининского округа Москвы (22 000 экземпляров), на митинге советско-кубинской дружбы во время визита Ф.Кастро (18 410 экземпляров), ответы Хрущева на вопросы директора итальянской газеты «Эль Джорно»[38]. Речь Хрущева на июньском пленуме ЦК КПСС, как и его выступление на VI съезде СЕПГ, были изданы отдельной брошюрой. Другие выступления 1963 г. появились во франкоязычном информационном бюллетене «СССР». Что же касается размещения выступлений Хрущева и специальных материалов АПН о нем во французской прессе, то таких за весь год оказалось всего 26 – преимущественно в изданиях коммунистического и левого толка[39].

Столь скромный результат усилий по проникновению материалов АПН в западную прессу был связан прежде всего с качеством предоставляемых текстов. Главные претензии руководителей западных СМИ, отказывающих в публикации материалов АПН, касались их «серости, скучности и многословия»[40]. Как считал, например, заведующий отделом французской газеты «Комба» Вуароль, советские тексты были безличными, не выражали авторской позиции. «Создается впечатление, – говорил он, – что журналисты из АПН кладут рядом на стол официальную ноту или очередную речь Хрущева и переписывают их слово в слово»[41].

Проблемы адаптации к интересам западного читателя переживали все без исключения советские издания, распространяемые за рубежом. Руководство отдела стран Америки АПН,

например, хотя и считало, что «в целом в печатной пропаганде на США и особенно в журнале "СССР" учитывается специфика страны», но вместе с тем вынуждено было признать: «Пропагандистская действенность наших материалов подчас снижается из-за монотонности и маловыразительности языка. И брошюры, и журнал "СССР" в целом читать тяжело. *Требуется осуществить значительное умственное напряжение*»[42] (выделено мной. – *С.З.*).

В этой ситуации руководство АПН видело выход из положения на пути не только качественного улучшения пропагандистских материалов, но и перевода пропагандистской работы на коммерческую основу. Последнее особенно касалось распространения текстов Хрущева на Западе, которые уже в силу своего объема были плохо адаптированы к интересам западного читателя. Например, в 1962 г. АПН «в порядке опыта» осуществило публикацию речи Хрущева на Всемирном конгрессе за всеобщее разоружение и мир в крупных и авторитетных западных газетах – английской «Гардиан» и американской «Геральд Трибюн». Публикация в «Геральд Трибюн» при тираже 480 тыс. экземпляров обошлась в 8 112 долларов. Руководитель АПН Б.Бурков усматривал в этом большую экономию средств: если бы речь пришлось издавать отдельной брошюрой в американском издательстве, это обошлось бы дороже – примерно 10-12 тыс. долларов[43]. Бурков обратился в ЦК КПСС с просьбой разрешить и в дальнейшем «публиковать за плату в наиболее крупных и влиятельных органах зарубежной прессы важнейшие материалы и документы советского правительства». Из Секретариата ЦК пришел ответ, что такого рода вопросы не требуют специального разрешения отдела Центрального Комитета. Однако Буркову посоветовали искать по возможности пути бесплатной публикации материалов в зарубежной прессе[44].

Арсенал средств внешнеполитической пропаганды в 1950-е годы пополнился еще одним и, может быть, самым мощным инструментом воздействия на массовую аудиторию – телевидением. Информационные службы СССР стали осваивать это поле коммуникации позднее, чем в западных странах. В 1954 г. на всю страну было только четыре телецентра, техническое

оснащение которых отставало от западных аналогов. Относительно быстро советское телевидение стало развиваться только во второй половине 1950-х годов после того, как было принято постановление Совета Министров СССР от 15 сентября 1955 г. «О мерах по дальнейшему развитию телевизионного вещания в СССР». Уже к началу 1959 г. число телецентров возросло до 60, а через четыре года их стало 130[45].

29 января 1960 г. было принято постановление ЦК КПСС «Об улучшении радиовещания для населения СССР и на зарубежные страны». В этом документе развитие телевидения рассматривалось непосредственно в русле решения пропагандистских задач, однако главным образом внутренних – для влияния на умы населения страны. Объем телевизионного вещания на зарубежные страны был тогда более чем скромным и в начале 1962 г. составлял всего 12 часов в сутки. Для сравнения: трансляции на зарубежные страны Московского радио в тот же период составляли ежедневно до 100 часов русскоязычного и до 115 часов иноязычного вещания[46]. Новое постановление ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему улучшению работы радиовещания и телевидения», принятое два года спустя, 6 июня 1962 г., было посвящено в значительной степени проблемам внешнеполитической пропаганды. Несмотря на то, что «из года в год растет влияние радиовещания и телевидения на население Советского Союза и зарубежных стран, – говорилось в постановлении, – большие возможности распространения нашей информации путем подготовки программ для зарубежных радиостанций, телевизионных центров и непосредственных контактов с иностранными радиовещательными организациями используются неудовлетворительно»[47]. От имени ЦК КПСС всем ответственным ведомствам было дано указание «значительно расширить подготовку программ для зарубежных стран, а также для обмена между телевизионными центрами Советского Союза»[48].

После этих решений советское телевидение стало одним из главных средств информационной поддержки политических кампаний и важным каналом трансляции на Запад позитивного имиджа страны и ее лидера. Телевизионный дебют Хрущева

состоялся 2 июня 1957 г. на американском телевидении, советские пропагандистские службы с опозданием включились в процесс презентации лидера в телеформате. Вместе с тем освоение нового информационного формата и самим Хрущевым, и его пиар-службами происходило довольно быстро. Уже в начале 1960-х годов Хрущев превратился для советских зрителей в главного героя голубого экрана, он буквально вошел в каждый дом.

В 1961 г. советское телевидение подключилось к системе «Интервидение». Первым опытом прямой трансляции стал сюжет о встрече в Москве 14 апреля 1961 г. Юрия Гагарина: восторженные толпы москвичей на Манежной и Красной площадях, выступление Гагарина и Хрущева на трибуне мавзолея. На всех кадрах, показанных в разных странах мира, Хрущев вместе с Гагариным: первый космонавт стал такой же частью международного имиджа лидера СССР, как и спутник.

Опыт прямой трансляции, по оценкам экспертов, оказался в техническом отношении безукоризненным. Генеральный директор Би-Би-Си Хью Карлтон Грин прислал председателю Госкомитета по радиовещанию и телевидению С.В.Кафтанову телеграмму: «Горячие поздравления и благодарность за сегодняшнюю передачу Великого исторического события. Прием этой первой прямой передачи из Москвы в Лондон великолепный. Ожидаем дальнейшего сотрудничества, которое теснее сближает наши страны»[49]. 1 мая 1961 г. по системе «Интервидение» на европейские страны с Красной площади шла прямая трансляция парада и демонстрации. Хрущев, как полагается, находился в центре этих событий[50].

В ходе визитов Хрущева в зарубежные страны отрабатывался специальный формат их информационного сопровождения по каналам радио и телевидения. Соблюдение этого формата находилось под контролем Секретариата Хрущева, перед которым отчитывался Госкомитет по радиовещанию и телевидению. Представление о формате дает, например, порядок освещения всего лишь одного выступления Хрущева – о его впечатлениях от беседы с президентом Дж.Кеннеди в Вене 15 июня 1961 г.

Это выступление в тот же день 15 июня передавалось по всем радиостанциям Советского Союза и по Центральному телевидению. Передача началась в 20 часов и закончилась в 21 час 15 мин. В дневных программах это выступление несколько раз анонсировалось, а в выпусках «Последних известий» в 16.00 и 19.00 часов шли репортажи о том, как граждане страны готовятся слушать это выступление и какой энтузиазм оно у них вызывает. После трансляции выступления Хрущева через 40 минут этому событию была посвящена специальная передача, а в ночном выпуске «Последних известий» и теленовостей уже звучали отклики из СССР и зарубежных стран на это выступление. На следующий день, 16 июня, выступление Хрущева транслировалось в дикторском чтении[51].

В системе радиовещания на зарубежные страны выступление Хрущева передавалось полностью с синхронным переводом на английском, немецком, французском, испанском, арабском и сербскохорватском языках. Помимо полного текста на тех же шести языках, речь Хрущева транслировалась в изложении с повторами во всех вечерних программах: на США – 9 раз, на Латинскую Америку – 6 раз, на Англию, Западную Германию, Францию и Испанию – 3 раза. После изложения выступления в программах шли отклики на него из Советского Союза и разных стран мира. Через систему «Интервидение» осуществлялась телевизионная трансляция выступления на социалистические страны. Что касается аудитории западных стран, то здесь трансляцию вели собственные телекомпании, ограничиваясь главным образом сюжетом о начале выступления[52].

Несмотря на то, что советская внешнеполитическая пропаганда стремилась использовать радио и телевидение в качестве каналов трансляции позитивного образа страны и ее лидера, масштабы и содержание усилий, предпринимаемых на этом направлении пиар-деятельности, отставали от практик, принятых на Западе. Так, в 1963 г. эксперты из Отдела стран Америки АПН пришли к выводу, что систематической телевизионной пропаганды на США практически не велось. Радио- и телепропаганда, считали они, нуждаются в «коренной реорганизации и по существу в перестройке»[53].

Расширение коммуникационного поля советской пропаганды на зарубежные страны в годы «оттепели» происходило не только за счет освоения новых технологических форматов, каким являлось телевидение. Еще одним каналом влияния на умы граждан за пределами СССР стало развитие иностранного туризма. Стереотип восприятия СССР как «закрытого общества» в результате развития туризма оказался существенно скорректирован в позитивную сторону, хотя и не был преодолен вовсе. Как признавал Ф.Баргхорн, «несмотря на то, что Советский Союз остается "закрытым обществом", несомненно, Хрущев проявил известную готовность обеспечить ценой ослабления контроля возможность проведения своей линии в отношении использования личного и культурного обмена в качестве орудия пропаганды за границей»[54].

Стимулом для развития зарубежного туризма стало Женевское совещание 1955 г. После него в ЦК КПСС начал разрабатываться проект решения по этому вопросу. Документы свидетельствуют, что туризм рассматривался прежде всего как средство формирования позитивного образа СССР в глазах мирового общественного мнения. Развитие туризма было признано необходимым «в целях популяризации достижений СССР в области хозяйственного и культурного строительства и дальнейшего упрочения международного авторитета СССР»[55]. Первоначально предполагалось выделить группу стран «наименьшего риска», гражданам которых при поездке в СССР предоставлялись льготные условия получения визы и туристического обслуживания. К категории «льготников» были отнесены социалистические страны, а также Индия, скандинавские страны и Финляндия. Что же касается США, то вопрос о посещении СССР американскими туристами должен был в каждом конкретном случае решаться совместно с МИД[56].

Знакомство иностранных граждан с жизнью СССР осуществлялось в рамках организованного туризма, т.е. в основном в форме делегаций (групп) и под контролем «Интуриста». Вместе с тем уже первые туристические поездки принесли ощутимый пропагандистский эффект. В августе 1955 г. Ленинград посетила большая группа французских туристов, прибывших

на теплоходе «Баторий». Иностранцы в СССР были тогда довольно редкими гостями, и городские власти вместе с «Интуристом» стремились организовать их встречу и пребывание в городе на самом высоком уровне: толпы встречающих, цветы, пение «Марсельезы». Этот хорошо отрежиссированный «спектакль» удался вполне, о чем свидетельствовали восторженные отзывы французов. Их письма и телеграммы, отправленные с борта теплохода, попали в сводку контроля международной корреспонденции, подготовленной КГБ СССР. Обычно подобные сводки фиксируют как положительные, так и отрицательные высказывания. Однако в материалах перлюстрации корреспонденции французских туристов негативные отзывы отсутствуют вовсе[57]. Это может свидетельствовать как об осторожности туристов, так и об искренности их чувств.

Во многих письмах звучало удивление, как легко удалось преодолеть «железный занавес». «Железный занавес? Миф!.. Удивлен и тронут приемом и энтузиазмом», – писал А.Виласье. Его мнение вполне разделяла женщина, подписавшаяся просто «мама»: «Вчера вечером какой здесь был триумфальный прием – 20 тысяч человек на набережной, дети, поющие "Марсельезу", крики "Да будет мир!". У людей были слезы на глазах... И с какой легкостью мы проникли за железный занавес! Мы сразу же увидели свободные кварталы!» «Самое удивительное – мы свободно ходим по улицам», – делился еще впечатлениями один французский турист. А другой в заключение писал: «Удивлен таким приемом. Наши представления поколеблены»[58].

Формирование подобных настроений являлось главной задачей туризма как канала влияния на общественное мнение в зарубежных странах. Туризм превращался таким образом в важный инструмент пиар-деятельности. Предполагалось, что позитивный образ СССР, вынесенный из туристической поездки, люди будут транслировать дальше после возвращения домой. Образ страны – это одновременно и образ ее лидера, и в этом смысле иностранный туризм тоже работал на формирование позитивного имиджа Хрущева в глазах западной публики.

Иногда Хрущев лично принимал гостей, приехавших в Советский Союз в качестве туристов. Например, в феврале 1955 г.

он встречался с американским адвокатом М.Макдаффи, а летом – с его коллегой из Канады В.Свистуном. В таких случаях ведомства, ответственные за организацию встреч, внимательно отслеживали, чтобы они приносили желаемый резонанс – в виде интервью, статей и книг. Как сообщал начальник иностранного отдела «Интуриста» К.Шибаев, сразу после беседы с Хрущевым М.Макдаффи обзвонил по телефону многих иностранных корреспондентов и пригласил их для интервью по поводу этой беседы[59]. После своего возвращения в США Макдаффи написал статью, посвященное своей беседе с Хрущевым. Спрос на такого рода эксклюзивные материалы был большой: адвокат заработал на публикации 5 тыс. долларов[60].

Реакция В.Свистуна оказалась не столь оперативной: после возвращения в Канаду он несколько месяцев публично не выступал. Славянский комитет СССР, по линии которого адвокат посещал страну, связался с ним в Канаде и выразил недоумение по поводу такого поведения. Свистун вынужден был оправдываться, объясняя свое молчание адвокатскими и семейными делами. Потом он все-таки выступил с публичным докладом о своей поездке в СССР, материалы которого появились в канадской прессе. Ответственный секретарь Славянского комитета С.Полипчук доложил об этом помощнику Хрущева Г.Т.Шуйскому, а тот – своему шефу (о чем в деле имеется соответствующая помета)[61]. Эта история свидетельствует о том, что подобные контакты рассматривались Хрущевым и как пропагандистская акция, и как способ самопрезентации.

Личные встречи Хрущева с «туристами» носили единичный характер (в отличие, например, от журналистов, с которыми он общался часто и охотно). Как правило, первые туристические поездки по стране носили ознакомительный характер и осуществлялись по сценарию, разработанному в «Интуристе». Этот сценарий предусматривал довольно стандартный набор мероприятий: осмотр памятников архитектуры и музеев, посещение театров (как правило, Большого театра в Москве или Кировского в Ленинграде), экскурсия на крупное предприятие и в образцовый колхоз. Нередко эти поездки превращались в утомительные пропагандистские турне, которые устраивались

не только для обычных туристов, но и для членов иностранных делегаций.

На одном из приемов, организованном в честь французской парламентской делегации в сентябре 1955 г., вице-председатель Национального собрания Франции Андре Мерсье жаловался, что «парламентарии устают от слишком большой "туристской" нагрузки». Он говорил: «Большинство из них – прожженные политиканы, которые меньше всего интересуются зрительными впечатлениями. Их больше всего интересовали бы встречи с советскими министрами, хозяйственниками, учеными». Мерсье просил, «если еще не поздно», включить несколько таких встреч в план пребывания делегации – за счет сокращения туристической программы[62].

Если в 1955 г. путешествующие по СССР иностранцы были еще редким явлением, то в 1956 г. ситуация изменилась: Советский Союз посетили делегации парламентов восьми стран – Индии, Сирии, Швеции, Югославии, Бельгии, Японии, Франции, Люксембурга. Их пребывание в СССР организовывалось по всем правилам проведения пиар-кампаний, с соответствующим информационным сопровождением. Советская печать регулярно освещала все этапы визитов.

Помимо организованных контактов между гражданами СССР и представителями западного мира в годы «оттепели» начал постепенно и очень робко возрождаться формат неформального общения между ними. Как отметил американский журналист Ф.Конниф, «в коммунистической столице появился новый вид осторожного общения между русской интеллигенцией и членами западной колонии, который был немыслим в разгар холодной войны. Контакты эти являются еще пробными, но они устанавливаются. Русские артисты, балерины, писатели и журналисты появляются на вечерах, которые устраивают западники, внося тем самым свой вклад в атмосферу мирного сосуществования»[63].

Ф.Баргхорн, сам не раз посещавший СССР, оценивал все эти меры как результат целенаправленной политики по уменьшению секретности. К числу реальных проявлений этой политики он относил: «расширение личных контактов, увеличение

числа районов, в которые разрешен доступ иностранцев, предоставление больших возможностей передвижения во время проезда, более свободный доступ в учреждения, которые раньше были закрытыми, предоставление возможности установления контактов с представителями таких профессий, которые ранее не участвовали ни в каких видах международного обмена»[64]. Правда, Баргхорн считал, что положительные перемены носят ограниченный характер, и процесс вполне может стать обратимым. Более того, по его мнению, уже в 1961 г. начался возврат к прежней практике международного общения, о чем свидетельствовало в первую очередь сокращение числа туристов, выезжающих из СССР в США. По официальным американским данным, на которые ссылался Баргхорн, в 1962 г. в США побывало только 77 советских туристов против 400 в 1961 г.[65]

Советские данные о поездках граждан за рубеж, напротив, выглядели вполне оптимистичными. По сведениям Госкомитета по культурным связям с зарубежными странами, в 1962 г. в США выезжали 680 человек, хотя в 1963 г. их число сократилось до 500. Обратный обмен – из США в СССР – составил соответственно 690 и более 600 человек[66]. Причиной расхождений в количественных оценках может быть дифференцированный подход американцев к разным категориям приезжающих в страну граждан – например, по частным приглашениям и в составе делегаций. Советские цифры носят обобщенный характер. Однако, данные советских официальных ведомств, занимающихся вопросами туризма, свидетельствуют о том, что в 1950-1960-е годы доминирующей формой являлся организованный, групповой туризм и обмен делегациями.

В деятельности пропаганды на зарубежные страны, как и во внешней политике, в годы «оттепели» проявились противоречивые тенденции. На смену обоюдной заинтересованности и стремлению к сотрудничеству с западными коллегами приходил период охлаждения и взаимного недоверия. Все эти перемены коррелировались с внешнеполитическим курсом Кремля и зависели от изменения последнего. В соответствии с этим курсом менялись методы и содержание деятельности по представлению образа страны и ее лидера Н.С.Хрущева в мире.

[1] История советской пропаганды на зарубежные страны отражена в целом ряде работ. См., например: *Barghoorn F.* Soviet Foreign Propaganda. Prinston, 1964; Россия и Запад. Формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX века. М., 1998; *Невежин В.А.* Синдром наступательной войны: советская пропаганда в преддверии «священных боев», 1939-1941 гг. М., 1997; *Печатнов В.О.* «Стрельба холостыми»: советская пропаганда на Запад в начале холодной войны (1945-1947) // Сталинское десятилетие холодной войны. Факты и гипотезы. М., 1999. С. 108-133; *Наджафов Д.Г.* Антиамериканские пропагандистские пристрастия сталинского руководства // Там же. С. 134-150; *Фатеев А.В.* Образ врага в советской пропаганде, 1945-1954 гг. М., 1999; и др.

[2] Цит. по: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 55. Д. 115. Л. 62.

[3] *Печатнов В.О.* Указ. соч. С. 115.

[4] Там же. С. 111.

[5] Там же. С. 115.

[6] В.О.Печатнов приводит факты, когда на совещаниях в Совинформбюро журналисты жаловались, что им поручают писать контрпропагандистские статьи, но при этом не знакомят со статьями зарубежных авторов, которых они должны «разоблачать» (Там же. С. 123).

[7] В состав делегации входили: А.Аджубей («Комсомольская правда»), В.Бережков («Новое время»), Н.Грибачев («Литературная газета»), Б.Изаков («Международная жизнь»), А.Софронов («Огонек»), Б.Полевой («Правда»), В.Полторацкий («Известия»).

[8] РГАНИ. Ф. 5. Оп. 16. Д. 734. Л. 132.

[9] Там же. Л. 134.

[10] Там же. Л. 135-137.

[11] Там же. Л. 138.

[12] Там же. Л. 139.

[13] Там же. Л. 70.

[14] Там же. Д. 751. Л. 102-103.

[15] Там же. Д. 734. Л. 70.

[16] Там же. Оп. 33. Д. 37. Л. 139.

[17] Там же. Л. 101.

[18] Там же. Д. 36. Л. 52-53.

[19] ГА РФ. Ф. 9518. Оп. 1. Д. 8. Л. 178.

[20] РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 37. Л. 147.

[21] Там же. Л. 149.

[22] Для примера П.Куртад привел одну фразу, которая, с его точки зрения, для французских слушателей является «неудобослышимой»: «Нет сомнения в том, что это является единственным средством оздоровить климат в этом районе и положить конец этой

опасной игре с огнем, которую предпринимают в этом районе США, угрожающие миру во всем мире» (Там же. Л. 154).

23 Там же. Л. 156.

24 ГА РФ. Ф. 9518. Оп. 1. Д. 8. Л. 178, 225-227.

25 Постановление ЦК КПСС «О мерах улучшения советской пропаганды на зарубежные страны». Проект, 16 февраля 1957 г. // Президиум ЦК КПСС, 1954-1964. Т. 2. М., 2006. С. 576.

26 Там же. С. 575-576.

27 Там же. С. 577-578.

28 *Почепцов Г.Г.* Имиджелогия. М., 2006. С. 46.

29 Президиум ЦК КПСС, 1954-1964. Т. 2. С. 578.

30 3 февраля 1960 г. ГККС был преобразован в Государственный комитет Совета Министров СССР по культурным связям с зарубежными странами (Государственная власть СССР. Высшие органы власти и управления и их руководители, 1923-1991: историко-биографический справочник. М., 1999. С. 158).

31 Президиум ЦК КПСС, 1954-1964. Т. 2. С. 579.

32 ГА РФ. Ф. 9518. Оп. 1. Д. 593. Л. 1-107.

33 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 72. Л. 2-3.

34 Там же. Оп. 30. Д. 270. Л. 8.

35 Там же. Оп. 33. Д. 181. Л. 42, 47-49.

36 Там же. Д. 208. Л. 75.

37 Там же. Л. 77.

38 Там же. Л. 4.

39 Там же. Л. 72-74.

40 Там же. Л. 38.

41 Там же.

42 ГА РФ. Ф. 9518. Оп.1а. Д. 6. Л. 38.

43 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 208. Л. 193-194.

44 Там же. Л. 195.

45 Там же. Оп. 55. Д. 78. Л. 15.

46 Постановление ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему улучшению работы радиовещания и телевидения», 6 июня 1962 г. // Справочник партийного работника. Вып. 4. М., 1963. С. 423.

47 Там же. С. 423-424.

48 Там же. С. 426.

49 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 55. Д. 177. Л. 80.

50 Там же. Л. 86.

51 Там же. Оп. 30. Д. 375. Л. 44.

52 Там же. Л. 45-46.

53 ГА РФ. Ф. 9518. Оп. 1а. Д. 6. Л. 43.

54 *Баргхорн Ф.* Советская пропаганда за рубежом. М., 1964. С. 192.

55 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 113. Л. 32.

56 Там же.

[57] В документе специально упоминается, что «все письма содержат положительные высказывания о Советском Союзе и советских людях» (Там же. Д. 118. Л. 78)
[58] Там же. Л. 79-80.
[59] Там же. Д. 119. Л. 12.
[60] Там же. Л. 9.
[61] Там же. Д. 118. Л. 10-11.
[62] Там же. Д. 116. Л. 152.
[63] Там же. Д. 238. Л. 78.
[64] *Баргхорн Ф.* Указ. соч. С. 192-193.
[65] Там же. С. 193.
[66] РГАНИ. Ф. 5. Оп. 55. Д. 55. Л. 151.

Сенявский А.С.,
Иголкин А.А.

ДИНАМИКА ОФИЦИАЛЬНОГО ОБРАЗА США В СОВЕТСКОЙ ПРЕССЕ В 1945–1980 гг. (по материалам журнала «Большевик/Коммунист»)

Две социально-экономические системы, сложившиеся после Второй мировой войны, находились не только в «холодной» конфронтации, но и в жестком соперничестве. Это соревнование фактически означало соревнование между их лидерами – США и СССР в основных сферах общественной жизни, но прежде всего – в экономическом развитии. Еще с началом сталинской форсированной индустриальной модернизации, и особенно с середины 1940-х годов, в качестве главной точки отсчета, фактического «образца», на которые Советский Союз «равнялся» в показателях промышленного производства, были избраны США. Для СССР «догнать и перегнать» означало, прежде всего, экономическое соперничество именно с этой страной, сопоставимой с СССР по территориальным масштабам и численности населения, и в то же время ушедшей вперед по сравнению даже с наиболее развитыми капиталистическими странами. Этот отрыв стал еще более очевидным после двух мировых войн, от которых США практически не пострадали, а во многом и выиграли, тогда как почти все крупные европейские страны понесли огромный материально-экономический ущерб. Больше всех материальных и человеческих жертв на алтарь победы над германским фашизмом принес СССР. В результате Второй мировой войны США оказались единственной экономической сверхдержавой, потенциал которой суммарно превышал масштабы экономик всех европейских стран вместе взятых.

В то же время геополитическое влияние СССР в этот период было беспрецедентным в истории: советские танки стояли в центре Европы, «в трех переходах от Ла-Манша», Восточная, а частью и Центральная Европа оказалась под полным советским контролем, во многих западноевропейских странах стали популярными коммунистические идеи, а коммунисты, во многом находившиеся под контролем Москвы, – влиятельной политической силой, способной претендовать на власть. Запад не мог этого не опасаться и с этим не считаться и искал пути противодействия, не исключавшие варианты военно-силового решения проблемы, но на практике воплотившиеся в целый комплекс направлений «холодной войны». Однако достичь своих целей Западу было отнюдь не просто, и «решение» растянулось на многие десятилетия, оказавшись результатом не столько внешнего давления, сколько внутренних процессов в СССР и во всей «социалистической системе».

В ходе Второй мировой войны СССР продемонстрировал колоссальную жизнеспособность в противостоянии не только фашистской агрессии, но фактически потенциалу всей Западной и Центральной Европы. Советская модель развития прошла испытание на прочность самым жестким способом – войной на уничтожение. Доказала свою эффективность советская раннеиндустриальная модернизация, обеспечившая армию необходимым вооружением, а тыл – инфраструктурой и квалифицированными кадрами. Мобилизационные способности советской экономики оказались намного выше германской и в целом западноевропейской, притом, что масштабы ее были все еще намного ниже суммарных показателей воевавших против СССР стран. Поэтому главным объектом воздействия Запада в целях ограничения советского влияния, естественно, стала советская экономика. Запад ожидал, что подорванный чудовищными потерями экономический потенциал СССР не будет восстановлен в течение нескольких десятилетий, тогда как Западная Европа начала активно восстанавливаться при масштабной экономической помощи со стороны США по плану Маршалла. Советский Союз, выполнивший свои союзнические обязательства, естественно, на такую помощь рассчитывать не мог (хотя

ее получила даже побежденная Германия), и тем более не получил открытого доступа к новым технологиям.

Вторым направлением воздействия стала гонка вооружений, навязанная СССР в контексте спровоцированной Западом «холодной войны». Она отнимала колоссальные средства и ресурсы, которые могли быть использованы на восстановление и развитие народного хозяйства. Это был мощный удар по советской экономике, имевший «пролонгированный» на десятилетия характер. СССР не мог отказаться от этой гонки, поскольку мир балансировал на грани полномасштабной «горячей» войны, в ядерную эпоху чреватую полным уничтожением страны. Разоренная мировой войной страна вынуждена была «догонять» и в сфере военной безопасности, что кардинально воздействовало и на экономическое развитие СССР, в котором место и влияние формировавшегося военно-промышленного комплекса становилось доминирующим, а военные расходы превалировали, нанося ущерб развитию «гражданских» секторов.

СССР позволил себя втянуть и в геополитическое соперничество, осуществлявшееся в форме противостояния двух общественных систем с особыми идеологиями, социально-экономической организацией общества, политическими моделями. Основным полем борьбы стал «третий мир» – страны, образовывавшиеся в результате распада колониальной системы. Многочисленные локальные войны в этом контексте, поддержка режимов, объявлявших себя приверженными «социалистической ориентации» становились еще одним каналом огромных экономических потерь со стороны СССР.

Даже в этой непростой ситуации курс на форсированную модернизацию «по-советски» – пусть и оформленный в иной терминологии – продолжался и принес немалые успехи, особенно в военно-технических областях: были созданы ядерная и водородная бомба (вторая – испытана раньше, чем в США), осуществлен прорыв в космос (опять же вплоть до 1970-х годов СССР лидировал по большинству направлений, а в ряде аспектов его освоения и вплоть до 2-й половины 1980-х годов), получены впечатляющие результаты в развитии ядерной энергетики, химической промышленности и во многих других на-

правлениях научно-технического прогресса. Хотя в 1960-1970-е годы и был допущен ряд крупных, стратегических просчетов в сфере экономики, экономическое развитие вплоть до начала 1980-х годов оставалось вполне динамичным, и даже кризисные явления начала – середины 1980-х годов отнюдь не были катастрофичными для советской модели развития: многие западные страны знали и более тяжелые времена. Распад советской системы и крах ее социально-экономической основы не были «фатальными», а носили преимущественно искусственный, субъективный характер, связанной с борьбой внутри советской политической элиты.

Однако были и «объективные», «базовые» процессы, обусловившие ослабление советской модели (опять же во многом – результат ошибочных управленческих решений). Организационно-управленческие механизмы, адекватные раннеиндустриальному развитию 1930-1950-х годов, устаревали, но продолжали в основе сохраняться и в условиях 1970-х, когда и масштабы советской экономики были уже принципиально иными, и главной мировой тенденцией был переход к постиндустриальному обществу с иными приоритетными направлениями технологического и экономического развития в целом. Помимо корпоративных интересов разросшихся влиятельных отраслевых и ведомственных структур, свою негативную роль здесь сыграл и идеологический догматизм, явившийся фактором, искажавшим адекватное видение социальной реальности. Если советская «коммунистическая» идеология (как и всякая идеология, являвшаяся во многом «мифологической» в ряде своих позиций) являлась мощным и вполне адекватным инструментом социальной мобилизации на стадии форсированной индустриализации, то те же, ранее эффективные ее идеологемы стали жестким ограничителем и тормозом в новых исторических условиях перехода к постиндустриальному развитию. Свое влияние оказали и механизмы принятия решений на уровне Политбюро ЦК КПСС, где и идеологические соображения, и личный «вес» каждого члена, представлявшего «сегменты» партии, государственных и общественных структур, народного хозяйства, становились факторами, предопределяв-

шими не только конкретные решения, но и стратегию развития в отдельных областях. Весьма значимым для внутриполитической и экономической стратегии оказывался и международный контекст (достаточно вспомнить Карибский кризис, Пражскую весну, ввод «ограниченного контингента» в Афганистан и т.д., не говоря уже о политике «разрядки», и др.). При этом США на протяжении всего послевоенного периода оставались и основным потенциальным военным противником, и социально-экономическим конкурентом, одновременно недостижимым образцом, и главным идеологическим оппонентом, и источником исподволь размывавших советскую модель идей и ценностей.

В этом контексте интересно посмотреть как воспринималась властью экономическое развитие США, которые рассматривались одновременно и в качестве главного антипода СССР, и как та «планка», которой следует достичь, чтобы констатировать победу в экономическом соревновании, призванном обеспечить триумф «коммунизма во всем мире». Это трудноразрешимое противоречие обусловливало необходимость как поддержания «образа врага» со всеми вытекающими из этого последствиями в восприятии через призму данного образа (превалирование негатива, акцентирование на опасности с его стороны, повышенный критический настрой и т.д.), так и попытки более или менее объективно разобраться, «что же там происходит» (для этого, например, в Академии наук СССР был даже создан специальный Институт США и Канады). При этом идеологическая функция «критики империалистического хищника», некая идейная «заданность» неизбежно становилась «искажающей призмой», через которую осуществлялся даже научный анализ, который в принципе должен быть беспристрастным. Еще большими становились идеологические наслоения, когда «субъект восприятия», помимо аналитических, выполнял еще и пропагандистские функции.

В качестве основного источника для анализа того, как формировался «официальный образ» США, нами был избран журнал «Коммунист» (до XIX съезда партии – «Большевик») – теоретический и политический орган ЦК КПСС, для того вре-

мент – «истина в последней инстанции» в вопросах идеологии, политики и мировоззрения. Конечно, о том, как себе представляли социально-экономическую систему США в СССР, нужно судить далеко не только по этому журналу. Люди читали журнал «Америка», современных американских авторов, смотрели американские фильмы, слушали «Голос Америки», имели другие источники информации. Но влиятельность «Коммуниста», который имел большой тираж (в 1947 г. – 270 тыс. экземпляров, в 1957 г. – 700 тыс., в 1979 г. – свыше 950 тыс.), нельзя недооценивать, тем более что тиражом она не ограничивалась. «Коммунист» был ***главным*** политико-идеологическим изданием журнального формата, ориентированным на элитарную советскую аудиторию (партийный аппарат всех уровней, «обществоведы» и гуманитарии, пропагандистские кадры и т.п.).

Журнал одновременно выполнял несколько функций, причем не вполне совместимых друг с другом. Во-первых, он являлся рупором для развернутого изложения официальной точки зрения на важнейшие проблемы общественного развития, которое «по формату» превышало упрощенные газетные варианты, давал трактовку процессов и событий, происходивших как в СССР, так и за его пределами. Во-вторых, он был некоей «площадкой» для официальных внутрипартийных обсуждений дискуссионных вопросов, имевших в том числе и научный характер, но одновременно и определенную идеологическую нагрузку, давал теоретическую трактовку. Наконец, естественно, журнал имел и пропагандистскую функцию, служил «орудием идеологической борьбы». Естественно, как и в любом идеологическом издании, картина мира в нем была – в основном – заведомо упрощенной, схематичной. Например, из всего многообразия экономических явлений и процессов, из всей «мировой палитры» отбиралось относительно немногое – подтверждающее и доказывающее правильность избранного Советским Союзом пути экономического развития на фоне исторической обреченности «капиталистического строя».

На протяжении всего рассматриваемого периода (1945–1980 гг.) со страниц журнала не сходила проблематика, связанная с описанием и оценкой социально-экономической системы

США. Подход журнала отличался от других изданий. Статьи о Соединенных Штатах писали ведущие ученые, журналисты, политические деятели (в том числе – американские), а подбор тем был весьма жестко ограниченным, имел четкую идеологическую окраску. Вместе с тем, и тематический отбор, и в определенной степени подача материала о США, в частности об экономическом развитии, претерпевала определенные изменения. Именно эта динамика и представляет для российских историков основной интерес, поскольку она косвенно отражает процессы, происходившие внутри советской страны, во взглядах ее руководства, ее партийной, идеолого-пропагандистской и научно-теоретической элиты.

Во время войны, когда Соединенные Штаты были союзником Советского Союза, прежние идеологические разногласия ушли в тень, но не исчезли. В 1944-1945 гг. в СССР достаточно высоко оценивалась деятельность администрации Ф.Д.Рузвельта, однако негативное отношение к «монополиям» (то есть крупным корпорациям) сохранялось. В 1945 г. в журнале была опубликована всего одна статья, посвященная экономическим проблемам США, с названием «Военное хозяйство США». Ее автор Ш.Лиф пишет: «Перевод экономики на военные рельсы был осуществлен в США при активном вмешательстве государства в экономическую жизнь страны. Для этого были использованы все рычаги государственной власти», благодаря чему доля военной продукции во всей продукции обрабатывающей промышленности США возросла с 22% в 1941 г. до 66% в 1943 г., хотя государство не сумело устранить «расточительство, спекуляцию остродефицитным сырьем и другие явления, ослабляющие военно-экономическую мощь страны», тормозящую роль монополий в переводе экономики на военные рельсы. При всей относительной объективности и благожелательности к руководству страны-союзника, автор не удерживается от идеологизированных оценок, в том числе делает главный вывод: «Военная экономика в капиталистических странах – не плановая экономика. Государственно-военное регулирование капиталистического хозяйства происходит на антагонистической основе»[1]. Автор статьи, как и практически все

население СССР, верил в преимущества социализма, в возможности более эффективной мобилизации экономики в условиях централизованного планирования советского образца, хотя ни слова не говорит о «подчинении государства монополиям», что уже через несколько лет появится в публикациях журнала.

В первые послевоенные годы разгорается «холодная война», позиция и тон материалов о США в журнале резко меняются. Ранее сдержанная критика и стремление объективно и даже позитивно оценить союзника сменяется критикой жесткой, «заданной» и предельно идеологизированной. В этот период социально-экономическая система США была представлена советскому читателю в журнале не статьями, а преимущественно рецензиями на труды американских авторов, что должно было, видимо, повысить убедительность таких публикаций. Разумеется, для рецензий подбирались книги, в которых давалась критическая оценка определенных сторон жизни в Америке. Идеологизированность публикаций, степень догматизма резко возросла по сравнению с тем, что печаталось всего-то годом ранее. Направленность рецензий четко видна из их названий: «Экономика нищеты и "политика изобилия"» (по поводу книги Нормана Смита «Политика изобилия»); «Экономика нищеты в "век изобилия"» (по поводу книги Стюарта Чейза «Цели Америки»); «Мистер Джонстон в роли проповедника "народного капитализма"» (по поводу книги Э.Джонстона «Неограниченная Америка»); «Международные картели в экономике и политике» (Корвин Д. Эдвардс «Международные картели в экономике и политике»)[2]. Авторы рецензий выступают критиками американских изданий с сугубо идеологических позиций, приводя «классические» формулировки о том, что «рост производства в капиталистических странах неизбежно сопровождается ростом безработицы, нищеты, кризисом перепроизводства», постулируют необходимость «сознательного руководства общественным развитием... на основе общественной собственности на средства производства» и т.п.[3], утверждают, что «60 семейств Америки» являются «подлинным правительством США, неофициальным, незримым, остающим-

ся в тени[4]. «В разжигании и в подготовке войн в эпоху империализма, ведущихся за передел мира, центральную роль играют капиталистические монополии, – написал один из авторов в 1947 г. – В пропаганде новой мировой войны наиболее активную роль играют представители крупнейших предприятий и ведущих отраслей американской промышленности, банковских и биржевых воротил с Уолл-стрита». Темы «сращивания монополий с аппаратом государства», их роли в милитаризации США[5], усиления «гнета монополий», роста «анархии производства, обострения всех противоречий империализма», «усиления эксплуатации трудящихся в годы войны»[6] с тех пор становятся доминирующими.

И.Кузьминов написал специальную статью «О кризисном характере экономического развития США в послевоенное время», где не только давалась характеристика социально-экономической системы, но и разоблачалась «американская концепция» академика Е.Варги и его последователей из Института мирового хозяйства и мировой политики (незадолго до этого институт был закрыт)[7]. И.Кузьминов уверяет читателей, что окончание войны не только не принесло какого-либо нового подъема, привело к резкому падению производства в США, Англии, Канаде, росту военных расходов, раздаче государством «подачек воротилам военной промышленности», росту безработицы, снижению зарплаты, росту стачечного движения[8]. Тема милитаризации, а с ней и падения жизненного уровня трудящихся, даже «обнищания» развиваются и далее. Б.Вронский в 1950 г., не приводя источников, сообщает, что по сравнению с 1939 г. «налоги на заработную плату для рабочих со средним заработком возросли в 7 раз». Еще одна проблема – чрезмерная интенсификация труда[9].

После смерти И.В.Сталина тематика и тональность публикаций по социально-экономическим проблемам США почти не изменилась. Мало того, что доминировали вопросы «классовой борьбы», рост эксплуатации трудящихся, развертывания стачечного движения в ответ на «ожесточенное наступление на жизненный уровень рабочего класса»[10], но публиковались и откровенно мифологизированные сюжеты, например «обни-

щение трудящихся в капиталистических странах» и назревание экономического кризиса в США. В 1953 г. в СССР ужасающий нас сегодня жилищный кризис (у многих горожан 2-3 кв. м на человека!), вполне понятный после такой войны, но авторы упрекают США в том, что «28% всех жилищ в американских городах, не соответствует существующим стандартам»[11], не приводя эти стандарты, которые для советского читателя были бы интересны. Постулировалось, что «усиливаются... реакция и военный деспотизм»[12], акцентировались темы о засилье американских монополий и «о последствиях милитаризации»[13].

В марте 1956 г., буквально сразу же после XX съезда КПСС, появилась статья прежде опального академика Е.Варги, который приводит свои подсчеты доли прямых военных расходов в национальном доходе США. У него получилось, что в 1953-1954 г. эта доля составила около 22%![14] Любому квалифицированному экономисту понятно, что показатель невероятно завышен. Другой явно ложный тезис: «Уменьшается удельный вес квалифицированных рабочих, растет удельный вес рабочих, обученных для той или иной относительно несложной производственной операции, с одной стороны, техников и инженеров, с другой»[15]. Какие выводы должно было бы сделать руководство Советского Союза, если поверить, что в наиболее развитой стране мира уменьшается удельный вес квалифицированных рабочих? Как строить структуру профессиональной подготовки в СССР? Варга много пишет о противоречиях экономической системы в США, а затем, в условиях роста американской экономики, дает рискованный прогноз: «Новый мировой кризис будет, очевидно, более глубоким, чем последний кризис 1938 года, но, вероятно, не достигнет глубины кризиса 1929-1933 годов»[16]. Уже в условиях «оттепели» академик И.Трахтенберг признает, что послевоенная экономика США довольно быстро росла, но фактически объясняет этот рост, прежде всего, милитаризацией[17], что было неверно. «Трудящимся массам, – писал академик, – милитаризация экономики, гонка вооружений приносит огромные бедствия и в то же время не только не предотвращают взрыва экономического кризиса перепроизводства, но предопределяют крайнюю его остроту

для трудящихся»[18]. Более адекватная, правдивая информация попала на страницы журнала с неожиданной стороны. Юбилейный номер, посвященный 40-летию Октябрьской революции, содержал статью почетного председателя Коммунистической партии США Уильяма Фостера «Октябрьская революция и рабочий класс США». Фостер сообщает, что президент Рузвельт порвал «со значительными кругами монополистического капитала, которые считали его реформы в области труда слишком радикальными»[19], что жизненный уровень американских рабочих в 3-5 раз выше уровня, существующего в европейских странах. Если за год до этого академик Трахтенберг писал о «крайнем обострении классовой борьбы», то Фостер откровенно признает: «американское процветание, несмотря на все отрицательные стороны, оказало столь сильное воздействие на массы, что это, безусловно, мешает развитию социалистического сознания у рабочих». И от этого У.Фостер не перестал быть коммунистом, поскольку для него, наверное, в иерархии ценностей потребление стояло не на первом месте, он верил в грядущую победу более гуманных и справедливых (с его точки зрения) общественных отношений. Фостер пишет, что Компартия США переживает серьезный кризис, среди причин которого «продолжающийся в США промышленный "бум"», который, включая военные годы, длится с незначительными перерывами уже в течение 17 лет. В этот период безработица была незначительной, «повысилась реальная заработная плата»[20].

В 1961 г. была принята новая программа КПСС, что означало очередное изменение акцентов в официальной доктрине. В № 10 за 1961 г. опубликована статья В.Чепракова, написанная по впечатлениям поездки в США. Каким же увидел экономику США советский журналист? Он сразу же формирует главную для себя мысль: США – «эпицентр всех экономических потрясений капиталистического мира»[21]. И вслед за этим – о монополиях, «захвативших государственный аппарат», который лишь «внешне» самостоятельно (то есть без монополий) «контролирует экономическую деятельность». На самом же деле, как пишет Чепраков, «монополистические государства действуют исключительно в интересах монополи-

стического капитала». Дальше автор напоминает о безработице и о том, что скоро, «через год-полтора» в США «наступит очередное падение производства», что «две трети американских семей не имеют прожиточного минимума»[22]. Автор, правда, не уточняет, что же это за «прожиточный минимум», если не имея даже его трети, люди все-таки от голода не умирают. Другой автор, В.Перло, констатирует «упадок американского империализма»[23]. Он утверждает, что доля США в промышленном производстве капиталистического мира непрерывно сокращается и в 1960 г. составляла (всего?!) 46–47%. При таких цифрах странен вывод автора: «Выигрышное положение Соединенных Штатов в промышленности капиталистического мира, явившееся результатом второй мировой войны, целиком сошло на нет»[24]. Он полагает, что «американская экономика приобретает паразитическую структуру, вряд ли превзойденную в истории капитализма» и, естественно, что «эксплуатация труда в США усилилась»...[25]

В 1964 г. на смену Н.С.Хрущеву к власти приходит Л.И.Брежнев. В первые годы его правления ускоряется темп экономического развития, общество верит, что социализм обретет «второе дыхание». Некоторые публикации в «Коммунисте» становятся гораздо более основательными, убедительными. Так, в № 11 за 1965 г. журнал публикует серьезную теоретическую статью ученых из Института мировой экономики и международных отношений с характерным названием «О мнимых и действительных изменениях в современном капитализме». Авторы пишут об ускорении темпов роста производительности труда в США; о том, что «крупнейшие корпорации создают мощные научно-исследовательские центры и лаборатории»; что производство становится менее капиталоемким и менее трудоемким, даже о «беспрецедентном буме», который развернулся в США в первой половине 60-х годов. В статье признается: «Вытеснение рабочей силы из сферы производства компенсируется в развитых странах капитализма ростом непроизводственной сферы», «в США государство финансирует примерно две трети научно-исследовательских работ». В 1965 г. авторы, хотя и с оговорками, честно признают: «Науч-

но-техническая революция создает в США и других развитых странах капитализма предпосылки для резкого сокращения рабочего дня без уменьшения заработной платы трудящихся. Она порождает возможность и необходимость устранения неквалифицированного труда и... всем трудящимся перспективу применения своих способностей...» Реализуются программы борьбы с бедностью, растут расходы на социальные нужды, «жилищное строительство, здравоохранение, просвещение, социальное обеспечение, условия труда и заработной платы». Американская действительность существенно менялась, о чем следовало знать и делать соответствующие выводы, перестать фантазировать об ухудшении положения народных масс в США. У Советского Союза были вполне реальные преимущества: хотя бы «альтернативный проект форсированной модернизации», построенной на более гуманных основаниях. Авторы статьи не «передергивали факты», обошлись минимумом ссылок на классиков марксизма, при достаточно обильном цитировании зарубежной социально-экономической литературы[26]. К сожалению, такой подход к анализу капитализма стал для журнала скорее исключением, чем правилом. Так, М.Драгилев в № 17 за 1965 г. признает, что средняя зарплата в США была «втрое больше, чем в Англии и в ФРГ, в 4,5 раза больше, чем в Японии»[27]. Однако со свертыванием реформ постепенно идеологические штампы вновь вытесняют объективную информацию, которая все реже проникает на страницы журнала.

В юбилейном номере за 1970 год, посвященном 100-летию со дня рождения В.И.Ленина, была опубликована «программная» статья С.Далина «Ленинская теория империализма и проблемы современного капитализма», где немало внимания уделялось социально-экономическому положению США. Общий подход был такой: в США, как и других развитых капиталистических странах, «довольно интенсивно развертывается научно-техническая революция», но это лишь обостряет противоречия капитализма[28]. В 1970-х годах. заговорили о том, что, возможно, где-то в середине XXI века появится «цивилизация досуга», и именно в связи с тем, что для производства будет достаточно лишь небольшой части населения. В 1974 г. совет-

ский читатель узнает, что, по мнению Гэлбрейта, в крупных корпорациях рабочие и служащие получают высокую зарплату, а решения принимаются достаточно широким социальным слоем, который Гэлбрейт называет «техноструктурой». В результате классовые конфликты исчезают, происходит «умиротворение» общества. Но мелким фирмам и частному сектору, где преобладает низкая зарплата и продолжительный рабочий день, и нужен «социализм», под которым он понимает более активную роль государства в регулировании отношений между трудом и капиталом с учетом опыта Западной Европы[29]. Эта статья давала материал для размышлений и о новой роли научно-технической, управленческой, гуманитарной интеллигенции в СССР.

В связи с 200-летием провозглашения независимости США в 1976 г. была опубликована статья С.Кондрашова, который вновь пишет о безработных, о «десятках миллионов, которые имеют доход ниже официального прожиточного минимума», о неравном положении негров и трущобах больших городов, алкоголизме, наркомании и коммерческом сексе[30]. Все это уже «набило оскомину» советскому читателю, не убеждало и даже отталкивало.

Опираясь на широкий круг американских источников, С.Эпштейн в 1979 г. опубликовал интересную статью «Капитал и труд: кризис системы управления человеком на производстве». Речь в ней шла, прежде всего, о проблемах отчуждения труда и попытках его «снятия» (или хотя бы ослабления) на предприятиях США. Автор писал, что в Америке «рабочие уже не столь беззащитны, как во времена Тэйлора–Форда»[31]. Эпштейн рассказывал о новых теориях, в которых предлагается сделать труд рабочих более содержательным, вызвать у них «эффект сопричастности» к своей фирме, а «высшие управляющие теперь много говорят о достоинстве и самоуважении рабочих»[32]. Разумеется, автор делает традиционный для советских американистов вывод: «Подлинная гуманизация труда невозможна там, где человек является только средством извлечения наживы. Проблемы установления "человеческих отношений" на производстве стучатся в дверь, но капитализм может дать им только искаженное разрешение»[33].

* * *

Итак, можно подвести некоторые итоги. Естественно, в данной статье была отражена только часть наиболее значимых публикаций в журнале «Коммунист» об экономическом развитии США в указанный период, но они дают достаточно полную картину по заявленной проблеме.

На протяжении всех долгих 35 лет описание и оценка социально-экономической системы США в журнале «Коммунист» оставались устойчиво предвзятыми и односторонними, но примерно так же «зашоренным» было видение Советского Союза американскими советологами, журналистами и политиками. Иначе и не могло быть в условиях жесткой конфронтации двух стран (двух «сверхдержав») и двух социально-экономических систем, каждая из которых в ходе информационной войны создавала непривлекательный «образ врага» своего оппонента.

Отбор тем, сюжетов, фактов был очень жестким и чрезвычайно ограниченным. «Любимые» темы оставались неизменными. Из всего многообразия социально-экономической жизни было отобрано не более 10 сюжетов, которые советским пропагандистам казались наиболее выигрышными: обнищание трудящихся, усиление эксплуатации, рост классовой борьбы, положение негров, забастовки, милитаризация, паразитизм правящей элиты. Новые сюжеты (допустим, о научно-технической революции) лишь дополняли старые.

Вместе с тем, имелась и определенная динамика, обусловленная во многом «ситуационными» факторами: сменой высшего политического руководства, определенными изменениями в политическом курсе в целом и в отношении США в частности, жестким идеологическим прессингом или либерализацией политической атмосферы и т.д. Например, если рассмотренная первой статья Ш.Лифа, написанная еще в период «союзничества» СССР и США, производит впечатление написанной вполне искренно, автор не фальшивит и не лукавит, то со временем такой искренности будет в журнале все меньше, а догматизма и идеологических штампов – все больше. Следует

откровенно признать примитивность мышления многих авторов, их откровенный догматизм, зашоренность, сверхупрощенный подход к анализу американской социально-экономической действительности.

Однако происходили и «случайные» прорывы на страницы журнала профессиональных, высококвалифицированных ученых (в период «оттепели», в начале «косыгинских» реформ), а также лидеров американской компартии, дававших более разнообразную и объективную информацию.

Как и в других советских печатных изданиях, отнюдь не вся Америка рисовалась черными красками. Советские пропагандисты выражали симпатии к неграм и «простым американцам» и клеймили монополии, милитаристов, расистов, гангстеров, продажное руководство профсоюзов. Этих проблем в СССР действительно не было. Но ведь у СССР были иные, более значительные преимущества перед Соединенными Штатами, делавшими привлекательными нашу страну как в «третьем мире», так и для многих на Западе. И в Америке имелись иные, более глубокие и серьезные проблемы, которые действительно не решались и не решаются при капитализме, – но авторы журнала не сумели писать о них так, чтобы убедить читателя: не надо мечтать о переходе на капиталистический путь развития, основной массе населения ничего хорошего это не принесет.

Особенности восприятия социально-экономической системы США на страницах журнала в значительной мере предопределялись общими «базовыми» мировоззренческими установками («система капитализма переживает общий кризис, который продолжает углубляться»), эволюционировавшими очень медленно (общий кризис капитализма», «второй этап общего кризиса», «третий этап»).

Но в мире происходили принципиально новые процессы – начиналась научно-техническая революция, индустриальное общество превращалось в постиндустриальное, в Соединенных Штатах, а затем и других странах Запада формировалась новая жизненная модель («общество массового потребления»), в структуре населения все заметнее становился «средний класс», в 1950-1960-е годы на Западе шла вполне реальная «социали-

зация экономики», трудящиеся получали определенные социальные гарантии, а некоторые группы – возрастающую социальную поддержку. Все это невозможно было не заметить – и журнал как-то отражал эти изменения.

Со временем появлялись некоторые отличия и в трактовке принципиально важных вопросов – например, о взаимоотношениях государства и крупных корпораций («государственно-монополистическом капитализме»).

Большинство публикаций являлись откровенной продукцией «идеологической машины для промывания мозгов». Журнал оставался оружием идеологической борьбы, однако со временем оно «ржавело» и допускало все больше и больше осечек. Степень эффективности идеологического воздействия почти непрерывно снижалась, ведь в СССР в эти годы стремительно рос уровень образования, страна становилась самой читающей в мире. И если «Коммунист» все хуже удовлетворял запросы политизированной части населения, то оно искало иные источники информации. Короткий всплеск подлинно научного подхода в 1965-1967 гг. уже к концу 1960-х годов сменился прежним догматизмом, бессмысленным в условиях довольно высокой общей культуры населения, привычки мыслить самостоятельно и рационально.

Таким образом, главный печатный орган КПСС, позиционированный в том числе и как инструмент теоретического поиска, на практике выполнял преимущественно иные функции – довольно примитивной пропаганды. Что сегодня удивляет: творческое развитие марксистской методологии было не только вполне возможно, но и необходимо, и никакой для советской системы серьезной опасности анализ реальных противоречий капитализма не нес, а вот тексты, подобные многим из приведенных выше, уничтожали саму способность и возможность обсуждать, что же происходило тогда в капиталистическом мире. От подобных публикаций создавалось впечатление, что авторы вообще отказывались от какого-либо изучения социально-экономической системы США, а занимались умозрительными построениями в заранее заданной «искусственной реальности». Тем самым, советская система не только в иска-

женном свете воспринимала своего тотального оппонента, конкурента и противника в мире, но и «смотрелась» в искаженное зеркало.

Не видя многих реальных сильных (и усиливающихся) сторон социально-экономической системы США и в то же время «убаюкивая» себя в духе замшелых догм о «неизбежном кризисе мирового капитализма», советское руководство упускало те области, направления, методы и формы развития, которые определяли успех или аутсайдерство в условиях перехода человечества от индустриальной к постиндустриальной эпохе. Оно вводило в заблуждение и весьма широкую элитарную аудиторию журнала «Коммунист» – руководителей и идеологов среднего и низшего звена, которая в свою очередь являлась проводником информации для широких слоев населения, а также участвовала в принятии и реализации управленческих решений на региональном и местном уровнях. Такая пропагандистская дезориентация, очевидное всем уже в 1970-е годы несоответствие «официального образа» США в советской прессе социально-экономическим реалиям, стали важным фактором крайней ценностно-смысловой неустойчивости советского общества к разрушительным воздействиям пропаганды противников советской модели развития в период перестройки, когда с легкостью была произведена инверсия оценок Запада, и в особенности США, представленных тогда как образец «цивилизованного мира», «демократии», воплощение «общечеловеческих ценностей», и вообще «друг» демократизирующегося СССР, а после его распада – и постсоветской России. Однако всяческое угождение Россией Западу и «прогибание» перед США в 1990-е годы не отменило того очевидного факта, что новый «друг» был и остается геополитическим соперником, а точнее – противником нашей страны, которому сильная и процветающая Россия не нужна. Все это заставляет посмотреть по-новому и на советскую модель развития, и на то, как она в определенной «идеологической упаковке» осуществляла защиту коренных интересов России, и на «идеологическое обеспечение» предложенного в то время мобилизационного варианта

развития, включая освещение социально-экономической системы США.

Анализ последнего вопроса показал, что из него следует извлечь важные исторические уроки, главный из которых состоит в том, что в противостоянии другим странам и моделям развития необходимо максимально адекватно воспринимать противника и конкурента, все его слабые и сильные стороны, не преувеличивая первые и не преуменьшая вторые, нужно уметь находить в этом отражении важное для себя, уметь вовремя корректировать те «идеологические очки», через которые «система» смотрит на мир и на себя, уметь творчески заимствовать полезное и избегать вредное. Любой догматизм, шаблонность мышления, неспособность отказаться от идеологических штампов и мифов ведет к теоретической «слепоте», к неспособности замечать очевидные перемены в мире и внутри страны, которые диктуют необходимость адекватного изменения политики.

---

1 *Лиф Ш.* Военное хозяйство США // Большевик. 1945. № 5. С. 43, 44, 46.

2 Там же. 1946. № 5. С. 60-72; № 7-8. С. 76-88; № 13-14. С. 80-88; № 21. С. 55-64.

3 *Кузьминов И.* Мистер Джонстон в роли проповедника «народного капитализма» «Неограниченная Америка») // Там же. 1946. № 21. С. 61, 63.

4 *Рубин В.* Некорованные короли Америки // Там же. 1947. № 7. С. 57-58.

5 Там же. 1947. № 20. С. 75-88.

6 Там же. № 23. С. 74-75.

7 *Кузьминов И.* О кризисном характере экономического развития США в послевоенное время // Там же. 1948. № 23. С. 43.

8 Там же. С. 45-47.

9 Там же. 1950. № 20. С. 55-58.

10 *Монин Д.* Стачечное движение пролетариата в странах капитала // Коммунист. 1953. № 9. С. 110.

11 *Мошанский М.* Красноречивые факты и цифры о последствиях милитаризации США // Там же. № 11. С. 122, 124.

12 *Чепраков В.* Лживая теория «демократизации американского капитала» //Там же. № 17. С. 76.

13 Там же. № 11. С. 121.

[14] *Варга Е.* Об экономике послевоенного капитализма // Там же. 1956. № 4. С. 15.
[15] Там же. С. 27.
[16] Там же. С.3 2.
[17] *Трахтенберг И.* Милитаризация капиталистической экономики и воспроизводство // Там же. № 8. С. 92.
[18] Там же. С. 101.
[19] *Фостер У.* Октябрьская революция и рабочий класс // Там же. 1957. № 15. С. 62.
[20] Там же. С. 69.
[21] *Чепраков В.* США сегодня; пора сомнений и раздумий // Там же. 1961. № 10. С. 80.
[22] Там же. С. 81-82.
[23] *Перло В.* Упадок американского империализма // Там же. № 18. С. 82.
[24] Там же.
[25] Там же. С. 88.
[26] *Милейковский А., Шундеев В., Энтов Р.* О мнимых и действительных изменениях в современном капитализме // Там же. 1965. № 11. С. 27-28, 33, 35-36.
[27] *Драгилев М.* О положении рабочего класса капиталистических стран // Там же. № 17. С. 114.
[28] *Далин С.* Ленинская теория империализма и проблемы современного капитализма // Там же. 1970. № 17. С. 68.
[29] *Милейковский А.* Переходит ли Гэлбрейт Рубикон? // Там же. 1974. № 15. С. 105-113.
[30] *Кондрашов С.* Американские амплитуды. Заметки журналиста // Там же. 1976. № 15. С. 122-124.
[31] *Эпштейн С.* Капитал и труд: кризис системы управления человеком на производстве // Там же. 1979. № 4. С. 87.
[32] Там же. С. 92.
[33] Там же. С. 96.

*Колесникова А.Г.**

ОБРАЗ НЕМЦА В СОВЕТСКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ КИНЕМАТОГРАФЕ ПЕРИОДА ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ:

к проблеме исторической памяти и межнационального восприятия

В данной статье рассматривается ***образ немца-фашиста***, каким он предстает в советском игровом кино детективно-приключенческого жанра в период холодной войны. Главной исследовательской задачей является выявление и анализ такого сложного социокультурного явления, как образ представителей одной нации в глазах другой после длительного и ожесточенного военного конфликта.

Такое глобальное событие мировой истории, как Вторая мировая и, конечно, Великая Отечественная война, пронизанное огромным количеством идеологических штампов советской пропаганды, не могло не отразиться на межнациональном восприятии, не могло не отложиться в исторической памяти; любой немец в послевоенное время – враг еще на долгие годы. Несмотря на то, что уже в конце войны в средствах пропаганды появились новые установки (достаточно вспомнить статью «Утро мира» от 10 мая 1945 года[1], в которой говорилось: «Всем народам найдется место под солнцем. Будет жить и немецкий народ, очистившийся от фашистской скверны... Свободные люди, мы никого не хотим поработить. Не хотим мы поработить и немцев!»[2]), было бы наивно предполагать, что одним росчерком пера можно было нейтрализовать тот невообразимый заряд ненависти, который получило советское общество во время войны при помощи средств пропаганды и агитации. Конечно, гораздо бóльшую роль сыграла реальность самой войны. Ни одна пропаганда не может без всяких на то

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ (проект № 05-01-01086а).

причин активизировать заряд ненависти одной нации к другой, необходимо иметь в виду и историческую ситуацию: во время Великой Отечественной войны этому весьма способствовали те зверства фашистов, которым подвергались советские люди на оккупированных территориях. Возникшая таким образом ненависть породила гигантскую тень, которая легла на обе нации в послевоенный период. Этим фактом умело пользовалась советская пропаганда в эти годы, используя в художественных фильмах все негативные черты «немца-фашиста», «нелюдя» – противника в войне.

Правда, необходимо отметить, что все типично «фашистские» характеристики получали персонажи – выходцы из Западной Германии. Это можно объяснить тем, что исторические условия изменились. Немец-фашист как враг, как военный противник был побежден. Однако в связи с набирающим обороты новым глобальным противостоянием, вылившимся в форму холодной войны между СССР и странами Запада (во главе с США), характеристики «врагов», «нелюдей-фашистов» получали бывшие эсэсовцы, нацисты, бывшие высокие чины вермахта и члены НСДАП. Волей случая (а в сюжетах фильмов – при помощи ЦРУ) эти военные преступники оказались «по ту сторону» – в зоне оккупации войск союзников, а затем и в ФРГ. Нужно особо отметить, что в художественных фильмах детективного жанра 1950-1960-х годов любой элемент образа врага (будь то сотрудник иностранной спецслужбы, ее руководитель или рядовой диверсант) ***характеризовался наличием «профашистских» черт.***

Так, например, образ немца-фашиста как врага присутствует в кинофильмах «Серебристая пыль»[3], «Судьба барабанщика»[4], «Тень у пирса»[5], «Дело № 306»[6], «Над Тиссой»[7] и др. В художественных фильмах «Судьба барабанщика», «Тень у пирса» и «Над Тиссой» главные негативные персонажи – немцы по происхождению, работающие на западногерманскую разведку (а та в свою очередь поставляет данные в ЦРУ и выполняет ее разведзадания). Это матерый шпион «дядя Вася», пытающийся добыть новые данные о выпуске ракетных установок советским военным заводом в «Судьбе барабанщика»;

«Иван Белограй», сотрудник немецкой разведки, воевавший на своем «невидимом фронте» в Первую и Вторую мировые войны, который готовит диверсию с взрывом моста над Тиссой; полковник Рейсли, пытавшийся помешать отправке плавучего советского дока (советский майор ГБ Людов говорит о нем, что «Рейсли – это фамилия, подаренная ему Гитлером, а на самом деле он – изменник Рвалов»).

Интересен также типаж западногерманской разведчицы Магды Тодгаст в фильме «Дело № 306». В соответствии с сюжетом, это шпионка, еще в Великую Отечественную войну воевавшая на Восточном фронте и раскрывавшая партизанские организации в Белоруссии. В СССР после войны ей было поручено восстановить старые агентурные связи и завязать новые, но этому помешало то обстоятельство, что она была узнана бывшей партизанкой Елизаветой Некрасовой. Тодгаст под личиной провизора Карасевой пытается убить Некрасову, однако советские работники органов раскрывают это, казалось бы, только криминальное дело. Наконец, весьма яркие типажи образа немца как врага присутствуют в фильме «Серебристая пыль». Это доктор Курт Шнейдер и доктор Сэмуэль Стилл. Оба – немецкого происхождения, оба – бывшие нацисты, оба работали в лагерях смерти над созданием боевого отравляющего вещества высокой радиоактивности под названием «серебристая пыль». Особо можно обратить внимание на тот факт, что эти разработки были продолжены США, оба ученых выкрадены из-под ареста американской разведкой. Эти люди закончили исследования и испытывают силу вещества на людях.

Таким образом, в образе врага периода холодной войны, каким он представлен в игровом кино этих лет, нашлось место «немецкому элементу», который представлен типажами бывших нацистов. Можно говорить об отождествлении с образом фашиста не образа немца, а именно образа врага (даже американские и британские разведчики в игровых фильмах послевоенного СССР оказывались бывшими эсэсовцами, членами НСДАП и др.). Это не могло не апеллировать к исторической памяти.

Таким образом, персонажи немцев-врагов в этих картинах обусловлены собственно ***эффектом исторической памяти***[8] (хотя «шпионское» кино в СССР и носило пропагандистский характер и являлось одним из многочисленных инструментов для управления общественным сознанием). В то же время нельзя отрицать тот факт, что детективные киноленты как элементы долговременной советской пропаганды участвовали в формировании основных акцентов восприятия немцев советскими людьми. Примечательно, что к середине 1960-х годов пропаганда еще не перестала использовать этот образ, что доказывают фильмы «Мертвый сезон» 1968 года, первые фильмы тетралогии о резиденте «Ошибка резидента» 1968 года, «Судьба резидента» 1970 года и др. Образ врага холодной войны в этих фильмах носит ярко выраженные ***фашистские черты***, апеллирует к массовому сознанию членов советского общества на языке военной пропаганды, вызывая в памяти советского зрителя не потускневший еще образ смертельного противника в Великой Отечественной войне, немца-убийцы, «нелюдя»[9].

В качестве примера можно привести персонажей из фильмов «Ошибка резидента» и «Судьба резидента» – сотрудника Разведцентра Себастьяна и Шефа (Иогана Штаубе), руководителя западногерманской разведки, ставленника ЦРУ. В фильме проходит информация о том, что Шеф является дальним родственником Геринга и бывшим поклонником режима Гитлера; он руководит западногерманской разведкой с окончания Второй мировой войны. Себастьян же, бывший крупный чин в СС, на момент фильма – сотрудник западногерманской разведки, выполняющий указания ЦРУ (так же, как и Штаубе). В фильме проходит информация о том, что Себастьян (он же Эрих Клюге) каждого русского считает предателем, ненавидит советское общество, крайне подозрителен. Этот образ также сочетает в себе черты «немца-врага», оставшиеся еще со времен Великой Отечественной войны, и новые черты, черты агента ЦРУ, выполняющего в западногерманской разведке функции советника от США[10].

Можно также отметить, что в соответствии с сюжетными линиями советского кинематографа, своеобразным «правопре-

емником дела рейха» являются США в лице своих спецслужб. Таким образом, черты немца-врага в Великой Отечественной войне (жестокость, беспощадность, кровожадность) переносятся средствами пропаганды на нового врага – страны Запада во главе с США в новой, на этот раз холодной войне.

В фильмах этого периода имеются и другие важные элементы образа врага – пособники (1-го и 2-го плана); эти персонажи – члены советского общества. Пособники врага также показываются в ключе антифашистской модели советской пропаганды. Появление этих персонажей не случайно: прототипом пособников внешнего врага являются реальные представители советского общества, которые в прошлом были военными преступниками, сотрудничавшими с нацистами во время Великой Отечественной войны; начиная со второй половины 1940-х годов в СССР идет массовое выявление этих людей, публичные суды над ними и следовавшее за этим суровое наказание вплоть до расстрела. Эти персонажи кинолент в прошлом могли быть военными преступниками, изменниками, участвовавшими в уничтожении мирных советских граждан (пособники немцев на оккупированных территориях, сотрудники зондеркоманд), например, доктор Раскольцев из кинофильма «Меченый атом» и Ян Евгеньевич Дымбович из фильма «Ошибка резидента».

Эти элементы образа врага прочно вживляются в информационно-визуальное поле и оказывают влияние на вектор межнациональных отношений благодаря вполне конкретным и ярким противопоставлениям, носящим заведомо сравнительный характер.

Это касается, прежде всего, матрицы немца-фашиста как врага: в нем соединены все негативные черты немца как противника, каким он был представлен в советской пропаганде эпохи Великой Отечественной войны. «Для массового сознания в России эти образы задают травматический предел человеческого. В пропагандистской риторике гитлеровцы всегда служили абсолютной мерой негативного: редукция к этим образам означала безусловные характеристики бесчеловечного, аморального и злого»[11]. Можно констатировать также использование эффекта исторической памяти в изображении пособников внешнего врага.

Что касается иерархии образа врага в художественных фильмах более позднего периода, 1970-1980-х годов, то тут образ все больше приобретает в основном английские и американские черты.

Мы можем отметить постепенное исчезновение из структуры образа врага холодной войны немца как врага и носителя негативно-инфернальных черт; кроме того, исчезает и эффект проецирования фашистских черт на образы новых врагов – шпионов ЦРУ и служащих Пентагона. В изменившихся исторических условиях, в условиях усиления конфронтации между СССР и США, а также ожесточенной борьбы за сферы влияния на африканском континенте (Эфиопия, Ангола, Мозамбик), в Центральной Америке (Никарагуа), в Азии (Вьетнам, Северная Корея) образ врага-немца постепенно замещается образом американца как врага, что способствует формированию официального антиамериканизма, который в свою очередь порождает антиамериканизм бытовой, т.е. повседневный, массовый.

Все же следует отметить, что образ фашиста оказался «долгожителем» в истории советского художественного кинематографа: незначительно изменяясь и эволюционируя, его отдельные черты просуществовали фактически до распада СССР, т.е. до 1990-х годов. Например, в известном политическом детективе 1980-х годов «ТАСС уполномочен заявить...»[12] присутствует весьма яркий образ врага с немецкими чертами – это непосредственный исполнитель планов ЦРУ майор Глейб, бывший фашист и нацистский преступник, который начал работать на ЦРУ сразу после войны и продолжает работать на момент сюжетной развязки. Можно условно выделить и художественный фильм, в котором образ врага с немецкими чертами теряет свою резко негативную характеристику. Это фильм «Досье человека в “мерседесе”»[13]. Надо особо отметить, что этот фильм некоторым образом повторяет сюжет кинотетралогии о резиденте. Американский разведчик немецкого происхождения Ингмар Росс, скрываясь под видом журналиста при посольстве США в Москве, влюбляется в советскую женщину-врача Светлану Полякову. Однако она работает в закрытой поликлинике

ведомственного типа, ее пациенты – моряки военно-морского флота, от которых при желании можно получать информацию о состоянии советских вооруженных сил. Росс любит Полякову и отказывается выполнять задание ЦРУ. В сюжет фильма введена новая деталь – давнее знакомство Росса (немца, работавшего на ЦРУ) и полковника КГБ Григорьева. Это знакомство произошло сразу после войны, в разгромленном Берлине: Григорьев и Росс вместе разыскивали нацистских преступников, а после вместе праздновали победу над фашизмом, мечтали о мире между СССР и США. Таким образом, киноискусство отражает новую тенденцию политической жизни – постепенный отхода от жесткого негативного образа иностранца (в том числе и немца). В фильме «Досье человека в “мерседесе”» отразился более политически спокойный взгляд «перестроечных» 1980-х годов и на немцев и на бывших союзников во Второй мировой войне, но инверсии, т.е. полного «переворота» в оценках (характерной для 1990-х) еще не произошло.

Таким образом, в период Великой Отечественной войны созданный средствами советской пропаганды образ немца как врага, выполнив свою основную функцию по консолидации общества, надолго остался в визуально-информационном пространстве и в исторической памяти. Это подтверждается присутствием фашистского элемента в структуре образа врага периода холодной войны в советском игровом кино детективного жанра в течение весьма длительного периода времени. Значимость исторической памяти для коллективного сознания велика и необычайно важна в деле налаживания международных отношений. Так, память о противнике, о немце-фашисте, пришедшем на чужую землю, чтобы убивать, порабощать и завоевывать, имеет две стороны. Во-первых, эта память в сознании людей носит стихийный характер, так как принадлежит области массовой социальной психологии; с другой стороны, историческая память и ее отдельные элементы формируются под воздействием института государства посредством пропаганды, через массовые произведения искусства (литература, кинематограф)[14]. Следовательно, несколько поколений людей, родив-

шихся и выросших уже после Великой Отечественной войны, воспитаны на произведениях массового искусства, в которых образ врага присутствовал в полном объеме и детерминировал в дальнейшем их позицию по отношению к «враждебной» нации. Проблема исторической памяти, тесно связанная ***с особенностями восприятия медиатекстов*** (таких, как художественные фильмы), содержащих образ врага, может и должна исследоваться в каждом конкретном случае в комплексе с изучением продукции средств массовой информации и пропаганды.

---

1 См.: *Сталин И.* Утро мира // Правда. 10 мая 1945. С. 1-2.

2 Цит. по: *Горяева Т.* Убить немца: образ противника в советской пропаганде // Родина. 2002. № 10. С. 41-44.

3 См.: Серебристая пыль. Реж. А.Роом; в ролях: Р.Плятт, Л.Смирнова, В.Ларионов; Киностудия «Мосфильм». Фильм вышел на экраны в 1953 г.

4 См.: Судьба барабанщика Реж. В.Эйсымонт; в ролях: М.Глузский, К.Половикова, В.Самойлов; Центральная киностудия детских и юношеских фильмов имени М.Горького. Фильм вышел на экраны в 1955 г.

5 См.: Тень у пирса. Реж. М.Винярский; в ролях: О.Жаков, Е.Савинова, В.Балашов; Одесская киностудия. Фильм вышел на экраны в 1955 г.

6 См.: Дело № 306. Реж. А.Рыбаков; в ролях: М.Бернес, Е.Весник, В.Токарская; Киностудия «Мосфильм». Фильм вышел на экраны в 1956 г.

7 См.: Над Тиссой. Реж. Д.Васильев; в ролях: Н.Крючков, В.Гусев, Т.Конюхова; Киностудия «Мосфильм». Фильм вышел на экраны в 1958 г.

8 Под ***эффектом исторической памяти*** понимается следующее: воспроизводимые на экране образы проецируют на сознание определенную конструкцию образа врага, а сам зритель «накладывает» их на уже существующую матрицу, элементы которой были восприняты и усвоены им в прошлом, возможно даже опосредованно, по рассказам других людей.

9 См.: *Колесникова А.Г.* Образ врага периода «холодной войны» в советском игровом кино 1960-1970-х годов // Отечественная история. 2007. № 5. С. 163.

10 Там же. С. 164.

11 *Гудков Л.* Идеологема «врага»: «враги» как массовый синдром и механизм социокультурной интеграции // Образ врага. М., 2005. С. 58-59.

[12] См.: ТАСС уполномочен заявить... Реж. В.Фокин; в ролях: В.Тихонов, Ю.Соломин, И.Калныньш; Центральная киностудия детских и юношеских фильмов имени М.Горького. Фильм вышел на экраны в 1984 г.

[13] См.: Досье человека в «мерседесе». Реж. Г.Николаенко; в ролях: Р.Адомайтис, А.Баталов, Л.Чурсина; Центральная киностудия детских и юношеских фильмов имени М.Горького. Фильм вышел на экраны в 1986 г.

[14] См.: *Сенявская Е.С.* Противники России в войнах XX века: эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М., 2006. С. 250.

IV. ЭКОНОМИКА КАК ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗОВ

Макурин А.И.

ПРОБЛЕМЫ ТЕХНИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ В РОССИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА И АМЕРИКАНСКИЙ ОПЫТ

На рубеже XIX и XX веков Россия переживала всплеск интереса к США, бурный прогресс которых во всех сферах жизни будоражил умы представителей широкой общественности. Вплоть до революции 1917 г. интерес к заокеанской республике продолжал возрастать. Либеральное сообщество проявляло восхищение Америкой и ее общественным и политическим укладом, обычаями и традициями, предприимчивостью и трудолюбием американцев. Северная Америка являлась наиболее ярким примером демократичности общественных отношений, свободы личности и равенства, подчеркивалось в публицистических и исследовательских работах, среди авторов которых можно встретить имена П.Г.Мижуева, И.М.Рубинова, П.А.Тверского (Дементьева), И.А.Гурвич и П.М.Гуревича[1]. Идеализируя общественное устройство США, русская мысль нередко видела в нем пример для подражания. Соединенные Штаты, как представлялось многим, выгодно отличались от европейских стран внутренним демократизмом, пронизывающим все сферы жизни, а также отсутствием присущих Старому Свету социальных антагонистов, превративших его в арену борьбы. В этой стране, подчеркивали русский социал-демократ П.М.Гуревич и Г.А.Де-Воллан, находившийся на российской дипломатической службе в Вашингтоне в 1896-1906 гг., не было ярко выраженного социального неравенства, что проявлялось в демокра-

тичности одежды и отсутствии деления железнодорожных вагонов на классы[2].

Социальный уклад американцев воспринимался как продукт экономического и политического развития страны, а также особого англосаксонского менталитета. Русский либеральный экономист, преподаватель Петербургского университета Л.С.Хольцов отметил особую роль свободы экономических отношений и передвижений в американской традиции, а также энергичный и предприимчивый характер населения. В то же время имело место и обратное влияние: индустриальный характер государства, особая политическая ситуация предопределили складывание самобытной социальной структуры. В результате «Соединенные Штаты из малоизвестного второстепенного государства, имевшего ничтожное значение, обратились в великую, первоклассную державу, с которой все государства считают нужным серьезно считаться и голос которой имеет весьма заметное влияние на ход внешней политики всего мира», – писал Хольцов в специальном очерке, посвященном Соединенным Штатам[3].

Поражали масштаб и динамизм хозяйственной деятельности страны, а также возрастание ее роли в мировом промышленном производстве. Беспрецедентным показателем индустриального роста, по мнению Г.А.Де-Воллана, являлось ежегодное увеличение экспорта промышленной продукции. Динамику роста вывоза промышленной продукции из США российский дипломат иллюстрировал, основываясь на анализе официальной статистики: в 1903-1904 гг. – 452 415 921 долл., а в 1904-1905 гг. – 543 620 294[4].

Анализируя данные разнообразных источников, другой известный либеральный экономист профессор Московского и Петербургского университетов И.Х.Озеров выделил очевидные предпосылки экономического прогресса: 1) иммиграция, способствовавшая приливу молодой и дешевой рабочей силы; 2) всеобщее стремление к механизации труда, предопределившей технический прогресс; 3) монополизация промышленности; 4) развитие коммуникаций; 5) таможенная и тарифная политика правительства[5].

Поток европейских переселенцев в США в первое десятилетие XX в., составлявший бо́льшую часть иммиграции, способствовал постоянному приливу в отряд промышленных рабочих людей наиболее трудоспособного возраста, доля которых в населении США увеличивалась. Таким образом, как показывают исторические исследования, американская промышленность имела значительные резервы рабочей силы, что стало одним из факторов промышленного развития[6].

В России преобладало мнение, что вследствие приведенных выше факторов и особенно усиленной механизации труда производительность американской промышленности превышала производительность европейской. Благодаря использованию усовершенствованных машин эффективность работы 1000 человек на американских фабриках равнялась эффективности работы «двойного или тройного числа рабочих на европейских фабриках», утверждал Л.С.Хольцов[7]. Производительность труда повышалась, по мнению Озерова, еще и благодаря частому обновлению оборудования и станков. Американцы предпочитали работать на более дешевом оборудовании, которое можно было вскоре заменить. Таким образом, совершенствование машин в Соединенных Штатах происходило быстрее, чем в Европе, где использовались дорогие станки, рассчитанные на длительную работу[8].

Подтверждая мнение, изложенное Озеровым по поводу факторов экономического развития, Де-Воллан, ссылаясь на мнение американских исследователей, наряду с вышеуказанными также выделил ряд обстоятельств, стимулировавших развитие промышленности в США: 1) преобладание безналичных расчетов; 2) дешевизна перевозки грузов благодаря высокоразвитому железнодорожному транспорту; 3) стандартизация производства; 4) глубокая специализация промышленности; 5) дешевизна продукции; 6) наличие богатых природных ресурсов и 7) «отсутствие милитаризма»[9]. Северная Америка обладала богатейшими запасами минерального сырья, сообщал Де-Воллан: серебро, золото, уголь, нефть, газ. Добыча их, по мнению автора, приносила немалый доход стране[10]. Русский дипломат справедливо подчеркивал роль указанных обстоя-

тельств в формировании промышленной мощи США. Однако в начале XX в. ситуация начинала меняться, в частности, усиление монополизации остро подняло вопрос о необходимости регулирования железнодорожных тарифов. Постепенное включение страны в активную международную политику в годы президентства Т.Рузвельта потребовало значительного увеличения бюджетных расходов на военные нужды.

Вместе с тем, Озеров указывал на особую значимость ряда субъективных предпосылок, благоприятствовавших экономическому развитию американского народа, среди которых – предпринимательский дух и инициативность, а также демократическая форма правления, с чем соглашались Мижуев и др. Условия политической системы, господствовавшей в США, в бо́льшей степени, чем в других европейских государствах, способствовали созданию благоприятных условий для бизнеса[11]. Но «главный фактор современной промышленности – это не труд и не капитал, а мозг. Этим берет Америка», утверждал Озеров, отмечая использование научных достижений в производстве[12]. Качества американских предпринимателей Озеров ценил гораздо выше, чем европейских, за их энергичность и несклонность к консерватизму. Для достижения материального благополучия недостаточно только владеть естественными богатствами; чтобы ими распорядиться, необходимо было иметь знания, опыт, умения, предприимчивость, которыми обладали американцы, и которых так недоставало русским, сетовал либеральный экономист[13].

В России всегда внимательно следили за современными достижениями американской промышленности и старались быть в курсе новейших изобретений. Проникновение американской техники на российский рынок не могло быть не замечено, и этот факт нашел отражение как в массовой, так и в специальной литературе, имевшей прикладной характер. Так, в 1899-1902 гг. в Москве проводились испытания американских и английских фильтров для очистки воды, предназначавшихся для московского водопровода. Работа фильтров исследовалась одновременно ординарным профессором Московского Университета С.Ф.Бубновым в Москве и главным инженером мос-

ковских водопроводов Н.П.Зиминым в Рублево. Техническая комиссия под руководством профессора Бубнова вынесла негативное мнение о возможности использования американских фильтров[14]. Инженер Зимин выразил совершенно иное мнение, высказавшись в пользу американских водоочистных фильтров, которые, по его мнению, нисколько не уступали по эффективности фильтрам других марок[15].

Наконец, привлекали внимание потрясающие достижения американской инженерной мысли в области строительства судоходных каналов, а также ирригационных систем, позволивших значительно расширить площади обрабатываемых земель, расположенных в зоне засушливого климата. Оказание помощи фермерству по сооружению оросительных систем стало важнейшим компонентом деятельности федерального правительства. Эти мероприятия осуществлялись в рамках политики «консервации», проводившейся администрацией Т.Рузвельта с целью сохранения природных ресурсов[16].

По мнению Озерова, эти факты являлись прекрасным показателем умения американского народа развивать ресурсы своей страны. Профессора удивляли огромные масштабы разворачиваемого строительства, которое было возможно только вследствие энергичности и предприимчивости американцев, не останавливавшихся ни перед какими «внешними препятствиями»[17]. Не все принципы организации ирригационных систем представлялись Озерову оптимальными. Являясь сторонником централизованной политики по созданию оросительных систем, он высказался против неких частных систем, которые, по его словам, не только не давали полезного эффекта, но и препятствовали другим хозяевам, как это было с частными ирригационными сооружениями в Нью-Мехико. Там потребовалось вмешательство правительства в пользование источниками воды, так как беспорядочная деятельность фермеров и компаний привела к тому, что одни отбирали воду у других[18]. В оценке деятельности американского правительства, направленной на создание оросительных систем, с Озеровым был целиком согласен Г.А.Де-Воллан. Он приводил пример деятельности вла-

стей Невады, которая тратила значительную часть своих доходов на искусственное орошение[19].

Улучшение земель за счет создания оросительных систем стало частью общей стратегии Министерства земледелия и государственных имуществ России, а затем и Главного управления землеустройства и земледелия. Актуальность ирригационного дела диктовалась несколькими причинами. Во-первых, развитием сельскохозяйственного производства в Средней Азии, где почвы были засушливыми, но климат благоприятным для возделывания хлопчатника. Растущая хлопчатобумажная промышленность, работавшая за счет импорта сырья из Америки, требовала его все больше. Среднеазиатские производители не могли полностью удовлетворить потребности текстильной промышленности в хлопке, поэтому мысль о развитии производства отечественного хлопка тесно переплеталась с пониманием необходимости искусственного орошения земель. Во-вторых, потребностью расширения пригодных для сельского хозяйства угодий за счет использования засушливых территорий, солончаков и т.д. В начале XX века проблема технического улучшения земель стала частью не только экономической, но и социальной стороны земельного вопроса.

После революции 1905-1907 гг. правительство активизировало политику модернизации транспортной системы, слабость которой заключалась в неразвитости железнодорожной сети и недостаточном использовании водных путей. По распоряжению министра путей сообщения С.В.Рухлова создаются две межведомственные комиссии по разработке планов совершенствования российского транспорта. В 1908 г. возникла Особая комиссия для исследования железнодорожного дела под руководством инженера-железнодорожника профессора Н.П.Петрова, а в феврале 1909 г. образуется «Междуведомственная комиссия для составления плана работ по улучшению и развитию водяных сообщений империи», председателем которой был назначен профессор В.Е.Тимонов. Вновь созданные комиссии были призваны разработать план развития транспорта, предусматривавший строительство новых железнодорожных и искусственных водных магистралей империи и совершенствование уже существовавших.

Все это способствовало возрастанию интереса к зарубежному опыту в указанных областях. При всей скудости казенных средств, руководители сельскохозяйственного ведомства и Министерства путей сообщения поощряли заграничные командировки инженеров и агрономов.

План работы комиссии В.Е.Тимонова предполагал программу масштабных мероприятий в транспортной сфере[20]. Комиссией ставились глобальные задачи, выполнение которых требовало наличия специалистов с огромным научным, инженерным потенциалом, обладающих обширными знаниями, а главное, опытом в области строительства искусственных водных сооружений. К участию в комиссии также привлекались специалисты из других министерств, а также представители делового мира. Немалую работу проделали инженеры – выпускники Петербургского института путей сообщения, в котором сформировалась одна из лучших в мире гидротехнических школ[21].

Председатель комиссии максимально использовал тот ресурс опыта и знаний, каковым обладала мировая инженерная мысль. Он установил контакты с разнообразными организациями и лицами, близко стоявшими «в том или ином отношении к делу водяных сообщений», как в России, так и за границей и, в частности, в США[22]. Тимонов был широко известен в международных научных кругах, являясь одним из организаторов Ассоциации международных судоходных конгрессов, возникшей на рубеже веков. В 1900 г. была создана специальная комиссия Ассоциации, в которую помимо Тимонова вошли директор Института инженеров путей сообщения (в Петербурге) профессор М.Н.Герсеванов и инженер Э.Ф. фон Гершельман[23].

Комиссии Тимонова удалось поставить на рассмотрение международных конгрессов актуальные для России вопросы. В 1908 г. Тимонов организовал XI Международный судоходный конгресс, состоявшийся в Петербурге, где произошел обмен мнениями между российскими и американскими инженерами. Затем в 1911 г. он занялся подготовкой организации XII конгресса, проведение которого планировалось в американском

городе Филадельфия. В это же время он побывал в зоне Панамского канала, будучи членом американского общества Гражданских инженеров.

Тимонов смог посетить наиболее значимые участки Панамского канала, строительство на которых велось полным ходом. Он получил обширный материал для исследований: современные технологии, новейшая строительная техника, организация труда и быта рабочих – одним словом все, что представляло интерес для российской экономики в свете технической модернизации[24].

Тимонов положил начало целенаправленному научному изучению строительства и технических характеристик Панамского канала[25]. Русский инженер усмотрел в канале ворота для американской экспансии в Азиатско-тихоокеанский регион. В ближайшей перспективе, по словам Тимонова, канал должен был способствовать превращению США в «Тихоокеанскую Империю» и усилению неизбежного давления американцев на азиатские страны. Под нажимом американцев азиатские страны усилят натиск на Россию, считал автор книги и заключал, что таким образом канал грозит стать в ближайшем будущем «важным фактором для усиления напряжения на восточной окраине Азии». В этом Тимонов видел угрозу стратегическому положению России в будущем и, следовательно, рассматривал канал, как вредный для России, к тому же и бесполезный для нее с коммерческой точки зрения[26]. Для европейских стран строительство канала также не сулило ничего хорошего, так как способствовало вытеснению их влияния из тихоокеанского региона и укреплению там положения Соединенных Штатов, добивавшихся удовлетворения своих «панамериканских и империалистических стремлений»[27].

Вслед за ним в зоне канала побывало еще несколько русских инженеров, направленных туда правительством: военный инженер И.А.Савримович, инженеры С.Н.Сысоев и Л.М.Лангада. Дольше всех там пребывал инженер путей сообщения В.Е.Ляхницкий, командированный по рекомендации Тимонова. В зону строительства канала Ляхницкий попал в самый благоприятный для наблюдения момент – с сентября 1911 по апрель

1912 г. Отчасти поэтому он провел самое исчерпывающее исследование хода строительных работ, а также всей инфраструктуры Панамского канала в тот отрезок времени, когда процесс строительства достиг своей кульминации. В 1911-1912 гг. производились практически все возможные виды строительных операций: углубление дна, проведение искусственных каналов, сооружение бетонных конструкций шлюзов. Работы осуществлялись с применением современной техники: экскаваторов, подъемных кранов, земляных снарядов, развитой транспортной структуры. Ляхницкий дал высокую оценку уровню технической организации и степени механизации всех работ: «громадный масштаб, стройная прекрасно разработанная до деталей организация дела и почти исключительно механическое исполнение всех видов строительных операций, из коих многие до сих пор не только у нас, но и в Западной Европе производятся еще без применения машин»[28].

Возвращаясь домой, Ляхницкий побывал на строительстве канала Эри, соединяющего Великие Озера с Атлантическим океаном[29], и наблюдал работу Нью-йоркского морского порта. При написании очерка о морском порте в Нью-Йорке, автор использовал многочисленные официальные источники, а также интервью с чиновниками и представителями деловых кругов[30]. Книга о Нью-йоркском порте увидела свет в 1915 г., когда опыт использования портовых сооружений стал весьма актуален для России, утратившей торговые коммуникации через Балтику. Порты российского Севера, использовавшиеся для перевозок стратегических грузов, были недостаточно развиты технически. Именно Ляхницкий выступил автором технического проекта Мурманского порта, строительство которого началось 1 сентября 1915 г.

Видную роль в организации и проведении XII международного судоходного конгресса 1912 г. в Филадельфии сыграли русские инженеры и, в частности, В.Е.Тимонов, ставший его почетным председателем. Совместно с инженером В.Г.Клейбером, Тимонов подготовил и сделал доклад по вопросу об улучшении судоходных условий рек[31].

На заседаниях конгресса выступили инженеры Э.Ф. фон Гершельман и Н.П.Пузыревский. Если Тимонов зарекомендовал себя приверженцем проведения землечерпательных работ по углублению русла рек[32], то Гершельман был убежденным сторонником улучшения судоходности рек путем строительства искусственных сооружений и еще в 1910-1911 гг. проектировал создание шлюзов в порожистой части Днепра[33]. Поэтому его интересовал опыт строительства и эксплуатации речных шлюзов, примеры которых он видел во время пребывания в США на Великих озерах[34]. Все свои наблюдения и приобретенные знания Гершельман изложил в докладе на заседании Инженерного Совета МПС в 1912 г., а затем эти материалы получили более подробное освещение в трех работах, опубликованных в 1913 г. в Журнале Министерства путей сообщения[35].

Организаторы судоходного конгресса предусмотрели для участников программу экскурсий по Филадельфии и другим городам Соединенных Штатов в ходе работы конгресса и после его окончания. Благодаря этим экскурсиям русские инженеры смогли убедиться в масштабности и практической значимости искусственных водных путей в США. В практической плоскости значение конгресса высоко оценивалось Тимоновым, поскольку он принял «ясную программу дальнейшего улучшения судоходных условий рек, осуществление коей у нас, – как отмечал он, – может действительно привести к серьезному успеху»[36].

Тимонов указывал в отчете, что знакомство с иностранным опытом является самым ценным приобретением, полученным российскими инженерами на конгрессе. Как видно из обзора работы судоходного конгресса, русских делегатов особенно заинтересовало оснащение морских портов современным оборудованием. Подобная задача стояла и перед российскими морскими портами, но ее выполнение представлялось Тимонову «немыслимым» «без ближайшего общения представителей наших ведомств с лучшими иностранными специалистами»[37]. Принятые на конгрессе решения и американская практика подтверждали правоту Тимонова, который иллюстрировал теоре-

тические выводы конкретными примерами. Неэффективность использования постоянных сооружений для регулирования судоходных условий показала неудачная эксплуатация системы искусственных дамб на реке Миссисипи, сообщал Тимонов, подчеркивая в то же время, что механическое углубление дна реки дало положительные результаты. Преимущество метода, который отстаивал ученый, заключалось, по его же словам, в том, что допущенные при земляных работах ошибки исправить проще, чем ошибки при строительстве постоянных сооружений[38].

Не меньшую активность в изучении американского опыта проявили и агрономы. В 1903 г. Департаментом земледелия и государственных имуществ был командирован в США агроном-техник Н.П.Синельников для изучения мелиоративного и переселенческого дела. Будучи в Америке, он заинтересовался строительством ирригационных систем. Исторический анализ политики колонизации американского Запада, предпринятый Синельниковым, оказался кстати для Русского правительства, которое склонялось к мнению, что переселение крестьян из западных регионов России на восток являлось единственным приемлемым путем решения земельного вопроса.

В то же время Сибирь, которую правительство намеревалось превратить в «землю обетованную», не имела должным образом развитой инфраструктуры. Поэтому возможности для развития товарного производства в сельском хозяйстве Сибири оказывались весьма невысокими. На примере других стран, проводивших политику переселения в целях колонизации новых земель, правительство убеждалось в том, что миграция земледельческого населения способствует общему развитию необжитых территорий. Поэтому американская политика в переселенческих делах внутри страны вызвала глубокий практический интерес в России и ее изучение явилось одной из целей командировки Синельникова.

«Колоссальное развитие сельскохозяйственной промышленности в Штатах обуславливается культивированием громадных площадей населением, которое пополняется ежегодно эмигрантами из всех стран Европы», – утверждал Синельников

в предварительной записке, адресованной министру земледелия и государственных имуществ, добавляя, что «организация поселений способствовала быстрому росту железнодорожной сети в США, которая облегчала экспорт сельскохозяйственной продукции»[39]. В завершение говорилось, что «изучение организации переселенческого дела в Северо-Американских Соединенных Штатах и Канаде, как странах конкурирующих с Россией – является неотложным делом и во многих случаях тесно соприкасающимся с работами мелиоративного характера»[40].

В США Синельников посетил штаты Вашингтон, Невада и Юта, «по условиям замкнутости речных бассейнов – очень напоминающих Западную часть Сибири»[41]. Актуальность затронутых Синельниковым вопросов оказалась на тот момент столь высока, что министерство продлило ему командировку.

В одном из рапортов Синельников аргументировал применимость в России американского опыта мелиорации не только схожестью климатических условий России с некоторыми регионами США, но и дешевизной рабочей силы. Министерство сельского хозяйства США, по словам автора, очень хорошо осведомлено о «деталях положения русских хозяйственных условий», а также о сельскохозяйственных машинах и торговле хлебом, и возглавляют эти отделы люди, которые по два года изучали данные вопросы на месте. Синельников много работал со специализированной литературой, а также с докладами, отчетами и прочей документацией, предоставленной ему в министерствах. Синельников весьма высоко оценивал деятельность Министерства сельского хозяйства: «При такой организации значительно легче ориентироваться в вопросах мирового обмена сельскохозяйственными продуктами и машинным производством и регулировать мероприятия сообразно с выгодами страны»[42].

Автор призывал глубже изучить опыт миграционной политики в США, поскольку это было тесно связано с процессом колонизации и улучшения инфраструктуры необжитых западных территорий. В рапорте от 20 февраля (5 марта) 1906 г. Синельников отправил в Петербург одну из глав отчета – «Эмиг-

рация в Северо-Американские Штаты», которая впоследствии вошла в качестве составной части в книгу, изданную в 1907 г.[43] В этом же рапорте он объяснял значительный рост выезда земледельцев из России деятельностью «агентов пароходных компаний, заинтересованных в увеличении пассажиропотока; надзор за компаниями, а также меры гарантии населения от злоупотреблений в этом направлении принимаются почти во всех государствах Европы»[44]. Более подробно тему миграции населения в США Синельников развил в книге, где охватил все сопутствующие ключевой проблеме вопросы: внутренняя миграция в США и особенности иммиграционной политики, развитие опытных сельскохозяйственных станций и прочее.

Так, анализируя структуру миграции населения в США, Синельников выделяет несколько причин, способствовавших активизации выезда мигрантов из России, среди которых – общинные путы, сдерживающие инициативу земледельцев, отсутствие свободы передвижения и прочие бюрократические препятствия, межнациональные столкновения[45]. Автор доказывал, что проведение в России переселенческой политики по примеру американской могло способствовать быстрому заселению Сибири. Таким образом, по его мнению, решалась бы не только проблема экономическая, но и болезненная на тот момент внешнеполитическая проблема стратегической защиты российского Дальнего Востока в условиях роста японской экспансии.

В процессе заселения американского Запада постройка железных дорог сыграла, по определению Синельникова, «главенствующую роль», способствуя более стремительному росту населения[46]. В интенсивном строительстве железных дорог он видел также и одну из решающих причин успешного развития сельского хозяйства. Это наиболее ярко проявилось в западных штатах, которые благодаря железнодорожному сообщению «имеют все необходимое для культурной жизни человека»[47].

Синельников высоко оценивал результаты деятельности опытных сельскохозяйственных станций, которые могли, по его мнению, принести конкретную пользу России. Он выделил ряд таких станций, располагавшихся в штатах Канзас, Небра-

ска, Миннесота, Монтана (сходных по природно-климатическим условиям с Черноземьем европейской России, Оренбуржьем и Средней Азией), чьи исследовательские достижения в области селекции могли бы использоваться на Родине.

Темы и сюжеты, затронутые в работе Синельникова, получили дальнейшее развитие у других российских исследователей. В 1908 г. в заграничную командировку с целью изучения мелиорации был направлен Н.М.Тулайков, выпускник Московского сельскохозяйственного института, в будущем знаменитый российский ученый-мелиоратор, академик, вице-президент ВАСХНИЛ. Он получил задание изучить развитие мелиоративного дела в США, а также познакомиться с опытом борьбы с засолением почв, поскольку там, по словам директора Московского сельскохозяйственного института В.Р.Вильямса, «интересующий его вопрос уже разработан довольно детально»[48].

Еще в 1905 г., будучи помощником заведующего Безенчукской опытной станции, Тулайков исследовал причины засоления почв[49]. Данное направление определило основную сферу интересов начинающего ученого в ходе командировки в США, а также в Германии и Англии. Характеризуя качества Тулайкова, В.Р.Вильямс аргументировал необходимость командирования своего бывшего студента именно в Северную Америку, поскольку там, как отмечал профессор, «интересующий его вопрос уже разработан довольно детально»[50], а Тулайков уже имел глубокий практический опыт в этом деле[51].

Прибыв в 1908 г. в США, Тулайков прошел стажировку в качестве студента агрономического отделения Сан-францисского университета. Вместе с тем, Тулайков преследовал еще одну цель – изучить особенности системы сельскохозяйственного образования и постановки научно-исследовательских работ[52]. В Бюро почвоведения Министерства сельского хозяйства США в Вашингтоне он знакомился с общими вопросами исследовательской деятельности в области сельского хозяйства и почвоведческими изысканиями, акцентируя внимание на вопросе борьбы с засолением почв на орошаемых участках.

Дальнейшая работа Тулайкова осуществлялась в тех регионах Северной Америки, где в начале века широко распростра-

нялось орошение земель: Калифорнии, Неваде и др. Каждый шаг сопровождался подробными отчетами о проделанной работе и немедленной публикацией их в журнале «Сельское хозяйство и лесоводство»[53]. Практическим результатом командировки Тулайкова в США явилось издание множества научных работ, основанных на изучении сельского хозяйства, практики орошения сельскохозяйственных угодий, политики правительства в данной области. Тулайков приобрел в Америке не только глубокий практический опыт и знания, познакомившись с новейшими технологиями в сельском хозяйстве, но и сформировался как ученый-исследователь.

Заведуя Безенчукской опытной станцией в 1909-1916 гг., Тулайков в полной мере применил знания, полученные в США, реализовав на практике теорию окультуривания засушливых земель. Оценивая результативность командировки, директор Лесного института профессор П.С.Коссович сообщал директору Департамента земледелия, что Тулайков проявил «выдающуюся энергию» в изучении поставленной проблемы и «обогатился весьма обширными сведениями и познаниями по тем вопросам», для изучения которых он был направлен в Америку[54].

Практицизм исследовательской деятельности и американское сельскохозяйственное образование оставили глубокий след в стиле работы и научного поиска будущего советского академика. Позитивная оценка американского практицизма была унаследована у российских ученых начала XX века деятелями науки в СССР. В одной из биографических книг об академике Тулайкове подчеркивалось, что практическая направленность его деятельности стала результатом его социального происхождения и того, что определялось как «глубокие наслоения американской методики научно-исследовательской и общественной работы». Знакомство с американской наукой и способом ведения хозяйства, по мнению Ф.К.Невядомской, автора биографии, оказало влияние на формирование склада мышления ученого, лишенного «черт созерцательности и пассивности, свойственных природе русского интеллигента»[55].

Очень важный труд о развитии мелиорации земель выпустил в 1911 г. инженер-агроном Е.Е.Скорняков[56]. Книга была написана по результатам его командировки в США в 1908–1910 гг., в которую он был направлен Главным управлением землеустройства и земледелия. Его труд имел не только практическое значение для ознакомления с передовым опытом, он содержал интересные сведения о современных достижениях ирригации в США. Создавая представление об уровне развития сельскохозяйственного производства, книга включала материал о передовом опыте борьбы с земельным голодом путем искусственного окультуривания земли.

Пропаганда американского опыта орошения земель и строительства ирригационных сооружений стала одним из центральных мотивов в издательской деятельности представителей специальной сельскохозяйственной Агентуры Екатеринославского губернского земства в США[57]. Руководитель Агентуры И.Б.Розен, иммигрировавший в Америку по политическим мотивам, со своим сотрудником губернским агрономом В.В.Талановым еще в 1908 г. издал книгу о способах земледелия в засушливых районах страны[58]. Авторы познакомили русского читателя с принципами и способами обработки земли в засушливой полосе Соединенных Штатов и рассказали об используемых орудиях для обработки почвы.

Знания и опыт, приобретенные русскими инженерами и агрономами в Соединенных Штатах на строительстве каналов, создании оросительных систем, впоследствии успешно использовались ими в практической деятельности в России. В.Е.Тимонов и В.Е.Ляхницкий принимали участие в реконструкции ряда водно-транспортных путей; Н.М.Тулайков углубил необходимые знания по проблемам засушливого земледелия, применив их в практической деятельности на Безенчукской опытной станции в Саратовской губернии.

Традиционно заграница являлась основным источником получения новейших технологий для российской экономики. Отечественные инженеры, подготовленные в учебных заведениях России, вынуждены были проходить стажировку за границей из-за недостатка материально-технической базы в стра-

не. Такие стажировки, как правило, проводились в европейских странах, однако уже в начале XX века некоторых специалистов стали отправлять в США. Это случалось не столь часто, поскольку поездка за океан и проживание в Соединенных Штатах являлись предприятием дорогостоящим, однако стажеры могли получить на месте необходимые знания и навыки еще более качественные, чем в Европе. Соединенные Штаты, безусловно, привлекали новизной технологий и масштабностью их использования. Министерства и ведомства, ведавшие хозяйственными вопросами, финансировали по мере возможности командировки инженеров, специалистов в различных областях, а также представителей ученого мира. В фонде Главного Управления Землеустройства и земледелия Российского государственного исторического архива можно обнаружить достаточное количество дел, свидетельствующих о том, что на рассмотрение руководителей этого ведомства поступали предложения об организации командировок в США.

Вопреки напряженности в дипломатической сфере в начале XX века (паспортный конфликт, позиция США по русско-японской войне и др.), отношения России и США продолжали интенсивно развиваться. Политические неурядицы не могли воспрепятствовать формированию позитивного образа США в России, где американцы представлялись как современная, динамично развивающаяся, высокотехнологичная и во всех отношениях передовая нация. Экономический прогресс Соединенных Штатов на рубеже XIX и XX веков стал одной из центральных тем, обсуждавшихся в российской печати, где стали появляться работы либеральных экономистов, изучавших опыт хозяйственной деятельности американцев. Эти обобщающие труды, ставшие источником для последующих исследований, охватывали не только экономические, но также политические и социальные аспекты развития США. Они явились комплексным исследованием страны, а их авторы стремились понять главные ценности, на которых строилось благополучие американской нации.

[1] *Мижуев П.Г.* История великой американской демократии (Северо-Американских Соединенных Штатов). СПб., 1906; *Тверской П.А. (Дементьев)*. Очерки Северо-Американских Соединенных Штатов. СПб., 1895 (и др. работы); *Рубинов И.М.* Рабочий вопрос в американском законодательстве // Русское богатство. 1908. № 9. С. 103-131 (и др. работы); *Гурвич И.А.* Развитие рабочего законодательства в Северо-Американских Соединенных Штатах // Современный мир. 1907. № 5. С. 181-188.

[2] *Гуревич П.М.* Почему нет сильной социал-демократии в «свободной» Америке? СПб., 1906. С. 22; *Де-Воллан Г.А.* В стране миллиардов и демократии. СПб.; М., 1907. С. 105.

[3] *Хольцов Л.С.* Современная Америка / историко-географический, политический и экономически-статистический очерк Северо-Американских Соединенных Штатов Л.С.Хольцова. СПб., 1912. С. V, 314-315.

[4] *Де-Воллан Г.А.* Указ. соч. С. 245.

[5] *Озеров И.Х.* Чему учит нас Америка? М., 1908. С. 48, 101, 125, 103, 105, 102.

[6] *Hacker L.M.* The Course of American Economy Growth and Development. N.Y., 1970. P. 187-192.

[7] *Хольцов Л.С.* Указ. соч. С. 93.

[8] *Озеров И.Х.* Указ. соч. С. 101.

[9] *Де-Воллан Г.А.* Указ. соч. С. 248-250.

[10] Там же. С. 240.

[11] *Озеров И.Х.* Указ. соч. С. 102, 108; *Мижуев П.Г.* Указ. соч. С. 266; *Северный Н.* Государственный и общественный строй в Англии, Франции, Германии и Северо-Американских Соединенных Штатах. СПб., 1905. С. 5-16.

[12] *Озеров И.Х.* Указ. соч. С. 113.

[13] Там же. С. 45.

[14] *Бубнов С.Ф.* Американские механические фильтры. Санитарная оценка их работы по результатам, полученным на фильтрованной станции в Москве. М., 1904.

[15] *Зимин Н.П.* Американский способ очищения воды. Параллель между работой проф. С.Ф.Бубнова и работами других исследователей. М., 1905. С. 5.

[16] См., например: Eight Annual Message to the Senate and House of Representatives, Dec. 8, 1908 // A Compilation of the Messages and Papers of the Presidents, 1789-1920. Vol. XV. P. 7218-7224. См. также: *Wiebe R.H.* Businessmen and Reform: A Study of Progressive Movement. Cambridge (Mass.), 1962. P. 199.

[17] *Озеров И.Х.* Указ. соч. С. 58.

[18] Там же. С. 57.

[19] *Де-Воллан Г.А.* Указ. соч. С. 237.

[20] Предварительное обозрение задач Междуведомственной комиссии для составления плана работ по улучшению и развитию водяных

сообщений империи. Труды Междуведомственной комиссии. Вып. 1. СПб., 1909. С. 7.

21 *Перевязкин Ю.А.* Гидротехника и гидротехнический факультет: (к 190-летию высшей технической школы водного транспорта России) // Водные пути и гидротехнические сооружения. СПб., 1999. С. 7

22 Министерство путей сообщения. Междуведомственная комиссия для составления плана работ по улучшению и развитию водяных сообщений империи. Сведения о занятиях комиссии в период времени с сентября 1909 года по август 1910 года, с планом организации исследования водяных путей и составления проектов их улучшения и развития в пятилетие 1911-1915 годов. СПб., 1910. С. 62.

23 *Будтолаев Н.М.* Всеволод Евгеньевич Тимонов – выдающийся деятель отечественной гидротехники (1862-1936). М., 1959. С. 53.

24 *Тимонов В.Е.* Мировой водный путь через Панамский перешеек. СПб., 1913. Далее: Тимонов, 1913; см. также: *Он же.* Мировой водный путь через Панамский перешеек. Пг., 1915.

25 Подробнее о В.Е.Тимонове см.: *Макурин А.И.* Инженер В.Е.Тимонов и проблемы модернизации российского транспорта в начале XX в. в свете американского опыта // Клио. 2006. № 3 (34). С. 176-180.

26 Тимонов, 1913. С. 4.

27 Там же. С. 7.

28 *Ляхницкий В.Е.* Работы по сооружению Панамского канала. Описание американских работ на перешейке на основании изучение их на месте. СПб., 1914. С. 243.

29 *Он же.* Работы по сооружению нового водного пути между озером Ири и Атлантическим океаном, исполненные правительством Нью-Йоркского Штата. Пг., 1915.

30 *Он же.* Нью-Йорк как порт внутреннего и внешнего судоходства. Пг., 1915.

31 *Будтолаев Н.М.* Указ. соч. С. 55.

32 *Тимонов В.Е.* О достигнутых в Америке успехах в строительстве землесосов. СПб., 1897; *Он же.* По вопросу о рациональном методе коренного улучшения судоходных условий больших рек. СПб., 1898.

33 Речное судоходство в России. М., 1985. Гл. 4.2.

34 *Гершельман Э.Ф.* Секторные плотины в Германии и на реке Везере у гор. Бремена и в северной Америке на Чикагском канале. СПб., 1913. С. 1.

35 *Он же.* О занятиях XII Международного Судоходного Конгресса по вопросу о размерах судоходных каналов, о порядке их эксплуатации и о расположении и устройстве шлюзов. СПб., 1913; *Он же.* Добывание гидроэлектрической силы и улучшение условий судоходства в верхней части реки Миссисипи, у города Кеокук. СПб., 1913. (Извлечено из «Журнала Министерства Путей Сообщения», кн. III, 1913); *Он же.* Секторные плотины в Германии...

[36] *Тимонов В.Е.* Постоянная международная ассоциация судоходных конгрессов и Двенадцатый Международный Судоходный Конгресс, бывший в Филадельфии в 1912 году. Пг., 1915. С. 123.
[37] Там же. С. 139.
[38] *Тимонов В.Е.* Постоянная международная ассоциация... С. 143.
[39] РГИА. Ф. 426. Оп. 1. Д. 594. Л. 1.
[40] Там же. Л. 2.
[41] Там же. Л. 1.
[42] Там же. Л. 22.
[43] *Синельников Н.П.* Работы по землеустройству в Северной Америке. СПб., 1907.
[44] РГИА. Ф. 426. Оп. 1. Д. 594. Л. 24.
[45] *Синельников Н.П.* Указ. соч. С. 26-27.
[46] Там же. С. 81.
[47] Там же. С. 89.
[48] РГИА. Ф. 398. Оп. 70. Д. 24719. Л. 2.
[49] *Тулайкова К.П.* От пахаря до академика: об академике Николае Максимовиче Тулайкове. М., 1964. С. 49.
[50] РГИА. Ф. 398. Оп. 70. Д. 24719. Л. 2.
[51] Люди русской науки: очерки о выдающихся деятелях естествознания и техники (биология, медицина и сельскохозяйственные науки). М., 1963. С. 868-883.
[52] *Тулайкова К.П.* Указ. соч. С. 59.
[53] См.: РГИА. Ф. 398. Оп. 70. Д. 24719. Л. 94-103. Рапорты из Калифорнии от 12/25 мая 1908, из Невады и Аризоны от 12/25 июня 1908.
[54] РГИА. Ф. 398. Оп. 70. Д. 24719. Л. 112.
[55] *Невядомская Ф.К.* Николай Максимович Тулайков (1875-1938). М., 1977. С. 24.
[56] *Скорняков Е.Е.* Орошение и колонизация пустынь штата Айдаго в Северной Америке. На основании закона Кэри (Carey Act). Отчет по заграничной командировке. Ч. I. СПб., 1911; *Он же.* Орошение и колонизация пустынных государственных земель Соединенных Штатов Северной Америки. Отчет по заграничной командировке. Ч. II. СПб., 1911; *Он же.* Оросительные предприятия правительства Северо-Американских Соединенных Штатов. Отчет по заграничной командировке. Ч. III. СПб., 1913.
[57] См.: *Макурин А.И.* Деятельность сельскохозяйственной агентуры Екатеринославского губернского земства в США (1908–1912 гг.) // Россия и США на берегах Тихого океана: два века соседства и сотрудничества. Хабаровск, 2000. С. 66-71.
[58] *Розен И.Б.* Вопросы засушливого хозяйства в Соединенных Штатах Северной Америки. Екатеринослав, 1908.

Гордин А.А.

СОВЕТСКАЯ ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА КОНЦА 1920-х – 1930-х годов ГЛАЗАМИ ИНОСТРАННЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ И РАБОЧИХ

Сегодня уже ни у кого не вызывает сомнения, что процесс индустриализации, проходивший в конце 1920-х – 1930-е годы в СССР, осуществлялся при широком использовании западных технологий и трудовых ресурсов. Долгое время проблема участия иностранных специалистов и рабочих в становлении советской промышленности рассматривалась отечественной историографией либо в историко-партийном ключе оказания интернациональной помощи западным пролетариатом СССР, либо с позиции критики трудов зарубежных советологов[1]. При этом в работах советских историков подчеркивалось значение внутренних ресурсов в создании индустриальной базы страны, в то время как роль иностранных факторов сводилась к минимуму[2]. Причины такой интерпретации исторического прошлого очевидны. Во-первых, этот вопрос долгое время имел исключительно политическую окраску. Во-вторых, в распоряжении исследователей был крайне узкий круг источников. Документы, связанные с повседневной жизнью иностранцев в Советском Союзе, их восприятием советской действительности, были недоступны для специалистов. Историографическая тенденция кардинально изменилась в 1990-х – начале 2000-х годов. Появились работы историков, позволившие по-новому осветить участие западных специалистов и рабочих в становлении советской промышленности[3], а также исследования, посвященные восприятию иностранцами советской действительности конца 1920-х – 1930-х годов[4]. Зарубежные исследователи традиционно проявляет большой интерес к теме. Прежде всего, в работах иностранных исследователей показывается значение западной помощи в процессе индустриализации и в меньшей сте-

пени рассматривается проблема восприятия иностранцами СССР[5].

В конце 1920-х – 1930-е годы Нижегородский край (с 1934 г. Горьковская область) был одним из крупнейших центров концентрации иностранных специалистов и рабочих в Советском Союзе. В этом регионе, обладающем выгодными экономическими преимуществами, развернулось масштабное промышленное строительство. Отдельные отрасли с массовым поточным производством (автомобиле- и авиастроение, химическое производство и др.) создавались на основе западных технологий и с широким использованием иностранного опыта. Среди промышленных новостроек региона особую роль играл Нижегородский (Горьковский) автозавод. На его материалах и раскрывается обозначенная тема статьи.

Точную динамику количества иностранных специалистов и рабочих, трудившихся на Автострое, а затем и на самом заводе, установить сложно. В документах присутствуют серьезные разночтения. Из справки «Об обследовании инструкторами агитационно-массового отдела крайкома о состоянии работы среди иностранцев на Автозаводе» (декабрь 1932 г.): «точного учета количества иностранных рабочих и специалистов на заводе не имеется. Инобюро Автозавода оперирует одними цифрами, дирекция – другими, профсоюзы – третьими»[6]. Ведение точного учета усложнялось за счет интенсивности передвижения иностранных специалистов по стране, принятием некоторыми из них советского гражданства и в целом той неразберихой, которая царила на массовых стройках. Кроме того, как отмечает С.В.Журавлев, «общего учета приехавших в СССР... в разные годы и проживавших здесь разное количество лет иностранцев не существовало, по крайне мере до завершения паспортизации в крупных городах»[7].

На Автозаводе располагалась самая многочисленная иностранная колония не только края (области), но и страны. Предположительно картина численности работавших на строительной площадке, а впоследствии – и на самом автогиганте иностранцев была следующей: в 1931 г. – 118 человек[8], в 1932 г. – примерно 300-435 человек[9], в 1933 г. – 243 человека[10]. Ино-

странная колония Автозавода продолжала существовать и во второй половине 1930-х годов. Часть иностранцев осталась в СССР, приняв советское гражданство[11]. В 1934 г. на завод прибыли 24 шуцбундовца[12], а в 1939 г. на автогиганте стали работать испанцы, получившие политическое убежище в СССР после гражданской войны. На других стройках и предприятиях региона трудилось значительно меньшее количество иностранцев[13].

Строительство Автозавода было крупнейшим промышленным проектом первой пятилетки[14]. Для его осуществления в 1929 г. были заключены договоры о техническом сотрудничестве с американскими компаниями «Форд» и «Остин». По соглашению с ВСНХ СССР, компания «Форд» обязалась предоставить оборудование и техническую поддержку в налаживании производства автомобилей моделей А и АА. Руководство строительством заводских корпусов, жилых домов и других сооружений, а также монтаж поступающего оборудования осуществляла компания «Остин»[15]. Весной 1930 г. на строительную площадку стали прибывать первые группы американских инженеров[16]. Специально для иностранцев был сооружен комфортабельный поселок, получивший название Американский[17]. Он был своего рода иностранным анклавом на Автозаводе. Подобных центров в регионе больше не существовало.

С первых дней своего пребывания иностранцы знакомились с миром строящегося социализма. Им приходилось работать в новой социо-культурной среде, с советскими инженерами и рабочими, у которых были совершенно иные представления о трудовой этике. Иностранные специалисты и рабочие оказались в чрезвычайно сложных условиях, тщетно пытаясь внедрить в советскую среду принципы западной производственной культуры[18]. На строительной площадке царили хаос и неразбериха, вызванные особенностями системы управления. Ускоренные темпы индустриализации приводили к постоянной «строительной лихорадке» и штурмовщине. В 1930 г. на строительной площадке сложилась крайне тяжелая ситуация. Конкуренция двух организаций – Металлостроя и Автостроя, переросла в конфликт и фактически парализовала строительство[19].

Инженеры компании «Остин», втянутые в противостояние, открыто выражали свое недовольство происходящим. Вот что писал Аллан Остин отцу – Вилборту Остину (владельцу компании) 21 мая 1930 г.: «Работа на строительстве Города началась без энтузиазма, с существенными отклонениями в методах и направлениях – особенное безразличие к нашим требованием проявляет Металлострой. Мы наконец смогли утвердиться на руководящих позициях, но без видимых результатов... Автострой полностью нас поддерживает и возлагает на нас ответственность за выполнение принятых решений; со всеми нашими требованиями направляют нас в Металлострой». Через три дня А.Остин сообщает отцу в Америку: «Совершенно очевидно и то, что Металлострой и мы большую часть времени действуем наперекор друг другу». Видимо, доведенный до предела, А.Остин 26 мая 1930 г. пишет: «Нынешнее положение дел в большей степени осложняется неприятием и взвинченными нервами из-за упрямства со стороны шайки Металлостроя, как преднамеренного, так и невольного. Кажется, что они готовы вонзить нам в спину нож при малейшей возможности, и это мне труднее всего выносить, не теряя над собой контроля. Как и ожидалось, мы столкнулись с недостатком во всем, а также неприятием современных методов и нехваткой всех видов инструмента и оборудования; и когда при этом они намеренно не выполняют наши указания и не могут наилучшим образом использовать хотя бы те возможности, которые у них имеются, очень трудно сохранять дружелюбие и избегать с ними стычек»[20]. В конце августа 1930 г. конфликт завершился отстранением «Металлостроя» от дальнейшего участия в строительстве[21].

Уже первый осмотр американцами строительной площадки вызвал их неудовлетворительную реакцию: «Мы... остались совершенно недовольны ни тем, что сделано до сих пор, ни тем, как это сделано»[22]. Дальнейшее руководство процессом строительства лишь усилило первое впечатление американцев. Из «Сводки о недостатках, замеченных американцами на строительстве Автозавода за время с 24 мая по 2 июня 1930 г.»:

24 мая – инж. Остин – «Земля на месте, куда подносится камень, и по дороге туда, не выровнена, что мешает работе. Разгрузка кирпича идет очень медленно».

25 мая – инж. Эпплетон – «Работа сильно затягивается. Нет точного и правильного распределения рабочей силы».

25 мая – инж. Остин – «нет точного распределения выходных дней, рабочие отдыхают в разное время суток», инж. Остин называет ход работ «мертвым делом».

27 мая – инж. Остин – «…на дороге валяются неубранные тачки и носилки. Не хватает каменщиков. Нет (…) распределения рабочей силы».

29 мая – инж. Остин – «Работа идет очень слабо».

29 мая – инж. Остин – «Материалы раскиданы в разных местах... Рабочие небрежно относятся к инструментам и часто их ломают. Технический надзор слабый».

29 мая – инж. Спраклинг – «Инженеры и прорабы Металлостроя очень небрежно относятся к работе, обещают сделать "завтра" и не делают даже важные работы. На указания американцев обращают мало внимания».

3 июня – инж. Спраклинг – «Десятники совершенно не следят за работами, в рабочее время уходят с работ, рабочие, окончив работу, не знают, что им делать, и даже не знают, как фамилия их десятников». Инж. Спраклинг возмущен таким отношением к работе[23].

В письме Аллан Остин сообщал отцу (24 мая 1930 г.): «Русский темперамент сильно отличается от американского, а их организация труда совершенно лишена гибкости. Русские легко дают обещания и обычно о них забывают. Ничего не любят так сильно, как споры или дискуссии, и готовы бросить все дела ради участия в конференции. Они одни из самых великих говорунов в мире и, соответственно, очень мало успевают делать... А уж если есть какой-либо неверный способ, можно быть уверенным, что именно его они и выберут»[24]. Часть иностранцев откровенно считала, что вообще «русские рабочие не могут работать»[25].

Иностранцы были скрупулезно точными работниками, стремясь своевременно и качественно выполнить работу. Даже единичные и незначительные срывы в рабочем процессе были для них неприемлемы. Постоянные опоздания советских переводчиц на строительную площадку казались им возмутительным фактом. Глубокое удивление иностранных специалистов вызывала халатность и небрежное отношение к работе советских рабочих. Представители компании «Остин» Вульф и Кольман в своем докладе отмечали (весна 1930 г.): «Американский опыт показал, что затрата времени и средств на содержание места работы в порядке и убранном виде дает сбережение времени и денег... Мы хотели бы добиться того, что Металлострой усвоил эту точку зрения. Порядок – стимул производительности»[26].

Иностранные специалисты и рабочие часто обращали внимание на «преступное отношение к машинам» и станкам советских ИТР и рабочих[27]. В 1932 г. иностранные рабочие Штампового цеха Автозавода подали коллективное заявление с требованием повышения зарплаты, мотивируя это ростом цен и нерациональным расходованием финансовых средств. Советское правительство, по их мнению, тратит колоссальные суммы на закупку импортного оборудования, которое затем все равно сгнивает на предприятиях. И в качестве примера иностранные рабочие указывали на дорогостоящие моторы, которые валялись в прессовом корпусе и были засыпаны грязью и песком[28]. На первой конференции иностранных рабочих Горьковского края иностранный рабочий Грондон заявил: «когда меня спросили, сколько времени в Америке держится печь, я отвечал 6 месяцев, а здесь она проваливается через 6 недель... печь, которая должна иметь определенное состояние нагрева, нагревается рабочим, который не умеет даже с ней обращаться. В конечном результате они называют друг друга дураком, а порядка нет... у нас в цеху нет масла для смазки станков, когда мы сказали начальнику цеха, что лучше бы поставить бочку с маслом... то он сказал, что меня за это могут расстрелять. За бочку масла могут расстрелять, а если портится станок, который обходиться государству в 12 тыс. рублей», до этого нико-

му нет дела[29]. Комментируя выступление Грондона, Штерн замечает: «Вы говорите – почему не стоит в цеху масло для смазывания машин, почему нет инструментов. Вы должны понять, что нет еще (у советских рабочих. – *А.Г.*) того культурного отношения к тому же маслу, к тем же инструментам, которые могут быть уничтожены в один раз»[30].

Многие иностранцы отмечали крайне низкий уровень квалификации советских рабочих, что было вполне объяснимо[31]. «Вчера днем вместе с Апплетоном, – писал А.Остин отцу, – мы были на заводской строительной площадке и видели, как закладывались некоторые фундаменты. Каменная кладка была неровная и неряшливая. Апплетон пожаловался на это мастеру, от которого узнал, что большинство каменщиков были новичками и это был их первый рабочий день. Это были молодые люди и девушки в возрасте около 20 лет, совершенные новички в городе. Их практически некому было учить, но они старались изо всех сил. Было трудно критиковать их работу, ведь они работали на износ»[32]. Показательный в этом отношении случай произошел в Штамповом цехе Автозавода во время установки сложного пресса. Американцы, выполнившие свою часть работы, смотрели на тщетные усилия советских рабочих, стремившихся запустить станок. Один из иностранцев, который только что приготовил бутерброд с маслом, насмешливо улыбнулся и сказал советским рабочим, у которых закружились головы при виде такого «богатства»: «Зря, господа, вы затеяли все это. Современная техника вам не по зубам. Зачем вы выбросили деньги на ее покупку? Лучше бы на них купили у нас белой муки и масла. По крайней мере, наелись бы досыта»[33]. В отдельных описаниях иностранцев советские рабочие представлялись варварами. Немецкий рабочий И.Хано[34] писал на родину: «Для того, чтобы раздобыть рабочих для строящихся колоссальных фабрик, пришлось привлечь людей из бесконечных русских степей. Эти люди неграмотны и никогда не видели современных машин и орудий. Их потребности так примитивны, что это просто трогательно. Они едят свою сухую кашу (хлеб) с солью и водой утром, вечером и ночью во время работы... Уборных, какие существуют у нас, эти люди никогда

не видели и не имели. "Вольный воздух" – вот все, что им нужно»[35].

В феврале 1931 г. на первой конференции работников промышленности И.В.Сталин заявил, что «большевики должны овладеть техникой... Техника в период реконструкции решает все»[36]. Именно иностранным специалистам и рабочим отводилась одна из главных ролей в развернувшейся борьбе за овладение техникой. Большинство из них искренне стремились передать свои знания и опыт молодым советским рабочим. Иностранцы обучали прикрепленные к ним ударные комсомольские бригады, организовывали производственные вечера и встречи, читали лекции, руководили техническими кружками и т.д.[37] На протяжении нескольких лет заводская газета «Автогигант» публиковала иностранную страничку, на которой размещались интервью с иностранными специалистами, давались практические советы, печатался русско-английский технический словарь. Примерно до 1933-1934 гг. власть создавала привлекательные образы иностранного специалиста и рабочего – строителей социализма, призывая активно перенимать у них производственный опыт и знания. Пропаганда формировала представление о том, что, используя импортную технику и опыт иностранных инженеров, Советский Союз в одночасье достигнет уровня передовых западных стран. Разумеется, это сказывалось и на самосознании западных инженеров и рабочих, и на их восприятии СССР. Приобщая общество строящегося социализма к технической и производственной культуре западных стран, они рассматривали свои функции со своего рода мессианских позиций. Это восприятие усиливалось вдвойне у иностранцев, которые несмотря ни на что оставались верными идеалам коммунистического движения[38].

Особое место в механизмах и формах повышения эффективности системы советского производства в эти годы занимали движения ударников и рационализаторов[39]. Феномен ударничества и рационализации являлся характерной чертой советской производственной практики и был незнаком для иностранцев[40]. Документы показывают, что изначально эти движения имели привлекательные черты для западных рабочих.

Они с огромным энтузиазмом принимали участие в рационализации производства. Как отмечал С.В.Журавлев, «многие иностранцы в своих мемуарах относили рационализаторство и изобретательство к числу наиболее важных и полезных факторов, стимулирующих советское производство»[41]. Иностранные рабочие подавали примерно в 4-5 раз больше рационализаторских предложений, по сравнению с их советскими коллегами[42]. Весной 1932 г. в стране прошла интернациональная эстафета имени Сталина. Западные специалисты и рабочие Автозавода активно включились в нее. Получив вызов иностранцев Саратовского завода комбайнов, автозаводчане взяли на себя целый ряд обязательств, касавшихся передачи технического опыта советским рабочим, выполнения производственной программы и внесения рационализаторских предложений[43]. Только в 1932 г. от иностранцев Автозавода поступило 207 рационализаторских предложений. Экономических эффект от их внедрения составил 300 тыс. рублей[44].

Вскоре у многих иностранных специалистов и рабочих наступило разочарование в практике ударничества и рационализации. Как свидетельствуют документы, значительная часть рационализаторских предложений западных рабочих оказалась нереализованной, многие изобретения месяцами ждали утверждения у начальства. Иностранный рабочий Макс Эккер в 1933 г. писал: «Здесь абсолютно не чувствуется ни ударной работы, ни социалистического соревнования. Все организации существуют только на бумаге... господствует бюрократизм». В своей жалобе (адресат не ясен) он утверждал, что на заводе существует незаконный принцип премирования рабочих, которые затем вместе с мастером пропивают полученное денежное вознаграждение. Сам М.Эккер изобрел новую конструкцию тележки. Но его подпись на документах оказалась подделанной, а рационализаторское предложение оказалось присвоенным другими[45].

Иностранец Столь «боролся долгое время, чтобы доказать, что можно уменьшить браки, до того дошел, что возбудил всех против себя, в т.ч. и Инобюро». В конечном итоге он категорически отказался работать и заявил о своем отъезде. Парткому и

Инобюро пришлось долго его уговаривать, что он как коммунист должен остаться, т.к. завод нуждается в его знаниях[46].

Весной 1933 г. на Автозаводе произошел громкий скандал в связи с делом слесаря по модельным штампам американцем Вильямом Тресси. На заводе он зарекомендовал себя добросовестным работником, неоднократно премировался за хорошую работу, шефствовал над «молодыми русскими рабочими Бородиным и Балакиным»[47]. Одновременно с работой в цехе, В.Тресси принимал участие в создании производственно-технического кабинета, в котором руководил литейной секцией. Однако, «недостаточно уяснив себе общую сторону своей работы в этой области, он стал отрываться от выполнения своих прямых обязанностей и в рабочее время производить экспериментаторскую работу по изживанию брака»[48]. Деятельность американского рабочего не получила одобрения со стороны Литейного отдела. Все его предложения отклонялись, он безрезультатно обращался в завком, партком и БРИЗ. В итоге разгорелся конфликт. Из характеристики В.Тресси: «он решил, что «всех начальников надо выгнать... заявил, что уезжает в САСШ... и у него создалась тенденция к нездоровой критике наших порядков среди иностранных рабочих»[49]. В письме редактору «Московских еженедельных новостей» В.Тресси объяснял свою позицию: «Как иностранный рабочий последние 16 месяцев я работаю модельщиком по металлу. В течение этого времени мы имеем много всяких собраний, митингов, разговоров об усовершенствовании техники и уничтожении брака... Но те же самые затруднения существуют и на сегодняшний день... Все эти трудности могут быть устранены и литейный может работать не хуже любой литейной САСШ»[50]. И далее предлагал «Центральному правительству в Москве» послать на завод комиссию из 4-6 рабочих столичных предприятий для проведения «чистки» администрации и наведения порядка[51].

В целом иностранцев поражало огромное количество «неизвестно за что отвечающего» начальства и царящая «бумажная волокита», которые тормозили все дела[52]. Многие западные специалисты и рабочие «напрочь потеряли доверие к общественным организациям... точно так же они насмешливо относят-

ся к выборам различного рода комиссий, результатов работы которых они не видят»[53].

К середине 1930-х годов в советской среде происходят существенные изменения по отношению к иностранцам. Их знания и опыт перестают восприниматься как передовые и значимые для советского производства[54]. Уже в 1933 г. американский рабочий Шварцинцер отмечал, что вначале иностранцев в СССР считали высококвалифицированными специалистами и буквально «носили на руках, а теперь вы ему говорите, что он не большой специалист и что русский мужик, этот колхозник, который приехал несколько месяцев тому назад из деревни, уже научился работать на этом иностранном станке так же, как этот иностранный специалист научился работать у Форда в Америке»[55]. Время массового участия иностранных специалистов и рабочих в строительстве и налаживании производства на Автозаводе подходило к своему завершению.

Ценность свидетельств иностранных специалистов и рабочих о советской производственной культуре неоспорима. Взгляд со стороны позволял более рельефно и четко увидеть объект, рассмотреть происходившие процессы, которые незаметны внутри этой структуры. В целом формальное перенесение западных технологий и принципов в другую производственную среду, со своей особой социокультурной системой не могло привести к заметным результатам. Сама структура западных технологий и принципов в новых условиях начинала трансформироваться и приобрела качественно новые черты. Западные специалисты и рабочие, благодаря возможности сравнения, в новом свете увидели особенности советской производственной культуры и трудовой этики. Уже в начальный период построения нового социалистического общества иностранцы отмечали существенные расхождения между пропагандируемыми идеалами и действительностью.

---

[1] См. обобщающие работы: *Лельчук В.С.* Социалистическая индустриализация СССР и ее освещение в советской историографии. М., 1975; *Искра В.М.* Историография деятельности КПСС по осуществлению ленинского плана индустриализации страны. Воронеж, 1978. Среди трудов советских историков об интернациональных

связях СССР в процессе индустриализации следует выделить: *Тарле Г.Я.* Друзья Страны Советов: участие зарубежных трудящихся в восстановлении народного хозяйства СССР в 1920-1925 гг. М., 1968; *Львунин Ю.А.* Интернационализм в действии. М., 1985; *Озеров Л.С.* Строительство социализма в СССР и международная пролетарская солидарность (1921-1937). М., 1972; *Бичуч М.Л.* Из истории интернациональных связей комсомольцев-горьковчан. Горький, 1968; и др. Критика работ западных советологов по проблеме индустриализации дана, например: *Искра В.М.* Указ. соч.; *Гиндин И.Ф.* Концепция капиталистической индустриализации в работах Теодора фон Лауэ // История СССР. 1971. № 4; *Олегина И.* Современная американская и английская историография об индустриализации в СССР // Вопросы истории. 1966. № 3; и др.

2 В многотомном издании «Международное рабочее движение: Вопросы истории и теории» констатируется: «Трудящиеся капиталистических стран принимали участие в оказании конкретной помощи СССР, которая выражалась в сборе средств в фонд пятилетки, в приобретении и отправке в СССР техники, в передаче производственно-технической информации и технических изобретениях, в работе на новостройках пятилетки по договорам и контрактам. При грандиозных масштабах социалистического строительства эта помощь в материальном исчислении была относительно невелика, но ее идейно-политическое воздействие было неоценимо» (Международное рабочее движение: Вопросы истории и теории. Т. 5. М., 1981. С. 25).

3 Прежде всего см.: *Журавлев С.В.* «Маленькие люди» и «большая история»: иностранцы московского Электрозавода в советском обществе 1920-1930-х годов. М., 2000. Автор с позиций социальной истории рассматривает жизнь иностранной колонии московского Электрозавода. Исследование интересно как с точки зрения реконструкции картины повседневной жизни иностранцев в Советском Союзе, так и с позиции историографических обобщений и использованных методологических подходов. Отдельные стороны участия иностранных специалистов и рабочих в становлении промышленности нижегородского (горьковского) региона рассмотрены в статье: *Депретто Ж.П.* Рабочие региона и советская власть (1928-1932 гг.) // Общество и власть. Российская провинция, 1930-1941 г. Т. 2. М., 2005. С. 639-713.

4 Широкий резонанс в обществе произвела публикация произведений двух европейских писателей – А.Жида и Л.Фейхтвангера, посвященных их поездкам в СССР. Это стало своего рода открытием для советского общества правдивых взглядов представителей Запада на те процессы, которые проходили в СССР в конце 1920-х – 1930-е годы. См.: Два взгляда из-за рубежа: переводы. М., 1990. Среди работ исследователей по этой теме следует, прежде всего, выделить статьи Г.Б.Куликовой, например: *Куликова Г.Б.* СССР

1930-х годов глазами видных представителей Запада // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 2. М., 2002. С. 182-197; и др. Некоторые аспекты темы нашли отражения в исследованиях А.В.Голубева. См., например: *Голубев А.В.* «Весь мир против нас»: Запад глазами советского общества 1930-х годов // Труды Института российской истории РАН, 1997-1998 гг. Вып. 2. М., 2000. С. 286-323.

5 Наиболее полный историографический обзор мемуарной литературы и исследовательских работ, вышедших за рубежом, приведен в вышеупомянутой монографии С.В.Журавлева. Кроме того, см.: *Kugel B.* The export of American technology to the Soviet Union, 1918-1933: Ph. D. Diss. Wayne state university, 1956; *Schilts Kurt S.* Building the "Soviet Detroit": The construction of the Nijnii Novgorod automobile factory, 1927-1932 // Slavic review. 1990. Summer. Vol. 49; *Austin R.* Building utopia. Erecting Russians first modern city, 1930. Ohio, 2004; etc.

6 ГОПА НО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1246. Л. 5.

7 *Журавлев С.В.* Указ. соч. С. 29.

8 ГОПА НО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 926. Л. 8-8 об.

9 Там же. Д. 1246. Л. 5. По сведениям Иноснаба Автозавода, общее количество иностранцев вместе с семьями насчитывало 730 человек. С.В.Журавлев в своей монографии указывает на цифру 221 человек (*Журавлев С.В.* Указ. соч. С. 157). Действительно, в документах фигурируют такие данные, но это без учета иностранцев, работавших на строительстве, – 83 человека (ГОПА НО. Ф. 4523. Оп. 1. Д. 424. Л. 53). Для сравнения, на ХТЗ в 1932 г. трудилось 328 иностранцев, на Магнитогорском комбинате – до 250 человек, на СТЗ – 152, на Уралмаше – 150, на московском автозаводе – 73, на Электрозаводе – до 180 (*Журавлев С.В.* Указ. соч. С. 157).

10 ГОПА НО. Ф. 4523. Оп. 1. Д. 918. Л. 6. По данным Крайсовпрофа, на 1 августа 1933 года на Автозаводе насчитывалось 235 человек (Там же. Д. 791. Л. 3).

11 В 1937-1938 гг. большинство из них были арестованы и погибли в лагерях. Характеризуя атмосферу 1937 г., Д.Бавли вспоминает: «Изменился облик Американского поселка. На поселке было страшнее в 1937 году, чем во время бомбежки, потому что никто не знал, кого завтра заберут. Забрали почти всех иностранных специалистов. Забирали также и русских, проживающих в Американском поселке. Семьи репрессированных изгоняли из квартир. Поселок обезлюдел» (Из интервью с Д.Бавли // Музей истории ОАО «ГАЗ»). Показательна в этом отношении судьба Н.И.Родиной, вышедшей замуж за американского инженера. Муж постоянно уговаривал Нину Ивановну переехать в США, но она не соглашалась. В новогоднюю ночь 1938 г. муж был арестован по обвинению в антисоветской деятельности и шпионаже. Вскоре Н.И.Родина сама оказалась в заключении и вышла на свободу лишь после смерти

Сталина. Ее муж погиб в лагерях (Из интервью с Чегиной Г.Н. // Архив автора).

12 В 1934-1935 гг. в СССР прибыло с семьями около 800 участников февральского восстания в Австрии. Приехало также 120 детей погибших или арестованных шуцбундовцев, которые воспитывались в детском доме в Москве (Международное рабочее движение: Вопросы истории и теории. Т. 5. С. 25).

13 В частности, в 1931 г. на НИГРЭСстрое работало 24 иностранца, балахнинском Бумкобинате – 24, Красном Сормово – 12 (ГОПА НО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 926. Л. 8-8 об.) В 1932 г. на НИГРЭСстрое – 37, Бумкобинате – 12, Красном Сормово – 14 иностранцев (Там же. Ф. 4523. Оп. 1. Д. 424. Л. 55). На 1 января 1932 г. на предприятиях и стройках края трудилось до 700 иностранных рабочих и специалистов (Там же. Д. 791. Л. 62). Всего в СССР в 1932-1933 гг. трудилось примерно 20 тыс. западных специалистов и рабочих, а вместе с семьями их количество достигало 35 тыс. человек (*Журавлев С.В.* Указ. соч. С. 29).

14 См.: Горьковский автомобильный: очерк истории завода. М., 1964; Горьковский автомобильный. М., 1981.

15 В соответствии с дополнительным соглашением между «Остин и К" и «Металлостроем», подписанным в 1930 г., «инженеры "Остин и К" являются не консультантами, а фактически ответственными руководителями постройки... имеют постоянное пребывание на строительстве, осуществляя свое повседневное техническое руководство непосредственно через аппарат "Металлостроя"... "Металлострой"... выставляет для выполнения работ техперсонал, рабсилу и материалы в количестве по планам и расчетам "Остин и К"» (ГА НО. Ф. 431. Оп. 1. Д. 88. Л. 13). Из доклада начальника управления Автостроя М..М.Царевского на шестой конференции Крайсовпрофа (1931 г.): «Чертежей зданий не было, строить те здания заводов, которые строятся в Америке, в наших условиях не годится, и поэтому было поставлено задание: все чертежи заново перепроектировать применительно к нашим советским условиям. Проектировка зданий была сделана американской кампанией Остин и К» (ГОПА НО. Ф. 4523. Оп. 1. Д. 921. Л. 112-113).

Строительная компания «Остин» в 1920-е годы являлась одной из лучших строительных фирм Америки. В 1927 г. в Мичигане для корпораций «Дженерал Моторс» она построила крупнейший автомобильный завод для производства «Понтиак-6» (*Austin R.* Op. cit. P. 5).

16 Летом 1929 г. представители компаний «Форд» и «Остин» провели осмотр будущей площадки строительства. 20 апреля 1930 г. на Автострой прибыла большая группа американских инженеров компании «Остин» для руководства строительными работами (Аллан Остин, Брайент, Майтер, Вульф, Эпплетон и др.).

17 Американский поселок состоял из нескольких двухэтажных квартирных домов, одноэтажных коттеджей и двух домов-коммун. Бытовые условия в домах были различными. Жилищные условия иностранных рабочих были хуже, чем у специалистов. В домах-коммунах удобств было меньше: коридорная система, общая столовая. В поселке были построены теплостанция, прачечная, клуб, детский сад, магазины, спортивная площадка, баня, парикмахерская, почта-телеграф, сберкасса, столовая, ресторан.

18 Подробнее о русской трудовой этике см.: *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): генезис личности, семьи, гражданского общества, демократии и правового государства. Т. 2. СПб., 2000. С. 305-317; *Он же.* «Послал Бог работу, да отнял черт охоту»: трудовая этика российских рабочих в пореформенное время // Социальная история, 1998/1999: ежегодник. М., 1999. С. 243-286; *Соколов А.К., Тяжельникова В.С.* Отношение к труду: факторы изменения и консервации трудовой этики рабочих в советский период // Социальная история, 2001-2002: ежегодник. М., 2003. О некоторых аспектах американской трудовой этики см.: *Шпотов Б.М.* Экономическая культура американского бизнеса // Американская цивилизация как исторический феномен. Восприятие США в американской, западноевропейской и русской общественной мысли. М., 2001. С. 123-154. Интересные зарисовки американской трудовой практики 30-х годов приведены в дневниковых записях автозаводского инженера В.А.Лапшина (Дневник советского инженера В.А.Лапшина // Общество и власть. Российская провинция, 1930-1941 г. Т. 2. М., 2005. С. 763-817).

19 Из письма А.А.Жданова В.М.Молотову (30 августа 1930 г.): «На площадке строительства сейчас хозяйствуют и распоряжаются несколько организаций – Автострой, Металлострой, за последнее время, Водоканалстрой, Промсантехстрой. Автострой и Металлострой имеют свои аппараты, которые в большинстве своем дублируют друг друга... Никакой увязки и согласования между работой отдельных организаций нет... В настоящее время организационная путаница увеличивается и доходит до нелепостей... Так, например: Металлострой вынужден производить земляные работы вне зависимости от работ Водоканалстроя, который еще не имеет проектов водопровода, канализации и теплофикации, что обязательно вызовет повторные работы, а возможно, и переделки уже сделанного» (Цит. по: *Депретто Ж.П.* Указ. соч. С. 646).

20 Музей истории ОАО «ГАЗ». Автор писем Аллан Остин (1905-1981) – сын Вилборта Остина, главы компании «Остин». 25-летний А.Остин приехал в Н. Новгород 20 апреля 1930 г. в качестве помощника начальника строительства города для рабочих. Он вел постоянную переписку с отцом, существенно дополняя информацию, поступающую в Кливленд из других источников. Вилборт Остин хранил эти письма в кожаной папке под грифом «Особые

отчеты», а затем передал сыну. В свою очередь Аллан Остин хранил их до самой смерти. Его сын Ричард Остин получил их от личного секретаря отца. В 1998 г. копии писем были переданы Музею истории ОАО «ГАЗ». Перевод этого уникального источника был осуществлен Г.Молевой. Комментарии к нему были составлены Р.К.Остин. Автор статьи выражает глубокую признательность директору музея истории ОАО «ГАЗ» Н.В.Колесниковой за предоставленную возможность работы с письмами А.Остина.

21 *Депретто Ж.П.* Указ. соч. С. 646.

22 ГА НО. Ф. 2431. Оп. 1. Д. 36. Л. 32-33.

23 Там же. Д. 88. Л. 130.

24 Музей истории ОАО «ГАЗ».

25 ГОПА НО. Ф. 4523. Оп. 1. Д. 791. Л. 109.

26 ГА НО. Ф. 2431. Оп. 1. Д. 88. Л. 18.

27 ГОПА НО. Ф. 4523. Оп. 1. Д. 424. Л. 175.

28 Там же. Л. 176.

29 Там же. Д. 791.Л. 109.

30 Там же.

31 В годы первых пятилеток обострился вопрос, связанный с массовой нехваткой квалифицированной рабочей силы. Основным поставщиком трудовых ресурсов на строительные площадки и заводы была деревня. Крестьяне приходили на производство со своими взглядами, мировоззрением и отношением к труду. Сказывался и низкий образовательный уровень нового поколения советских рабочих. Вчерашнему крестьянину, в лучшем случае умевшему писать и читать, в короткий срок приходилось осваивать сложнейшую технику. Следует учитывать, что квалификация рабочих, трудившихся на предприятиях, основанных еще в дореволюционный период (например, Сормовский завод), в целом была значительно выше, чем на новостройках. И возможно, сама картина восприятия иностранцами производственной культуры на этих заводах будет разниться.

32 Письмо А.Остина от 21 мая 1930 г. (Музей истории ОАО «ГАЗ»).

33 *Жуков Ю.А.* СССР – США: дорога длиною в семьдесят лет. М., 1988. С. 48-49.

34 И.Хано был немецким социалистом, работал на Автострое. В августе 1931 г. он отправил в Германию своему другу Герману письмо, в котором поделился своими впечатлениями от увиденного в СССР. В заключение сообщения И. Хано приходил к неутешительному выводу: «Я, как человек мыслящий социально, имею представление о социализме и, если он будет в международном масштабе осуществляться так, как сейчас в России, то я покорно поблагодарю за это». Письмо стало известно широким кругам немецкой общественности. По линии Коминтерна осенью 1931 г. была организована кампания против клеветнического выпада И.Хано (ГОПА НО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 795. Л. 42-48).

35 Там же. Л. 47.

36 История ВКП(б). Краткий курс. М., 1945. С. 300.

37 Большим авторитетом у автозаводцев пользовались иноспециалисты и рабочие Кособуцкий (линейный мастер, в его распоряжении находилось до 50 станков, он передавал свой опыт 33 рабочим), Бык (сначала работал установщиком, затем мастером, руководил работой 27 рабочих), Вальтер (высококвалифицированный специалист по зуборезным станкам, инструктор цеха заднего моста, ударник), Сафар (специалист по заточке инструмента), Хемлин (высококвалифицированный специалист по кузовам), Ромм (мастер по холодным штампам, затем начальник цеха), Шаври (конструктор по режущему инструменту, читал лекции по организации производства), Фальш (руководил группой советских рабочих), Горондон (высококвалифицированный рабочий по термическим печам, руководил группой в 26 человек, кроме того, вел группу по теории из 19 человек) и многие другие (История индустриализации Нижегородского-Горьковского края (1926-1941): документы и материалы. Горький, 1968. С. 184-185).

38 Зачастую даже у романтических натур, убежденных западных социалистов и коммунистов, происходил переворот в мировоззрении после знакомства с советской действительностью. Таких примеров немало: это и Иоган Хано, и братья Райтер, и др.

Виктор и Вольтер Райтеры родились в США. По своим политическим убеждениям они были социалистами. Попали на Автозавод благодаря помощи американского рабочего Роштона, который к этому времени уже работал на предприятии. Перед приездом в СССР братья посетили многие европейские страны: Германию, Англию, Францию, Бельгию, Голландию. В ноябре 1933 г. Райтеры начали работать в штамповом цехе Автозавода. Через 14 месяцев они отправились на родину, чтобы там, по их собственным словам, пропагандировать идеи социализма (Музей истории ОАО «ГАЗ»). История с братьями Райтерами имела свое продолжение. В сентябре 1959 г. Председатель Совета Министров СССР Н.С.Хрущев посетил США. Во время визита состоялась его встреча с лидерами американских профсоюзов. Вольтер Райтер к тому времени стал руководителем профсоюза работников авиационной и автомобильной промышленности. В своем выступлении Вольтер Райтер подверг резкой критике политику, проводимую Советским Союзом. Кроме того, он заявил, что в СССР фактически существует рабский труд, а советское общество полностью закабалено. Буквально сразу же в Советском Союзе была организована мощная пропагандистская кампания: разыскивались свидетельства очевидцев о неблаговидных поступках братьев в Советском Союзе (См., в частности: Лицом к лицу с Америкой: рассказ о поездке Н.С.Хрущева в США, 15-27 сентября 1959 года. М., 1960. С. 180-181).

Нельзя утверждать, что Аллану Остину были близки левые взгляды, но то, что он с огромной симпатией относился к нашей стране и изначально с большим интересом наблюдал за «социалистическим экспериментом», было несомненно. В письме к отцу он отмечал (18 мая 1930 г.): «Действительно, еще слишком рано делать какие-либо выводы о русских и их новом социальном устройстве... во многих местах наблюдаются большие несоответствия между теорией и практикой. Эти несоответствия не всегда лежат на поверхности, но по мере того, как мы лучше знакомимся, особенно с неофициальными лицами, мы узнаем все больше о настоящих условиях жизни и работы в стране Советов» (Музей истории ОАО «ГАЗ»).

39 Различные аспекты темы нашли отражение в исследованиях советских историков. В частности: *Заворыкин А.А.* Социалистическое соревнование в промышленности СССР. М., 1961; *Лебедева Н.Б., Шкаратан О.И.* Очерки истории социалистического соревнования. Л., 1966; *Фединин В.К.* Социализм и соревнование. М., 1970; *Буртенко В.И.* Моральные стимулы в развитии соревнования. М., 1973; и др. Историографический анализ работ советских историков, посвященных движению ударников и рационализаторов, см.: *Ворожейкин И.Е.* Очерки историографии рабочего класса СССР. М.,1975. Среди работ современных исследователей по теме следует отметить: *Журавлев С.В., Мухин М.Ю.* «Крепость социализма»: повседневность и мотивация труда на советском предприятии, 1928-1938 гг. М.., 2004; *Маркевич А.М., Соколов А.К.* «Магнитка близ Садового кольца»: стимулы к работе на Московском заводе «Серп и молот», 1883-2001 гг. М., 2005.

40 По воспоминаниям В.Н.Глушкова, на заводе Форда в Ривер-Руже придерживались неукоснительного выполнения производственного плана, его перевыполнение было строго запрещено. «Многолетний опыт Форда показал, что только при трехсменной работе можно гарантировать выполнение суточной программы и по количеству и по качеству. Обычно две смены работают на выполнение плана, третья же смена предназначается для изготовления деталей, которые не смогли выполнить две первые смены. По деталям, которые выполнены двумя сменами, несмотря на наличие рабочих, металла, разогретого молота и разогретой печи, к работе не приступают. Бригада используется на различных хозяйственных мероприятиях: вручается ведро с горячей водой и швабра, предлагается мыть пол и т.д. ...при этом рабочий получает полностью свое суточное вознаграждение». «Программа – это закон». Работникам цехов было запрещено вносить какие-либо изменения в технологию производства. Этим занимался специальный отдел (*Глушков В.Н.* Воспоминания // Музей истории ОАО «ГАЗ»).

[41] В 1932 г. до 40% иностранных рабочих, трудившихся в СССР, числились рационализаторами и изобретателями (*Журавлев С.В.* Указ. соч. С. 161).
[42] Там же. С. 164.
[43] Шесть наших обязательств // Автогигант. За технику. 1932. 2 марта.
[44] ГА НО. Ф. 2435. Оп. 9. Д. 31. Л. 6.
[45] ГОПА НО. Ф. 4523. Оп. 1. Д. 790. Л. 54-55.
[46] ГА НО. Ф. 2435. Оп. 9. Д. 31. Л. 17.
[47] Там же.
[48] Там же. Л. 4.
[49] Там же.
[50] Там же.
[51] Там же. Л. 18.
[52] Там же.
[53] ГОПА НО. Ф. 4523. Оп. 1. Д. 424. Л. 175-176.
[54] См. подробнее: *Журавлев С.В.* Указ. соч. С. 272-273.
[55] ГОПА НО. Ф. 4523. Оп. 1. Д. 791. Л. 50.

Иголкин А.А.,
Сенявский А.С.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИСТЕМА СССР ГЛАЗАМИ АМЕРИКАНСКОГО АНАЛИТИКА

В последние полтора-два десятилетия мы привыкли к негативным оценкам советской модели развития, в том числе в экономической сфере, которые являются как бы зеркальным отражением советского официоза. В ту, советскую эпоху аксиомой были «неоспоримые преимущества социалистической системы», ее народного хозяйства, проявляющиеся, прежде всего, в «опережающем характере советского экономического роста». По сути, эти оценки базировались на советской догматике, сформулированной еще И.В.Сталиным как основной экономический закон социализма, вошедший во все учебники политэкономии. Основными чертами этого закона объявлялось «обеспечение максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества путем непрерывного роста и совершенствования социалистического производства на базе высшей техники»[1]. Позднее он был несколько переформулирован, но суть осталась прежней: «обеспечение полного благосостояния и свободного развития всех членов общества путем непрерывного роста и совершенствования общественного производства»[2], что противопоставлялось периодически впадающей в кризисы и депрессии капиталистической экономике, целью которой объявлялось получение максимальной прибыли за счет ограбления трудящихся.

Начиная с «перестройки» советская модель экономического развития подверглась уничтожающей критике. В сущности, произошла инверсия оценок: плюсы поменялись на минусы, и наоборот. Теперь западная рыночная экономика объявлялась неоспоримым образцом для подражания, а советская модель –

тупиковым вариантом развития, обрекающим общество на растрачивание ресурсов, неэффективность, хроническую товарную дефицитность и застойность. И социальная практика, казалось бы, давала почву для подобных оценок: действительно, с середины 1960-х годов темпы советского экономического роста постепенно замедлялись, так что в начале 1980-х она оказалась в депрессии, а, несколько выйдя из нее к середине 1980-х, чуть позднее, уже в условиях перестроечных реформ, оказалась в глубоком кризисе, с острым товарным голодом и т.д.

Но так с советской экономикой было отнюдь не всегда. Она оказалась не только способной выдержать испытание Второй мировой войной, где в смертельной схватке сошлась с потенциалом почти всей Европы, но очень быстро выйти из режима восстановления во второй половине 1940-х и перейти в режим дальнейшего, весьма динамичного развития, – и это в условиях «холодной войны», огромных затрат на оборону.

Мы уже привыкли и к тому, что официальные высокие самооценки советской экономики, исходящие от советских лидеров и экономистов, объявляли заведомо ложными, «элементом коммунистической пропаганды». И что оценки советского народного хозяйства «оттуда», западных авторов – были преимущественно негативны, а на них-то и равнялись идеологи перестройки и постсоветских реформ. Однако стоит обратиться к оценкам некоторых западных специалистов, отнюдь не симпатизировавших СССР, на ранних этапах «холодной войны».

В июле 1953 г. в респектабельном американском журнале "Foreign affairs" была опубликована статья Питера Уайлса, основное содержание которой видно из ее названия – «Советская экономика опережает Запад»[3]. Подход автора к оценке экономической эффективности советской экономики прямо противоположен тому, что станет единственным у американских советологов в 1970-1980-е годы. Хотя Питер Уайлс считал, что Запад имеет свои преимущества перед СССР – прежде всего, «демократические свободы», он был убежден, что собственно экономическая эффективность в Советском Союзе выше, чем в любой стране «свободного мира».

Автор начинает с анализа статистических показателей – как официальной советской статистики, так и альтернативных западных оценок. Он полагает, что в годы предвоенных пятилеток промышленное производство увеличивалось в СССР со среднегодовым темпом прироста от 10,5% до 13%, а в сельском хозяйстве – около 1,4%. Производительность труда в промышленности увеличивалась со средним темпом от 2% до 5% в год, в сельском хозяйстве – приблизительно на 2,3% в год. Эти показатели он выводит, обобщая исследования ведущих американских экономистов-советологов того времени – Н.Ясного, Д.Ходжмана, А.Бергсона, Ф.Лоримера и др. В любом случае, темпы роста советской экономики значительно больше, чем американской в тот же период. Затем П.Уайлс ставит вопрос: можно ли ожидать существенного сокращения темпов роста экономики СССР с ростом ее масштабов? И отвечает на этот вопрос отрицательно. Он полагает, что говорить о снижении темпов роста можно было бы лишь при условии отсутствия технического прогресса или нехватки природных ресурсов. Но в Советском Союзе, по его мнению, и с тем, и с другим все более-менее в порядке. Правда, техническая обоснованность сталинского плана «преобразования природы» кажется американскому автору сомнительной. И вообще, «сельское хозяйство часто называют ахиллесовой пятой советской экономики». Но Уайлс тут же продолжает: Ахиллес мог передвигаться и со своей пятой. А в Советском Союзе с 1928 по 1939 г., несмотря на «коллективизацию, голод, массовый забой скота и приближение к грани гражданской войны» выросло производство сельхозпродукции не только в расчете на одного занятого в сельском хозяйстве, но и на все население. Теперь же прежнего «яростного сопротивления» крестьян нет, и можно предсказать медленный рост сельскохозяйственного производства[4]. Что же касается промышленности, то в пятом пятилетнем плане намечен ее рост со среднегодовым темпом около 12%, и «этот темп может быть достигнут». В любом случае, прирост промышленного производства никак не может быть меньше, чем на 6% в год, пишет американский автор[5]. Задание плана по темпу роста

сельского хозяйства – 8,5% в год, но даже если прирост будет всего 3%, то и в этом случае он будет вдвое опережать темпы роста населения[6].

А дальше Уайлс спрашивает: как эти темпы соотносятся с нашими, американскими? Ответ очевиден: никогда, даже в лучшие годы, у американцев не было таких высоких темпов роста. С 1947 по 1952 г. промышленное производство США росло со скоростью 4,3% в год, сельскохозяйственное – 0,5% в год. В СССР эти показатели были значительно выше[7].

Каков уровень жизни в СССР? «Реальное потребление на душу населения в Москве в два с лишним раза ниже, чем в Великобритании, а в других местах в СССР – еще меньше», – пишет американский автор и продолжает: «Но уровень потребления в Москве примерно такой же, как в Японии, Аргентине и Уругвае, и выше, чем во многих странах "свободного мира"»[8].

А вот по производству основных продуктов (даже на душу населения) разрыв СССР с Францией не очень велик; и, уж во всяком случае, по сравнению с Италией в СССР производится на душу населения значительно больше угля, чугуна, стали, зерна, сахара. По добыче нефти на душу населения СССР значительно опережает любую западноевропейскую страну[9]. Уайлс показывает также, что экономика восточноевропейских стран («сателлитов СССР», как он их называет) в послевоенный период развивалась значительно быстрее, чем западноевропейских: их доля в общеевропейском промышленном производстве возросла с 14,5% в 1948 г. до 21,5% в третьем квартале 1951 г. При этом они не получали помощи по плану Маршалла, но имели торговые соглашения с Советским Союзом[10].

Итак, пишет американский исследователь, следует признать, что и советская экономика, и экономика «коммунистических» стран в целом растет быстрее, чем в странах «свободного мира». Какими же преимуществами она обладает?

На первое место он ставит более высокую долю сбережений в национальном доходе (которые превращаются в инвестиции). По приводимым им оценкам, доля сбережений в национальном доходе СССР в 1937 г. составляла 33%, в 1940 г. –

38%, в 1948 г. – также около 38%. В США же доля сбережений в национальном доходе составляла в 1950 г. 20%, в Великобритании в 1948 г. – 18%. П.Уайлс уточняет, что во всех трех странах расходы на вооружение включены в общие инвестиционные расходы (в которые и превращаются сбережения)[11].

Заметим, что в современной литературе даются различные оценки соотношения между фондом потребления и фондом накопления в СССР в рассматриваемый период, но, в любом случае, превращаемый в инвестиции фонд накопления (сбережения) в СССР был значительно больше (по своему удельному весу в национальном доходе), чем в США или Великобритании.

Дополнительным преимуществом Советского Союза, по мнению Уайлса, является то, что в плановой экономике инвестиции направляются не на, как он выражается, «мороженое», а на развитие тяжелой промышленности[12].

Далее он рассуждает так: долгое время считалось, что свобода более эффективна, чем тирания; возможно, в прежние времена так оно и было. Но в середине XX века «тирания» использует свои возможности осуществлять эффективный экономический контроль и делать форсированные сбережения, что может склонить чашу весов в экономическом соревновании в ее сторону[13].

Другим советским преимуществом, по мнению американского автора, является отсутствие «суверенитета потребителей», что позволяет более эффективно распределять ограниченные ресурсы. И действительно, пишет он, если бы свободно действующий механизм ценообразования был наиболее эффективным, мы, то есть США, не отказались бы от него в годы войны. Но в советской экономике всегда действует установка на ускоренное развитие, «Советы всегда торопятся», поэтому рациональный выбор не доверяется потребителю. Очевидно, что при этом текущий уровень потребления оказывается не так высок, но, благодаря быстрому росту экономики, уровень потребления будет неизменно увеличиваться[14]. Советский менеджер не боится, что инвестиции окажутся неэффективными, то есть не дадут высокой прибыли, и это тоже оказывается преимуществом, считает Уайлс[15].

Экономическому росту в СССР способствует также отсутствие забастовок и «коммерческой тайны» (от государства); достаточно эффективна налоговая система[16].

Социальные гарантии в СССР предоставляются не всем в равной мере, а прежде всего хорошо работающим и лояльным к режиму; ленивым, аполитичным и просто неудачникам не достаются ни путевки в санатории, ни прочие блага. Возможно, это несправедливо, но такое «несправедливое государство», жертвующее всем ради прогресса, оказывается «страшно конкурентоспособным», рассуждает аналитик[17].

Как видим, все эти оценки советской экономики со стороны западного автора, очевидного приверженца ценностей «свободного мира», а потому и не склонного к комплиментарности по отношению к СССР, весьма отличаются, причем по принципиальным позициям, от оценок советологов, резко критиковавших советскую модель с позиций экономики «свободной конкуренции», и наших эпигонов – идеологов перестройки и «рыночной экономики», принимавших за чистую монету оплаченные рассуждения «западных учителей».

В прошлом, считает П.Уайлс, в советской экономике были большие провалы, связанные с политическими преследованиями старых специалистов, коллективизацией, «большими чистками», ошибками в планировании. Можно ли рассчитывать на что-то похожее в будущем, задается вопросом американский автор. Да, Хрущев уже допустил серьезную ошибку, предлагая сселять крестьян в «агрогорода» и лишая их при этом приусадебных участков. Но нет оснований надеяться, что таких ошибок будет достаточно много, полагает Уйалс. Похоже, что в этом он ошибся, представить себе весь масштаб будущего «волюнтаризма» Хрущева после первых нескольких месяцев его пребывания во главе КПСС было невозможно.

Американский исследователь полагал, что к концу XX века Советский Союз догонит США по общему объему производства[18]. Думается, что и в самом деле возможности для этого были, но советское руководство их не использовало. И причина – отнюдь не в «порочности» советской модели, а в некомпетент-

ности конкретных лидеров и ошибочности конкретных политико-управленческих решений.

П.Уайлс ожидал, что «свободный мир» может встретиться с «богатым тоталитарным обществом», все «дефекты» которого лежат не в экономике, а в «моральной и политической плоскости». Конечно, это будет иное «богатство» (без аналогичной западной «индустрии развлечений», строительства роскошных домов и производства соответствующей мебели), но уровень жизни будет высоким. Но, став богатыми, станут ли коммунисты иными? Американский автор полагал, что «обуржуазивание» не произойдет, что коммунисты будут стремиться к своей цели – «новый человек на новой земле». А для стран Азии, Африки и Латинской Америки станут заразительным примером; «о свободе хорошо рассуждать не на голодный желудок», для голодающей Азии преимущества свободы перед сытостью отнюдь не очевидны, пишет Уайлс[19].

Автор завершает: советская экономика развивается быстрее, и рано или поздно Советы нас догонят. Что делать? «Превентивная война аморальна» (а ее выигрыш в 1953 г. был более чем сомнителен, так считали американские специалисты, – добавим мы); «революция» в России почти невозможна, то же самое можно сказать об «умиротворении» СССР. Единственное решение лежит в экономической плоскости, – так считал американский аналитик в 1953 г.[20] И, как мы сегодня знаем, ошибался. Несмотря на все просчеты и даже провалы советской экономической политики второй половины 1950-х – 1980-х годы, СССР проиграл отнюдь не экономическое соревнование с Западом, а, прежде всего, информационно-психологическую войну – войну за ценности посредством «образов».

---

1 См.: Политическая экономия. М., 1954. С. 405; *Сталин И.В.* Экономические проблемы социализма в СССР. М., 1952. С. 40.

2 Политическая экономия. М., 1978. С. 323.

3 *Wiles P.* The Soviet Economy Outpaces the West // Foreign affairs. 1953. Vol. 31, N 4. P. 566.

4 Ibid. P. 568-569.

5 Ibid. P. 569.

6 Ibid. P. 570.

[7] Ibid. P. 571.
[8] Ibid. P. 572.
[9] Ibid.
[10] Ibid. P. 573.
[11] Ibid. P. 574.
[12] Ibid.
[13] Ibid. P. 575.
[14] Ibid.
[15] Ibid. P. 575-576.
[16] Ibid. P. 576.
[17] Ibid.
[18] Ibid. P. 578.
[19] Ibid. P. 578-579.
[20] Ibid. P. 580.

Волкова И.В.

СОВЕТСКИЙ ОБЩЕПИТ ГЛАЗАМИ ИНОСТРАННОГО ПОТРЕБИТЕЛЯ*

Посещение лучших ресторанов СССР являлось неотъемлемой частью программы пребывания в стране иностранных туристов и деловых визитеров. В немалой степени впечатления о стране формировались под влиянием меню и сервиса, которые предоставляла принимающая сторона. В этом отношении техника гостеприимства была отлажена безукоризненно. Питание в ресторанах, относившихся к системе «Интуриста», а также банкеты, устраивавшиеся в местах посещений иностранных гостей, преднамеренно или нет, подавляли своим изобилием. Вот как, например, французский писатель Андре Жид описывал гастрономическую часть приема французской делегации в одном из домов отдыха. «Открываю встречу в доме отдыха. В 9.30 приносят овощной суп с большими кусками курицы; объявляют запеченные в тесте креветки, к ним добавляются запеченные грибы, затем рыба, различное жаркое и овощи... Я ухожу, чтобы собрать чемодан, успеть написать несколько строк в "Правду" по поводу событий дня. Возвращаюсь как раз вовремя – чтобы заглотать большую порцию мороженого. Я не только испытываю отвращение к этому обжорству, я его осуждаю… Оно не только абсурдно, оно аморально, антисоциально»[1].

Однако на практике сопротивляться этой Демьяновой ухе не было никакой возможности. Систематические лукулловы пиры, в которые, часто помимо своей воли, вовлекались иностранцы, заметно притупляли наблюдательность и повышали критический порог в восприятии окружающей обстановки. Пелена осоловелости мешала разглядеть те стороны социальной

* Статья подготовлена при финансовой поддержке ГУ ВШЭ. Индивидуальный исследовательский проект № 07-01-187 «Система общественного питания в России: исторический опыт и современные подходы».

действительности, на которые многие, несомненно, обратили бы внимание в более собранном состоянии. Однако действие этой закономерности не носило универсального характера.

Иностранцы, нацеливавшиеся на получение непредвзятого представления о жизни СССР, тем или иным способом ускользали из-под опеки официальных инстанций и действовали методами включенного наблюдения. Именно таким образом в 1920-1930-е годы советский общепит исследовали: хорватский писатель Мирослав Крлежа, посетивший Москву в 1925 г., венгерский поэт Дьюла Ийеш, побывавший в СССР в 1934 г. в качестве гостя Союза писателей, американец Дж.Скотт, работавший на Магнитке в 1932-1937 гг. Они явились свидетелями разных периодов экономической политики и соответственно разных организаций общепита. Хорват Крлежа описал структуру общепита в разгар нэпа. Помимо дорогих и элитных заведений, его внимание привлекла масса дешевых точек, которые за умеренную плату предлагали отменные обеды из трех блюд (например, за рубль и сорок копеек можно было получить на первое суп-пюре, щи или говяжий суп с приличным куском мяса; на второе рыбу или жаркое с салатом; а на третье шоколадный крем или мороженое). Были и совсем дешевые забегаловки, торговавшие вполне съедобными и сытными обедами за шестьдесят копеек. Путешествуя по российской глубинке, хорватский литератор обратил внимание на изрядное количество скромно оформленных, а порой и вовсе неказистых, однако, вполне обстоятельно организованных предприятий питания. Особенно его поразило меню вологодского трактира, в котором было указано шестнадцать наименований супов! Однако, как заметил наблюдательный иностранец, заведений типа западных кафе в России практически не существовало[2]. Рынок общественного питания даже в эпоху наивысшего экономического либерализма власти строился и рос на двух полюсах: дешевого и элитарного предприятия. Середина оставалась почти незанятой. Вместо заведений, которые бы действовали и как место дружеского общения, и как клуб по интересам, процветали злачные распивочные.

В принципе та же структура общепита сохранялась и в последующие десятилетия, с той разницей, что в 1931 г. в стране уже не оставалось ни одного частного предприятия питания, а в 1928-1934 гг. действовало нормированное распределение продуктов питания, которое охватило и общепит.

Интереснейшие зарисовки общепита времен карточной системы оставили венгр Ийеш и американец Дж.Скотт. Любознательный и дотошный венгерский литератор категорически отказался от услуг гида-переводчика и решительно двинулся в народ. Его интересовало буквально все – в каких условиях работает и живет советский человек, чем он дышит и во что верит. Ийеш по собственной инициативе и в индивидуальном порядке обследовал ряд предприятий Москвы, Ленинграда и некоторых других городов. В числе прочих объектов социальной инфраструктуры его живо интересовали рабочие столовые. Везде он стремился выяснить структуру питания производственников и даже попробовать типичный обед рабочего, притом не самого высокооплачиваемого. Например, в столовой ленинградской фабрики резиновых изделий «Красный треугольник» рабочие получали трехразовое питание. Ударникам производства мясные блюда выдавались два раза в день, обычным рабочим – один раз, а второй раз – рыба. Стоимость обеда для чернорабочих, получавших менее ста рублей, составляла семьдесят копеек, для обычных – 1 руб. 20 коп., а для ударников – 1 руб. Ийеш заказал себе обед чернорабочего. На семьдесят копеек ему принесли: мясной суп, котлеты с картошкой, а на десерт, как он писал, «нечто розовое, похожее на подогретый клейстер» (желе, кисель?). Это диковинное блюдо он так и не попробовал, хотя его сотрапезники уверяли, что это – самое вкусное в меню, и уплетали свой десерт за обе щеки[3].

В Москве он с таким же тщанием обследовал производственные помещения и службы быта 1-го Шарикоподшипникового завода. Как и на ленинградской фабрике, иностранный гость захотел отведать обед для чернорабочих. Однако директор столовой, движимый гостеприимством, подал ему обед для квалифицированного рабочего: большую тарелку щей со сметаной и куском говядины, котлету с гарниром из картофеля и

фасоли, а на сладкое чай и пирожок с повидлом. Все это удовольствие обошлось бы ему в 1 руб. 20 коп. при условии, что ему бы позволили заплатить, но об этом не могло быть и речи. Однако изучением столовского меню визитер не ограничился Его, безусловно, занимал вопрос, в какой мере нормированное распределение продуктов питания обеспечивало потребности рабочих. Свое любопытство он смог удовлетворить, получив приглашение в жилища нескольких знакомых рабочих. На примере семьи рабочего-ударника с того же Шарикоподшипника Николая Шубина, которая никогда не заглядывала ни в коммерческие магазины, ни тем более в Торгсин, он сделал вывод о достаточности предоставляемого государством снабжения. Самое положительное, если не восторженное, отношение вызвало все увиденное им на Ростсельмаше. Особенно сильное впечатление произвел ночной санаторий, в котором поправляли здоровье ослабленные рабочие. По окончании смены они принимали душ, переодевались и переключались на жизнь курортников. Для них был разработано усиленное питание. Вместо супа каждый из них получал по триста граммов сметаны, яичницу, мясо и еще массу всевозможных питательных продуктов. Ийеш замечал: «Я насытился уже одним перечислением»[4].

Достаточно благоприятным было мнение о заводском общепите американца Дж.Скотта, который с конца 1932 по 1937 г. трудился на Магнитогорском комбинате сварщиком, был своим среди советских работяг и даже женился на русской девушке. Американец отмечал остроту продовольственной проблемы: питание было постоянной темой обсуждения на стихийно возникавших небольших собраниях рабочих – в столовых, жилых бараках. Продуктов, которые были положены по карточкам, катастрофически не хватало. Скажем, по продовольственной карточке монтажника в месяц можно было бы получать: 30 кг хлеба, 3 кг мяса, 1 кг сахара, 15 литров молока, полкило масла, 2 кг крупы и картофеля – по мере доставки. Однако из перечисленного ассортимента зимой 1932-1933 г. выдавали только хлеб и крупу. В магазине в свободной продаже имелись суррогатный кофе, соль, чай и леденцы. Выручало

столовское питание. Пытаясь стимулировать хорошую работу своих подчиненных, мастера выдавали им дополнительные карточки на питание. В результате 800 рабочих Магнитогорского сварочного треста съели за зиму 2000 обедов. Но поскольку в отделе снабжения продуктов отпускали ровно на восемьсот человек, то персонал столовой разбавлял обеды. Еда становилась более жидкой – чтобы действительно насытиться для продолжительного рабочего дня, требовалось съесть два или три обеда[5]. Что касается американца, старавшегося жить по одним и тем же правилам со своими советскими сослуживцами, то он считал, что питался вполне прилично. Эту относительно сытую жизнь ему обеспечивали допуск к магазину Инснаба – особого закрытого распределителя для иностранцев, работавших в городе, – и карточки в столовую для техников, которыми его одаривал русский друг. При этом удельный вес столовского питания в его рационе, как признавал сам Дж.Скотт, был все-таки выше, чем доля продуктов из Инснаба – обычно он успевал добраться до спецмагазина только затемно и наталкивался на закрытую дверь[6].

Единственное, что не вмещалось в сознание американского хрониста советской жизни, – эта неискоренимая бестолковость в организации столовского обслуживания. По его подсчетам, трапеза у него и его друзей занимала пятнадцать-двадцать минут, однако в общей сложности они проводили в столовой полтора часа. Час с лишним уходил на ожидание свободного места, а потом на ожидание подачи блюд из кухни.

Однако не все иностранные потребители готовы были мириться с неудобствами и дефицитами общепита. Например, немецкие рабочие, трудившиеся по контракту на московском Электрозаводе в годы первой пятилетки, напротив, выражали недовольство и формами обслуживания, и структурой столовской пищи. Для иностранных рабочих в заводской столовой был организован спецстол, хотя пища туда подавалась из общего котла. Несмотря на отдельное обслуживание, иностранцы в столовую не ходили. Кое-кто испытывал неловкость перед русскими товарищами – ведь им, прежде чем получить обед,

требовалась отстоять одну очередь за ложкой и вилкой, вторую – к кассе, а третью – за свободное место за грязным столом. Кое-кому из иностранцев не нравилась местная пища. Инциденты, вспыхивавшие на этой почве, стали поводом для тревожной докладной записки заведующего фабрикой-кухней директору завода, в которой сообщалось: «Со стороны немцев были случаи при подаче им вегетарианских блюд – голубцов и компота, которые вернули обратно и говорят: "Отдайте своим мужьям, а мы не свиньи... Прошу дать распоряжение фабрике-кухне установить для немцев время посещения и меню на обед, что изготовлять»[7]. Означает ли это, что столовская пища была заведомо отвратительна и годилась, как это говорилось в том же документе, только на корм свиньям или мужьям русских официанток? Пожалуй, не стоит сразу делать такой однозначный вывод. Скорее немцы, привыкшие к изобильному мясному рациону, страдали от недостаточного количества мяса в столовском предложении. Это косвенно вытекает из опубликованного в 1935 г. журналом «За пищевую индустрию» письма-рассказа одной из работающих немок о счастливой и обеспеченной жизни своей семьи в СССР. В нем подробно описывался рацион семьи, в котором доминировали мясные блюда и масло. Историк С.В.Журавлев, который привел текст этого письма, предположил, что сведения о потреблении мяса и масла семьи, которая приводила сама женщина, были сильно завышены[8]. Скорее всего – желаемое в рассказе выдавалось за действительное. Однако в чем нельзя усомниться, так это в пищевых предпочтениях автора, которые точно передавало письмо! Большим количеством масла, мяса и мясопродуктов заводская столовая никак не могла побаловать таких потребителей. А овощные первые и вторые блюда, равно как мучные и крупяные, которые, кстати, были в почете у советских рабочих, немцами могли восприниматься под углом зрения отказа им в здоровой пище.

Приведенные примеры позволяют говорить о том, что восприятие столовского общепита было обусловлено как гастрономическими привычками иностранцев, так и целями их при-

езда в СССР. Иностранцы, которые приезжали в СССР на заработки по выгодному трудовому соглашению, исходили из посылки своей ценности для работодателя. Эта позиция выражалась в требовательности к бытовым условиям, в частности в разборчивости в еде и как следствие – в рекламациях на столовское питание. Иностранцы, движимые любознательностью и стремлением приобщиться к социалистическому строительству, значительно более позитивно и даже высоко (как в случае с Ийешем) оценивали качество заводского общепита.

Изначальное предубеждение против советского строя и образа жизни определяло и восприятие элитного общепита. Даже тогда, когда, казалось, придраться было не к чему, ищущий взгляд неумолимого критика всегда находил какой-либо изъян. Именно так повел себя Андре Жид, которого с большим почетом принимали в СССР в 1936 г. По его же словам, места его отдыха – отели в Сочи и Сухуми – были райскими уголками с безукоризненным обслуживанием и превосходной кухней. По всему маршруту следования в СССР он был окружен самым предупредительным вниманием, а ежедневные обеды из шести блюд, а также немереного количества закусок, ликеров и вина едва ли не подорвали его здоровье. Однако, эти условия не привели в благодушное настроение, а насторожили и навели на размышление о формировании социального неравенства в обществе. По наблюдениям писателя, в СССР в 1936 г. происходило буржуазное перерожденчество привилегированных социальных групп. Их узаконенная роскошь соседствовала со зримой нищетой и приниженностью большинства трудящихся. Сервилизм и угодничество ресторанной прислуги, по наблюдениям Жида, являлись обратной стороной этого разделения на высшие и низшие классы[9].

Иностранцы, приезжавшие СССР в послевоенные годы, посещали только элитные рестораны, отличавшиеся отличным сервисом и кухней. Но и в них наблюдательный взгляд отмечал разнонаправленные тенденции. При посещении фешенебельных ресторанов столиц бросались в глаза гигантские залы и монументальная роскошь интерьера, изысканность меню и даже увлечение ресторанных музыкантов американской джазо-

вой музыкой, пришедшей из кинофильмов. Эти качества его сближали с западными элитными заведениями. В то же время даже в самых дорогих коммерческих ресторанах типа «Метрополя» из-за сложной бухгалтерского оформления заказа на обслуживание клиентов уходило чрезвычайно длительное по западным меркам время (около двух часов). Экзотическим артефактом для иностранцев была книга жалоб и предложений, выставленная на видном месте для контроля проверяющих инстанций работы персонала. Эти детали отразились в «Русском дневнике» Дж.Стейнбека, который путешествовал по СССР в 1947 г. Однако эти диковинные штучки и даже скверное исполнение популярных американских джазовых мелодий не дискредитировали советский элитный общепит в глазах иностранцев. По качеству он не отличался, а по некоторым параметрам даже превосходил заведения аналогичной ценовой категории на Западе[10].

К счастью для почетных гостей СССР, им был незнаком массовый общепит провинции. Он оставлял неизгладимое воспоминание у людей, видавших заграничные заведения. В этом плане интересна зарисовка, сделанная писательницей-репатрианткой Натальей Ильиной. Приехав в 1947 г. из Шанхая в Казань, она с трудом осваивалась в незнакомом советском захолустье. Однажды, дойдя до крайней точки отчаяния, она попыталась отыскать в городе какое-нибудь заведение общепита, в котором можно было бы хоть ненадолго отвести душу. Пройдя пешком чуть ли не весь город, она обнаружила единственную точку общепита, и та называлась «Чайная». Вместо чая и чайной закуски ей принесли на тарелке два стакана с мутной светлой жидкостью и два куска черного хлеба. Оказавшись за этим убогим угощением, среди махорочного дыма, винных испарений, смрада мокрых валенок и мокрой овчины, она испытала настоящий шок: «Отделенная от народа, который “мой и в горе, и в радости”, прозрачной, но непробиваемой стеной, я была погружена в себя... Плакала. Старалась лишь не всхлипывать громко, а могла бы и громко – голоса, смех, скрипение и выстрелы двери. Слезы капали в чай, мочили хлеб. Боже мой, а

надо ли мне было ехать сюда? Зачем я здесь? Что я делаю здесь?»[11]

Новые веяния в системе общепита были связаны с хрущевской оттепелью. Во многом инновации этого времени были обусловлены оживлением контактов СССР с внешним миром. Одним из посещаемых иностранными делегациями объектов столицы стали молодежные кафе. Первое открылось в 1961 г. на улице Горького в Москве. Оно работало как молодежный клуб шесть вечеров в неделю с семи до одиннадцати часов вечера (в эти вечерние часы здесь можно было заказать коктейль, пунш, сухое вино, кофе, пирожные). Однако главным здесь было не угощение, а развлекательная программа, к которой привлекались именитые гости – артисты, художники, музыканты, спортсмены. Бывали и гости из сферы большой политики. Например, на начальном этапе работы кафе в октябре 1961 г. в него частенько привозили представителей дружественных компартий, как раз собравшихся в Москве на XXII съезд КПСС[12]. После выступления почетных гостей шли танцы, незапланированные номера самодеятельных певцов, гитаристов, поэтов. Для представителей западного мира и необычная программа, и раскрепощенный стиль общения посетителей служили подтверждением демократизации общественной жизни в СССР. Молодежные кафе вскоре распространились по всей стране. Одно из них – возведенное посреди тайги, в необжитом городке строителей Красноярской ГЭС – Дивногорске – стало предметом восторженного очерка чешского публициста Иржи Плахетки[13].

С учетом возросших контактов с внешним миром росла и перестраивалась сеть элитных предприятий общепита. В 1964 г. в стране насчитывалось 2 тыс. ресторанов. В столице к концу «славного десятилетия» действовали рестораны, представлявшие кухню практически всех стран народной демократии. Оформление новых ресторанов было лишено ампирной вычурности сталинских времен. В нем доминировали синтетические материалы и изящные украшения из кованого железа, дерева. Те же дизайнерские принципы воплотилось в оформлении ресторана аэропорта «Внуково», который, собственно, и

открывал собой панораму впечатлений гостей столицы. Нет сомнений, что в сравнении с позолотой, мрамором и бархатом, которые украшали рестораны сталинских времен, такая обстановка все же вызывала более привычные ассоциации с интерьером западных ресторанов. Это сближение по ряду позиций с западным общепитом содействовало тому, что теперь часто приемы высоких правительственных гостей устраивались в ресторанах. В особенности эта традиция прижилась в южных курортных городах. Например, в честь американского журналиста Уолтера Липпмана, направлявшемуся из Адлера в Пицунду для встречи с Н.С.Хрущевым, абхазские власти устроили несколько пышных банкетов в ресторанах Гагр и Сухуми («Гагрипши», «Эшеры», «Амра»). Если бы не чрезмерное хлебосольство хозяев с бесконечной подачей все новых блюд и провозглашением тостов, гость увез бы с собой незабываемые впечатления (тем более к этому располагал национальный колорит обстановки: прямо на глазах у посетителей на углях готовилась мамалыга, отрезались куски от подвешенного к потолку копченое мяса молодого барашка, вино «изабелла» наливалось в конусообразные бокалы, которые можно было поставить на стол только после того, как их содержимое было выпито)[14].

Еще большей унификации элитного советского общепита с западными образцами содействовали разрядка международной напряженности и Олимпиада-1980. Маленьким островком европейского ресторанного бизнеса стали рестораны Центра международной торговли и научно-технических связей с зарубежными странами, построенного в 1974 г. на Краснопресненской набережной.

Передовые технологии обслуживания внедрялись в объединении предприятий питания аэропорта «Внуково», в которое входили два ресторана при залах ожидания, один ресторан при гостинице для пассажиров, а также три кафе, семь буфетов, цех бортового питания. Настоящей находкой здешних профессионалов стал «Русский стол», организованный в ресторане при зале ожидания № 2. Образцом, который навеял оригинальную идею, послужил знаменитый «репинский» стол с вращающейся

серединой, заполненной закусками и напитками. Для ускорения обслуживания в ресторанах и кафе посетителям предлагались «европейские» завтраки. В обед спешащим посетителям предоставлялся «стол-экспресс», помеченный соответствующей табличкой[15].

В 1980 г. к Олимпиаде был открыт международный аэропорт «Шереметьево-2». Комфорту, рациональности, современному дизайну главных воздушных ворот столицы должны были соответствовать масштаб и качество общепита. В его комплекс вошли 16 предприятий на 1600 мест.

Вообще вся столичная сфера услуг и быта подтягивалась, тщательно готовясь к приему посланцев из всех стран мира. Новенькие гостиницы «Спорт», «Салют», «Космос» располагали самыми современными кафе и ресторанами. В Олимпийской деревне для участников и гостей Олимпиады были открыты столовая-ресторан на 4 тыс. мест, кафе «Русский чай», «Молочное», «Московское мороженое». Меню в олимпийских заведениях было воистину интернациональным: в нем значилось 400 наименований блюд разных стран и народов. Так, гость из туманного Альбиона всегда мог рассчитывать на типично английский завтрак из «порриджа» и яичницы с беконом, чех – на шпикачки, и т.д. Но, прежде всего, кулинары стремились удивить гостей изысками русской кухни. При этом за все четырнадцать дней игр в Москве не было случая, чтобы состав меню повторился[16]. Отсутствие жалоб и замечаний со стороны иностранных гостей, которые, похоже, не заметили никакой разницы между капиталистическим и социалистическим сервисом, говорило само за себя.

Тем не менее, даже в этот период оставалась грань, которая разделяла самое лучшее советское и среднее западное заведение. Она может быть проиллюстрирована на примере визита премьер-министра Канады Пьера Трюдо, посетившего СССР в 1971 г. Канадский гость выразил желание отдохнуть вдвоем с женой в каком-нибудь ресторане в приватной обстановке и послушать пение цыган. Вместо того в ресторане «Архангельское» для него был подготовлен очередной банкет с официальными речами, нудной лекцией о первом в мире цыганском те-

атре. И только под конец торжества выступили обещанные цыгане. Однако артистам было запрещено подходить к столу ближе чем на три метра и петь величальную песню, предлагая «дорогому Пьеру» выпить до дна. Разумеется, канадский гость воздержался от каких-либо комментариев по поводу устроенного вечера. Однако мрачное выражение его лица в продолжение всего мероприятия было красноречивее всяких слов. Поэтому когда в Киеве он выразил желание без охраны и сопровождающих посетить дискотеку, советские организаторы решили не повторять печального опыта. На этот раз все было, как того хотел гость. В клубе-дискотеке на Крещатике чету Трюдо подвели к накрытому на двоих столику. Было все, что положено в хорошем ночном клубе: светомузыка, ансамбль музыкантов, элегантные пары танцоров, среди которых веселились Трюдо с женой. Канадским гостям было невдомек, что все это великолепие, включая нарядную публику, было тщательно подготовлено украинским КГБ. Аналогичный вечер отдыха с «массовиками-затейниками» все из того же ведомства прошел в ленинградском ресторане «Кавказ»[17].

Случай с Трюдо вскрыл существенные пробелы советской сферы досуга, которые пришлось срочно прикрывать людям с Лубянки. Налет злачности, элемент непредсказуемости в поведении клиентуры и персонала (потенциальная опасность пьяных эксцессов и неуклюжего обслуживания) заставили бдительные органы идти на хитроумные уловки.

Величину отставания советского общепита от западного показали и первые совместные предприятия, которые стали открываться с конца 1980-х годов. Уже в 1991 г. в столице действовало 16 совместных предприятий питания.

В 1990 г. в Москве открылся «Макдональдс». Председатель правления «Макдональдс ресторантс оф канада лимитед» Джордж А. Кохон, приехавший в Москву за тем, чтобы лично проследить за запуском своего московского филиала, выдвинул два главных критерия отбора персонала. Во-первых, правом работать в его фирме будет тот соискатель, который хорошо смотрится в форме за прилавком, во-вторых, тот, кто, глядя в глаза покупателю, сможет естественно произнести сакрамен-

тальную фразу: «Мы очень рады, что вы пришли. Спасибо, приходите еще»[18]. Самое удивительное, что эти простые требования вежливости и любезности оказались непосильными для многих претендентов, прежде работавших официантами в кафе и ресторанах.

Собственно, западные профессионалы, которые начали приходить на российский рынок с конца 1980-х годов, и подвели некий баланс позитивных и негативных сторон советского общепита. Иностранные шеф-повара и топ-менеджеры отелей и ресторанов по большей части были довольны русскими коллегами, которые быстро обучались рыночным методам деятельности. Впечатление портили лишь усвоенные на прежних рабочих местах привычки. Некоторые российские кулинары, получившее место на кухне капиталистических ресторанов (например, в Рэдиссон-Славянская), никак не могли подстроиться под ежедневный напряженный ритм работы: получив первую зарплату иностранной валютой, шалели от больших денег и уходили в запой. Другие (как это было, например, в ресторанах «Софитель-Ириса» на Коровинском шоссе) не могли угодить капризным иностранным шефам, которые требовали изобретательности и фантазии. Но этих качеств советское кулинарное производство, загнанное в прокрустово ложе нормативов технологии и рецептуры, не культивировало. Частенько наших людей подводила привычка к воровству – так, например, шефу французского ресторана «Потель Шабо» в Центре международной торговли приходилось ежедневно запирать на замок дорогостоящие продукты, напитки, приборы, кухонную утварь, которые вводили в соблазн наших поваров, кондитеров и официантов. Во всем остальном, как отмечали иностранцы, работать с русскими было одно удовольствие!

---

1 *Жид А.* Возвращение из СССР // Собр. соч. Т. 7: Если зерно не умрет. М., 2002. С. 425.

2 *Крлежа М.* Поездка в Россию. 1925. М., 2005. С. 15-17.

3 *Ийеш Д.* Россия. 1934. М., 2005. С. 114.

4 Там же. С. 70-71, 78-79, 114, 152-153.

[5] *Скотт Дж.* За Уралом: американский рабочий в русском городе стали. М.; Свердловск, 1991. С. 55-56.
[6] Там же. С. 98-99.
[7] Цит. по: *Журавлев С.В.* «Маленькие люди» и «большая история»: иностранцы московского Электрозавода в советском обществе 1920-х – 1930-х гг. М., 2000. С. 218.
[8] Там же. С. 332.
[9] *Жид А.* Указ. соч. С. 371.
[10] *Стейнбек Дж.* Русский дневник. М., 1989. С. 18, 52, 76.
[11] *Ильина Н.* Дороги: автобиографическая проза. М., 1983. С. 141-142.
[12] *Козлов А.* Козел на саксе – и так всю жизнь. М., 1998. С. 156-163.
[13] *Плахетка И.* Кафе в тайге // Юность. 1963. № 7. С. 106-107.
[14] *Суходрев В.М.* Язык мой – друг мой. От Хрущева до Горбачева. М., 1999. С. 35-37.
[15] *Соколов Г.* «Ваш выигрыш – время» // Общественное питание. 1981. № 10. С. 60-62.
[16] *Ковченков В.* Московская кухня. М., 1981. С. 4-7.
[17] *Суходрев В.М.* Указ. соч. С. 222-224.
[18] *Давыдова Н.* Наши люди в «Макдональдсе» // Московские новости. 1989. 3 декабря. С. 14.

V. ОБРАЗЫ В РОССИЙСКО-ФРАНЦУЗСКОМ КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Стефко М.С.

ОБРАЗЫ ПАРИЖА В ЗАПИСКАХ РУССКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ КОНЦА XVIII – НАЧАЛА XIX ВЕКА

«Вот город, который в течение многих веков был образцом для всей Европы, источником вкуса, мод, – которого имя произносится с благоговением учеными и неучеными, философами и щеголями, художниками и невеждами, в Европе и в Азии. В Америке и в Африке, – которого имя стало мне известно почти вместе с моим именем; о котором так много читал я в романах, так много слыхал от путешественников, так много мечтал и думал! Вот он!.. Я его вижу и буду в нем!..» – радостно восклицает Н.М.Карамзин, приближаясь к Парижу[1]. Пожалуй, немногие европейские столицы могли вызвать подобную бурю эмоций у путешественника XVIII-XIX веков. Почему же с таким любопытством и нетерпением приближаются к нему путешественники? Что ищут в нем, что хотят увидеть и что видят? Ответы на эти вопросы мы будем искать в письмах русских путешественников: Николая Михайловича Карамзина, Дениса Ивановича Фонвизина[2] и Дмитрия Петровича Горихвостова[3].

Записки путешественников являются источником довольно сложным. Сложность эта заключается в их многослойности – с одной стороны, и в подвижности границ того, что понимается под записками путешественников, – с другой. Наличие нескольких возможных уровней понимания текста путевых записок прекрасно показал Ю.М.Лотман в своей работе о «Письмах

русского путешественника» Н.М.Карамзина[4]. Детальная реконструкция культурного, политического контекста, а также привлечение большого количества биографических данных об авторе и его окружении позволяют Ю.М.Лотману выявить глубинные философские, политические и культурные проблемы, разрешения которых искал Карамзин в своем путешествии. «Письма» стали знаковым произведением для жанра путешествия в русской литературе и стали объектом подражания, что отмечает большинство литературоведов[5].

Эта группа источников включает в себя письма и дневники (журналы), действительно написанные во время путешествия, а также и литературные произведения в стиле путевого журнала. П.С.Куприянов объясняет это сочетание тем, что «поначалу сама поездка далеко не всегда отделялась от повествования о ней, путешествие (как поездка) мыслилось необходимым условием "путешествия" (как литературного текста)»[6]. На примере «литературной распри» В.Б.Броневского и П.П.Свиньина автор статьи выделяет главную особенность литературы путешествий – попытку сочетать литературность (допускающую художественный вымысел) и документальность повествования (не допускающее искажений)[7]. Решению этой задачи подчинены законы жанра. Среди них: жанровый синкретизм, имитация нелитературности, просветительская установка автора, особое внимание к новизне сообщаемой информации и высокая ценность личных свидетельств об изображаемом предмете. Законы жанра формируют некую литературную норму, модель, в рамках которой работает автор.

Однако только влиянием литературной нормы дело не ограничивается: литература путешествий пишется не с чистого листа – «путешественники везут в собственном багаже не сами наблюдения, а лишь их черновики»[8], каковыми являются уже имеющиеся, циркулирующие знания о той или другой стране, городе, народе[9].

Таким образом записки путешественников, как жанр, впрочем, как и их автор, находятся в круговороте между чтением, путешествием как таковым, письмом и снова – чтением[10]. Литература задает здесь не только стиль описания, она является

частью культурного контекста, из которого путешественник черпает исходную информацию (часто клишированную и довольно одностороннюю). Эта информация является незримой основой рассказа путешественника, отталкиваясь от которой он строит свое повествование. Вместе с тем, «на выходе» такое повествование также получает литературную форму и со временем становится источником новых клише. Ориентация на читателя подвигает автора не только заявлять свою просветительскую позицию (что особенно характерно для Н.М.Карамзина), но отвечать на вопросы, интересные адресату, читателям.

Количество читателей в данной ситуации не имеет принципиального значения, хотя очевидна разница между читательской аудиторией «Вестника Европы», отдельных публикаций «Писем» и семейным кругом Д.И.Фонвизина. Важен способ передачи подобного рода информации и среда, в которой она существует. Они сближают настоящие путевые записки и «литературные путешествия», ведь речь идет не о том, как «на самом деле» обстояли дела в Париже в таком-то году, а о том, каким его видят путешественники и что они хотят сказать своим адресатам.

В записках путешественников нередко встречаются весьма похожие сюжеты и даже их описания. Чем объяснить такие совпадения? С одной стороны – действительным совпадением объектов описания. С другой – стандартным поведением в ситуации путешествия. «Традиция диктовала путешественнику, как он должен себя вести в данном месте, что следует посмотреть, о чем следует задуматься и что почувствовать. Опыт предшественников, типизированный посредством литературных текстов, и представленный в виде путеводителей, сочинений предшественников и рассказов местных жителей, легко воспроизводится путешественником»[11]. Здесь неизбежно возникает вопрос о силе воздействия подобной традиции на путешественников в каждом отдельном случае.

Еще одной важной особенностью литературы путешествий является совмещение в ней географического и литературного пространств. Находясь в каком-либо уголке Европы, путешест-

венник склонен воспринимать его сквозь призму известной ему античной и новой европейской литературы. Ю.М.Лотман отметил эту особенность, изучая тексты средневековых хожений (в данном случае – дополнение реального плана пространства сакральным)[12]. П.С.Куприянов, анализируя записки русских морских офицеров, рассказывающих о Средиземноморье, приходит к аналогичному выводу: «Подобный способ восприятия сохраняется и в Новое время, с той лишь разницей, что здесь место библейских текстов занял текст античной культуры, с которыми путешественники были хорошо знакомы по произведениям Гомера, Геродота, Плутарха, Тита Ливия, Цицерона, и многих других греческих и римских писателей и поэтов»[13]. Актуальна эта особенность восприятия и для наших авторов. К тексту античной и средневековой литературы в них добавляется исторический текст.

Описания Парижа, впрочем, как и других городов, можно свести к следующим темам: общие впечатления и наблюдения о жизни в городе; горожане, их занятия и нравы; достопримечательности и их описание; великие (интересные) люди. Чтение записок путешественников, ориентированное на типизацию материала, неизбежно приведет нас к выводу о том, что все описания Парижа одинаковы, т.к. содержат сходную, а иногда и повторяющуюся информацию. Действительно, и Новый мост, и Лувр остаются на месте, парижане продолжают ходить в театры и гулять по бульварам. Но изменения, происходившие в России и во Франции (как и в целом в Европе), в сознании и культуре российских дворян, наконец, в информационном контексте, не могли не влиять на состав и характер фиксируемых в записках путешественников наблюдений, на осмысление увиденного. Анализ этих изменений и является нашей задачей.

В марте 1778 г. из Монпелье в Париж приезжает Д.И.Фонвизин с женой. Первые впечатления от Парижа таковы: «Что же до Парижа, то я выключаю его из всего на свете. Париж отнюдь не город; его поистине назвать должно целым миром. Нельзя себе представить, как бесконечно он велик и как населен... Нет в целых сутках ни одной минуты, чтоб не слышан был стук каретный. Есть здесь мост, так называемый Pont-

Neuf, кто недавно в Париже, с тем бьются здешние жители об заклад, что когда по нем ни пойди, всякий раз встретится на нем белая лошадь, поп и непотребная женщина. Я нарочно хожу на тот мост и всякий раз их встречаю»[14].

Спустя десятилетие Карамзин напишет: «Какое многолюдство! Какая пестрота! Какой шум! Карета скачет за каретою; беспрестанно кричат: "Gare! Gare!", и народ волнуется, как море. Сей неописуемый шум, сие чудное разнообразие предметов, сие чрезвычайное многолюдство, сия необыкновенная живость в народе привели меня в некоторое изумление. — Мне казалось, что я, как маленькая песчинка, попал в ужасную пучину и кружусь в водном вихре»[15].

Итак, Париж – огромный, густонаселенный шумный город. По утверждению Карамзина, он вмещает в себя 1 130 450 жителей, между которыми полагается 150 000 иностранцев и 200 000 слуг[16]. Сложно сказать, откуда автор «Писем» взял такие цифры. Л.-С.Мерсье в «Картинах Парижа» говорит о 800 000 жителей[17], а в путеводителе по Парижу за 1810 год говорится только о 600 000 населения[18]. Но даже такие цифры должны были впечатлить читателя, т.к. только в 1800 году в Петербурге численность населения составила более 220 000 человек[19]. Однако дело не только в цифрах. Образ огромного Парижа был сформирован в европейской литературе путешествий, прямые ссылки на некоторые подобные сочинения встречаются в текстах русских путешественников. Среди них – «Новое описание окрестностей Парижа» и «Новое описание достопримечательностей Парижа» Ж.-А.Дюлора, «Картины Парижа» Л.-С.Мерсье и др. Так, Мерсье называет Париж «колоссальной столицей», «пучиной» и «громадным наростом» на теле государства.

В огромном, шумном, многолюдном Париже смешано все: прекрасное находится рядом с дурным, богатство рядом с бедностью. Контрастность – еще одно сильное парижское впечатление, зафиксированное в записках путешественников. Д.И.Фонвизин замечает: «Нет шагу, где б не находил я чего-нибудь совершенно хорошего, всегда, однако ж, возле совершенно дурного и варварского. Такая несообразность должна удивить ка-

ждого. Увидишь здание прекрасное и верх искусства человеческого, а подле него какой-нибудь госпиталь для дурных болезней; словом, то, что мы называем убогий дом...»[20] Противопоставление величия и убогости человеческой природы у Фонвизина сменяется описанием в «Письмах русского путешественника» резкого социального антагонизма, буквально пропитывающего парижский воздух[21]. «Скоро въехали мы в предместье святого Антония но что же увидели? Узкие, нечистые, грязные улицы, худые домы и людей в раздранных рубищах. "И это Париж, – думал я, – город, который издали казался столь великолепным?" – Но декорация совершенно переменилась, когда мы выехали на берег Сены; тут представились нам красивые здания, домы в шесть этажей, богатые лавки». Далее краски сгущаются еще больше: великолепный Париж (если въехать в него со стороны Версаля, т.е. по пути следования королевских кортежей) сменяется нищетою, грязью и дурным запахом ремесленных кварталов. «Картина пышного города затмится в ваших мыслях, и вам покажется, что из всех городов на свете через подземельные трубы сливается в Париж нечистота и гадость. Ступите еще шаг, и вдруг повеет на вас благоухание счастливой Аравии или по крайней мере цветущих лугов прованских: значит, что вы подошли к одной из тех лавок, в которых продаются духи и помада и которых здесь множество. Одним словом, что шаг, то новая атмосфера, то новые предметы роскоши или самой отвратительной нечистоты – так, что вы должны будете назвать Париж самым великолепным и самым гадким, самым благовонным и самым вонючим городом. Улицы все без исключения узки и темны от огромности домов, славная Сент-Оноре всех длиннее, всех шумнее и всех грязнее»[22].

Интересно, что в записках Д.П.Горихвостова встречается только упоминание о мерах, употребляемых для борьбы с нечистотами в городе. Без эмоций и какой-либо социальной подоплеки он сообщает об этом как о факте парижской жизни.

Все путешественники обращают внимание своих читателей на высокую скорость коммуникации в Париже. Афиши, периодические листки, журналы, дающие пищу для обсуждений в кафе и на улицах. «Новые вести составляют пищу здешних жи-

телей. Всякая новость занимает все головы»[23]. Сами путешественники довольно активно постигают новый для них (пусть даже и немного знакомый по книгам и рассказам) город. «Я всякий день бегаю с утра до вечера по городу, чтоб видеть все примечательное...»[24] «Я в Париже! – говорю сам себе и бегу из улицы в улицу, из Тюльери в поля Елисейские, вдруг останавливаюсь, на все смотрю с отменным любопытством...»[25]

Движение карет и людей на улицах, бурные споры в кафе, овации (или свист) в театральных залах, множество людей на гуляньях – все это создает постоянный фон движения для калейдоскопической смены впечатлений и наблюдений, представленных читателю.

В письмах русских путешественников парижские впечатления и сведения о городе представляют собой некое подобие мозаики. Авторы заранее сообщают своим адресатам, что полные описания Парижа и его достопримечательностей они могут найти в книгах других авторов, а сами представляют своему читателю свои «примечания», сюжеты, «достойные упоминания». Момент выбора объекта, представляемого читателю, в такой ситуации становится довольно интересным, т.к. именно он формирует новую авторскую «картину Парижа». Слово «картина» здесь возникает не случайно: в сочинении Л.-С.Мерсье (который, как мы помним, был одним из источников для заметок русских путешественников и довольно читаемым автором) это слово вынесено в заголовок и определяет манеру всего повествования; авторы писем также предлагают своим читателям «картины». М.Хайдеггер отмечает, что само понятие «картина мира» появляется именно в Новое время, когда мир понимается как картина. «Составить себе картину чего-то – значит поставить перед собой само сущее так, как с ним обстоит дело, и так поставленным иметь его перед собой постоянно... Сущее в целом берется теперь так, что оно только тогда становится сущим, когда поставлено представляющим и устанавливающим его человеком»[26]. Из этого наблюдения можно сделать важный в данном случае вывод: картинность восприятия для Нового времени – способ постижения сущего. Этот способ позволяет его конструировать, при этом критерием ве-

рификации сущего становится сам человек – творец картины. «*Представить* значит тут: поместить перед собой наличное как нечто противостоящее, соотнести с собой, представляющим, и понудить войти в это отношение к себе как в определенную область. Где такое происходит, там человек составляет себе картину сущего». Одновременно меняется роль самого человека: «Составляя себе такую картину, человек самого себя выводит на сцену, т.е. в открытый круг общедоступной и всеоткрытой представленности. Тем самым человек сам себя выставляет как ту сцену, на которой сущее должно впредь представлять, показывать себя, т.е. быть картиной. Человек становится репрезентантом сущего, в смысле опредмеченного»[27]. Такое понимание мира и себя в нем создает почву для такой стратегии рассказа об увиденном, какую мы наблюдаем в записках путешественников Нового времени. Н.М.Карамзин, к примеру, примеряет поочередно маски щеголя, ученика, педанта и этим творит не только себя, как автора, – каждой из масок соответствуют различные по содержанию и интонации части текста писем[28].

Нравы парижан также довольно красочно описаны путешественниками. Фонвизин отмечает их «неизреченную праздность», любовь к игре и le beau sex, к свежим новостям, театру и ридикюлям (курьезам, забавным историям), хвалит укорененность «идеи отечества и короля» в сердцах парижских французов и ругает их «ложный point d'honneur», пустой блеск, «взбалмошную наглость в мужчинах, бесстыдное непотребство в женщинах»[29]. В карамзинской характеристике нравов парижан нет обличительных интонаций: среди добродетелей им названы ум, любезность души и чувствительность, среди пороков – ветреность и непостоянство. У Горихвостова – лишь только «разборчивость во вкусе, беспристрастность в суждениях», справедливость, готовность прийти на помощь в случае необходимости, а также – любовь к свежим новостям[30]. Трудно судить о том, действительно ли нравы парижан исправились за двадцать с небольшим лет. Интересно, что вообще меняется: нравы парижан или их восприятие путешественниками, а может быть у них просто были разные возможности для наблю-

дений? Характер рассуждений о такой тонкой материи, как нравы, всегда несет на себе печать многих факторов. Рассуждения о нравах разных народов были общим местом во всех описаниях путешествий; подобного рода информация была настолько популярна, что проникала даже в учебную литературу того времени, где предлагались краткие схематичные характеристики разных народов, часто они входили в поговорки. Как отмечает П.С.Куприянов, стереотипы могли меняться, но принцип продолжал работать: по таким характеристикам можно было опознать представителя какой-либо нации. «Несомненно, эти типичные этнические черты были хорошо известны путешественникам, имевшим блестящую возможность поупражняться в "узнавании" разных народов по их характерным свойствам и тем самым проверить истинность своих представлений на практике»[31].

Весьма справедливым для изучаемых источников является наблюдение П.С.Куприянова о типичном наборе объектов, «достойных примечания» путешественника. В нашем случае это театры, человеколюбивые заведения, учебные заведения, кафе, гуляния, дворцы и пригороды Парижа. При тождестве групп наблюдаемых объектов содержание их не одинаково: различаются обстоятельства путешествий, личные интересы и предпочтения самих путешественников. Так, Н.М.Карамзин дает обширные описания парижской театральной жизни на примере Гранд-Опера, Французского и Итальянского театров, а Д.П.Горихвостов посещает второклассные театры. Д.И.Фонвизин и Н.М.Карамзин – академии, Д.П.Горихвостов – учебные заведения более практической направленности: политехническую, медицинскую, военную школы. Важной частью любого посещения Парижа и в XVIII-XIX веках были посещения королевских резиденций.

Не только ради театров, луврских галерей и красот Версаля едут путешественники в Париж. Столица Франции представляется современникам местом благоприятным не только для светских развлечений и наблюдений нравов, но и средоточием интеллектуальной жизни. Будучи хорошо знакомыми с идеями Вольтера, Руссо и других просветителей, путешественники

стремятся увидеть их самих, или места, связанные с их жизнью. Стоило приехать в Париж, чтобы увидеть, говоря словами Д.И.Фонвизина, «всех мудрых века сего», или почтить их память. Увидеть одного из властителей дум своего поколения удается только Д.И.Фонвизину. В письмах родным он подробно описывает факельные шествия, сопровождающие карету Вольтера, многократные овации, чтение стихов в его честь, увенчание лавровым венком. Так же как философы и литераторы того времени «творили себя» (по выражению Ю.М.Лотмана) своими произведениями, манерами и образом жизни, путешественники (их читатели) стремились дополнить свои впечатления от прочитанного общением с авторами, или прикосновением к их памяти. Фонвизин наблюдает за тем, как Вольте успокаивает публику в театре, принимает с благодарностью еса, дивясь своей славе. Философ любезно разговаривал с ж й Фонвизина, когда те «остановились посмотреть на славного человека». Вывод – Вольтер принимает свою славу, что не мешает ему оставаться скромным человеком – не нов для современников. Однако это личное свидетельство, и оно еще более его укрепляет.

Не состоялось знакомство Дениса Ивановича с Ж.Ж.Руссо. В августе 1778 г. он сообщает родным о смерти философа, бывшего «всех почтеннее и честнее из господ философов нынешнего века», а также все известные ему слухи об обстоятельствах этой смерти[32].

Н.М.Карамзин и Д.П.Горихвостов едут в Эрменонвиль – «место, освященное присутствием гения». Паломничество в этот парижский пригород связано с именем Ж.-Ж. Руссо.

Н.М.Карамзин подробно рассказывая об устройстве и течении жизни в Эрменонвиле, не только представляет читателю множество интересных подробностей – с их помощью дополняется портрет философа. Дом философа, его могила, пейзажи Эрменонвиля, храм философии (даже недостроенный) воспринимаются современниками как материальное воплощение его идей.

Перечисляя известные факты о жизни Руссо в Эрменонвиле (последнее пристанище среди природы, храм новой философии, могила на Острове тополей), Горихвостов упоминает о предме-

тах, позволяющих путешественникам буквально прикоснуться к жизни «человека природы и истины». Это деревянные башмаки («как по моей ноге сделаны»[33]) и бумажная табакерка (ее путешественники предпочитают всем золотым и изукрашенным алмазами). Магия Эрменонвиля – в его атмосфере, пейзажах, памяти о великом человеке своего времени. Частью всего этого мог стать путешественник на некоторое время. Например, видеть то «окно, которое перед смертью Руссо велел отворить своей Терезе, чтоб в последний раз насладиться прелестями Натуры»[34].

В письмах Д.П.Горихвостова мы встречаем еще одного героя, не философа и не литератора – внимание русского путешественника привлекает Наполеон Бонапарт. Он наблюдает, как прославленный генерал, консул (видимо речь идет о периоде 1802-1804 гг.) в сопровождении супруги и малой свиты «осматривает плоскодонные суда, строящиеся для высадки в Англию». Это не просто прогулка на лодках – на глазах путешественника творится история. Важности происходящему добавляет то, что все это автор писем видит «так близко». Наполеона можно было увидеть и «на параде, и на карусельной площади», но с большего расстояния[35].

Но не только чуткими наблюдателями становились русские путешественники в Париже. Положение, связи, собственные литературные таланты позволили Фонвизину и Карамзину самим войти в круг парижских интеллектуалов. Д.И.Фонвизин проводит «ученое утро» с д'Аламбером, знакомится с директором Французской Академии А.-Л.Тома, писателем Ж.-Ф.Мармонтелем. Вместе с Б.Франклином (бывшем тогда послом в Париже) его принимают в Собрании общества писателей и художников. Здесь он рассказывает «о свойстве нашего языка» и получает предложение стать корреспондентом, присутствует на заседаниях Академии. Н.М.Карамзин, по наблюдениям Ю.М.Лотмана, был вхож в Якобинский клуб.

* * *

Таким образом, образы Парижа (впрочем, как и любого другого «туристического» города) формируются во взаимодейст-

вии литературной нормы и непосредственного опыта путешествия. Вместе с тем, картинное восприятие мира, характерное для человека Нового времени, ставило перед ним проблему выбора объекта наблюдения (описания), а сам факт такого наблюдения удостоверял объект как существующий. На материале описаний Парижа в письмах русских путешественников конца XVIII – начала XIX века мы проследили лишь некоторые слагаемые образов французской столицы. На примере общих объектов описания (таких как атмосфера города, нравы его обитателей, достопримечательности, известные люди) выделили общие и индивидуальные стратегии и описания города и его достопримечательностей. В рамках таких «обязательных» объектов описания, как «город и его жители», «достопримечательности», «нравы», «известные люди», авторы путевых заметок имеют возможность выстроить свою «картину Парижа» – города, который не оставлял равнодушным россиян и европейцев в течение многих веков.

---

1 *Карамзин Н.М.* Сочинения Карамзина: в 8 т. М., 1803. Т. 4: Письма русского путешественника. С. 149.

2 *Фонвизин Д.И.* Собрание сочинений. М.; Л., 1959. Т. 2.

3 *Горихвостов Д.П.* Письма россиянина, путешествовавшего по Европе с 1802 по 1806 г. М., 1808. Ч. 1-3.

4 *Лотман Ю.М.* Карамзин. Сотворение Карамзина. СПб., 1997.

5 Записки путешественников изучались довольно долго именно как литературный жанр. Ценные наблюдения о влиянии европейской сентиментальной литературы на текст «Писем» Н.М.Карамзина были сделаны В.В.Сиповским (*Сиповский В.В.* К литературной истории «Писем русского путешественника» Н.М.Карамзина. СПб., 1897). В.А.Михельсон видит в путевом очерке «целостное произведение, в котором образы взаимосвязаны и объединены художественной идеей», а роль автора сравнивает с ролью живописца (*Михельсон В.А.* Русский путевой очерк XVIII – первой половины XIX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1972; *Он же.* «Путешествие» в русской литературе. Ростов, 1974).

6 *Куприянов П.С.* Русское заграничное путешествие начала XIX века: парадоксы литературности // Историк и художник. 2004. № 1. С. 59.

7 Там же. С. 62.

8 *Куприянов П.С.* Русское заграничное путешествие начала XIX века: парадоксы литературности. Между традицией и личным опытом // Там же. № 2. С. 75.

[9] Об источниках подобных знаний см.: *Куприянов П.С.* Русское заграничное путешествие начала XIX века: парадоксы литературности. Между традицией и личным опытом. С. 76-77.

[10] Об этом см.: *Stowe W.W.* Going abroad. European travel in 19ht cent. American culture. Princeton, 1994.

[11] *Куприянов П.С.* Русское заграничное путешествие начала XIX века: парадоксы литературности. Между искусством и жизнью // Историк и художник. 2005. № 1. С. 73.

[12] *Лотман Ю.М.* О понятии географического пространства в русских средневековых текстах // *Лотман Ю.М.* О русской литературе. Статьи и исследования (1958-1993). История русской прозы. Теория литературы. СПб., 1997. С. 112-117.

[13] *Куприянов П.С.* Русское заграничное путешествие начала XIX века: парадоксы литературности. Между искусством и жизнью. С. 75.

[14] *Фонвизин Д.И.* Собрание сочинений. Т. 2. С. 438-439.

[15] *Карамзин Н.М.* Сочинения. Т. 4. С. 151-152.

[16] Там же. С. 174-175.

[17] *Мерсье Л.-С.* Картины Парижа. М., 1995. С. 17.

[18] *Reichard Heinrich A.O.* Guide des voyageurs en France. Weimar, 1810. P. 66.

[19] *Гордин А., Гордин М.* Пушкинский век: Панорама столичной жизни. Кн. 1. СПб., 1994. С. 47.

[20] *Фонвизин Д.И.* Собр. соч. Т. 2. С. 439.

[21] О политическом и социальном подтекстах этой части «Писем» см.: *Лотман Ю.М.* Карамзин. Сотворение Карамзина.

[22] *Карамзин Н.М.* Сочинения. Т. 4. С. 67-168. Интересно, чем же была славна эта улица в конце XVIII века: тем, что в доме № 398 жил Робеспьер, или тем, что в доме № 96 родился Ж.-Б.Мольер? Кроме того, на этой улице есть памятный знак (дом № 161), гласящий, что здесь была ранена Жанна д'Арк, когда пыталась прорваться в Париж; а в доме под номером 157 находилась известная табачная лавка «la Civette».

[23] *Фонвизин Д.И.* Собрание сочинений. Т. 2. С. 439.

[24] Там же. С. 444.

[25] *Карамзин Н.М.* Сочинения. Т. 4. С. 157-158.

[26] *Хайдеггер М.* Время картины мира // http: // socnet.narod.ru /library /authors /heideger/ time.htm.

[27] Там же.

[28] Об этом см.: *Лотман Ю.М.* Карамзин. Сотворение Карамзина. С. 20-22.

[29] *Фонвизин Д.И.* Собрание сочинений. Т. 2. С. 444.

[30] *Горихвостов Д.П.* Указ. соч. С. 64-65.

[31] *Куприянов П.С.* Русское заграничное путешествие начала XIX века: парадоксы литературности. Между традицией и личным опытом. С. 78.

[32] *Фонвизин Д.И.* Собрание сочинений. Т. 2. С. 452.

[33] *Горихвостов Д.П.* Указ. соч. Ч. 2. С. 30.

[34] Там же. С. 38.

[35] Там же. С. 25-27.

Полякова О.Б.

РОССИЙСКИЕ МЕЦЕНАТЫ И ФРАНЦУЗСКИЕ ХУДОЖНИКИ

Начало XX века ознаменовалось особым подъемом в российской культуре. Как писал видный российский философ и культуролог Н.А.Бердяев, тогда «сложилась очень напряженная и сгущенная атмосфера русского культурного ренессанса. Это была эпоха пробуждения в российской самостоятельной философской мысли, расцвет поэзии и обострение эстетической чувствительности, и были открыты новые источники творческой жизни»[1].

Наряду с расширением политических и других контактов между Россией и Францией в этот период интенсивно развивались и культурные контакты во всех сферах культуры. При этом значительную роль сыграли российские предприниматели – купцы, которые осуществляли обмен не только товарами, но и культурными ценностями. Они в качестве обмена представляли своеобразный товар, имеющий рыночную стоимость. Не случайно предприниматель, коллекционер и меценат С.И.Щукин (1854-1936) во время экскурсий по своей галерее не только объяснял содержание своих шедевров, но и постоянно называл стоимость того или иного приобретения. С превращением коллекции Щукина, создавшего крупное собрание современной западноевропейской и прежде всего французской живописи, в общедоступный музей в 1909 г. возросла ее роль в художественной, культурной и даже общественной в широком смысле слова жизни Москвы.

Представляют интерес некоторые документы из Отдела рукописей Государственного музея изобразительных искусств им. А.С.Пушкина, и, в частности, переписка С.И.Щукина с художником А.Матиссом и владельцем парижского магазина-галереи Л.Канвейлером, относительно заказов для пополнения коллекции.

Накануне Первой мировой войны, прервавшей интенсивное приобретение Щукиным работ французских художников, Д.Канвейлер в письме от 18 июня 1914 г. информировал российского мецената о новых полотнах П.Пикассо, «который перед своим отъездом в деревню закончил новую серию картин... Там есть много вещей, которые я советовал бы Вам купить немедля, в особенности большую сидящую женщину в рубашке, достойную со всех точек зрения войти в Вашу коллекцию. Уверен, что в любом случае Вы найдете в этой коллекции вещи, которые Вам подойдут»[2]. Можно сделать вывод о том, что французский торговец высоко оценивал вкус русского коллекционера.

Но в самом начале своего собирательства, не умея оценить значимость произведений французских молодых художников, российский меценат иногда скупился в своих приобретениях и торговался с малоимущими тогда художниками. Пикассо, негодуя на российского богача, даже нарисовал в 1907 г. карикатуру на Сергея Ивановича, изобразив его в виде жадной свиньи.

Не зная о специализации коллекции и художественной галереи Щукина, собирающего только современное западное искусство, некоторые русские художники и скульпторы, в частности, представитель русского импрессионизма в скульптуре А.С.Голубкина, считали, что Щукин «не поддерживает молодое российское искусство, а тратит деньги на приобретение произведений иностранцев»[3]. Создатель русской школы абстрактного искусства В.В.Кандинский в своих письмах также сетовал, что Щукин ничего у него не покупает[4].

Однако, российский меценат, находясь под воздействием существовавших среди московских снобов стереотипов, усматривал новаторство только за рубежом, не понимая до конца, что и в России возможно создание шедевров современного искусства. Во всяком случае, теперь признается новаторство и В.В.Кандинского, и М.Ф.Ларионова как зачинателей мирового абстрактного искусства.

Отношение современников, московской общественности и профессионалов-художников, к оригинальному собранию и ме-

ценатской деятельности С.И.Щукина было неоднозначным. Отрицательное отношение к авангардистам, представленным в этой коллекции, высказывало большинство старшего поколения передвижников. Об этом свидетельствует близкий к художественным кругам адвокат Н.М.Рудин в своих воспоминаниях, сообщая, видимо, под влиянием московских слухов, что И.Е.Репин демонстративно покинул экспозицию А.Матисса и музей[5].

Но в воспоминаниях жены Репина, Н.Б.Нордман-Северовой, которая вместе с мужем посещала щукинскую галерею, можно найти совершенно иную трактовку знакомства Репина с этой коллекцией: «В маленькой гостиной – прекрасные вещи Пюви де Шаванна, Дега». Из воспоминаний следует, что Репин внимательно осмотрел щукинскую коллекцию. Тут же приводится явно репинская благожелательная оценка работ П.Гогена и резко негативная – А.Матисса, тоже свойственная именно Репину: «В Гогене – преднамеренная бесформенность, деланная наивность, но все же есть некоторая поэзия. Можно иногда подумать, что, живя на о. Таити, с дикарями, он искренно одичал... Но в Матиссе – ведь ничего, ровно ничего, кроме нахальства»[6]. И.Е.Репин не смог воспринять введения в изобразительное искусство такого приема, как особый ритм в живописи, часто за счет других компонентов, например, законченности, что особенно было оценено, но лишь впоследствии, в знаменитом «Танце». Сам Матисс утверждал: «Детализация нарушает чистоту линий, ослабляет силу чувств и мы отвергаем ее»[7].

Столь же негативно высказывался уже в отношении работ П.Пикассо в коллекции С.И.Щукина и М.В.Нестеров, который придерживался религиозно-славянофильского направления. Посетив музей Щукина, он выделил работы «французских декадентов – Пювиса де Шаванна, К.Моне, Э.Мане, Э.Дега, А.Марке, М.Дени, П.Сезанна, А.Матисса, А.Сислея, К.Писсарро... Последние четыре имени родили “Золотое руно”, “Голубую розу”, “Червонного валета”, не только у нас, но и по всей Европе», – резюмировал итоги своего осмотра этот художник. Но Нестеров не принял композиций Пикассо, которые

он называл просто «нагроможденными кубами, конусами, цилиндрами». Он недооценивал поиски парижским художником новых форм, называл его творчество «шарлатанством, ловко прикрытым теоретическими разглагольствованиями»[8].

Зато молодое поколение, к которому принадлежала внучка М.В.Нестерова, художница И.А.Шретер, приняло достижения западных импрессионистов и с восторгом стало оценивать авангардистов. Мемуаристка вспоминает, что «над входной лестницей (в музее Щукина. – *прим. ред.*) плясали в радостном танце фигуры Матисса... Какой великолепный был музей!»[9]. Таким образом, несмотря на негативное отношение старшего поколения к авангардизму, сама галерея стала своеобразным центром, который привлекал внимание художественной молодежи и в какой-то степени объединял разные поколения российской художественной интеллигенции.

Отрицательно воспринял коллекцию Щукина и В.М.Васнецов. Дочь В.Д.Поленова вспоминала, что этот старый художник-передвижник отверг новаторство французов «и после этого пошел на Сухаревку. Снег белый, солнце светит и мужики в нагольных тулупах. Вот она русская жизнь, вот что надо писать, а они не замечают», – сетовал художник[10].

Отношение к щукинской галерее у В.А.Серова, представителя среднего поколения русских художников, тоже было неоднозначным. Он неоднократно бывал в галерее (об этом упоминается в мемуарах племянницы художника Н.Я.Симонович-Ефимовой, которую сам Серов привел в щукинский музей), но противился подражанию французским авангардистским образцам российской студенческой молодежи и даже покинул из-за этого преподавательскую работу в Московском училище живописи[11].

Восприятие самим меценатом новаторского искусства проходило в борьбе с собственными предрассудками, со стереотипами, сложившимися в среде московского купечества.

Первоначально Матисс познакомил его с идеей триптиха, который должен был украшать лестничные площадки купленного у князей Трубецких знаменского дворца С.И.Щукина, но затем заказчик и исполнитель пришли к мнению о диптихе

«Танец» и «Музыка». Русский меценат писал Матиссу 31 марта 1909 г.: «Я нахожу в вашем панно “Танец” столько благородства, что решил пренебречь нашим буржуазным мнением и поместить у себя на лестнице сюжет с обнаженными»[12]. Негативное отношение к обнаженной модели было свойственно богобоязненным и консервативным купеческим семействам, к которым относилась и семья Щукиных, в отличие от дворянства, привычного к классике и обнаженным моделям.

Однако в какой-то момент Щукин усомнился в верности своего решения о приобретении «Танца» и «Музыки» и телеграфировал Матиссу о своем отказе от заказанного диптиха. В другом своем письме меценат писал художнику: «В дороге (два дня и две ночи) я много размышлял и устыдился своей слабости и недостатка смелости. Нельзя уходить с поля боя, не попытавшись сражаться. По этой причине я решил выставить Ваши панно. Будут кричать, смеяться, но поскольку, по моему убеждению, Ваш путь верен, может быть время сделается моим союзником и в конце концов я одержу победу»[13].

Только художники, шедшие в ногу с временем, оценили верно решение русского коллекционера. Художественный критик и известный живописец А.Н.Бенуа одобрительно оценивал это решение включить произведения Матисса и Пикассо в состав коллекции и экспозиции: «Каждая его покупка была своего рода подвигом, связанным с мучительными колебаниями по существу... ибо на него смотрели, как на безумного, как на маньяка, который швыряет деньги в окно и дает себя облапошить парижским жуликам. Но С.И.Щукин не обращал внимания на эти вопли и смехи и шел с полной чистосердечностью по избранному пути»[14].

Но, по-своему, и С.И.Щукин шел в ногу со временем. Заказывая второй сюжет для своего диптиха, он писал: «В то же время нужно будет второе панно, сюжетом которого могла бы быть музыка... В моем доме много музицируют. Каждую зиму дают примерно 10 концертов классической музыки (Бах, Бетховен, Моцарт). Панно “Музыка” должно в какой-то степени указывать на характер дома»[15].

Действительно, в доме Щукина в концертах принимали участие клавесинистка Ванда Ландовская, пианисты А.Скрябин, В.Скрябина, Н.Метнер. С.Рахманинов выступал в дуэте с великим русским артистом – Ф.Шаляпиным. Авторитетные современники Щукина с одобрением отмечали, что создатель новой галереи стремился сочетать показ нового искусства с исполнением новаторской музыки в стенах своей галереи Л.О.Пастернак вспоминал, что особняк Щукина часто принимал московскую художественную интеллигенцию и особенно молодежь. «Щукин одно время устраивал у себя блестящие вечера камерной музыки, с обилием помимо яств и пития – чудных огромных букетов красных роз. В антрактах гостеприимные хозяева показывали собрание замечательных французских художников – Сезанна, Дега, Ренуара, Моне, Сислея и др.»[16]. Об этом оригинальном опыте соединения живописи и музыки в стенах музея вспоминали и другие художники, в частности М.С.Сарьян[17].

Однако близкие к С.И.Щукину художественные критики стремились охладить пыл студентов-поклонников и подражателей различных западных «измов». Один из ближайших сотрудников Щукина, Я.А.Тугендхольд, по поводу подражательных с его точки зрения работ московской кубистки Н.Удальцовой писал: «Русская молодежь зря растрачивает таланты. У Пикассо – скрипки, а у Удальцовой – хаос скрипок»[18]. На самом деле Удальцова не просто подражала французскому авангардисту, а предприняла попытку собственного прочтения уроков Пикассо.

Об огромной роли щукинской галереи в пропаганде авангардного искусства среди молодых художников говорится в воспоминаниях К.С.Петрова-Водкина: «Знамя, выкинутое Щукиным, начало свое революционное дело. Молодежь щетинилась, переплескивалась как всегда через край смысла, становилась анархичной и отряхивала всякую учебу». Молодых художников в галерею привлекало новаторство полотен, которые собирал меценат. Как подчеркивал Петров-Водкин, «С.И.Щукин собирает диковины из боевой лаборатории Европы»[19].

Многие молодые живописцы усмотрели в открывшейся общедоступной щукинской галерее, выставленных в ней шедеврах, источник новых художественных идей. В дневниковых записях молодого А.В.Куприна, впоследствии видного советского художника, можно было прочитать: «Но вот в 1908 г. впервые перед моими глазами мелькнул сильный свет – то Щукинская галерея, галерея Морозова, общение с Ларионовым и "Золотое руно". Впервые я увидел французских импрессионистов и даже кубистов. Я видел Моне, Сезанна, Ван Гога, Гогена, Матисса, Дерена, Брака, Пикассо, Руо, Синьяка и прочее... Эта живопись, эта свежая струя кислорода или вернее большой поток свежей, горной, чистой, как хрусталь, воды. Тут я легко вздохнул, радость наполнила мою душу и тысячи надежд окрылили меня». Щукинская галерея и ее шедевры привели молодого художника к смелым выводам: «старые боги, которым я должен был поклоняться, уже были свергнуты... Наши старики сыграли свою роль... Дерен, Сезанн, Матисс, Ван Гог перевернули все мои представления о колорите и решительно его преобразовали... Подражанию Серову, Юону, Туржанскому, Левитану был положен конец... Это был бунт. Старое нами радикально отвергалось...»[20]

Более того, косвенно коллекция С.И.Щукина оказала воздействие на основателя русской абстрактной школы В.В.Кандинского, который неоднократно бывал в галерее и особенно интересовался работами постимпрессионистов. В те же годы (1908-1910) создавал свои первые абстракционистские работы М.Ф.Ларионов, который назвал свое направление «лучизмом».

Молодые русские авангардисты восторженно оценивали деятельность Щукина и его галереи. Об этом свидетельствует письмо И.В.Клюнкова (псевдоним Ив.Клюн), члена выставок «Бубнового валета», общества художников-авангардистов «Ноль десять», «Трамвай В». Письмо Клюнкова было направлено в редакцию московской газеты «Русское слово» 25 января 1916 г. в связи с консервативным отношениям Совета Третьяковской галереи к приобретению работ российских авангардистов. Ив.Клюн писал: «К чести русского искусства следует сказать, что оно раньше отстававшее почти на 50 лет от запад-

ноевропейского, в последнее время сделало колоссальные усилия и не только стало в уровень с ним, но уже оспаривает первенство на мировом рынке. В частности, московский меценат С.И.Щукин чрезвычайно удачно разрешает вопрос о покупке картин для своей коллекции, ему удается приобретать, кажется, из первых рук вещи (к сожалению, только заграничных мастеров, преимущественно французов), которые скоро становятся не только характерными для данного художника, но и служат основанием для целых направлений. Такие мастера, как Ренуар, Клод Моне, Дега, Гоген, Ван Гог, Матисс, Дерен, Пикассо и др. представлены у него лучшими вещами и в настоящее время значение и ценность их громадно и в будущем, конечно, еще возрастет»[21].

В опубликованных в 1999 г. мемуарах И.Клюна «Мой путь в искусстве» присутствует чрезвычайно важная характеристика щукинской галереи: «среди передовых русских художников установилось мнение: не петербургская академия художеств является высшей художественной школой, а галерея С.И.Щукина. И это действительно так».

Ив.Клюн подробно пояснял, почему сложилось такое мнение: «посещение щукинской галереи имело своим последствием то, что художники углубили искания новых форм в искусстве, а также углубили работу в самой живописи, т.е. в живописных приемах... искусство живописи в ее чистом виде – цветов, гармонии... лицо художника узнавалось не по содержанию, не по излюбленным темам, а по тону его картин, его красочной гамме. Художники уже разнились своим особым индивидуальным колоритом»...[22]

Подобная оценка свидетельствует о том, что молодые российские новаторы взяли у западных авангардистов, работы которых были собраны Щукиным, их колористические идеи, развивали их поиски в области формы, цвета. Под влиянием творчества Пикассо, особенно исканий кубистского периода среди молодых российских художников сложилась группа его последователей – Ив.Клюнков, Н.А.Удальцова, оставившие свои мемуары, В.Е.Татлин, Л.С.Попова, О.В.Розанова, В.Д.Барановр-Россине и др. Первоначально к этой группе примыкал друг

И.Клюнкова Казимир Малевич, но он позднее создал свое собственное направление в искусстве – супрематизм, и уже в 1915 г. выставил свой знаменитый «Черный квадрат». Футурист Д.Д.Бурлюк утверждал, что без знакомства со щукинской и морозовской коллекциями не было бы прогресса в его творческих поисках. В апреле 1910 г. он писал: «В Москве видели частные коллекции Щукина и Морозова, это – без чего я не рискнул бы начать работу...» А в другом письме к А.Н.Бенуа Бурлюк особо обращал внимание на огромную просветительскую и посредническую роль С.И.Щукина в приглашении на московскую выставку французских новаторов[23].

Восторженную характеристику коллекционерской и пропагандистской деятельности Щукина оставил будущий директор Государственного музея нового западного искусства Б.Н.Терновец: «Щукин обладает удивительной способностью суммировать в своих ежегодных покупках все самые яркие проявления, все самые ценные слова. Его собрание – это некий острейший экстракт французского искусства; впечатление получается более ярким и убедительным, чем в самом Париже, где оно затемняется целым рядом побочных явлений»[24].

Русская учащаяся молодежь, которая посещала галерею С.И.Щукина, восторженно приветствовала начинание московского мецената. Для одного из ее представителей Н.М.Рудина открытие общедоступного музея нового западного искусства было подлинным событием: «картины волновали всех. Их обаяние создавало особое настроение у посетителей, тот творческий подъем, который наблюдается на вернисажах любимых и талантливых мастеров... Здесь я впервые почувствовал стихию красок, их душу и силу. Я стал частым посетителем галереи»[25].

Подытоживая роль щукинской галереи в истории русской живописи и культуры серебряного века, И.Э.Грабарь отмечал: «Он (С.И.Щукин. – *О.П.*) собирал искусство живого, активного, действительного, сегодняшнего, завтрашнего, а не вчерашнего дня»[26].

Значение щукинской галереи состояло и в том, что она стала центром пропаганды новаторского искусства, оказав огром-

ное влияние на развитие русского изобразительного искусства, в ней удачно было проведено соединение изобразительного и музыкального новаторского искусства, и эта традиция была продолжена в декабрьских вечерах ГМИИ им. А.С.Пушкина.

Сохранился документ, который свидетельствует о том, что Щукин стремился передавать свой собирательский опыт новому поколению российских коллекционеров и, вместе с тем, постепенно осознавал значимость авангардных, современных ему произведений искусства, которые со временем станут мировой классикой.

Речь идет о письме Щукина от 2 декабря 1929 г. балетмейстеру и танцовщику Гранд-опера, эмигранту из России Сергею Павловичу Лифарю (1905-1986), собравшему в Париже свою оригинальную коллекцию произведений современного искусства. Щукин писал, что «испытал истинную радость от содержания полотен, которые Вы собрали с таким тонким вкусом и такой тщательностью. Я передаю Вам первое, непосредственное впечатление от всяких тенденций и доктрин. Прежде всего я обнаружил классическую основу Вашей коллекции: картины Пикассо, Дерена, Руо.

Начало деятельности этих художников, теперь ставших мастерами современной живописи, свежи в моей памяти. Я тогда был охвачен страстью и был страстным участником этой борьбы вокруг их произведений и вокруг новых принципов, которые они провозглашали. Я радуюсь их победе. Эти картины мне дороги как верные друзья.

Однако главное значение Вашей коллекции следует искать в другом, оно заключается, по-моему в произведениях молодых, в полотнах нового поколения – Кирико, Миро, М.Эрнста, Прюно, Бомбуа, Ви(вена), Бошана, Челищева, а также имена, которые пока только знают избранные, которые может быть будет завтра повторять толпа.

Мир (искусства) – новый, как девственный лес, который не имеет выхода, но который обнаруживается в будущем, в этом я уверен в тех, которые осмеливаются туда проникнуть. Отдавая место столь же важное произведениям молодых, Вы сообщили Вашей коллекции характер обновления. Верить обещаниям и

предчувствиям столь же дорого, как и окончательной реализации осуществленного, законченным формам, откристаллизованному стилю»[27].

К этому следует добавить, что помимо известных авангардистов Кирико, Миро, Эрнста, Челищева в письме упоминаются представители наивного искусства Бомбуа, Вивен, Бошан, которые, видимо, были тогда в моде.

Другим российским коллекционером, собиравшим произведения французского и российского искусства, был Иван Абрамович Морозов (1871-1921), который вслед за старшим братом Михаилом (1870-1903) получил высшее образование и стал создавать свое собрание живописи. Отношение к коллекционерской деятельности Ивана Морозова в музееведческий литературе двоякое. Искусствовед А.М.Эфрос весьма скептически оценивает его личную роль в создании коллекции, подчеркивая, что собрание Морозова формировалось по советам его друзей – профессиональных художников[28]. Однако Б.Н.Терновец[29] и научный сотрудник ГМИИ им.А.С.Пушкина Е.Б.Георгиевская полагают, что И.А.Морозов недооценивается в музеологии[30]. Журналист и художественный критик С.К.Маковский подчеркивал, что Морозов «принадлежит к числу коллекционеров, безусловно самостоятельных, вполне защищенных от постороннего влияния»[31]. Реально же И.А.Морозов находился под постоянным влиянием опыта своего старшего брата, советов друзей-художников и соперничества со Щукиным. Морозов, по свидетельствам современников-маршанов[32], появлялся в Париже вслед за С.И.Щукиным, причем выбирал картины для своей коллекции крайне осторожно и осмотрительно. Ко времени революции 1917 г. в его собрании было более 250 работ российских и зарубежных мастеров.

Иван Морозов закончил Цюрихский политехникум и до 1900 г. работал в Твери, наезжая периодически в Москву. А.М.Эфрос скептически подчеркивал, что у Ивана Морозова был изначально невзыскательный вкус: он начал с приобретения пейзажа второстепенного художника М.Х.Аладжалова и закончил уже перед революцией приобретением работы того же Аладжалова[33]. В отличие от Эфроса, Б.Н.Терновец утвер-

ждает, что свою русскую коллекцию И.А. Морозов начал собирать с приобретения пейзажа И.И.Левитана[34]. Как бы то ни было, Иван приобрел всю ценную коллекцию старшего брата Михаила, который продал ее перед своей смертью, и это собрание стало основой собственной прославленной коллекции и художественной галереи Ивана Морозова.

Академик И.Э.Грабарь отмечал, что И.А.Морозов приступил к покупке французского искусства довольно поздно[35]. В известной мере он соперничал в приобретении французских шедевров с Сергеем Щукиным, посещая тех же парижских мэтров и маршанов, но все-таки полагался прежде всего на советы своих друзей-художников – В.А.Серова, К.А.Коровина, С.А.Виноградова, французского художника М.Дени и отдельных маршанов – Воллара, Дюран-Рюэля и др. Известно, что Виноградов по просьбе Морозова специально выезжал в Париж для оказания помощи и совета в пополнении коллекции и именно по его указанию коллекционер приобрел «Портрет актрисы Жанны Самари» О.Ренуара, ставший украшением морозовского собрания[36].

Для экспонирования своего собрания И.А.Морозов использовал помещения особняка на Пречистенке, дом 21, где сейчас находится Российская академия художеств. Эти помещения были перестроены под руководством модного московского архитектора Л.Н.Кекушева, а впоследствии были украшены приторными и аляповатыми росписями М.Дени на тему мифа о Психее.

Наибольший интерес представляет французская коллекция в морозовской художественной галерее. В коллекции И.А.Морозова представлены шедевры К.Моне (1840-1925) – «Бульвар Капуцинок в Париже», его же «Речной берег», «Мост Ватерлоо. Эффект тумана», в которой исходным творческим импульсом были чисто импрессионистические попытки запечатлеть смену состояний погоды и освещения, «Сирень на солнце», «Сад в Монжероне», и др. «Бульвар Капуцинок», по мнению искусствоведа М.А.Бессоновой, «и по выбору места создания картины, и по свободной, раскованной манере письма, и, наконец, по радикальным композиционным приемам (срез

двух мужских фигур в черных костюмах и шляпах), чем утверждается зрительская точка обзора и вносится ощущение особой динамики – московская картина является действительно программным произведением импрессионизма, как бы взрывающим изнутри академическую видовую картину XIX века»[37].

Превосходно отражено в собрании Морозова творчество О.Ренуара – у него были «Девушки в черном» (1880-1882), «Портрет Жанны Самари» (1877), «Купание в Сене» (1869); характерные для периода расцвета импрессионизма работы К.Писсарро, в частности, «Вспаханная пашня» (1874); отличные образцы сезанновского импрессионизма. Действительно, в нем были собраны подлинные шедевры – «Курильщик», «Гора Св. Виктории», «Автопортрет», «Портрет госпожи Сезанн», «Купальщицы», «Берега Марны» – работы, в наибольшей степени характеризующие стилистику П.Сезанна.

Морозовское собрание превосходно иллюстрировало искусство П.Гогена (1848-1903). У Морозова имелись великолепные работы Гогена, характеризующие не просто его стилистику, но и эволюцию его творчества, в их числе – «Попугаи», «Великий Будда», «Трактир в Арле», «Жизнь на Таити», «Пейзаж с павлинами», «Пастораль на Таити». Большую ценность представляют работы Ван Гога (1853-1890) – «Кафе в Арле», «Ночное кафе», «Красные виноградники», «Пейзаж в Овере», «После дождя», «Прогулка заключенных». При написании «Прогулки заключенных» (1890) художнику вспомнились «Записки из “Мертвого дома”» Достоевского.

В морозовскую коллекцию вошли превосходные пейзажи А.Сислея (1839-1899) «Мороз в Лувесьене», «Опушка леса в Фонтенбло», «Сад в Ошеде»; несколько характерных работ А.Марке, в частности, четыре его парижских пейзажа, пейзажи А.Вламинка – «Барки на Сене» «Вид Сены». Вообще, у этого собирателя была определенная предрасположенность к пейзажу и отчасти к портрету, сам Иван Морозов с удовольствием писал подмосковные пейзажи. Более того, в отличие от С.И.Щукина, его вкусы и пристрастия отличались консерватизмом и крайней осторожностью: порой он отказывался от

приобретений и покупок, если они слишком входили в противоречие с характером всей его коллекции.

В художественной галерее Морозова из творческого наследия П.Пикассо имеются только ранние работы, в частности, «Странствующие гимнасты», «Акробат на шаре». Наследие А.Матисса также отражено лишь несколькими работами – «Натюрморт», «Цветы», «Этюд женщины». Собиратель явно не жаловал модернистские кубистские эксперименты Пикассо и фовистские опыты Матисса.

Зато коллекция буквально переполнена работами второстепенных французских художников, которые почти не оставили значительного следа во французском и мировом искусстве, что свидетельствует о вкусах и самого коллекционера и его основного советника – русского пейзажиста-передвижника С.А.Виноградова.

Самые ценные советы коллекционеру давал В.А.Серов, который наряду с И.Э.Грабарем фактически формировал собрание Третьяковской галереи после смерти ее основателя и имел в создании художественной коллекции, как и в определении ценности произведений искусства, огромный опыт, а главное – вкус в выборе оригинальных и характерных работ, нужных для художественного музея. Серов посоветовал приобрести работу А.Шабо и отговорил коллекционера от покупки мало значимой вещи Э.Мане, высоко оценил приобретение скульптур А.Майоля (в коллекции Морозова было несколько превосходных бронзовых работ Майоля)[38].

В 1907 г. французский художник М.Дени (1870-1943) обратился к И.А.Морозову с предложением создать цикл из 5 панно на сюжет греческого мифа. Он писал (перевод Б.Н.Терновца): «Милостивый государь! Я уже размышлял по поводу сюжетов, которые мне хотелось бы выбрать для заказанных Вами декоративных панно. Вы желаете, чтобы я взял эти сюжеты из классической мифологии. Вот история Психеи показалась мне идеально подходящей по своему идиллическому и полному тайны характеру; я скомпоновал пять сцен, совершенно отличающихся от Рафаэлевых, но однако вполне согласных с рассказом Апулея. У меня впрочем нет смешного намерения хотя

бы отдаленно подражать Рафаэлю, но я был бы счастлив сделать современное переложение этой старинной легенды, столь прекрасной и полной пластических образов.

Прежде, чем работать дальше над моими эскизами, я хотел бы быть уверенным, что Вы предоставить мне полную свободу и что Вы ни имеете никаких возражений против сюжета – истории Психеи»[59].

Кстати, именно Дени рекомендовал Ивану Абрамовичу приобрести «Красные виноградники» и «После дождя» В.Ван Гога, а поскольку Морозов был богатым и влиятельным заказчиком, Дени восхищался его коллекцией, будучи в Москве, и даже в своем московском дневнике оставил восторженные отзывы о составе собрания Морозова, довольно сдержанно оценив коллекцию С.И.Щукина.

В ОР ГМИИ сохранились выписки из «Дневника» М.Дени, где упоминается о его поездке в Москву: «У Сергея Ивановича в аристократическом дворце во вкусе XVIII века среди старинной мебели со скульптурами Барбедьена – коллекция французов. Зал Вийара (серый интерьер с двумя большими пилястрами), Дерен – большой холст с молодыми девушками в белых платьях. Ренуара – женский портрет, группа фигур и девушки в черном. Мое – "Посещение Христа Св. Марией и Елизаветой", моя "Маленькая Сусанна", "Прогулка лошадей" Дега, затем Моне, Сезанн позднего периода. Бренгвин, Туалье, Писсарро и даже Моро. В большом салоне – Голубой Дега, самый прекрасный, самый трепетный и самый новый... В столовой два ряда таитянского Гогена, оглушительно желтых, один ранний Матисс, два Сезанна – "Букет" и "Фрукты". Зал Матисса и Ван Гога – не самые лучшие Ван Гоги... У моего Ивана Абрамовича – дом очень респектабельный, обставленный строго, просторный, чистый, где господствуют серые тона, много цветов, сирени, ландышей, цикламен... Моя большая декорация находится немного изолированно в большом спокойном зале серого камня с серой шелковой мебелью, нужно было бы кое-чего для связи. Но и этот аспект не лишен величия. Мой колорит звучит сильно, как в Салоне, но в целом более гармонично... (в коллекции Морозова. – *О.П.*) – множество русских картин, начи-

ная от Левитана, тонкого пейзажиста, и до Сомова и Врубеля... среди них – большой холст Малявина»[40].

Но некоторые искусствоведы осторожно оценивали состав коллекции Морозова. С.Маковский отмечал, что у него недостаточно полно представлены произведения Э.Дега, отсутствуют работы Валлотона, Русселя, Пио, Редина, и это – следствие личного вкуса собирателя[41]. Б.Н.Терновец также отмечает пробелы в коллекции – отсутствие работ Э.Мане, Сейра, А.Тулуз-Лотрека[42].

Тем не менее, по словам С.Маковского, коллекция Морозова «дает возможность судить о всех разветвлениях того дерева искусства, которое мы называем передовой французской живописью»[43]. Доброжелатели, в частности, И.Э.Грабарь, оценивая собирательство Морозова, отмечали, что он систематически, планомерно заполнял пробелы в своей коллекции[44].

Однако в действительности Морозов ориентировался на традиционное искусство, предпочитая пейзаж, а росписи Дени явились традиционной салонной живописью, хотя и претендовали на монументальность.

Общая оценка коллекции у А.Эфроса характерна своей осторожностью: «при осмотре коллекции сначала изумление, потом разочарование, потом новое любопытство, и наконец – чудесное удовлетворение»[45].

Сам И.А.Морозов избегал публичности, отказался от предложения В.А.Серова войти в состав совета Третьяковской галереи, не считая себя полезным в этом деле. Даже доброжелательно настроенный к Морозову Б.Н.Терновец констатировал, что его галерея не пользовалась популярностью: она была закрытой в отличие от галереи С.И.Щукина. Морозов неохотно пускал в свое собрание учеников Московского училища живописи и публику вообще[46].

Лишь под давлением советской власти он в начале революции открыл свою галерею для всеобщего обозрения, а впоследствии эмигрировал из России. Умер Морозов в 1921 г. за рубежом, в Карлсбаде.

По существу, собрание И.А.Морозова стало прекрасным дополнением собрания С.И.Щукина, и обе эти коллекции

французского искусства оказали благотворное влияние на формирование русского авангарда, который, в свою очередь, оказал воздействие на все современное мировое искусство[47].

Русско-французские контакты в области изобразительного искусства начала XX века свидетельствовали о том, что между французскими новаторами и русской аудиторией, меценатами не всегда складывалось необходимое взаимопонимание, приходилось постепенно преодолевать стереотипы с обеих сторон.

Современники, как правило, с трудом привыкают к новаторству своих художников, и оно находит признание скорее у иностранцев, чем у земляков-современников, эту мысль подтверждают приобретение произведений французских новаторов русскими меценатами и одобрение работ русских новаторов французской критикой. Свое – привычнее и оно труднее определяется, как новаторское, – это свойственно опыту всех веков и народов.

---

1 *Бердяев Н.А.* Русский культурный ренессанс начала XX века // Наше наследие. 1988. № 6. С. 51.
2 ОР ГМИИ. Ф. 13. Колл. XI. Д. 9.
3 *Коненков С.* Мой век. М., 1990. С. 78. .
4 От Мане до Пикассо. Коллекционеры Щукин и Морозов: каталог выставки, Кельн. М., 1994. С. 143.
5 РГАЛИ. Ф. 2850. Н.М.Рудин (Преображенский). Оп. 1. Д. 9. Л. 4.
6 *Бердяев Н.А.* Указ. соч. С. 51.
7 *Демская А.А., Семенова Н.Ю.* У Щукина, на Знаменке. М., 1993. С. 88.
8 *Нестеров М.В.* Письма. Избранное. М., 1986. С. 243; *Он же.* Воспоминания. М., 1989. С. 348.
9 Арбатский архив. Вып. 1. М., 1997. С. 565.
10 Панорама искусств. Вып. 10. М., 1987. С. 183.
11 *Симонович-Ефимова Н.Я.* Воспоминания о Валентине Александровиче Серове. Л., 1964. С. 136.
12 *Демская А.А., Семенова Н.Ю.* Указ. соч. С. 88.
13 Там же. С. 92.
14 Речь. 1911. 4 февраля.
15 *Демская А.А., Семенова Н.Ю.* Указ. соч. С. 86-87.
16 *Пастернак Л.О.* Записки разных лет. М., 1975. С. 65.
17 *Сарьян М.С.* Из моей жизни. М., 1985. С. 68.
18 Аполлон. 1916. № 3. С. 58-62.
19 *Петров-Водкин К.С.* Пространство Эвклида. М., 2003. С. 189.

[20] Цит. по: *Кравченко К.С.* А.В.Куприн. М., 1973. С. 56, 58, 60.
[21] Отдел рукописей Государственной Третьяковской галереи. Ф. 3. И.В.Клюнков. Д. 310. Л. 1.
[22] *Клюн Ив.* Мой путь в искусстве: воспоминания, статьи, дневники. М., 1999. С. 68, 72.
[23] Цит. по: *Харджиев Н.И.* Статьи об авангарде. М., 1997. Т. 1. С. 33, 158, 309; Т. 2. С. 25, 173.
[24] *Терновец Б.Н.*Письма. Дневники. М., 1977. С. 118.
[25] РГАЛИ. Ф. 2850. Н.М.Рудин (Преображенский). Оп. 1. Д. 9. Л. 4.
[26] *Грабарь И.Э.* Моя жизнь. Автомонография. М., 2000. С. 244-245.
[27] ОР ГМИИ. Ф. 13. Колл. XI. Д. 11; *Кельч Г.* Щукин и Морозов. О том, что знали о них в Германии в 1906-1926 гг. // От Мане до Пикассо. Коллекционеры Щукин и Морозов. М., 1994. С. 144-145.
[28] *Эфрос А.* Человек с поправкой. Памяти И.А.Морозова // Среди коллекционеров. 1921. № 10. С. 1-4.
[29] *Терновец Б.Н.* И.А.Морозов // Там же. С. 38-41.
[30] *Георгиевская Е.Б.* Морис Денни в Москве // Проблемы искусства Франции. М., 1990. С. 82-89.
[31] *Маковский С.К.* Французские художники из собрания И.А.Морозова // Аполлон. 1912. № 3-4. С. 5.
[32] Маршан – торговец живописью. – *прим. ред.*
[33] *Эфрос А.* Указ. соч. С. 3-4.
[34] *Терновец Б.Н.* И.А.Морозов. С. 39.
[35] *Грабарь И.Э.* Указ. соч. С. 241.
[36] *Лапидус Н.* Сергей Виноградов. М., 2005. С. 26.
[37] От Мане до Пикассо. Коллекционеры Щукин и Морозов. С. 385.
[38] Валентин Серов в воспоминаниях, дневниках, переписке. Л., 1971. Т. 2. С. 186, 237.
[39] Цит. по: *Георгиевская Е.Б.* Указ. соч. С. 82.
[40] Там же. С. 83.
[41] *Маковский С.К.* Указ. соч. С. 5.
[42] *Терновец Б.Н.* Письма. Дневники. С. 106.
[43] *Маковский С.К.* Указ. соч. С. 5-6.
[44] *Грабарь И.Э.* Указ. соч. С. 241.
[45] *Эфрос А.* Указ. соч. С. 2.
[46] *Терновец Б.Н.* Письма. Дневники. С. 106-107.
[47] На основе собраний Щукина и Морозова в 1918 г. были созданы соответственно Первый и Второй музеи нового западного искусства, в 1928 г. объединенные в Государственный музей нового западного искусства. Музей был закрыт в 1948 г., большая часть его собрания была передана в ГМИИ им. А.С.Пушкина, Эрмитаж, а картины русских художников – в Третьяковскую галерею – *прим. ред.*

Звонарева Л.У.

ФРАНЦУЗСКИЙ РЫЦАРЬ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

«Он такой, будто родился в Калуге», – писал о Герра, уроженце солнечного Прованса, классик русской лирико-импрессионистской прозы Борис Зайцев, удивленно добавляя: «он, может быть, более русский, чем все русские». «Наш русский француз» – называла его Ирина Одоевцева. Другие эмигранты, не позволяя себе амикошонства, величали его по отчеству – Ренэ Юлианович и считали сыном русских эмигрантов – Романом Герасимовым. «Во внешности Ренэ, с его седоватой окладистой бородой, есть что-то российско-провинциально-купеческое», – утверждает ивановский журналист Андрей Гладунюк[1]. «Плотного телосложения, с окладистой посеребренной сединой бородой, он как будто шагнул в нашу реальность из нашего XIX века», – считает корреспондент газеты «Труд» Вячеслав Прокофьев[2]. «В самом облике господина Герра видалось что-то бурлацкое, почти стилизованное – в мощной, погрузневшей к исходу пятого десятка лет фигуре, в густо вьющейся седеющей бороде. В большелобой, чуть склоненной вперед голове, в умных, дерзких и часто смеющихся светлых глазах. Русак! Природный русак», – восхищается корреспондент ивановской газеты «Рабочий край»[3].

Выдержавшая третье переиздание в Петербурге книга известного французского слависта, доктора филологических наук, заведующего кафедрой Государственного университета в Ницце Ренэ Герра «Они унесли с собой Россию…»[4], посвященная, подобно многим другим публикациям этого признанного знатока культуры русского Зарубежья, русской эмиграции первой волны, получилась более актуальной, чем многие книги о России современной, написанные русскими авторами. Самое трогательное в ней – бескорыстная любовь к России иностранца, посвятившего изучению ее культуры уже более сорока лет.

Ренэ Герра сумел полюбить Россию так, как Ф.М.Достоевский любил Европу. В романе «Подросток» читаем, что Европа XIX века – это руины, это могилы, которые дороже образованному русскому, чем самим обывателям-европейцам. В XXI веке картина мира меняется, и с Россией, еще не оправившейся от экономических потрясений, образованный европеец связывает будущую судьбу Европы. В любимых идеях русских мыслителей, «несвоевременных» и неугодных, как все мыслители, Ренэ Герра видит «параллельную Россию», даже в самой России (интервью с Корнеем Чуковским), которая составляет «вечную истину», не зависящую от конкретного положения вещей и самых разнообразных персонажей, заполняющих собой ее геополитическое и информационное пространство.

* * *

Ренэ Герра происшедшее с ним называет «русской болезнью»[5]. Эта «болезнь» началась в раннем детстве. «Заразили» десятилетнего Ренэ русские эмигранты первой волны, которых в середине 50-х годов XX века в курортном городке Канны проживало несколько тысяч. В Канны, на Лазурный берег, перебралась в 1956 г. из Страсбурга семья родившегося в 1946 г. Ренэ. Его мать получила в этом городке место директрисы местной гимназии.

История приобщения юного Ренэ Герра к русской культуре, на первый взгляд, полна случайных совпадений. Писательница Надежда Кондакова увидела за ними Провидение. Началось все с того, что в известный многим жителям в Каннах дом директрисы женских курсов пришла бедно одетая дама с просьбой о нескольких частных уроках по математике для внучки, а вместо денежной платы предложила обучить русскому языку кого-либо из семьи Герра. Так французский мальчик впервые попал в семью русских эмигрантов. Русские в Каннах жили общиной, часто ходили друг к другу в гости, и Ренэ, твердя азбуку с «ятями», наблюдал колоритных и выразительных русских типажей. Он вскоре стал своим в этом удивительном доме, где ему пророчили: «Ренэ, у вас будет русская судьба». Да-

ма оказалась талантливым педагогом и незаурядной личностью. Ее звали Валентина Павловна Разсудовская. Ренэ вскоре всерьез увлекся языком, столь не похожим на родной. И немалую роль в этом сыграли оригинальные и интересные люди, которые говорили по-русски.

А через год второй учительницей Ренэ стала талантливая русская писательница-эмигрантка Екатерина Леонидовна Таубер, по мужу Старова, – с 1955 по 1971 г. она преподавала русский язык в каннском лицее Карно. Ее творчество ценил И.А.Бунин, о ее стихах благожелательно отзывались В.Ходасевич и Г.Адамович.

Именно Екатерина Таубер, дочь доцента Харьковского университета, стала первым проводником будущего литературоведа по удивительному миру русского зарубежья. Спустя годы профессор Герра отвечает на вопросы об истоках своего интереса к России: «Моей встрече с Россией я обязан Октябрьской революции».

В русских знакомых Ренэ Герра находил то самое качество, которым когда-то восхищался Альфонс Доде, познакомившись с Иваном Тургеневым. Он называл его «утонченностью духа». «Это были обаятельные, интеллигентные, трогательные люди, – говорит Ренэ о русских наставниках. – Я не мог понять, почему эти милые люди оказались не нужны России. После великого крушения они жили вне времени и надеялись вернуться. Ну а я был просто любознательным ребенком».

Гимназистом Ренэ несколько раз ездил в лагерь Русского студенческого христианского движения (РСХД) и там перезнакомился со многими русскими, в том числе с умнейшим человеком, философом-богословом Владимиром Николаевичем Ильиным. Когда пришло время поступать в университет, Герра не раздумывал – конечно, факультет славистики Сорбонны. Постепенно детский интерес к России оформлялся в нечто гораздо более конкретное – Ренэ начинает профессионально заниматься Серебряным веком русской литературы.

Творчество Бориса Зайцева, единственного, который был с Иваном Буниным на «ты», его давно интересовало. Заканчивая университет, он решил посвятить свою дипломную работу

этому последнему русскому классику. Отважный Ренэ отправил ему письмо и вскоре получил ответ с предложением встретиться. К тому времени известному писателю было уже за восемьдесят, и он весьма обрадовался тому, что к нему впервые за четыре с лишним десятка лет жизни на чужбине проявил профессиональный интерес француз-филолог.

Тогдашняя французская профессура, по свидетельству Ренэ, была настроена весьма просоветски. Во французских университетах было сильно влияние левых идей, и слависты игнорировали эмигрантов, не желая сердить Москву. С кафедры звучали лекции о Горьком, Фадееве, Демьяне Бедном, Маяковском, а творчество «несозвучных эпохе» эмигрантов считалось засыхающим сорняком на колосящейся ниве советской литературы. И Ренэ оказался единственным студентом-славистом, который не только не чуждался «старых русских», но и тянулся к ним. Он оказался вынужден вести двойную жизнь, странным образом воспроизводя во Франции ситуацию советского диссидента. Совершенное владение русским языком дало повод сочинять про него небылицы, что он то ли незаконнорожденный сын беглой русской княгини, то ли агент КГБ. Да и зовут его вовсе не Ренэ Герра, а Роман Герасимов.

Дипломную работу он написал, а с Борисом Константиновичем Зайцевым сдружился настолько, что в последние годы его жизни был его литературным секретарем. В дипломной работе Герра утверждал, что Серебряный век русской литературы не закончился в 1917 году, а был продолжен в творчестве русских писателей и художников эмигрантов во Франции вплоть до начала Второй мировой войны. Он стремился опровергнуть общепринятый тезис советского литературоведения, согласно которому русский писатель или художник, оказавшись за рубежом, непременно оказывался жертвой творческого бесплодии. Ренэ слишком хорошо помнил, что «Темные аллеи» Бунина, «Дом в Пасси» Зайцева, «Солнце мертвых» Шмелева были написаны во Франции.

Еще в юности Ренэ Герра страстно полюбил русскую литературу за ее героев – Чацкого, Онегина, Печорина, Базарова, Болконского и многих других, потому что они не стяжатели, не

альфонсы и не приспособленцы, как во французской литературе – те же Жюльен Сорель или Растеньяк. По мнению Герра, герои русской литературы – настоящие интеллигенты, может быть, слишком мягкие, люди с честью и достоинством, и поэтому они не могли приспосабливаться. А советского человека, считает Герра, отличает именно уменье приспосабливаться – он настаивает на том, что чудовищность этого глагола выдает великий и богатый русский язык. Но финал настоящих интеллигентов нередко закономерен – их доля известна: в лучшем случае это жизнь на чужбине. Типично русский герой, причем во все времена, по мнению Герра – это лишний человек.

В течение пяти лет Ренэ Герра в доме друга Ивана Бунина – Бориса Зайцева – встречался почти со всеми русскими писателями, поэтами и художниками того времени. Вскоре он становится другом таких известных русских писателей и художников – эмигрантов первой волны, как Ирина Одоевцева, Георгий Адамович, Юрий Терапиано, Владимир Вейдле, Владимир Варшавский, Яков Горбов, Анатолий Величковский, Юрий Анненков, Дмитрий Бушен, Сергей Шаршун, Михаил Андреенко, Сергей Иванов.

В конце 60-х годов Ренэ учился в аспирантуре на филологическом факультете МГУ, но был выдворен из СССР за несанкционированные встречи с Корнеем Чуковским и Юрием Трифоновым, которым он передавал привет и книгу от Бориса Зайцева, воспринимавшегося отечественными спецслужбами в качестве идейного вождя всей белой эмиграции. Ренэ Герра в таком совершенстве владел русским языком, что это дало основание КГБ в 60-х годах тщательно изучать его родословную. Может быть, поводом для подобных домыслов стала и шутливая мистификация осторожного, опасавшегося демонстрировать свои зарубежные связи Корнея Чуковского, который, прогуливаясь с юным Ренэ по переделкинским тропинкам, представлял его знакомым как аспиранта Романа Герасимова.

В 1969 г. его выслали из СССР и на пятнадцать лет лишили возможности въезда в Советский Союз. История повторилась и в самый разгар перестройки в 1988 г., когда Герра, официально посылаемому в командировку, отказали в визе.

Без всякой радости встретили Герра и во Франции. Его искусно проваливали на конкурсах за «незнание» русского языка, называли «другом белобандитов», писали на него доносы. Рене устроился переводчиком, по мере возможности преподавал. Не торопясь, поднимался по ступеням научной карьеры. Русские друзья, природный оптимизм и убежденность в своей правоте помогли ему с достоинством держать удар и вести себя независимо.

Коллеги – французские слависты – постоянно пытались скорректировать научные интересы молодого литературоведа. Сегодня он не без иронии вспоминает: «Сколько раз коллеги внушали мне: "На что вы время тратите? Зайцев, Ремизов, Шмелев, Мережковский? Это же отбросы истории. Надо заниматься Маяковским, Шолоховым, Горьким"... В конце 60-х и начале 70-х годов в Париже еще были живы-здоровы Борис Зайцев, Ирина Одоевцева, Георгий Адамович, художники-писатели Юрий Анненков и Сергей Шаршун – почему же никто из французских профессоров-славистов ни разу не пригласил ни одного из них? В то же время охотно приглашали первого попавшегося советского чиновника от литературы. Значит, они просто не хотели, чтобы французские студенты знали об этой литературе, она была "запрещена", запрещена в кавычках, условно. В том смысле, что "не надо" заниматься эмигрантской литературой. Она была запрещена славистами. Теми, которые считали, что не следует раздражать советских коллег. Отсюда понятно, что я был для них – для этих славистов – какой-то красной, прошу прощения, белой тряпкой».

Герра с презрением относился к Ромен Роллану и Луи Арагону, которые не скрывали своих коммунистических убеждений и открыто помогали чекистам, а их жены были агентами ГПУ. По мнению Ренэ Герра, они делали это исключительно из корысти, потому что их книги издавались огромными тиражами, в Союзе их встречали с икрой, водкой и балыками.

Печальный опыт юности, в частности, высылка из России, привели Ренэ Герра к неутешительному выводу, что «Россия – уникальная страна, где невероятная нежность смешана с чудовищной жестокостью». Много наблюдая за Россией, изучая ее,

профессор чувствовал, что чем больше ее узнавал, тем меньше понимал эту уникальную и единственную страну, порой называя ее в беседе с высокопоставленными друзьями из России «странно-страшной».

Богатейшая русская культура захватила Ренэ до такой степени, что уже в юности он стал как бы гражданином двух стран – французом по паспорту, россиянином в душе. Увлечение, ставшее делом жизни, вылилось в создание уникальной художественно-рукописной коллекции. «Если российские спецслужбы не дают возможности мне бывать в Третьяковской галерее, я создам ее в собственном доме», – решил Ренэ Герра, когда его выслали из России.

В предисловии к французскому изданию «Голубой звезды» Бориса Зайцева Герра писал: «Пришло время публично покаяться, честно и безоговорочно признать, что у нас слишком долго игнорировали уникальный феномен, которым является русская эмиграция, и ее неповторимый вклад в культуру. Игнорировали из-за боязни вызвать раздражение в СССР, из конформизма и, хуже того, из-за идеологии».

* * *

«Моя сила или моя слабость, – любит повторять Ренэ Герра, – в том, что у меня нет русских генов».

Профессор Герра никогда не сочувствовал левому крылу французской политики. Отношения между Францией и Россией Ренэ Герра воспринимает как весьма непростые. Он также сторонник парадоксального мнения, что в войне 1812 года Наполеон не проиграл Кутузову, а выиграл, и объясняет победу Наполеона тем, что появился миф о Наполеоне. «С одной стороны, – утверждает Ренэ Герра, – как ни крути, но французская армия вторглась в Россию, а с другой – русская интеллигенция не только не смогла возненавидеть захватчика Наполеона, но стала преклоняться перед ним, даже возвела его в культ. Хотя главное – не в любви или ненависти к Наполеону, а в том, что тогда были все предпосылки для создания крепкого союза между Россией и Францией. Как считал генерал де Голль, имея в

виду Советский Союз, Европа – это территория от Атлантического океана до Урала, то есть Россия – часть Европы. Если бы каким-то образом такой союз между нашими странами возник, не было бы в России столь кровавого эксперимента, как Октябрьская революция. Думаю, что не было бы ни Первой, ни Второй мировых войн, а также фашизма, коммунизма и большевизма. Сегодня Россия наряду с Францией была бы процветающей страной и более того – по-настоящему первой просветительской державой мира. Увы, но после октябрьского переворота Россия отвернулась, отошла от Европы, что отодвинуло... страну на много лет назад. И мне как стопроцентному французу, влюбленному в русскую культуру, осознавать это больно. Ведь по своему духу французы, как никакой другой народ, очень близки русским. Потому-то русские эмигранты чувствовали себя в Париже, как у себя дома».

Ренэ Герра явно склонен противопоставлять европейскую и американскую культуры. В своих интервью он неизменно подчеркивает: «Жить в Америке в начале прошлого века, как, впрочем, и сейчас, воспитанному русскому человеку, как и французу, было и есть невероятно скучно. Что делать в Америке?» По мнению Герра, жизнь в Париже была дорогой и более сложной для эмигрантов в материальном плане, чем в Америке, но зато богатой и насыщенной.

Ренэ Герра убежден, что все самое ценное из наследия русской эмиграции было создано в Париже и никто из русских эмигрантов (он имеет в виду не только Бунина Зайцева, Мережковского, но и художников, артистов) не пожалел о том, что в качестве пристанища выбрал прекрасный город Париж, каждый нашел во Франции для себя применение. В качестве наиболее яркого примера Ренэ Герра приводит судьбу одного из своих любимых художников, картинами которого он особенно дорожит, – Юрия Анненкова, создававшего костюмы для звезд французского кино.

«Мне жаль русский народ» – так назвал Ренэ Герра одну из своих книг. Его взгляд на Россию – трезв и ясен, он не обольщается и не впадает в крайности. В беседах с журналистами, артистично сыпя пословицами, он любит подчеркнуть, что он –

человек бывалый, «не лыком шит». Сегодня в России, по мнению Герра, как в доме Облонских, «все смешалось». Хитрые и ловкие быстро перестроились. Все играют какие-то роли, считает Герра, – одни это делают хорошо, другие – плохо. Но самое любопытное, что нутро, истинная сущность человека невольно выходят наружу. Он это наблюдал на каждом литературном вечере в Москве, даже встречаясь с московскими друзьями-коллекционерами. Все сразу решили, что они стали в одночасье иными – свободно мыслящими и демократичными, но ведь это не так. И если эта фальшь проявляется слишком агрессивно, Ренэ Герра им напоминает: «Вы забыли, что говорил Антон Павлович: выдавливайте из себя раба – по капле, но выдавливайте».

По мнению Герра, богатство и бедность не имеют к свободе никакого отношения. И в России, и во Франции много богатых людей, которые, несмотря на завидное положение в обществе, на счета в банках, все равно не перестают пресмыкаться и заискивать перед власть имущими, – такая уж у них сущность.

Ренэ Герра выступает против перенесения в Россию русских могил с кладбища Сен-Женевьев де Буа: «Я лично категорически против, это дурно пахнет. Нужно ли это покойникам?»

* * *

Когда профессора Герра называют лучшим специалистом по культуре русской эмиграции первой волны, он поправляет: «Я не лучший, я – единственный».

«Ренэ Герра взял на себя миссию хранителя памяти. Один только факт существования его уникального архива – лучшее доказательство тому, что за пределами "1/6 части суши" действительно продолжала жить еще одна Россия, Россия Серебряного Века, чей конец пришелся на искусство эмиграции, никак не на советскую литературу», – пишет в журнале «Москва» наша юная современница, студентка III курса МГУ Елена Погорелая, размышляя над страницами книги «Они унесли с собой Россию...»[6]. Еще совсем юный Ренэ считал, что доброжелательное отношение к нему, студенту, в эмигрантской среде

объясняется его искренностью и молодостью – его русские друзья видели в нем доброжелательного свидетеля, обладающего гораздо большим запасом времени, а значит, способного сохранить, донести, передать. Поэтому сегодня профессор Герра любит говорить о себе: «Я просто свидетель». А его неравнодушное свидетельство воплощается сегодня в конкретные действия – статьи, издания, выставки, создание издательства, организацию во Франции Русского дома.

«Серебряный век волею судеб заканчивался во Франции... и продолжался до конца тридцатых годов» – этот важнейший для профессора Герра литературоведческий тезис он, по мнению многих читателей его книги «Они унесли с собой Россию...» (одной из первых об этом блистательно написала в «Литературной газете» Надежда Кондакова), убедительно доказал и обосновал. Кондакова напоминает сегодняшним любителям литературы русского Зарубежья: «Страницы книги "Они унесли с собой Россию", на которых идет речь о таких, к сожалению, пока малоизвестных в России писателях, как Б.Закович, Д.Кленовский, С.Рафальский, А.Величковский, Д.Соложев, Н.Оболенский, О.Цингер, читаются с познавательным интересом и являются в некотором роде первоисточником для русских филологов, изучающих литературу этого периода»[7].

* * *

Постоянные герои книг и статей профессора Ренэ Герра – писатели и художники русского Зарубежья, жившие во Франции с 1920 по 1970 г. 1972 год – год смерти патриарха русской эмиграции Бориса Зайцева, профессор Герра считает символической датой – концом важнейшего периода в истории первой волны эмиграции.

Широк круг интересов выдающегося исследователя и коллекционера. Первый из них – «Скитания русской души» – это статьи и беседы Ренэ Герра с классиками отечественной культуры (Борисом Зайцевым, Корнеем Чуковским, Д.С.Лихачевым) о судьбах русской культуры в эмиграции. Огромный

фактический материал, пережитый и исследованный, стоящий за каждой из этих бесед, делает их уникальными и современными спустя годы. Ренэ Герра, очевидно, считает русскую культуру диалогичной по стилю мышления – поэтому ему особенно дороги эти беседы, в которых формулируются любимые идеи и делаются неожиданные признания.

«Мы не в изгнанье, мы – в посланье», – так определяла свою позицию в эмиграции умнейшая Зинаида Гиппиус. И Ренэ Герра – из тех, кто это посланье получил. Теперь он стремится передать его следующим поколениям – юным россиянам, воспринимающим каждую его лекцию как откровение. «Это реванш белых сил», – признали советские литературоведы старшего поколения после темпераментного выступления профессора Герра на научной конференции в Варшаве – доклад французского слависта назывался «Красный террор в прозе белой эмиграции (на материале книг И.Шмелева, И.Бунина)».

Размышляя о судьбе Марины Цветаевой, Герра считал ее возвращение в Россию неизбежным. Она прекрасно знала, что ее муж – агент НКВД, в Швейцарии он убил человека, и каких взглядов придерживалась ее дочь. И она выбрала свой путь – решила быть с ними! В 1968 г., будучи аспирантом МГУ, он встречался с дочерью Марины Ивановны – Ариадной, о чем написал в своей книге. По мнению Герра, каждый мало-мальски образованный француз знает и любит стихи Марины Цветаевой, кстати, во многом благодаря тому, что она жила и творила в Париже.

* * *

Своим профессиональным долгом считает Ренэ Герра возвращение в русское искусство художников-эмигрантов, масштаб дарования каждого из которых таков, что его творчество легко могло бы украсить культурное пространство небольшой европейской страны.

В коллекции Ренэ Герра более 5 тысяч работ. «Музеем русской живописи в изгнании», открытым в пригороде Парижа,

считают уникальное собрание редчайших живописных полотен и графических работ те, кому удалось посетить этот дом.

«Настоящими культурными событиями» в масштабе всей Франции были названы выставки из собрания Ренэ Герра, состоявшиеся в последние годы. Первая из них, «Николай Калмаков. Ангел бездны (1873-1955) и художники "Мира искусства"», открылась в 1986 году в Париже, в Музее-галерее Сейта. Спустя два года в парижской Галерее Фанни Гюйон-Лаффай прошла выставка «Сергей Шаршун. К 100-летию со дня рождения».

Но наиболее полное представление об искусстве русского зарубежья Ренэ Герра представил на обозрение зрителей в 1995 г. в парижском Сенате, в Люксембургском дворце, под названием «Русское искусство в изгнании в Париже. 1920-1970». Предисловие к каталогу этой выставки написал знаменитый прозаик Анри Труайя.

В этом же, 1995 г. выставку из собрания Ренэ Герра под несколько измененным названием «Изгнание. Русская живопись во Франции. 1920-1970» увидели в Музее современного искусства в Ницце. Авторами расширенного каталога стали, кроме все того же Анри Труайя, Дмитрий Лихачев, Дмитрий Сарабьянов, Олег Цингер, Сергей Голлербах и сам Ренэ Герра.

«Заметным явлением русской художественной жизни стала в 1995 году выставка собрания французского профессора Рене Герра – неутомимого собирателя памятников и свидетельств культуры русской эмиграции, – считает Дмитрий Сарабьянов. – Выставка состоялась в Третьяковской галерее и имела символическое название – "Они унесли с собой Россию..."». «В этих словах, – подчеркивает известный искусствовед, – заключена целая программа, которую хотели воплотить русские деятели культуры, покинувшие родину. Они считали, что их миссия – сохранить – пусть за пределами родной земли – достижения русской культуры, и не только сохранить, но и преумножить... Художники-эмигранты потеряли свою национальную почву как некую реальность, хотя и ревностно охраняли память национальной культуры»[8].

200-летие со дня рождения А.С.Пушкина Ренэ Герра также отметил интереснейшей выставкой из своего собрания, открывшейся в 1999 г. в парижской Медиатеке на тему, особенно актуальной для пушкинистов и всех любителей творчества великого поэта, – «Образы Пушкина в творчестве русских художников-эмигрантов. 1920-1970». Авторами каталога на этот раз стали Анри Труайя, Дмитрий Лихачев, Глеб Поспелов, Ольга Медведкова, Франсуа Корнийо.

С самых юных лет увлекался Ренэ Герра искусством портрета, результаты этого увлечения из собрания французского слависта можно было увидеть в 1999 г. в парижском Национальном музее игральных карт. Эту выставку, над каталогом к которой работали Анри Труайя, Глеб Поспелов, автор озаглавил «Портреты изгнанников. Искусство портрета в творчестве русских художников-эмигрантов. 1920-1970».

Он не просто собирал работы художников, он издавал их воспоминания (две книги Сергея Голлербаха – «Мой дом» и «Жаркие тени города»), писал о них статьи и выпускал монографии (о С.Шаршуне).

Недавно его уникальное собрание пополнилось новыми поступлениями – на распродаже наследия М.Добужинского, состоявшейся после смерти его сына-художника, профессор Герра купил на 200 тысяч евро, потратив на картины и графику любимого художника полученное после смерти матери наследство, несколько редчайших работ знаменитого художника.

Знаменитый французский художник русского происхождения Сергей Шаршун, который был большим другом Герра, оставил завещание, по которому основную часть своего наследия завещал России. Герра как его душеприказчик исполнил волю покойного друга и через русское посольство в Париже передал картины в Советский Союз еще в 1975 г. Картины эти долго пылились в запасниках. 15 лет лежали они в подвале посольства, остальные 15 – в подвалах Третьяковской галереи.

Уже сегодня собрание картин Ренэ Герра помогает отечественным искусствоведам пересмотреть многие прежние оценки. Так, на первой странице книги московского искусствоведа Галины Ельшевской о К.Сомове читаем: «Выражаю глубокую

благодарность профессору Ренэ Герра за любезно предоставленные материалы и помощь в работе»[9].

Российская академия художеств высоко оценила деятельность профессора Герра. В 2004 г. ему было присуждено звание Почетного академика Российской академии художеств.

В 2005 г. в московском издательстве «Вагриус» под общей редакцией профессора Ренэ Герра и с использованием рисунков из его коллекции была издана монументальная книга художника Юрия Анненкова «Дневник моих встреч», впервые опубликованная в Нью-Йорке в 1966 г. Точные и остроумные портреты, выполненные в рисунке и слове талантливой рукой Анненкова, открывают нам с неожиданной стороны знаменитых российских писателей, художников, политиков – М.Горького и А.Блока, Н.Гумилева и А.Ахматову, С.Есенина и В.Маяковского, Г.Иванова и Е.Замятина, И.Бабеля и А.Толстого, М.Зощенко и Б.Пастернака, С.Прокофьева и И.Репина, В.Ленина и Л.Троцкого.

В собрании книжной графики и картин Ренэ Герра сейчас, по свидетельству Надежды Кондаковой, – «более 4 000 работ, от одних имен захватывает дух: Коровин, Кустодиев, Билибин, Малявин, Добужинский, Серебрякова, Кончаловский, Гончарова, Судейкин, Бакст, Сомов, Бенуа...»[10].

* * *

Значительную часть времени Ренэ Герра отдает преподаванию. Это тоже своеобразное следование русской учительской традиции. Обладатель двух домов под Парижем, дома в Ницце, поместья в окрестностях Ниццы и самой большой в мире коллекции картин и книг писателей и художников-эмигрантов вполне мог бы не преподавать в двух французских университетах русский язык и литературу накануне шестидесятилетнего юбилея. Но педагогика давно уже стала одним из любимых хобби влюбленного в русскую культуру профессора-слависта. И в свой долгий профессорский отпуск Ренэ Герра также продолжает бесплатно читать лекции в провинциальных русских

городах – Ельце, Липецке, Тамбове, Иванове, Рязани, Курске, Белгороде...

«Его знают в Иванове и Вологде, – справедливо утверждает московская писательница Надежда Кондакова, – Костроме и Тюмени, Новгороде и Дмитрове, Орле и Бугуруслане – можно смело добавить к этому еще не менее полутора десятка русских городов. Где он успел побывать за последние 15 лет или куда его настойчиво приглашают неизбалованные представители провинциальной российской интеллигенции... публичные выступления Ренэ Герра мало похожи на скучные лекции, это всегда диалог с залом, живой, интересный, полемический, не избегающий острых углов и резких формулировок»[11].

В сентябре 2005 г. Ренэ Герра побывал в Иванове. Он выступил на Международной научной конференции «Константин Бальмонт, Марина Цветаева и художественные искания XX века», в рамках которой в Ивановском государственном университете прошли традиционные, седьмые, Бальмонтовско-Цветаевские чтения «К.Бальмонт, М.Цветаева и художественные искания XX века».

В читальном зале Ивановского государственного университета профессор Герра провел презентацию четырех книг, в которых выступил как автор, издатель и соиздатель: «Они унесли с собой Россию…», «Воспоминания, стихи, переводы» Марка Талова (на издание которой Ренэ Герра пожертвовал вдове Марка Талова две тысячи евро), А.Ремизов «Сторона небывая» и воспоминания художника Юрия Анненкова «Дневник моих встреч» (с предисловием Р.Герра и иллюстрациями из его собрания). Более двух часов профессор Герра рассказывал об этих изданиях и отвечал на вопросы. Звучали имена Бориса Зайцева, Ивана Шмелева, Ивана Бунина, Владимира Набокова, Ирины Одоевцевой, Александра Бенуа, Зинаиды Серебряковой, Осипа Цадкина. Все четыре книги Герра передал в дар в читальный зал университетской библиотеки.

Во время конференции и общения с ивановскими преподавателями Ренэ Герра согласился стать почетным президентом только что созданного в Ивановском государственном университете «Бальмонт-центра» – нового научно-исследовательского

и культурно-просветительского учреждения. Это позволяет надеяться на регулярные публикации неизданных писем К.Д.Бальмонта в «Вестнике Бальмонт-центра», на соредакторство во французской части готовящейся сейчас научной «Библиографии Бальмонта», на установление новых международных контактов в науке и культуре.

* * *

«В отношении себя Ренэ Герра старательно избегает слова "коллекционер", ему по душе гораздо ближе русское слово "собиратель", – пишет Надежда Кондакова[12].

Собирательством Ренэ Герра начал заниматься еще в юности. Это были открытки с видами России. В Париже стал выискивать и покупать периодику, книги, изданные на русском языке за рубежом – в Праге, Белграде, Харбине, Париже. Они выходили крошечными тиражами и сейчас являются библиографической редкостью. Примерно треть из 40 тысяч томов коллекции Ренэ Герра обладает инскриптами – надписями и посвящениями авторов. К примеру, Ходасевича – Георгию Иванову или Бунина – Ремизову. Кстати, в этой коллекции 500 книг только одного Ремизова с его автографами, в том числе уникальная рукописная книга, посвященная Сомову.

Не менее ценен рукописный отдел этого собрания. Это десятки тысяч листов. Письма Бунина, Шмелева, Набокова, Цветаевой, богословов Сергея Булгакова, Николая Лосского, Ивана Ильина. Есть рукописи Державина, Льва Толстого, Тургенева. Уникальная любовная и до сих пор не опубликованная переписка Набокова, за которой он охотился 20 лет, сотни неизвестных писем Бальмонта, архив возлюбленной Бунина – Галины Кузнецовой, завещанный ею профессору Герра незадолго до смерти.

Для специалистов по русскому зарубежью фамилия Ренэ Герра звучит также, как в XIX веке для любителей живописи фамилия Третьяков. За последние годы с коллекцией профессора Герра познакомились тысячи людей из России – от просто интересующихся культурой эмиграции журналистов или аспи-

рантов до министров, известных писателей (из Америки специально на встречу с Ренэ Герра прилетал филадельфийский литератор и коллекционер Михаил Юпп).

В одном из двух его трехэтажных особняков, расположенном в считанных километрах от Парижа, создан импровизированный музей – целый дом отведен под собранную профессором Герра коллекцию искусства русского зарубежья (рукописи, гравюры, картины, книги, эпистолярное наследие, а также старинные русские открытки, колокольчики и... образцы стеклянной тары – аптечные пузырьки и бутылки).

Не один раз гостившая в доме Ренэ Герра Надежда Кондакова так описывает его собрание: «огромная, не имеющая аналогов частная коллекция: это автографы и рукописи, в том числе и неопубликованные, уникальные архивные материалы (более 18 тысяч единиц хранения) и библиотека (более 30 тысяч томов русских книг)… за все это время Р.Герра не было продано ни одной рукописи, из его рук не ушла ни одна картина».

Еще одна грань интересов Герра – уникальная коллекция открыток. «Одна только собранная им коллекция дореволюционных открыток, посвященных русским городам и весям, поражает не столько своими размерами (счет идет на тысячи), сколько разнообразием и тщательностью подбора, продуманностью ее внутренних сюжетов, изученностью ее содержания. Это не просто коллекция открыток, это путеводитель по той России, которой уже нет, но которую по крохам собирали и сохранял в течение всей своей жизни этот темпераментный уроженец Французской Ривьеры»[13].

Внимание слависта и литературоведа Ренэ Герра к изобразительному искусству убеждает в том, что глубоко почитаемую им русскую культуру он воспринимает как нечто цельное и живое, не разделяемое на непроницаемые суверенные области – литературную, живописную, графическую. Этим объясняется то, что он не просто собрал 5 тысяч редчайших работ русских художников-эмигрантов, и сегодня знаменитые иллюстрации к сказке «Свинопас» Андерсена работы Мстислава Добужинского висят у него в кабинете над столом, а оригинал обложки к той же книге находится в Русском музее, что имен-

но к Герра попал часть уникальных архивов Константина Сомова, Юрия Анненкова и Ивана Билибина, умершего в первую блокадную зиму в Ленинграде. Профессор Герра считает своим долгом постоянно приобщать к этим богатствам французскую публику – поэтому он устраивал Русские сезоны вполне в традициях Сергея Дягилева, чью фамилию неслучайно носит одна из площадей в Париже. Две выставки русского искусства в самых престижных музеях Парижа и Ниццы, дополненные изданием роскошных каталогов, убедительно продемонстрировали искушенным любителям живописи, что не только именами Кандинского и Малевича может гордиться русское искусство, но и творчеством талантливых изгнанников, тех, кто десятилетиями жил во Франции, забытый и недооцененный у себя на Родине. Правда, попытка показать сокровища своего собрания в России – 220 работ русских художников-эмигрантов были показаны на выставке в Третьяковской галерее – оказалась неудачной, 22 работы пропали, среди них уникальный портрет Владимира Набокова работы Мстислава Добужинского.

В 2005 г. появилась статья Екатерины Андреевой «Две книги из коллекции Ренэ Герра», в которой шла речь о полном портфолио рисунков и гравюр Александра Николаевича Бенуа к «Грешнице» Анри де Ренье (иллюстрации, заставки, буквицы и т.д.) и рисованной книге «Соломония» Алексея Михайловича Ремизова. Анализируя эти книги, автор постоянно ссылается на Герра, еще до нее проделавшего значительную исследовательскую работу, в частности, атрибуцию фронтисписа к «Урокам любви в парке», указывает на хранимый в собрании Герра оттиск малоизвестной статьи А.Ремизова «Рисунки писателей», опубликованной в 1938 г.

Андреева искренне признается: «Коллекция Ренэ Герра восхищает обилием редких книг и в частности редкостей из самой заветной области раритетов – книги художников... Богатейшая коллекция Ренэ Герра способна изменить и расширить представления о многих знаменитых авторах – таких, как Бенуа, Борис Григорьев или Юрий Анненков. Особенно же – о Ремизове-художнике, показывая, как этот поразительный ри-

совальщик не только изощрялся в каллиграфии линий и слов, но и фильтровал, исследовал художественный опыт модернистской Европы»[14].

* * *

В созданном Ренэ Герра издательстве «Альбатрос» за свой счет он издал около 50 книг писателей и художников – эмигрантов.

Работая в частной библиотеке одного из известных коллекционеров, я смогла познакомиться почти со всеми этими книгами, выпущенными небольшими тиражами – 200, 300, реже – 500 экземпляров и неизменно украшенными обложками, оформленными художником Сергеем Голлербахом, наследником знаменитой петербургской художественной династии, уже более 55 лет живущим в США.

«Значительным вкладом Ренэ Герра в культуру русского зарубежья является издание книг младшего поколения русской эмиграции, тех, кто, подобно Набокову, как литератор или художник сформировался уже в изгнании», – справедливо отмечает Надежда Кондакова[15].

«Подлинная жизнь есть творчество, и это единственная жизнь, которую я люблю... Без творческого подъема нельзя было бы вынести царства мещанства, в которое погружен мир» – кажется, что эти слова Николая Бердяева из книги «Самопознание»[16] мог бы повторить вслед за русским философом француз Ренэ Герра.

Художник Сергей Голлербах, живущий в Нью-Йорке, но часто бывающий во Франции благодаря жене, вспоминает о своем первом знакомстве с местами, где когда-то находилось родовое гнездо семьи Герра, превращенное братьями Аленом и Ренэ в международный Дом творчества. «Мне привелось побывать этим летом, – пишет Сергей Голлербах в своих автобиографических эссе из цикла “Записки художника”, – в одной старой деревеньке на юге Франции, в Приморских Альпах. Название ее Berre-les-Alpes. Мои французские друзья, братья Ренэ

и Ален Герра (Ренэ – известный славист, коллекционер и издатель, Ален – куратор краеведческого музея в Ницце) родом из тех мест, и им принадлежит там много земли. В течение нескольких уже поколений они – интеллигенты с высшим образованием, но предками-крестьянами гордятся. "Мы из кулаков", – сказал мне Ренэ. Так вот, в один жаркий июльский день я поехал с Аленом в горы около Ниццы, в их родовые места. Ехали около часа по крутым извивающимся дорогам. Мой друг, владелец нескольких благоустроенных вилл, унаследовал еще и старый дом в горах, где жили в свое время пастухи. Он решил перестроить его на современный лад. Но ни воды, ни электричества там еще не было, поэтому продукты, питьевую воду и вино мы привезли с собой. Дом, сложенный из грубо отесанных камней и с черепичной крышей, казался снаружи не очень большим. Однако, войдя внутрь в попал в довольно обширное помещение с большим камином... Полюбовавшись баром, я снова вышел наружу и осмотрелся. Вид открывался великолепный. Приморские Альпы тут невысоки, снежных вершин не видно. Но местность сурова, местами скалиста и густо поросла лесом. На вершинах то тут, то там виднеются развалины рыцарских замков. В долинах же – виноградники и оливковые рощи. Воздух чист и прян. К запаху горячей хвои и древесной смолы примешиваются ароматы каких-то диких цветов и кустарников. Земля суха и рассыпчата, и даже удивляешься, как на ней может что-то расти. Но, видно, какие-то древние соки питают ее в течение тысячелетий»[17].

В июле 1992 г. братьями Аленом и Ренэ Герра в Приморских Альпах был открыт первый в истории русско-французских отношений частный дом творчества для писателей и художников – Франко-Русский Дом в Бер-лез-Альп. Стремление создать творческую атмосферу, помочь творческим людям уединиться и взглянуть на многое издалека, ибо «большое видится на расстоянии» – спровоцировать новые и помочь реализовать старые творческие замыслы – здесь Ренэ Герра действует в лучших традициях русских меценатов (вспомним И.Репина, подарившего молодому К.Чуковскому дачу в Куоккале

Поленовых, собиравших друзей в Абрамцеве, княгиню Тенишеву с ее поместьем под Смоленском).

В этом уникальном Доме Искусств уже побывали художники С.Голлербах (Нью-Йорк), Оскар Рабин, Валентина Кропивницкая (Париж), Наташа Нестерова, Татьяна Назаренко, Натта Конышева, Виктор Кротов, Макс Бирштейн (Москва), Александр Батурин, Завен Аршакуни, Александр Задорин, Елена Губанова, Иван Говорков (Санкт-Петербург), писатели Юрий Кублановский, Виктор Ерофеев, Василий Аксенов, Евгений Попов и многие другие.

* * *

Ренэ Герра мечтает, чтобы его коллекция сохранилась как единое целое. Он даже пытался основать музей русской культуры в изгнании во французской столице. В бытность свою российским послом Александр Авдеев – нынешний министр культуры – провел ряд встреч на разных уровнях. После долгого молчания из мэрии ответили, что этот проект их не интересует. Думает Ренэ Герра и о другом – организовать музей в родном городе Ницца, где жили многие русские эмигранты, куда ежегодно приезжают отдыхать десятки тысяч граждан нынешней России. Но одного музея, по мнению Ренэ, мало. Необходимо на его основе организовать научно-исследовательский центр, где могли бы работать литературоведы и специалисты в области искусства. Только чтобы разобрать скопившиеся у Ренэ Герра материалы, потребуется не один год. А поскольку девиз неутомимого профессора, а ныне – почетного академика Российской академии художеств «ни дня без находки», то нетрудно догадаться, что коллекция будет и дальше расти. А пока Ренэ вместе с братом Аленом учредил Ассоциацию по сохранению русского культурного наследия во Франции.

В 1995 г. Ренэ Герра вместе с братом Аленом издал книгу «Прогулки по русской Ницце». Ее, к сожалению, почти не знают в России – тираж был почти целиком распродан в Ницце. Но деятельность братьев по исследованию пока еще не за-

бытых русских литературных мест в их родном городе на этом не остановилась. В декабре 2004 г. на фасаде отеля «Оазис» на улице Гуно, в доме 23 в Ницце (в самом центре фешенебельного квартала Музыкантов, на правом берегу реки Пайон) при финансовой поддержке Наталии Курниковой именно по их инициативе – официально это звучит как «инициатива культурного центра "Франко-русский дом" братьев Алена и Ренэ Герра в Бер-лез-Альп» – было установлено мемориальное керамическое панно, посвященное Антону Чехову. Писатель останавливался в русском пансионе «Оазис» с 1897 по 1901 г. Здесь он создал два акта из знаменитой пьесы «Три сестры».

Это монументальное скульптурное произведение – более двух метров по высоте, чуть меньше по ширине, весом – почти 700 килограммов – вскоре стало частью мемориального комплекса, завершенного весной 2005 г. Автор панно – московский скульптор Олег Абазиев – профессор Московского архитектурного института, его соавтор – ниццский архитектор Брюно Гоенеш, президент Французской федерации колористики, созданию мемориала содействовал посол Российской Федерации во Франции Александр Авдеев.

«Я баловень судьбы, хоть и заплатил за многое, – признается Ренэ Гера. – В России я заплатил высылкой, здесь меня мордовали, в прямом и переносном смысле; во Франции меня отстраняли, не давали ходу, принимали против меня всякие меры... А потом я победил. Прежде всего потому, что в течение четверти века был на стороне побежденных. Я могу сказать без ложной скромности, что шел один против течения»[18].

---

1 *Гладунюк А.* В Иваново приезжал самый русский француз в мире // Иваново-Вознесенск. 2005. 20-26 сентября. С. 18.

2 *Прокофьев В.* «Русская болезнь» профессора Герра // Труд-7. 2005. 28 июля – 3 августа. С. 10.

3 *Смирнова Е.* «Я просто свидетель» // Рабочий край. 2005. 1 октября. С. 3.

4 *Герра Р.* Они унесли с собой Россию...: русские эмигранты – писатели и художники во Франции (1920-1970). СПб., 2003.

5 Здесь и далее высказывания Ренэ Герра приводятся по записи его бесед с автором статьи.

6 *Погорелая Е.* Град Китеж // Москва. 2006. № 6. С. 30.

[7] *Кондакова Н.* Против течения // Литературная газета. 2006. 29 марта – 4 апреля. С. 8.
[8] Цит.по: *Герра Р.* Они унесли с собой Россию… С. 120.
[9] *Ельшевская Г.* Короткая книга о Константине Сомове. М., 2003. С. 3.
[10] *Кондакова Н.* Указ. соч. С. 8.
[11] Там же.
[12] Там же.
[13] Там же.
[14] *Андреева Е.* Две книги из коллекции Ренэ Герра // Новый Мир Искусства. 2005. № 1. С. 28-31
[15] *Кондакова Н.* Указ. соч. С. 8.
[16] *Бердяев Н.* Самопознание. М., 2006. С. 194.
[17] *Голлербах С.* Свет прямой и отраженный: воспоминания, проза, статьи. СПб., 2003. С. 30.
[18] *Морозов Н.* Ренэ Герра ставит на Россию и выигрывает // Эхо планеты. 2005. № 24-25. С. 30-35.

VI. СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП ФОРМИРОВАНИЯ ИНОКУЛЬТУРНЫХ ОБРАЗОВ

Стецкий С.С.

ИСТОКИ ВОСПРИЯТИЯ СОВРЕМЕННОЙ УКРАИНОЙ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В современной украинской историографии, в частности в монографии В.К.Барана и В.М.Даниленко «Украйна в умовах системной кризи (1946-1980-і рр.)»[1], являющейся 13-м томом 15-томного издания Института Истории НАН Украины, период 1950-1970-х годов назван периодом левого тоталитаризма, нового этапа украинизации и пришедший в 70-х годах на смену ему этап – этапом «наступления консерваторов». В авторском учебнике Ореста Субтельного[2] этот период обозначен по оценке места и роли Украинской ССР «друга серед рівних», т.е., как следует из пояснений автора, Украине определялась роль младшего партнера в управлении «советской империей», старшим же была Россия.

В советской историографии развитие Украинской ССР рассматривалось в контексте общих достижений СССР, существовало лишь несколько монографических исследований, посвященных собственно украинским достижениям, в первую очередь в области науки, например, книга П.Д.Овчаренко «Участие Украинской ССР в научном сотрудничестве братских союзных республик (1959-1975)» – первая монография, достаточно полно раскрывающая пути развития украинской нации, научных школ, высшего образования в Украинской ССР в период 50-70-х годов XX века, и монография О.И.Лукаш «Украинская ССР в связях Советского Союза с развивающимися странами (60-80-е годы)»[3].

Разные подходы к истории развития Украины в первой половине XX века существовали и существуют в советской, а за-

тем – российской, и украинской историографии, однако период 50-70-х годов можно смело назвать периодом умолчания.

А ведь это период, в котором сформировались, окрепли, взросли те силы, процессы, тенденции и явления, которые привели к сегодняшнему состоянию украинских и российских отношений! Особенностью этого периода является то, что культурное поле Украинской ССР 50-70-х годов стало полем межевания, полем идеологической битвы автономистских и централистских тенденций. Именно в науке, культуре и образовании Украинской ССР в эти годы были посеяны семена современной украинской независимости.

Одним из главных документов периода, своего рода катализатором последующих процессов, стали «Тезисы ЦК КПСС о 300-летии воссоединения Украины с Россией (1654-1954 гг.)». Особенно важным, с точки зрения заявленной темы, стал тезис 19, определивший Украину как одно из крупнейших государств Европы. «По целому ряду основных экономических показателей Советская Украина далеко обогнала такие крупные капиталистические страны Европы, как Франция, Италия и другие», – говорится в документе[4].

В 1957 г. украинские историки получают право издания собственного научно-исторического журнала, выходят «Словарь украинского языка», «Украинская советская энциклопедия», «История украинской литературы» и ряд других изданий.

Состояние в сфере науки, культуры и образования Украины в 50-е годы вызывало обеспокоенность, особенно в связи с проходившей в 50-е годы амнистией. Не случайно дополнение, написанное первым секретарем ЦК КПУ А.И.Кириченко, к проекту письма ЦК КПСС «О мерах по пресечению “действий” антисоветских и враждебных элементов» (декабрь 1956 г.) Кириченко предлагал учитывать то обстоятельство, что «за последнее время возвратилось из мест заключения значительное число лиц, реабилитированных или отбывших срок наказания. Среди них есть лица, особенно из числа буржуазных националистов, которые идейно не разоружились»[5]. Особое внимание в письме ЦК КПСС от 21 ноября 1956 г. «Центральным комитетам компартий союзных республик, к райкомам, обкомам, горкомам, райкомам, всем первичным организациям КПСС» было

обращено на следующую ситуацию: «Усилившаяся за последнее время напряженность в международных отношениях, события в Польше и особенно в Венгрии, активизация вражеской пропаганды вызвали нездоровые настроения среди некоторой части советских людей, главным образом – из среды интеллигенции и студенческой молодежи»[6].

Начинается процесс национально-культурного возрождения Украины, «украинизации» сферы культуры, образования, науки.

Главной проблемой периода 50-60-х годов становится возрождение украинского языка и украинской истории. Еще в октябре 1955 г., по просьбе ЦК КПУ, украинским научным учреждениям и музеям были переданы документы и произведения искусства, имеющие прямое отношение к истории и культуре Украинской ССР, хранящиеся в учреждениях Москвы и Ленинграда и относящиеся, в первую очередь, к жизненному пути Т.Г.Шевченко. Уже в 1956 г. «подконтрольная» украинизация начинает выходить из-под контроля. Подтверждение этому – докладная записка секретаря Киевского горкома КПУ М.С.Синицы первому секретарю ЦК КПУ А.И.Кириченко «О реакции творческих организаций на решение XX съезда КПСС» от 26 марта 1956 г. Особую озабоченность у автора записки вызвал ряд выступлений деятелей науки и культуры на собраниях творческих организаций Киева – в Союзе советских писателей Украины и Союзе советских художников Украины, на Киевской киностудии художественных фильмов, в частности членов союза писателей Шумило, Козаченко, заведующего кафедрой истории украинской литературы Киевского государственного университета Малишко с предложениями реабилитировать ряд украинских писателей, обвиненных как украинских буржуазных националистов. «Тов. Шумило навіть взяв під захист таких украпнських буржуазних націоналістів, як Косинка та Куліш. Він сказав про те, що не треба було закривати видання єврейських журналів і газет. Письменник Кротевич намагався реабілітувати письменника-націоналіста Антоненка-Давидовича і одного з редакторів дореволюційноп либерально-буржуазноп газети "Рада" – Павловського».

Значимым было выступление на Собрании союза писателей Украины поэта Вишеславского, призвавшего покончить с поясными поклонами российскому народу – «спасибі тобі, наш старший брат»[7].

Дополнительный импульс к укреплению национально-автономистских позиций в сфере науки, культуры и образования дало начало реализации новой реформы образования, начавшейся в 1958 г. т.н. «школьным законом». 12 июня 1958 г. вышло постановление ЦК КПСС «О системе народного образования в СССР», а 5 июня 1958 г. в Президиум ЦК КПСС поступила записка Н.С.Хрущева «О системе народного образования в СССР». Хрущев выдвинул новые цели народного образования: «все дети должны готовиться к полезному труду, к участию в строительстве коммунистического общества... Вся система нашего среднего и высшего образования должна быть построена так, чтобы обеспечить хорошую подготовку кадров – инженерно-технических, сельскохозяйственных, медицинских, научных, педагогических, кадров рабочих, тружеников сельского хозяйства – всех кадров, необходимых для нашего государства. Надо поставить это дело так, чтобы подготовка всех наших кадров была более высокая и квалифицированная, чем до сих пор»[8].

Документы реформы были дополнены национальной спецификой, в первую очередь в части выбора языка обучения. В апреле 1959 г. общесоюзный документ реформы образования был подтвержден законом УССР «Об укреплении связи школы с жизнью и дальнейшего развития системы народного образования УССР»[9].

Направленный на разрешение давно назревшей проблемы изучения украинского языка, данный шаг имел двоякие и неоднозначные последствия. В первую очередь – положение о выборе семьей языка обучения в средней школе и переходе к русскому языку в высшей школе. В частности, новый закон привел не к расширению употребления украинского языка, а к оттоку значительной части населения Украины в русскоязычную сферу культуры.

В статье 9 первого раздела закона УССР «Об укреплении связи школы с жизнью и дальнейшего развития системы на-

родного образования УССР» говорится: «У школу з якою мовою навчання віддавати своїх дітей, вирішують батьки»[10]. Уже в 1958-1959 учебном году в УССР было 25,4 тыс. школ украинского языка обучения, русскоязычных – свыше 40 тыс. Большая доля школ украинского языка обучения приходилась на сельские школы.

Интеллигенция Украины ответила на такое решение статьей М.Рильского и М.Бажана от 22 декабря 1958 г. в газете «Правда»: «Единственно правильным решением вопроса изучения языков в средней школе является решение о двуязычии и равноправии изучения и украинского и российского языков во всех школах УССР»[11]. Однако позиция высшего союзного партийного руководства по этому вопросу была четко определена в журнале ЦК КПСС «Коммунист»: «на высших стадиях коммунистического общества неизбежно исчезновение национальных различий и слияние наций. Будущее слияние наций предполагает образование единого языка для всех народов»[12].

В 1963 г. на должность Первого секретаря ЦК КПУ был назначен Петр Ефимович Шелест. Будучи, безусловно, убежденным коммунистом-интернационалистом, Шелест был и горячим патриотом Украины. Помня о закрепленной в конституции СССР доктрине равноправия всех народов и республик в составе СССР, Шелест не желал признавать за РСФСР роль «старшего брата». Активно отстаивая экономические интересы Украины, он выступал за принцип паритета во всех сферах межреспубликанских отношений, требовал уравнения экономических затрат Украины в общей союзной доле с тем же количеством товаров и услуг, которые Украина получала от центра. Эта позиция обосновывалась и повышением значимости роли УССР в ООН. Еще 29 января 1958 г. секретарь ЦК КПУ Н.В.Подгорный обратился в ЦК КПСС с письмом об открытии постоянного представительства УССР при Организации Объединенных Наций. В письме говорилось: «Украинская ССР наряду с другими государствами, участниками Сан-Францисской конференции 1945 г., является основателем Организации Объединенных Наций и принимает активное участие в ее работе. Государства – члены ООН, как правило, имеют в Нью-Йорке при Организации Объединенных Наций свои постоянные

представительства. Имела свое Представительство и Украинская ССР в 1947-1948 годах, когда она была избрана членом Совета Безопасности. В настоящее время Украина является почти что единственным государством – членом ООН, которое не имеет своего Представительства при Организации Объединенных Наций... То обстоятельство, что Украина не имеет постоянного представительства, также дает повод реакционным кругам за границей выступать с различного рода измышлениями по поводу осуществления национальной политики в Советском Союзе и клеветническими утверждениями о том, что Украина якобы не пользуется правами суверенной республики и принимает участие в работе Организации Объединенных Наций лишь с целью искусственного увеличения числа голосов для Советского Союза»[13].

Ответом на это письмо стало решение от февраля 1958 г. ЦК КПСС об образовании постоянного представительства УССР при ООН, и 14 августа 1958 г. оно было открыто. Постоянным представителем УССР при ООН в эти годы был П.П.Удовиченко.

В 60-е годы, при активном участии республиканского руководства, Украина активно развивает свою национальную культуру, науку, и в первую очередь – сферу применения украинского языка. Так, на пленуме ЦК КПУ в 1965 г. министр образования УССР Ю.Даденков призывал расширить употребление украинского языка не только в школах, но и в вузах. Решение этого вопроса было в этот период особенно актуально.

Еще в 1961 г., 3 апреля, было принято постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по улучшению координации научно-исследовательских работ в стране и деятельности Академии наук СССР»[14], что вывело развитие науки в союзных республиках на новый уровень, дав возможность развития всего комплекса научных направлений, избавив от периферийной специализации. Данное постановление было принято к исполнению Академией Наук УССР, и с 1961 г. начинается процесс координации фундаментальных наук, а значит – процесс развития национальных научных школ в рамках Академии Наук УССР. Важным продолжением этой работы стало постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от

20 февраля 1964 г. «О дальнейшем развитии научно-исследовательской работы в высших учебных заведениях»[15] и последовавшая за ним активизация научно-исследовательской работы в вузах Украинской ССР, рост количества высших учебных заведений, научно-исследовательских лабораторий при вузах. Это лаборатории прикладной физической химии при Харьковском политехническом институте, ряд исследовательских центров при Львовском политехническом институте, Днепропетровском металлургическом институте и др. Лишь за период 1966-1970 гг. в системе МВССО УССР было сооружено 65 учебных и лабораторных корпусов полезной площадью 246 тыс. кв. м.

Все эти процессы активизировали дискуссию о расширении сферы применения украинского языка. В 1965 г. секретарь ЦК КПУ по идеологическим вопросам А.Скаба выступил с предложением о переходе к преподаванию на украинском языке во всех вузах в трехмесячный срок.

Тема великого украинского языка, самобытной украинской культуры стала главной темой украинских шестидесятников. Основной озабоченностью интеллигенции, причисляющей себя к национальной элите, радеющей о восстановлении «незалежности» Украины, стала забота о предотвращении русификации Украины, возможной автономизации, а то и полной независимости Украины.

Показательны в этом отношении письма, направленные лично Первому секретарю ЦК КПУ П.Е.Шелесту, например, письмо рабочего И.Т.Мовенко (декабрь 1968 г.) о русификации республики, письмо инженера Б.Конюшика о развитии украинской культуры, письмо писателя И.Дзюбы. Главной заботой этих авторов стало то, что основная часть населения Украины не осваивает родной украинский язык, родную украинскую культуру. Так, Мовенко сообщал, что ни на собраниях рабочих, ни на профсоюзных собраниях, ни в Киевской консерватории не слышно украинской речи. «Не має мови – не має і нації», – с горечью пишет он.

Автор другого письма, инженер Б.Конюшик, отмечает в своем письме, что родной язык уважают только сельчане. Научная, научно-техническая интеллигенция не говорит на укра-

инском языке, считая его непригодным для науки, нет возможности найти в книжных магазинах украинскую «Азбуку», продолжает автор, «а це перша книжка, яка попадає до рук дитини, з якоп вона почане вичитися»[16].

Идейно-политическое обоснование этим процессам дал писатель Иван Дзюба в своем сочинении «Интернационализм или русификация». Это письмо вызвало широкий общественный резонанс, стало своего рода программой борьбы тех, кто противился традиционному для Украины взаимодействию русской и украинской культур. Работа была написана в декабре 1965 г., и с сопроводительным письмом была направлена первому секретарю ЦК КПУ П.Е.Шелесту и председателю совета Министров Украины В.В.Щербицкому[17].

Оценка данному сочинению окончательно была дана лишь в феврале 1972 г. в Постановлении ЦК КПУ «О заключении на письмо И.Дзюбы и приложенный к нему материал, присланные в ЦК КПУ Украины»[18]. 7 лет руководство Украины не могло дать четкой оценки фактам, идеологическим выводам, содержавшимся в работе Дзюбы. Дзюба, на основе анализа работ К.Маркса, Ф.Энгельса, В.И.Ленина, на основе статистических данных, экономического анализа исторического развития Украины доказывал, что никакого равноправного отношения между Россией и Украиной нет, принцип интернационализма давно нарушен, Россия по-прежнему занимает имперскую позицию в отношении Украины, проводит русификацию и ни о каком развитии и расцвете национальных культур речи нет.

Появление такой работы именно во второй половине 60-х годов на Украине закономерно. В это время здесь возникает ряд подпольных организаций, ставящих своей целью не только задачи национально-культурного развития, а задачи автономизации и далее – выхода из состава СССР. Это «Украинский национальный фронт» (1964-1967 гг.), «Украинская национальная коммунистическая партия» (1971-1972 гг.) Деятельность оппозиции принимает уже легальные формы – демонстрации, акции протеста, например демонстрация 1965 г. у кинотеатра «Украина» в Киеве, регулярные сборы студенчества и творческой интеллигенции у памятника Тарасу Шевченко. С 1970 по 1974 г. выходит машинописный самиздатовский журнал «Ук-

раинський вісник» под редакцией В.Черновола, все публикации которого были посвящены фактам нарушения прав граждан на национальную культуру.

И все это на фоне реальных, масштабных достижений Украинской ССР в сфере научного развития, научного сотрудничества. Именно в 70-е годы уже сложившиеся научные центры Украинской ССР были преобразованы в ведущие научные институты не только союзного, но и международного значения: 1970 г. – Институт ядерных исследований; 1972 г. – Институт проблем машиностроения, Институт криобиологии и криомедицины, Институт прикладной математики и механики АН УССР на базе Донецкого вычислительного центра; 1973 г. – Институт молекулярной биологии и генетики.

Характеризуя развитие Украинской науки этого периода, академик М.Д.Миллионщиков утверждал: «Мы не можем сказать, какими главными направлениями не занимаются ученые Украины. В решении ряда сложных проблем им принадлежит центральное место не только в Советском Союзе, но и во всем мире»[19].

В 60-70-х годах УССР ведет большую самостоятельную работу в рамках ООН, СЭВ, развивается в частности научно-техническое сотрудничество геофизиков Украины и Индии в рамках соглашения о научно-техническом сотрудничестве между АН СССР и Национальной Академией Наук Индии от октября 1970 г. С советской стороны реализация направления этого сотрудничества в области геофизики была поручена Институту геофизики АН УССР, Институту геохимии и физики материалов АН УССР.

Активно участвовала наука Украинской ССР в научно-техническом сотрудничестве в рамках МАГАТЭ, являясь одним из инициаторов создания этой организации. Еще в 1962 г. УССР стала соавтором проекта резолюции программы технической помощи развивающимся странам в области использования атомной энергии в мирных целях. Тогда же, в 1962 г., по инициативе Украинской ССР, Генеральная Ассамблея ООН на своей 17-й сессии приняла резолюцию о роли ООН в деле подготовки национальных технических кадров с целью ускорения индустриализации развивающихся стран[20]. УССР стала ини-

циатором развития такой формы производственно-технической подготовки кадров, как семинары-практикумы ООН для повышения квалификации инженеров-металлургов, инженеров-электросварщиков из развивающихся стран. Только на заводе «Запорожсталь» в период с 1965 по 1988 г. прошли обучение и переподготовку более 850 человек, представителей 58 стран мира.

Именно Украинская ССР в рамках ООН стала автором важнейшей инициативы – борьбы за ликвидацию неграмотности. По предложению Украинской ССР, в 1961 г. 16-я сессия Генеральной Ассамблеи ООН приняла резолюцию «Сотрудничество с целью ликвидации неграмотности во всем мире». Проект резолюции был рассмотрен на 12-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО и принят к исполнению. Украинская ССР начинает большую работу в этом направлении. Так, при участии украинских ученых и педагогов в Индии был составлен национальный проект по пересмотру содержания школьного образования на 1964-1974 гг., одобренный индийским правительством.

Все эти достижения были, безусловно, достижениями украинских ученых, инженеров, специалистов, но имеющих возможность реализовать свои начинания в рамках СССР. Очевидно, что нарастание националистических автономистских тенденций в Украинской ССР не могло не тревожить союзное руководство.

В 1972 г. первым секретарем ЦК КПУ становится В.В.Щербицкий. Происходят изменения в партийном руководстве республики, в первую очередь – смещение секретаря ЦК КПУ по вопросам идеологической работы Ф.Д.Овчаренко.

В письме В.В.Щербицкого в ЦК КПСС «Об избрании секретарем ЦК КПУ В.Е.Маланчука» от 3 октября 1972 г. отмечалось: «На тов. Овчаренко В.Ф. лежит значительная доля вины за то, что в ряде случаев не давался решительный отпор проявлениям украинского буржуазного национализма»[21].

11 октября 1972 г. вышло постановление Политбюро ЦК КПУ «Об усилении борьбы с национализмом», 20 февраля 1973 г. – постановление ЦК КПУ о книге П.Е.Шелеста «Україно наша Радянська»[22]. Следует отметить, что Шелест много

внимания уделял изучению украинской истории. Особый интерес он проявлял к истории Запорожской Сечи, которая, по мнению Шелеста, была примером национальной модели украинской демократии. Описывая историю Украины, Шелест мифологизировал те или иные исторические личности (например, представителей казацкой старшины), воспевал дооктябрьский период украинской истории, представляя ее в благостном патриархальном образе, пренебрегал или недооценивал факты взаимодействия и взаимосвязи истории Украины и истории России и т.п. Книга была рекомендована к изучению в школах Украины, но своей идейно-воспитательной роли не выполнила (в предисловии к книге П.Е.Шелест писал, что хочет отразить основные черты социально-экономического и культурно-исторического пути развития украинского народа в единой семье братских народов).

Вслед за постановлением ЦК КПУ в апреле 1973 г. в журнале «Коммунист Украины» была опубликована статья, в которой была дана суровая идеологическая оценка этому труду[23].

Подавление национализма развернулось широким фронтом. Появилась докладная записка секретаря ЦК КПУ В.Е.Маланчука в ЦК КПУ «Об усилении борьбы против национал-коммунизма», в которой давались поручения конкретным учреждениям, например, Институту истории партии ЦК КПУ, издательствам «Политиздат», «Наукова Думка», журналам «Коммунист Украины», «Украинский исторический журнал», и др., подготовить и опубликовать конкретные материалы, направленные на борьбу с национализмом. В частности, Политиздату Украины и издательству «Наукова думка» предлагалось подготовить и издать в 1974-1975 гг. следующие книги: «Націонал-коммунізм – різновидність ідеології антикоммунізму», «Класові та гносеологічні корені націонал-комунізму», «Історичний досвід боротьби КПСС за утверждення ідеологіп пролетарського інтернаціоналізму в період будівництва соціалізму»[24].

23 апреля 1973 г. В.Щербицкий направляет докладную записку в ЦК КПСС «О фактах проявления национализма в УССР» (с грифом «совершенно секретно»), 29 апреля 1973 г. последовала докладная записка секретаря ЦК КПУ Маланчука

в ЦК КПСС «О политических ошибках, допущенных при подготовке библиографического указателя “Украинское советское карпатоведение”», 18 декабря 1973 г. – докладная записка отдела культуры ЦК КПУ «О фактах “антиобщественного” поведения некоторых членов Союза писателей Украины» (гриф «секретно»)[25]. Здесь уже содержатся «персональные дела» на наиболее видных представителей творческой интеллигенции, таких, как поэтесса Л.В.Костенко, писатель и сценарист И.Ф.Драч, оценки деятельности киностудии им. Довженко и руководство Киевской организации Союза писателей.

В январе – феврале 1974 г. последовали и меры наказания, что следует из справки отдела культуры ЦК КПУ и докладной записке Киевского горкома КПУ в отношении И.Драча, В.Коротича, Л.Костенко.

Окончательной точкой в споре между национальным самоопределением Украины и идеологией Союзного государства стало положение новой советской Конституции 1977 г. о формировании единой общности – «советского народа».

Итак, оглядываясь на рассмотренный период, становится очевидной вся степень разногласий и противоречий, имевшая место между русской и украинской сторонами тогда, не только не уменьшившаяся, но за последнее время возросшая и перешедшая на принципиально новый уровень – не отношений двух братских народов в рамках одной страны, но отношений уже – двух самостоятельных государств, зачастую враждебных друг другу.

Так в чем же ключ к решению данной проблемы? Как двум нашим народам, разделенным идеологическими барьерами, найти путь к взаимопониманию и сотрудничеству? Как нам снова идти по одной дороге? Очевидно, что единственным способом нахождения взаимопонимания, единственным путем к примирению двух наших народов является путь исторической правды. Только если будут сброшены с глаз шоры «злободневной идеологизированности», только поняв всю важность взаимопонимания и плодотворного сотрудничества двух наших братских народов, только на пути исторической правды – у русского и украинского народов есть будущее.

---

[1] *Баран В.К., Даниленко В.М.* Украйна в умовах системной кризи (1946-1980-і рр.). Київ, 1999. (Украйна крізь віки; т. 13).
[2] *Субтельний О.* Украіна. Історія. Київ, 1993.
[3] *Овчаренко П.Д.* Участие Украинской ССР в научном сотрудничестве братских союзных республик (1959-1975). Киев, 1982; *Лукаш О.И.* Украинская ССР в связях Советского Союза с развивающимися странами (60-80-е годы). Киев, 1990.
[4] Тезисы о 300-летии воссоединения Украины с Россией (1654-1954 гг.). М., 1954. С. 24.
[5] Архивы Кремля. Президиум ЦК КПСС, 1954-1964. Постановления 1954-1958. М., 2006. С. 507.
[6] Там же. С. 494-507.
[7] Политическое руководство Украины, 1938-1989. М., 2006. С. 201.
[8] Архивы Кремля... С. 835, 841.
[9] Закон УССР «Об укреплении связи школы с жизнью и дальнейшего развития системы народного образования УССР». М., 1959.
[10] Там же. С. 9.
[11] Правда. 1958. 22 декабря.
[12] Коммунист. 1958. № 11. С. 17.
[13] Политическое руководство Украины, 1938-1989. С. 242.
[14] Справочник партийного работника. Вып. 4. М., 1963. С. 398-402.
[15] Там же. Вып. 6. М., 1966. С. 339-343.
[16] Политическое руководство Украины, 1938-1989. С. 342-351.
[17] См.: *Дзюба І.* Інтернаціоналізм чи русифікація? Київ, 1998.
[18] Политическое руководство Украины, 1938-1989. С. 366.
[19] Соціалістична культура. 1970. № 3. С. 15.
[20] Украинська РСР на міжнародній арені: зборник документов і матеріалів 1962-1970 рр. Київ, 1977. С. 145-146.
[21] Политическое руководство Украины, 1938-1989. С. 373.
[22] Там же. С. 374-375.
[23] О книге П.Е.Шелеста «Україно наша Радянська» // Там же. С. 376-381.
[24] Там же. С. 382-383.
[25] Там же. С. 383-391.

Большакова А.Ю.

РОССИЯ И ЗАПАД В СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ МЫСЛИ (Ю.ПОЛЯКОВ)

Западничество есть явление более восточное, чем западное. Для западных людей Запад был действительностью и нередко действительностью постылой и ненавистной. Для русских людей Запад был идеалом, мечтой. Западники были такие же русские люди, как и славянофилы, любили Россию и страстно хотели для нее блага.

Н.Бердяев. Русская идея

Плывем на Запад, солнцу вслед,
Покинув отчий край.

Дж.Г.Байрон. Паломничество Чайльд-Гарольда

Представая как сфера притяжения, отторжения, мечты и обмана, как манящий локус «иной» жизни, где сосредоточены какие-то сокровенные порывы, но и все чуждое, запретное, Запад (в самых разных своих ликах – от географических до политических, от литературных до сугубо ментальных) в русской литературной мысли на рубеже XX-XXI веков – предмет обостренной полемики, столкновения мнений, мировоззренческих установок[1]. Проза одного из наиболее ярких представителей новейшей русской словесности, известного публициста и общественного деятеля – Юрия Полякова – здесь не исключение.

В романе Полякова «Замыслил я побег...» западная линия ведет к удлинению, удвоению (пост)советской реальности. Коротая время в поезде «Москва–Варшава», герои обсуждают со случайным попутчиком-философом «давний спор славянофилов и западников».

«Западники, фигурально говоря, считали: хватит играть в особый путь, мы должны сузить колею, чтобы беспрепятственно въезжать в Европу и со временем влиться в мировую цивилизацию! А славянофилы им возражали: нет, широкая колея – наша национально-историческая особенность, и менять ничего

не нужно. А Европа, если хочет с нами дружить, сама пусть свою колею расширяет...» (III, 205)[2].

К какому ж выводу приходят наши современники, колеся по открытому европейскому пространству?

– Каждый по-своему прав, а в итоге – тупик! (резюмирует философ. – *А.Б.*)

– Нет, должен быть какой-то выход, – твердо сказал Джедай (Каракозин, поборник постсоветского развития российской истории. – *А.Б.*) – Просто крутой поворот иногда издали кажется тупиком.

– Смотри, на своем крутом повороте яйца не потеряй! – пробурчал Гоша (бывший посольский работник и активист советского освоения Запада, действительно потерявший все при сломе прежней системы. – *А.Б.*), подозрительно принюхиваясь к чаю.

– А нельзя ли так, – предложил Олег Трудович (Башмаков – главный герой романа, отличающийся конформизмом. – *А.Б.*) – они на четыре с половиной сантиметра свою колею увеличивают, а мы на четыре с половиной убавляем свою.

– Олег Толерантович, тебе надо в Кремле заседать, а не челночить! – захохотал Каракозин (III, 205).

Обытовление старинного спора позволяет нащупать «болевые точки» проблемы, переведенной в область противостояния уже не славянофилов и западников, а так называемых патриотов и демократов. При всей ее условности (на что указывает реплика Башмакова), «перед нами, – как писал В.Кожинов, – застарелая российская беда». Нынешнее разделение общественной мысли на «патриотическую» и «либеральную», столь же поверхностно, как и внедренное более полутора столетий тому назад в умы людей деление на славянофилов и западников, уместное лишь в характеристике «второстепенных идеологов» и их «субъективистских догм, согласно которым в качестве своего рода эталонов выступали либо Запад, либо Русь» (т.е. национальная старина) – в досоветские времена и либо Запад, либо СССР (утраченный идеал всеобщего равенства) – в постсоветские[3]. Тем не менее, укоренившись в национальной истории как культурные константы, как два языка одной куль-

туры западничество и славянофильство продолжают жить в стихии бессознательного.

Впрочем, представления о Западе как пространстве, где сбываются мечты и оживают легенды, издавна входят в культурный код русских, составляя особую сферу интертекстуального притяжения. Образ Запада формируется в русской литературе в постоянно расширяющемся пространстве цитирования, введения прочих отсылок к претекстам и фигур узнавания. Это могут быть цитатные названия («Фауст» Тургенева), эпиграфы, типологически узнаваемые герои («Степной Король Лир», «Макбет Мценского уезда»), мотивы (бегство на Запад), образы (окутанные культурными кодами образы западных городов или стран) и знаковые географические названия (Париж), иноязычие.

В «Анне Карениной» Л.Н.Толстого, в «Вешних водах» И.С.Тургенева *Запад* – убежище чувств, страстей, свободы самовыражения, в том числе и творческого. «О, Италия», – грезят герои чеховской «Ариадны» в предчувствии чего-то необычайного[4]. И поляковским героям в предперестроечной ситуации Запад видится в весьма экзотичном опереньи: ведь тогда «выезд за рубеж многим казался чем-то средним между рейдом в тыл врага и ознакомительной экскурсией по райским кущам» (I, 411). Тем не менее новая интерпретация старой (со времен «Писем русского путешественника» Н.М.Карамзина) темы сохраняет в повести Полякова «Парижская любовь Кости Гуманкова» былую идеализацию: «Для русских Париж всегда был местом особенным. От хандры ехали в Париж... От несчастной любви – в Париж... От революции – в Париж... А когда мы вернемся, то создадим общество побывавших в Париже!» (I, 450). Париж в повести – издавна обжитой русскими город, нечто свое. Даже попадая туда впервые, «мы чем-то повторяем свой давний приход в этот неведомый мир. Отсюда, должно быть, радостное удивление и совершенно младенческий восторг по поводу всего увиденного» (I, 453). Однако по мере развития грустной истории любви, роковых встреч и безумных надежд в «Париже – городе влюбленных» (I, 470), происходит и романтизация образа Запада, и его пародирование. Совмещение несостыкующихся пластов задано эпиграфом из «Зимних заметок

о летних впечатлениях» Достоевского: «*Вы про Париж хотели, да на розги съехали. Где же тут Париж?*» (I, 415). Ожидание «райских кущ» перебивается гротескным отрицанием, кажется, развенчивающим мифологему русского сознания. Пролог и эпилог повести «опускают» нас в «вонючую пивнушку» (I, 415), где начинает (впрочем, и заканчивает) рассказывать свою историю очередным собутыльникам некий Костя Гуманков.

Действительно, «где же тут Париж?». Поначалу место пережитой истории любви словно не существует. Это пустой звук, виртуальная тень на фиолетовом лице павильонного завсегдатая. Бездумно произносимое слово, за которым некая пустота, даже потустороннее. Т.е. образ, пока еще сведенный к речевому знаку, указует на то, чего нет и, вроде, быть не может в анналах «низовой» реальности:

«– Ну и грязища! – кротко возмущается пожилой мужчина, с виду командированный... – Ну и грязища!

– Не в Париже! – беззлобно отвечает ему человек с фиолетовым лицом.

И мне совершенно ясно, что "Париж" – последнее географическое название, чудом зацепившееся в его обезвреженных алкоголем мозгах.

– Да уж... – соглашается командированный... – Да уж, точно – не в Париже!..» (I, 420).

Проведение образа через отрицание и стадию нуля выполняет в повести две функции. Недаром «Париж» берется в кавычки: это некое условное обозначение, оторванное от обозначаемого. Через скрытое уподобление двух мест действия – Павильон и Париж – звучит мотив иронического двойничества, на что указывает и реплика жены героя-рассказчика:

« – Вы переименовали "Рыгалето" в "Париж"?» (I, 427).

Эффект неправдоподобности, невозможной в советской реальности «материализации» западного (читай – запретного, заповедного) локуса обусловлен и самой ситуацией, где профанные персонажи, произносящие слово «Париж», изначально оттеняют компетентность «бывалого» рассказчика.

«Надо ли объяснять, что ни тот ни другой в Париже *нико-*

гда не были. Для них это – просто звучный символ, *таинственное место* вроде Беловодья или Шамбалы, где люди существуют по иным, замечательным законам, где пол в пивной настолько чист, что можно безбоязненно ставить чемодан, и где посетители никогда не допивают до дна, давая возможность лиловым бомжам поправиться и захорошеть. А вот я в Париже был. Честное слово!» (I, 420).

Итак, Запад (Париж) – пропущенный через сферу незнания, неведения... Так возникает образ другого, иного, таинственный знак запретного «*никогда*».

Но рассказчик, в отличие от других, знает им не известное, и это придает ему особую роль. Запад в его изложении и нарратив, и точка зрения; окутывается культурными кодами прошлого и настоящего – посредством эпиграфов, упоминаний, аллюзий. К примеру, «Небу падших» предшествует эпиграф из «Истории кавалера де Грие и Манон Леско». Названия глав «Козленка в молоке» представляют собой парафраз названий произведений Данте, Пруста, Митчелл, Стейнбека, Саган, Кьеркегора. В интертекстуальную и ассоциативную сферу входят также Шекспир, Уайльд, Стендаль, Сартр, Андерсен...

Вместе с тем проявляется и полюс отрицания. В «Козленке» реформаторское англоязычие – во многом брэнд, китчевый «знак качества» на рубище массового обнищания русских. Кажется, «вековые гуманистические традиции российской словесности» (II, 370) низведены в сферу жалкой гуманитарной помощи, поступающей из-за бугра поборникам политических свобод. Подачки с барского плеча распределяются в подвале за дверью с русско-английской надписью «Международный центр гуманитарного призрения писателей»: «в основном... просроченные консервы и галеты из запасов Пентагона с красочными наклейками “FOR HEROES OF STORM IN DESERT” (героям “Бури в пустыне”)» (II, 371).

Авторский парафраз рождает ассоциации с произведением другого современного писателя – рассказом Бориса Евсеева «Триста марок», где мотив западной гуманитарной помощи также несет сомнение в гуманности происходящего: бывшим узникам фашистских концлагерей обещают, спустя полвека,

по... триста марок компенсации за былые страдания, и взбешенный родственник одного из них сжигает бумажку-индульгенцию.

Есть ли это полное отрицание самой возможности искупления, прощения либо здесь таится еще какой-то скрытый смысл? Заметим, что в русском языке слово «марка» (здесь обозначающая немецкую денежную купюру) имеет двойной смысл: это и почтовый знак, который наклеивают на почтовый конверт, т.е знак связи между людьми, знак коммуникации. Между кем и кем? Между «старой» Европой, хранящей в себе историческую вину, память о содеянном, и – «новой» Россией, отчужденной собственным беспамятством? Или же Россией опамятовавшейся и не приемлющей, в скорбной крепости своей, жалких подачек? Но, может, это и знак русского рассеяния – утраты былого единства, самой идеи русскости? Или же бумажка-индульгенция знаменует все тот же – заостренный у Полякова или, к примеру, в рассказе Бориса Екимова «Продажа», – мотив купли-продажи русского раба, русской души за все те же неразменные тридцать сребреников с учетом инфляции?

Точно подмеченное современной прозой низвержение высоких гуманитарных традиций в сферу «гумпомощи»; духовности – в вещь, продукт, «консерву» – гротескно преломляется в поляковском романе «Козленок в молоке». К примеру, в язвительном эпизоде с присуждением американской премии «хлебных королей» липовому литератору из российских глубин. «Бейкеровская» (очевидно, от оригинального – «Букеровская») премия выдается ежегодно за лучший роман и присуждается «специальным жюри из самых авторитетных американских хлебных магнатов» (II, 273). Ассоциативные смыслы ("bake" – печь вместо "book" – книга) скрыто указывают на мотивы (само)истребления подлинной духовности: «печь булочки» = «печь книги».

В романе, озаглавленном пушкинской строкой, одна из сюжетных линий – эмиграция из СССР (России) в США. И хотя герои-любовники в мечтах избирают своим убежищем кипрскую виллу, эскейпера порой преследуют грезы об Америке и американском процветании, захлестнувшие российское сознание в 90-х...

«В одной повести местом действия избрал он Америку; обстановка была роскошная; американская природа, горы, и среди всего этого изгнанник, похитивший свою возлюбленную. Целый мир забыл их; они любовались собой да природой, и когда пришла весть о прощении и возможности возвращения на родину, они отказались», – пишет герой гончаровской «Обыкновенной истории», Александр Адуев, в одном из своих прекраснодушных мечтаний о буколическом Западе, превращая не известную ему Америку в райское место, где сбываются любовные идиллии и романтические грезы[5]. Происходит своеобразное освоение традиционной темы бегства в западные края на уровне метапрозы: внероссийский экзотический локус (здесь – Америка) – прибежище для людей, преступивших законы общественной морали, но искренних и естественных в своих порывах.

Так обыгрывается тема эскейпизма и образы героев-эскейперов, в высшей степени популярные в русской (классической) литературе. Вспомним «Лихую болесть» Гончарова, «Вешние воды» Тургенева, «Что делать?» Чернышевского, «Мальчики» Чехова, «Без языка» Короленко. Нередко, как в «Вешних водах», тема бегства на Запад (в Америку, в частности) возникает в открытой концовке, создавая атмосферу загадочности. А действующему в ареале этой темы лицу (к примеру, Мите Карамазову) свойственно стремление стать... «русским американцем». Тогда на уровне безумной мечты, сна иль грезы рождается мысль о бегстве в себя, свое alter ego, выбивающееся из российской действительности и уготованного в ней (для героя) места: «Все порвать и уйти к себе!.. – мечтает герой “Подростка” у Достоевского. – В Америку! К себе, к одному себе!»[6].

В поляковском «Побеге», где мотив ухода русского человека в себя пронизывает все повествование, наблюдается и девальвация типа эскейпера в российских 1990-х. На это указывает ироничная модификация имени классического героя, эскейпера поневоле: превращение Робинзона в «Слабинзона», эмигранта (из России в Америку) по собственному желанию. Ощущается и общее гротескное снижение темы бегства в Америку, образ которой предельно обытовляется, прагматизирует-

ся, переходя в план материальной выгоды, коммерческой удачи, умения «устроиться в жизни», но и – надувательства, обмана.

Показателен эпизод с (несостоявшимся) бегством Башмакова в благословенный рай, куда пытается заманить его бывший сослуживец, подвизающийся в фирме «Золотой шанс», «которая занимается... подбором в России специалистов для работы в Американском фонде астронавтики» (III, 298). Обольщенный Башмаков создает свою версию русско-американской мечты, в российском бездорожье низведенной в сферу решения жилищных проблем и пр.: «Теперь, перед сном, Башмаков вслух начинал мечтать о том, как они поедут в Америку, заработают там денег и по возвращении квартиру оставят Дашке, а себе купят новую, двухэтажную, в элитном доме с консьержкой» (III, 299). Затея лопается, не начав осуществляться и обнаруживая тем самым разительный отрыв от былого (сходного) мотива в романтическом сознании русской интеллигенции.

Вместе с тем в «Побеге» эскейпизм представлен и с сугубо ментальной точки зрения. Эскейпизм как рефлексия ушедшего (сбежавшего) в себя героя передается через состыковку эпиграфа из Пушкина – «Часто думал я об этом ужасном семейственном романе...» и первой фразы из диалога влюбленных – вопроса к герою: «О чем ты все время думаешь?» (III, 6). Возникает мотив предполагаемого бегства (влюбленных в благословенный уголок): «Тогда мы убежим» (III, 8).

Дополнительные оттенки вносит поиск героями точного (русскоязычного) эквивалента английскому слову-понятию и, в свою очередь, английского – русскому «беглец». В результате, подбирается «несуществующая», с точки зрения героини, калька с английского, и ситуация исчезновения словно бы переходит в сугубо вербальную, условную сферу (несуществующего) означающего и (ментального) означаемого:

«– Как будет “побег” по-английски?

– А вы разве не проходили? “Escape”. “Побег” будет “escape”…

– Значит, “беглец” будет “искейпер”? Нет, лучше – “эскейпер”. Это как “эсквайр”...

– "Эскейпер"? Такого слова, кажется, нет... – она нахмурилась, припоминая. – Точно нет. "Беглец" будет "runaway".

– Жалко.

– Чего жалко?

– Что нет такого слова – "эскейпер". Тебя спрашивают: "Вы беглец?" А ты отвечаешь: "Нет, я – эскейпер!"» (III, 8).

Так задается парадигма несбыточности, скрытая в семантическом разрыве слов – воспроизводимого героиней англоязычного "runaway" (беглец) и калькированного «эскейпер» (от англ. escape). Получается, слово-выдумка существует лишь (гипотетически) в системе нового русского языка, но отсутствует «по ту сторону»: там, куда стремятся душой, но не попадают беглецы. На самом деле лингвистическая ситуация несколько иная, и осмысление этого факта компетентным читателем сразу проясняет характер происходящего, предрекая будущее перемещение героев-беглецов в локус любовной идиллии по-адуевски, лишь в мечтах.

В английском языке «беглец» – не только "runaway", как представляется героине, но еще и "escapee" (русскоязычная калька: «эскейпи»). А ведь кроме слова "escape" (побег, бегство, спасение, избавление, избегать, бежать, но и: уход/бегство от действительности) существуют и производные – "escapism" (бегство от действительности, эскапизм) и собственно "escapist". Тем не менее героиня по-своему права, опуская это переиначиваемое ею слово, вовсе не существующее в ее системе прагматических ценностей (она, дочь нового русского, далека от башмаковских прекраснодушных мечтаний). Ведь "escapist" – беглец не в обычном смысле, но только в ментальном: это «человек, уходящий от действительности, эскапист»[7].

Таким образом, эскейпизм является в виде (само)рефлексии, вербального знака несуществующего эквивалента и обозначения гипотетической реальности, что существует (пока и только лишь, насколько обозначено в финале романа) в воображении влюбленных. Заявленный в названии романа «побег» – это и уход (героя) в себя, и исчезновение, избегание (чего-либо). Но, главное, бегство – не только от жены, но и от надоевшего своей обыденностью брака, опостылевшего труда,

монотонной обыденности будней. В отличие от героя Достоевского, бежавшего «в себя» – «в Америку», в свое скрытое, подлинное (как представлялось) эго – (пост)советский эскейпер уходит от себя самого, и это «от» в романе предстает отражением духа времени. Герой-эскейпер часто смотрит на себя в зеркало, мечтая о решительном поступке, грядущем исчезновении из постылой реальности.

В таком контексте эскейпизм все более начинает означать болезнь «переходного возраста» общества, а сам герой-эскейпер – «продукт» этого общества, отторгающего самое себя в поисках выхода из кризисной ситуации. Демифологизация Запада в романе сочетается с новой мифологизацией благословенного рая комфорта и сладких удовольствий для «новых русских». Заметим, однако, что «эскейперствующая» парочка собирается бежать не на привычный нашему имагологическому сознанию Запад, но на Кипр, т.е. облюбованное российскими эскейперами, не очень-то дальнее и весьма доступное зарубежье. Быть может, это симптом того, что понятие «Запад» сейчас расширяется, утрачивая сугубо географические параметры, все более обретая ментальные очертания (теперь, к примеру, нередко включая в себя Японию и другие высокоразвитые азиатские страны): результат интеграции и глобализации.

Строка из пушкинского стихотворения «Пора, мой друг, пора!» в цитатном названии поляковского романа указывает и на более широкий контекст в осмыслении проблемы русского эскейпизма – это реакция на извечное подавление личности, жажда воли, освобождения, обретение своего собственного, независимого жизненного пространства.

Один «странный» эпизод, сопряженный с названием романа, позволяет осмыслить его «от противного». Ученики жены героя-эскейпера в наказание (!) читают вслух пятьдесят раз строки пушкинского стихотворения:

> Пора, мой друг, пора! Покоя сердце просит –
> Летят за днями дни, и каждый час уносит
> Частичку бытия, а мы с тобой вдвоем
> Предполагаем жить... И глядь – как раз – умрем.
> На свете счастья нет, но есть покой и воля.
> Давно завидная мечтается мне доля –
> Давно, усталый раб, **замыслил я побег** (выделено мною. – *А.Б.*)
> В обитель дальную трудов и чистых нег[3].

Но если пушкинский герой бежит в «обитель трудов», то поляковский, носящий «гордое» отчество по имени отца «Труд», – от нее. И вся ситуация с заточёнными в классе, подневольными учениками исподволь отвечает умонастроениям героя, воспринимающего свою жизнь как домашний плен, трудовое рабство. Однако в маленьком эпизоде с молодыми парнями-старшеклассниками, где пушкинская поэзия становится наказанием, идея эскейпизма предстает и с какой-то другой – во многом оправданной – стороны. Поражает покорность учеников, передающая некую «раннюю усталость» души как общенациональное состояние.

В романном пространстве школа кажется пустыней, юноши – отшельниками, их монотонное чтение – хором нестройных голосов, а пушкинские строки обретают статус чистой, идеальной сущности. На первый план выходит идеал (ментального) убежища, во многом – если продолжить интертекстуальный ряд – связанный с пушкинской адаптацией античной мысли (Горация) в эпиграфе ко второй главе «Евгения Онегина»: «O rus!.. Hor. О Русь!»[9]

Примечательно, что воспроизводимое в романе современного автора стихотворение Пушкина на самом деле – необработанный отрывок, с планом продолжения в рукописи. Набросок и план датируется июнем 1834 года, когда поэт пытался выйти в отставку и поселиться в деревне.

О, когда ж я увижу поля!
И когда же смогу я
То над писаньями древних,
то в сладкой дремоте и в лени
Вновь наслаждаться блаженным забвением жизни тревожной![10]

* * *

Возникающий интертекстуальный ряд показывает, что у Ю.Полякова, как и у других представителей русской литературы, чувствуется созвучность раздумьям древних и современных философов. Речь идет, очевидно, о продолжении старинного спора об историческом пути и судьбе России – не исчезнувшего, не растворенного в чем-то «среднеарифметическом». Скорее, перед нами – некая трансформация, определенная та-

ким ходом русской истории и преломлением национальных традиций. На новой социоисторической, идеологической основе, «западничество сходит на нет как утверждение нашей вторичности, однако продолжает жить как отрицание изоляционизма, славянофильство превращается в неоспоримость как утверждение нашей самобытности, однако изживается как утверждение нашего превосходства»[11].

---

1 См., в частности, коллективный труд «Россия и Запад в начале нового тысячелетия» (М., 2007), в котором приняли участие, высказывая самые разные, порой диаметрально противоположные взгляды, ученые из России, США, Великобритании, Франции. Одна из магистральных полемических линий этого тома – спор славянофилов и западников в XIX веке, патриотов и либералов в XX веке.

2 Здесь и далее цитируется по: *Поляков Ю.* Собр. соч.: в 4 т. М., 2001. Том и страницы указываются в тексте. Курсив во всех цитатах, в т.ч. из других авторов, за исключением оговоренных случаев, мой.

3 *Кожинов В.* О русском самосознании: В какой стране мы живем? // Россия и Запад в начале нового тысячелетия... М., 2007. С. 275, 285.

4 *Чехов А.П.* Собр. соч.: в 8 т. М., 1970. Т. VI. С. 68.

5 *Гончаров И.* Собр. соч.: в 8 т. М., 1977. Т. I. С. 131.

6 *Достоевский Ф.* Собр. соч.: в 10 т. М., 1957. Т. VIII. С. 112.

7 См.: The Oxford Russian Dictionary. Oxford; N.Y., 1997. P. 804. В дальнейшем мы придерживаемся калькированного варианта слова («эскейпизм, «эскейпер» вместо общепринятого «эскапизм», «эскапист»), воспроизводимого героями поляковского романа.

8 *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: в 10 т. М., 1964. Т. III. С. 278.

9 Там же. Т. V. С. 36.

10 *Гораций Квинт Флакк.* Оды. Эподы. Сатиры. Послания. М., 1970. С. 306. Процитированные строки из Горация соотносятся с эпиграфом Пушкина к «Евгению Онегину» и представляют протообразец извечного идеала уединения и человеческого счастья, к которому протянута тонкая и, очевидно, прерванная нить в поляковском романе с пушкинской интонацией: «Замыслил я побег...».

11 *Хоружий С.* [Предисловие] // *Карсавин Л.* Религиозно-философские сочинения. М., 1992. Т. I. С. VI.

Фролова О.Е.

РОССИЯ НА ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРТЕ (ассоциативный эксперимент)

Самоидентификация человека связана с образными представлениями и системой оценок по шкале *хорошо/плохо*, с которыми он подходит к миру. Эти образы и оценки закрепляются в ассоциациях, сопровождающих в сознании человека слова его родного или иностранного языка, за которыми стоят те или иные объекты, ситуации, качества. В лингвистике такие ассоциации получили название *коннотаций*[1]. Мы будем употреблять термины *ассоциации* и *коннотации* как синонимы. Система ассоциаций формирует стереотипы, которые опираются на понимание нормы и связаны с прескриптивностью. Говоря о разновидностях сложившихся стереотипов, Е.Бартминьский выделяет образы, образцы, мифологические и идеологические представления[2]. Данные виды стереотипов обладают в сознании человека разной модальностью (отношением к внеязыковой действительности). Некоторые отмечаются как существующие, другие – как обязательные, третьи – только как возможные. Нас, в первую очередь, интересуют идеологические стереотипы, которые, как указывает Бартминьский, и связаны с возможностью и долженствованием.

Коннотации, с одной стороны, обнаруживают устойчивость, с другой, чутко реагируют на изменение политических и социальных условий жизни респондента, уровень информированности, личный опыт. Фиксация коннотаций в словарях способна отразить лишь тот или иной исторический срез коллективных представлений[3]. Устойчивость или подвижность коннотаций зависит от типа стимулов, представляющих те или иные предметы внеязыковой действительности. Этнонимы, на наш взгляд, в наибольшей степени динамичны и реагируют «на политическую конъюнктуру».

Мы ставили своей первой задачей выявить ассоциации, связанные у носителей русского языка и культуры с этнонима-

ми и топонимами, называющими соответствующие народы и страны. Второй нашей задачей было переместить акцент с объекта на субъект оценки и посмотреть, каким предстает сам респондент, отражающийся в системе своих ассоциаций.

Для эксперимента были отобраны семь топонимов: *Россия*, *США*, *Англия*, *Германия*, *Италия*, *Израиль*, *Франция*. Респондентам предлагались несколько стимулов, связанных между собой: 1) топоним – название страны, 2) этноним мужского рода, называющий жителя страны мужского пола, 3) этноним женского рода, называющий жителя страны женского пола, 4) этноним множественного числа.

Система стимулов была выбрана таким образом, чтобы представить ассоциации более объемно. Страна может оцениваться с точки зрения климата, комфортности жизни, политической системы. Этноним вызывает образы, связанные с внешним обликом, чертами национального характера. Парные этнонимы мужского и женского рода позволяют выявить осознаваемые респондентом гендерные различия в поведении. Наконец, этноним множественного числа позволяет определить, по мужской или женской модели респондент оценивает ту или иную нацию.

Способ предъявления стимулов нами был предусмотрен такой, чтобы вынудить респондентов сделать выбор между этническим или социальным подходом. В качестве стимулов студентам были названы только топонимы, далее преподаватель, не называя этнонимов, просил написать не только ассоциации на соответствующие существительные мужского, женского рода единственного числа и существительное множественного числа, но и сами эти слова. Таким образом, для двух топонимов: *России* и *Израиля*, респонденты должны были сами выбрать форму стимула. Выбирая в качестве стимулов этнонимы *еврей*, *русский*, студенты обнаруживали склонность к этнической интерпретации, выбирая – стимулы *израильтянин*, *россиянин*, студенты склонялись к социальной интерпретации.

В качестве респондентов выступали студенты первого курса Московского института лингвистики. Возраст 17-18 лет, образование – среднее, будущая специальность – переводчик-

лингвист, специалист по межкультурной коммуникации. Все респонденты являлись студентами платной формы обучения. Социальный уровень – средний класс, т.к. родители студентов способны оплачивать их образование. Местожительство – Москва и ближнее Подмосковье. Количество респондентов – 42 человека. Время проведения эксперимента – весна и осень 2006 г. Поскольку ответы юношей и девушек не обнаружили существенных различий, мы не учитывали гендерный фактор.

Условия проведения эксперимента были следующими: преподаватель просил респондентов написать все те ассоциации, которые появляются у них в связи с предъявленными стимулами, т.о. респонденты никак не ограничивались в своих ответах. Эксперимент проводился в аудитории в присутствии преподавателя. Время опроса 30 минут. Преподаватель просил респондентов написать на листе возраст. Эксперимент проводился анонимно. Студенты подписывали свои ответы, только если сами хотели этого.

Проанализировав полученные ответы и тематически сгруппировав реакции респондентов, мы смогли выделить несколько доминант, которые мы назвали кодами, или языками. С их помощью студенты пытались объяснить свое понимание страны и ее жителей.

Нами были выделены следующие коды: 1) кулинарный, 2) географический, 3) исторический, 4) культурный, 5) конфессиональный, 6) социальный, 7) лингвистический, 8) гендерный. Мы также выделили код, который назвали условно – *специалитет*, обозначая этим термином те сферы жизни и поведения, которые респондентами оценивались как а) типичные для данной страны, б) экзотические или необычные для себя. Разумеется, границы между кодами нежесткие. Особенно, на наш взгляд, близки социальный код и специалитет, т.к. особенности бытовой жизни тесно переплетаются с теми особенными чертами, которые респонденты считают наиболее выраженными у данной нации. Итак, студенты сознательно или бессознательно оперируют девятью кодами, в системе которых они формируют и формулируют свое отношение к миру за пределами России и к своей стране.

Учитывался также аксиологический аспект, когда респондент не давал никакого развернутого ответа, а просто ставил напротив стимула знак «плюс» или «минус». Отдельно следует оговорить одну особенность реакций студентов. Мы специально выделяли отказ от ответов, который расценивали как отсутствие информации у респондента и несформированность стереотипа.

При формировании образа страны мы учитывали:

а) количество кодов, в рамках которого существует респондент, т.к. данное обстоятельство свидетельствует о стереоскопичности образа-стимула;

б) доминантность кода, в рамках которого было дано большинство реакций на один и тот же стимул;

в) разнообразие реакций в рамках одного кода;

г) наиболее частотные ответы в пределах одного кода;

д) меру индивидуализации реакций, представленных именами собственными, что свидетельствует о более глубоком знакомстве респондента со страной.

Обрабатывая результаты ассоциативного эксперимента, мы суммировали ответы по характеру означаемого, т.е. если респонденты отмечали разными языковыми средствами один и тот же предмет, мы считали такие ответы единообразными. Например, если в реакциях на Италию студенты отметили *спагетти*, *макароны* и *пасту*, мы сочли возможным объединить их по предмету, который стоит за словом. Сложность в подсчете результатов эксперимента объясняется еще и тем, что одна и та же реакция может быть отнесена к разным кодам, например, *ГДР* – и географическое, и историческое понятие.

Подсчет реакций велся следующим образом: нам не удалось выдержать строгий порядок, т.к. в реакциях на стимулы *страна*, *мужчина*, *женщина*, *жители* мы отмечали не количество респондентов, а многообразие ответов. Поскольку студенты не были ограничены в своих реакциях, некоторые давали по несколько слов, словосочетаний или даже предложений на один стимул. Что касается положительных и отрицательных ответов, мы подсчитывали их по количеству респондентов.

Для образов *немца*, *англичанина*, *француза* и *русского* мы имеем возможность сравнить полученные нами результаты с уже описанными стереотипами[4].

Какие же портреты стран мы получили?[5]

Италия представлена семью кодами: 1) кулинарным (28 реакций), 2) географическим (14 реакций), 3) культурным (13 реакций), 4) конфессиональным (6 реакций), 5) историческим (5 реакции), 6) лингвистическим. Были отмечены также специфические черты.

Доминирующий код – кулинарный, однако не слишком разнообразен. Были отмечены пицца (12 реакций), ***макароны, паста, спагетти*** (12 реакций), *оливки, итальянская еда*. Географический код – второй по значимости, но более детализированный: ***Венеция*** (4 реакции), *Средиземноморье, вулкан Везувий, Рим, Тоскана, Этна, Сицилия, сапожок, сапог на карте, страна 4 морей, маленькая*. Видно, что географические реакции значительно разнообразнее, чем кулинарные. Культурный код организован столь же разнообразно и индивидуализиронно: ***София Лорен*** (3 реакции), ***Адреано Челентано*** (3 реакции), *Умберто Эко, Тото Кутуньо, Моника Белуччи, Мона Лиза, Орнела Мути, Джорджи Армани, художник, скульптор, опера, сериал*. Количественно значительно уступает конфессиональный код: ***Ватикан*** (4 реакции), *Папа Римский*. Исторический код уступает по количеству и разнообразию ответов первым трем: *античная культура, историческое место, цезарь, Пизанская башня, Колизей*. В данном коде присутствует только два топонима, респонденты обнаружили весьма схематичное знание истории: в данном коде нет ни одного имени собственного исторического лица или политического деятеля. В качестве специфических типичных черт студенты отметили *региональный эгоизм, вспыльчивость, темперамент, мафию*, а также *обувь* и *духи*.

Образ итальянца связан у респондентов с несколькими персонажами: ***Адреано Челентано*** (3 реакции), *Умберто Эко, Тото Кутуньо, Паоло Мальдини*. Из неперсонифицированных признаков были отмечены ***темперамент/страстность /горячая кровь*** (9 реакций), ***смуглая кожа*** (5 реакций), **черные волосы** (4 реакции), *мачо*. Наряду с этими качествами студенты отметили дружелюбность, веселость и общительность итальянцев.

Образ итальянки связан у респондентов с ***Софией Лорен*** (3 реакции), *Моникой Белуччи*, *Орнелой Мути* и *Моной Лизой*. Были отмечены следующие качества: *красота*, *пылкость*, *многодетность*, *кулинарные способности*.

Гендерный аспект не обнаруживается в ответах студентов-первокурсников, т.к. они не отметили разницы в социальном и сексуальном поведении мужчин и женщин.

Итальянцы в ответах респондентов соединили несколько качеств: *веселость* (5 реакций) и шумность (5 реакций), а также *общительность*, *говорливость*, *оптимистичность*, *наглость*, *темпераментность*. Применительно к итальянцам отметили доброжелательное отношение к России, а один респондент вспомнил фильм Э.Рязанова «*Итальянцы в России*». Были отмечены также *мафия* и *итальянские болельщики*,

Интересно, что лингвистический код проявился в реакциях на стимул итальянец: респонденты отметили, что итальянцы *громко* и *быстро говорят*, а женщины *говорливы*.

Положительные ответы относятся к отрицательным так: 42/5. Общее количество отказов от ответов по всем четырем позициям: 37.

Образ Франции дал несколько другую конфигурацию шести кодов: 1) культурный (38 реакций), 2) кулинарный (24 реакции), 3) географический (6 реакций), 4) лингвистический (3 реакции), 5) исторический (3 реакции), 6) специалитет.

Культурный код для Франции выходит на первый план. Реакции весьма многообразны с большой степенью индивидуальности: ***Эйфелева башня*** (12 реакций), *Лувр*, *Диснейленд*, *Пьер Ришар*, *Ж.Депардье*, *Венсан Кассель*, *Жан Рено*, *Марсельеза*, «*Три мушкетера*», *Живанши*, *Коко Шанель*, *фильм* «*Такси*», *Люк Бессон*, *Патриция Каас*, *Мирей Матье*, *Эдит Пиаф*, *Мулен Руж*, *Милен Фармер*. Отмечены также архитектура, *замки* и *монастыри*. Кулинарный код второй по значимости, но более однообразный по составу: ***круасаны*** (6 реакций), *лягушачьи лапки*, *сыр*, *вино*. Географический код представлен так: ***Париж*** (4 реакции), ***Сена*** (2 реакции), *Шампань*, *Бургундия*, *Елисейские поля*. Вокруг топонима *Париж* сосредоточены несколько реакций, среди них самая частотная – *Эйфелева*

башня, а также *Мулен Руж*, *Елисейские поля*. Лингвистический код представлен неконкретно. Своеобразие и красота французского языка отмечены тремя респондентами. Косвенными указаниями на особенности французской фонетики мы считаем 3 указания на *картавость*. Исторический код значительно «отстает» по количеству и разнообразию реакций: *Наполеон*, *Жанна д'Арк*, *Бородино*. Типичными французскими особенностями респонденты считают: *следование моде*, *элегантность*, *кулинарное искусство* и любовь к вкусной еде – *гурманство*.

Француз персонифицируется многообразно: это ***Пьер Ришар*** (2 реакции), *Зидан*, *Жерар Депардье*, *Венсан Кассель*, *Люк Бессон*, *Жан Рено*, *Квазимодо*. Показательно, что в этом списке доминируют имена творческих деятелей. Среди характеристик отмечены: *кулинарное мастерство* (3 реакции), *картавость*, *чувство юмора*, *симпатичность*, *изысканность*, *расчетливость*. Отмечена и одна черта внешности – *большой нос*.

Француженка представлена как ***Мирей Матье*** (2 реакции), ***Патрисия Каас*** (2 реакции), *Эдит Пиаф*, *Шанель*, *Милен Фармер*. Кроме этого респонденты отметили в облике француженки противоположные черты: *красоту* и *некрасивость*, *изысканность*, *элегантность*, *умение следить за собой*, *следование моде* и *духи*.

Гендерные различия не выражены.

Образ французов не позволяет выявить какие-либо доминантные черты: отмечаются *любовь к богатой жизни*, *шику и праздникам*, *гурманство*, *высокомерие*, *изящество*, *романтичность*, *музыка*, *законодательная роль в моде*.

Положительные ответы относятся к отрицательным так: 42/5. Общее количество отказов от ответов по всем четырем позициям: 36.

Сравним полученными нами результаты, со стереотипами, описанными И.М.Кобозевой[6], она выделяет у французов такие черты: **элегантный**, галантный, болтливый, лживый, **обаятельный**, развратный, скупой, легкомысленный, раскованный, горячий, невротичный, трезвый, **романтичный**, ленив душой. Полужирным шрифтом мы отметили совпадения с результатами нашего эксперимента.

Образ Германии, как и Франции, воплощается в семи кодах: 1) исторический (20 реакций), 2) кулинарный (12 реакций), 3) культурный (6 реакций), 4) географический (4 реакций), 5) конфессиональный (1 реакция), 6) лингвистический (1 реакция).

Исторический код связан, в основном, с событиями XX века: ***фашизм/фашисты*** (7 реакций), ***Гитлер*** (6 реакций), *нацизм*, *Великая отечественная война/Вторая мировая война/война* (4 реакции), *ГДР*, *Рейхстаг*, *Бисмарк*. Показательно, что в историческом коде только три имени собственных: 2 антропонима и 3 топонима – *ГДР*, *Берлинская стена* и *Рейхстаг*. Немецкий кулинарный код небогат: ***пиво*** (8 реакций), *сосиски/шпикачки/колбаски*. Географический код также скуп: *Берлин*, *Дрезден*, *Франкфурт*, *сердце Центральной Европы*. Косвенно к данному коду относятся *Берлинская стена* и *Рейхстаг*, связанные со столицей. Культурный код дает резкое снижение всех показателей по общему числу реакции и по индивидуализации: *Гёте*, *Ремарк*, *Дрезденская галерея*, *Рамштайн*, *католические соборы*, *тяжелый рок*. В данном коде не удается выделить доминанту. Конфессиональный код представлен одним ответом: *католические соборы*. Столь же скуп лингвистический код: было отмечено, что немецкий язык звучит *грубо*.

Немецкая специфика – *в качественной продукции*, *футболе*, *машинах BMW*, *газовых плитах*, *немецкой овчарке*. Хотя ведущими для респондентов стали качества немецкого характера.

Образ немца персонифицируется в ***Гитлере*** (2 реакции), *Бисмарке* и немецком имени *Фриц*. Среди качеств отмечены противоположные: ***аккуратность/педантичность/пунктуальность/точность*** (9 реакций), *жадность/экономность* (5 реакций), *грубость* (4 реакции), *ум* (2 реакции), *трудолюбивые*, *хорошие работники*, *любят порядок*, *дисциплина*, *устанавливают правила для себя и других и придерживаются их*. Так же, как для итальянцев и французов, отмечены характерные черты внешности: *рыжий*, *конопатый*, *белый*, *с пивным пузом*, *правильные черты лица*, *толстые*.

Немка в ассоциативном эксперименте также наделена противоречащими друг другу качествами: *некрасивая* (5 реакций),

красавица (1 реакция), *стройная*, *плохо одевается*, *мужеподобная*, *практичная*, *аккуратная*, *умная*. Так же, как и у мужчин, отмечены наблюдаемые черты внешности: *блондинка*, *рыжая*, Персонифицируется женский образ в спортсменке-биатлонистке *Урсуле Дизель*.

Интересно, что в характеристиках немцев преобладают положительные черты: *практичные*, *собранные*, *производят качественную продукцию*, *высокоорганизованные*, *серьезные*, *тактичные*, *аккуратные (иногда излишне) люди*, *но умеющие отдыхать*, *пунктуальность*, *четкость*, *высокий уровень культуры*, *соблюдение законов*, *работоспособные*, *ответственные*, *доброжелательные*. Доминантой является сложная характеристика, которую респонденты выразили в нескольких ответах: ***пунктуальность/практичность/ аккуратность/педантичность*** (14 реакций).

Гендерные различия для Германии нами не отмечены.

Сопоставим наши результаты со стереотипом, предложенным И.М.Кобозевой, отмечая совпадения: **аккуратный**, **педантичный**, исполнительный, **экономный**, неинтересный, въедливый, сдержанный, упорный, **работоспособный**, расторопный, вышколенный, вежливый, добродушный, осторожный[7].

Положительные ответы относятся к отрицательным так: 26/17. Общее количество отказов от ответов по всем четырем позициям: 43.

Англия предстала в эксперименте следующим образом. Ассоциации формируют 7 кодов: 1) культурный (31 реакций), 2) исторический (22 реакции), 3) географический (20 реакций), 4) кулинарный (6 реакций), 5) лингвистический (1 реакция), 6) социальный (3 реакции), 7) специалитет (4 реакции).

Культурный код доминирует и по числу ответов, и по индивидуальности, и по разнообразию: ***Биг Бен*** (8 реакций), *Вестминстерский дворец*, *Стоунхендж*, *London eye*, *Вильям Шекспир*, *Агата Кристи*, *Шерлок Холмс*, *Джеймс Бонд*, *Робби Уильямс*, *Стинг*, *Мери Поппинс*, *Кембридж*, *дворцы*. Культурный код составлен из архитектурных памятников, литературы, кинематографа. Показательно, что некоторые объекты были

названы на языке страны изучаемого языка. Исторический код также обнаруживает большую степень индивидуализации: *королева Елизавета* (3 реакции), *королева Виктория*, *принцесса Диана*, *Тэтчер*, *принц Чарльз*, *парламент*, *королева*, *монархия*, *консервативное государство*, Английский кулинарный код чрезвычайно скуп и представлен *чаем*, *хот-догом* и *гамбургером*. Два респондента выразили свое положительное отношение к английскому языку. В образе Англии проявился т.н. социальный код, сформированный специфическими для россиян и типичными для англичан чертами повседневной жизни: *паб/пабы* и *садоводство*. В качестве специалитета отмечены: *смена гвардейского караула у ворот Букингемского дворца*, *охота на лис*, *double-decker* (двухэтажный автобус), *футбол*. Конфессиональный и гендерный коды не представлены.

Англичанин персонифицируется у респондентов в образе *Стинга*, *Робби Уильямса*, *Шерлока Холмса*, *Вильяма Шекспира*, *Чарли Чаплина*, *принца Чарльза*, футболиста *Дэвида Бекхэма*, *Джеймса Бонда*. Ключевыми для этого образа стали слова *джентльмен* (5 реакций), *аристократ*, *вежливый*, *чопорный*, *консервативный*, однако респонденты включают 2 реакции *футбольный болельщик*. Англичанин видится респондентам в *котелке/цилиндре и с тростью*.

Англичанка – это *королева Елизавета*, *Мери Поппинс*, она *элегантна*, *следует моде*, *следит за собой*, *спортивная*.

Англичане *педантичны*, *чопорны*, *холодны*, *вежливы*, *немного замкнутые*, *культурные люди*. Респонденты отмечают *своеобразное чувство юмора*.

Положительные ответы относятся к отрицательным так: 42/3. Общее количество отказов от ответов по всем четырем позициям: 33.

Сравним наши результаты и набор качеств англичанина по И.М.Кобозевой и отметим совпадения: **вежливый**, **сдержанный**, **педантичный**, малообщительный, невозмутимый, **консервативный**, аккуратный, добросовестный, изящный, **заносчивый**.

США представлены семью кодами: кулинарным (24 реакций), культурным (19 реакций), историческим (12 реакций), географи-

ческим (4 реакции), социальным (3 реакции). Отмечены специфические (6 реакций), по мнению респондентов, черты Америки. По отношению к данной стране в ответах не отражены гендерный, лингвистический и конфессиональный коды.

Кулинарный код является ведущим, хотя представлен он достаточно скупо, но выделены не блюда национальной кухни, а принятая система питания: ***Макдональдс*** (9 реакций), *fast food*, *гамбургеры*, *кола*, *жирная пища*, *ножки Буша* (предмет экспорта). Так же ограничен и культурный код, в котором ведущую роль играет главный символ США – ***Статуя Свободы*** (7 реакций), также представлены *Голливуд*, *Диснейлэнд*, фильм «*Унесенные ветром*», *джаз*, *боевики*, *рэп*, *Ричард Гир*, анимационный персонаж *Гомер Симпсон*. Ответы выявили и один из источников информации о США: *М.Задорнов*. Культурный код мало индивидуализирован. Респонденты практически не вспомнили имен звезд шоубизнеса, певцов, актеров, режиссеров, которые чрезвычайно широко известны. Исторический код обнаруживает «малую глубину»: он персонифицирован последним президентом ***Бушем*** (5 реакций), *Кондолизой Райс*, респонденты также отметили *войну в Ираке*, *теракты*. Скуп географический код: *Манхеттен*, *Миссисипи*. По отношению к США респонденты не вспомнили ни названия одного из самых известных мегаполисов мира – Нью-Йорка, ни столицы США Вашингтона. В качестве специфических черт, присущих США, были отмечены следующие: *Билл Гейтс*, *компьютер*, *бизнес*, *ковбой*, *бейсбол*. Социальный код отразил особенности жизни в США: *небоскребы*, *собственные дома*, *кредиты*, *доллар*, *деньги*, *джинсы*. Название денежной единицы страны появилось только по отношению к США.

Образ американца персонифицируется в актере *Ричарде Гире* и персонаже мультфильма *Гомере Симпсоне*. В глазах респондентов американец *тупой*, *толстый*, *глупый*, *лживый*, *неискренний*, *корыстолюбивый*, *хитрый*, *пошлый*, *негр*.

Американкам свойственны *раскованность*, они *глупые*, *любители домашних животных*, *богатые*, *толстые*, но с другой

стороны, слишком *заботятся о своей фигуре*, прибегают к *пластической хирургии*.

Положительные ответы относятся к отрицательным так: 7/31. Общее количество отказов от ответов по всем четырем позициям: 34.

Образ Израиля сформирован 8 кодами: 1) конфессиональным (28 реакций), 2) географическим (13 реакций), 3) историческим (11 реакций), 4) кулинарным (4 реакции),5) социальным (8 реакций), 6) лингвистическим (2 реакции), 7) социальным (8 реакций), 8) гендерным (2 реакции). Респонденты отметили также специфические черты страны. Однако по отношению к Израилю не представлен культурный код.

Надо отметить, что ассоциации на данную группу стимулов следует скорректировать, т.к. в одной из групп училась девушка, вернувшаяся из Израиля в Россию.

Конфессиональный код является ведущим: *иудаизм*, *мусульманская вера*, *звезда Давида*, *Стена Плача*, *вера*, *религия*, *священный*, *святая земля*, *шабат*, *синагога*. Географический код скромнее: основную позицию занимает топоним ***Иерусалим*** (5 реакции), *Тель-Авив*, *Мертвое море*, *Иордан*. Исторический код представлен рядом имен царей, государственных и политических деятелей: *Ирод*, *Бен Гурион*, *Ариэль Шарон*, *Ицхак Рабин*. В кулинарный код мы отнесли ***мацу*** (2 реакции), *финики*, прилагательное *кошерный*. Были отмечены два лингвистических фактора: государственный язык страны – *иврит*, и *акцент* евреев в русском. К социальному коду мы отнесли следующее: упоминание основной национальности граждан страны – ***евреи*** (5 реакций), *уважение между родственниками, сплоченность*, *армия*. Гендерные особенности отмечены 3 респондентами: *израильтянки боятся своих мужей*, *покорные жены*, *домохозяйки*, *ущемление в правах*. В качестве специалитета упоминается *высокий уровень медицинского обслуживания*.

Говоря об особенностях мужчин и женщин, большинство респондентов прибегли к социальной интерпретации: для мужчин респонденты дали 17 реакций *израильтянин* и 2 – *еврей*,

1 – *жид*, для женщин 11 реакций – *израильтянка*, этноним *еврейка* не упоминается.

Для мужчин упоминаются, с одной стороны, содержательные характеристики: *скупой*, *расчетливый*, *жадный*, *умный*, *хитрость*, *ростовщик*, а с другой, – внешние: *кудрявый*, *загорелый*. Образ израильтянина воплощается в нескольких антропонимах: *Ариэле Шароне*, *Ицхаке Рабине*, *Бен Гурионе*.

Та же тенденция сохраняется и для женского образа: выделяются содержательные и внешние черты. Израильтянка в реакциях респондентов: а) *некрасивая*, *послушная*, *хозяйственная*, *скромная*, *мудрая*, *глава семьи*; б) *брюнетка*, *кудрявые волосы*, *толстая*. Внешний облик израильтянки один респондент связал с *паранджой*.

В определении израильтян как нации респонденты отталкиваются от «мужского» стереотипа: *добрые*, *умные*, *религиозные*, *хитрые*, *жадные*, *трудолюбивые*, *мирные*, *гении*, *скопидомный народ*.

Положительные ответы относятся к отрицательным так: 16/10. Общее количество отказов от ответов по всем четырем позициям: 46.

Наконец, обратимся к образу России. Он представлен 7 кодами: географическим (22 реакций), культурным (12), кулинарным (6 реакций), историческим (2 реакции), конфессиональным (1 реакция), социальным, гендерным. Отмечены специфические черты российской жизни.

Географический код представлен следующим образом: *Москва*, *Москва-река*, *Сибирь*, *Камчатка*, *Карелия*, *леса*, *просторы*, *поля*, *береза*, *снежные морозные зимы*, *природа*, *нефть*, *газ*. Культурный код составляют: ***Красная площадь*** (7 реакций), *Кремль* (4 реакции), актеры *Безруков*, *Ярмольник*, телеведущая *Ксения Собчак*, *Иван-богатырь*, *Марья*, *матрешка*, *скоморохи*. Исторический код представляют следующие единицы: *Путин*, *жены декабристов*. Кулинарный код в ассоциациях наших респондентов – это ***водка*** (5 реакции), *хлеб*, *картошка*. Один респондент отметил *христианство* в реакции на стимул *Россия*.

Социальный код представлен словосочетанием *новый русский*, *коррупция*. Отчасти данный аспект выражен в реакции по поводу россиянки: *шпала*, *оранжевая куртка*.

В качестве специалитета студенты отметили особенности внешнего облика, детали одежды, названия животных, крылатые фразы оценочного характера: *борода*, *валенки*, *шапка-ушанка*, *медведь*, *дураки и дороги*.

В создании мужского образа были отмечены следующие качества: склонность к алкоголизму (12 реакций) *любит выпить*, *пьяный*, *алкоголики*, *алкаш*. В портрете русского также указаны такие противоречивые характеристики: *мужественный*, *сильный*, *не любит работать*, *бездельники*, *грязный*, *халявщик*, *хороший человек*. Индивидуализация русского/россиянина заключена в *Путине*, *Леониде Ярмольнике*, *Сергее Безрукове*, *Иване-богатыре*. Мужской образ получил отрицательные оценки: 3 реакции.

Женский образ отличен от мужского. Респонденты отметили по отношению к россиянке, что она *сильная/вынослива*, *красивая*, *домохозяйка*, *добрая*, *скромная*, *домовитая*, *красавица*. Индивидуализация русской/россиянки представлена в *Ксении Собчак* и имени *Марья*, которое мы трактуем как фольклорное. Женский образ оценен положительно: 7 реакций.

Стимул множественного числа строится по женской модели: *веселые*, *добродушные*, *гостеприимные*, *жизнерадостные*, *широкая душа*, *добрый*, *душевные*, *щедрые*, *может противостоять трудностям*. Однако отмечены и отрицательные черты: *раздрыги*, *наглые*.

Респонденты выбрали этнический, а не социальный способ интерпретации: этнонимы *русский*, *русская*, *русские* (всего – 23 реакции) превалируют над терминами *россиянин*, *россиянка*, *россияне* (всего – 17 реакций).

Положительные ответы относятся к отрицательным так: 27/3. Общее количество отказов от ответов по всем четырем позициям: 24.

Сопоставление наших результатов и стереотипа по Кобозевой дает следующее: бесшабашный, **щедрый**, **ленивый**, необязательный, простодушный, бестолковый, неорганизованный, **бесцеремонный**, **широкая натура**, **любит выпить**, прожорливый, поверхностный, не любопытный, приятный[8].

Покажем результаты ассоциативного эксперимента в таблице:

Коды	Италия	Франция	Германия	Англия	США	Израиль	Россия
1. Кулинар.	**28**	24	12	6	**24**	4	7
2. Геогр.	14	6	4	20	4	13	**22**
3. Истор.	5	3	**20**	22	12	11	2
4. Культ.	13	**38**	6	**31**	19		13
5. Конфесс.	6	Нет	1	Нет	Нет	**28**	1
6. Соц.	Нет	Нет	Нет	2			
7. Лингв. (язык)	5	3 +	1	2	Нет	2	
8. Спец.	Да	Да	Да	Да	Да		

В заключении мы должны осветить три момента: а) образы стран-стимулов, б) наполнение выделенных кодов, в) коллективный характер респондента.

Что же можно сказать о своеобразной карте мира, которая складывается у молодых людей? Три страны были оценены положительно: Италия, Франция и Англия, но воспринимаются они по-разному. Это показывает доминирующие коды: для Италии – кулинарный, для Франции и Англии – культурный. Применительно к образу Франции легко определяется основной источник культурной информации: это эстрада и кино. В сознании респондентов Англия самая гармоничная страна, т.к. для нее представлены более, чем для других стимулов, география, история и культура. Самый представленный в количественном отношении исторический код у Германии, отражающий события Второй мировой войны. Образ Израиля, как и Италии, ярче всего представлен одним кодом – конфессиональным. Интересно представлен гендерный код: он проявился для двух стран: Израиля и России. Израильтяне были преимущественно охарактеризованы по мужской модели, а россияне – по женской. Самое большое число отрицательных оценок получили США.

Выделенные нами коды позволяют сгруппировать полученные реакции, но ни один из них не отличается подлинным многообразием. Больше всего имен собственных во французском культурном коде. В реакциях студентов доминирует кино и эстрада, но практически не присутствует литература, за исключением имен Гете, Шекспира и Агаты Кристи. Можно сказать, что в нашем эксперименте опровергнуто положение о литературоцентричности России, т.к. студенты не назвали ни одного из русских писателей ни XIX, ни XX веков. Упомянуты Дрезденская галерея, Лувр и Мона Лиза. На этом исчерпывается вклад живописи в культурный код.

Что можно сказать о характере восприятия наших респондентов? Применительно к портретам мужчины, женщины и коллективном портрете нации, студенты прибегли к двум тактикам – описательной и визуальной. С одной стороны, они наделяли людей, стоящих за этнонимами, разными характеристи-

ками. С другой, рисовали некие зримые образы. Француз – с большим носом, носит усы, были также упомянуты берет, шляпа. Итальянец – крепкий черноволосый мужчина со смуглой кожей, в шляпе. Немец рыжий, конопатый, белый, с правильными чертами лица. Англичанин – джентльмен, с тросточкой и в шляпе, упомянут также фрак. Американец – толстый, для него респонденты отметили джинсы, клетчатую рубашку, ковбойскую шляпу. Применительно к израильтянину студенты отметили загорелую кожу, кудри, пейсы из-под черной шляпы, печальные черные глаза, черный костюм. Израильтянка в восприятии студентов оказалась в свободных одеждах и парандже. Один из респондентов с мужским обликом русского связал бороду, красное лицо, валенки. Женщины охарактеризованы более общо. Визуализация в реакциях студентов демонстрирует разную природу: это этническая составляющая и своеобразный дресс код. Последний основан не на личных наблюдениях, а имеет мифологическую природу. Англичане не ходят с тростями и во фраке, хасидский костюм носят только наиболее ортодоксальные иудеи, а ковбойский наряд не повсеместно распространен на территории США. По улицам городов США или Израиля ходят одетые по современной европейской моде мужчины и женщины.

Что касается наших респондентов, мы можем сказать, что неожиданным для экспериментатора оказалось доминирование или яркая выраженность для нескольких стран кулинарного кода. Данную тенденцию, наряду с тем, что респонденты отмечали товары, цель которых сделать жизнь человека более комфортной, мы с некоторыми оговорками называем потребительским отношением к жизни.

Заметим, что исторический код – один из самых малочисленных, самых неглубоких и мало персонифицированных.

Давая оценки странам и их жителям, студенты обнаружили ярко выраженный антиамериканизм. По отношению к США была выявлена своеобразная тенденция, которую мы называем эмоциональным подавлением информации. По российскому телевидению показывают многочисленные американские фильмы, в новостных программах рассказывается о личной жизни деятелей Голливуда. Тем не менее, реакции на США

минимально индивидуализированы. Имена Шварцнеггера, Бреда Питта, Элизабет Тейлор, Джонни Деппа, Анджелины Джоли известны студентам, но они не связали этих звезд с тем отрицательным представлением о стране, которые у них сложилось. Видимо отрицательно маркированная реакция требует некоей монолитности, а не информационного разнообразия. Самое большое количество отрицательных ответов характеризуют образ американца: «*страна, обладающая выдающимися достижениями, но слишком много на себя берущая, искатели приключений, наживы, тупой, ленивый, Тупой, пошлый, – распущенный человек, живущий только для материального обогащения. Туповатый, Наглый, самоуверенный, – Лживый, неискренний, большой улыбающийся хам, целеустремленность, стремление к наживе, крутой (думает что), общительные, наглый, – американец женского пола, силиконовый или необъятных размеров, оба – офисные крысы, ничем не выделяющиеся. Развратны, недалекие, Тупые, с примитивным мышлением, – распущенные, с завышенной самооценкой люди, Вырождающаяся нация, быдло, сильно оборзевшие люди, – американская улыбка, самодовольство, тупые, слишком много себе позволяющие, Навязывают мнение, большой шумный курятник, искусственная нация*».

Парадоксально, но по отношении к России мы можем отметить ту же тенденцию. Эмоциональная оценка подавила информацию. Не приходится сомневаться, что, окончив среднюю школу, студенты знают имена Андрея Рублева, Л.Н.Толстого, Ф.М.Достоевского, А.С.Пушкина, А.П.Чехова, П.И.Чайковского, И.Е.Репина, Ю.А.Гагарина, названия *Эрмитаж* и *Третьяковская галерея*, не упомянутые в их ответах.

Показательная и еще одна черта: расхождение содержательной и эмоциональной оценки по шкале «+/—». Она проявилась в оценке израильтян и россиян/русских. Применительно к первым несколько респондентов отметили следующее: *умный* со знаком «—». Что касается русских, здесь были оценки «+/—», предполагающие положительные и отрицательные черты. И в этом случае эмоциональность оказывается сильнее доводов разума. Были отмечены два случая такого конфликта оценок: «*сильный дух, несобранность, неорганизованность,*

отсутствие своего мнения; русские, наши люди, странные (умом не понять), гостеприимные, пьют, воруют, законы не соблюдают».

Разумеется, полученные нами результаты – это лишь временной срез, позволяющий судить о настроениях части молодежи в определенный исторический момент, но в то же время наш эксперимент позволяет сделать наблюдения над тем, как воспринимаются в России крупнейшие страны мира, и каким образом молодые российские граждане видят среди них свое место и место своей страны.

---

[1] По определению Ю.Д.Апресяна, «Коннотации или ассоциации, – те образные представления, которые связываются в сознании носителей языка с объектом, обозначенным данной лексемой, но не входят непосредственно в ее значение». См.: *Апресян Ю.Д.* Лингвистическая терминология словаря // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Вып. 1. М., 1999. С. XXI.

[2] См.: *Бартминьский Е.* Стереотип как предмет лингвистики. Языковые стереотипы // *Бартминьский Е.* Языковой образ мира: очерки по энтолингвистике. М., 2005. С. 167-169.

[3] См.: *Караулов Ю.Н.* Русский ассоциативный словарь: в 2 т. М., 2002.

[4] См.: *Кобозева И.М.* Лингвистическая семантика. М., 2000.

[5] Мы расположили коды по мере уменьшения количества полученных ответов. Мы также выделили полужирным шрифтом наиболее частотные ответы. В скобках даны количественные показатели.

[6] *Кобозева И.М.* Указ. соч. С. 193.

[7] Там же. С. 189.

[8] Там же. С. 194.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ АРХИВОВ

АВП РИ	–	Архив внешней политики Российской империи
АВП РФ	–	Архив внешней политики Российской Федерации
ГА КО	–	Государственный архив Кировской области
ГА НО	–	Государственный архив Нижегородской области
ГА РФ	–	Государственный архив Российской Федерации
ГАСПИ КО	–	Государственный архив социально-политической истории Кировской области
ГОПА НО	–	Государственный общественно-политический архив Нижегородской области
ОР ГМИИ	–	Отдел рукописей Государственного музея изобразительных искусств им. А.С.Пушкина
РГАДА	–	Российский государственный архив древних актов
РГАЛИ	–	Российский государственный архив литературы и искусства
РГАНИ	–	Российский государственный архив новейшей истории
РГАСПИ	–	Российский государственный архив социально-политической истории
РГВИА	–	Российский государственный военно-исторический архив
РГИА	–	Российский государственный исторический архив
ЦДНИ УР	–	Центр документации новейшей истории Удмуртской Республики
LYA	–	Lietuvos Ypatingasis Archyvas (Литовский Особый архив)

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 3

I. Инокультурные образы в историческом пространстве

Виноградов А.В. Русские и крымские служилые люди глазами друг друга (вторая половина XVI века) 15
Гуськов А.Г. Информационное обеспечение Великого посольства 1697-1698 гг. 27
Агеева О.Г. Дипломатический церемониал российского двора 1744 года 45
Казакова О.Ю. Хронотоп Америки в русском общественном мнении в 1850-1860-е гг. 67
Стрижкова Н.А. Перспективы мировой революции в 1918-1924 гг. в представлении журналиста Д.И.Заславского (по материалам дневника) 95
Леконцев О.И. Крестьянство и мир в 1920-е – начале 1930-х годов (на материалах Вотской автономной области и Вятской губернии) 104

II. Война как контекст формирования образов

Кулешова Н.Ю. Модели мира в годы Первой мировой войны: из истории общественно-политической мысли России и Германии 121
Сенявская Е.С. Образ Турции как противника России в Первой мировой войне в сознании армии и общества 142
Нагорная О.С. Образ врага и политика содержания российских военнопленных в немецких лагерях Первой мировой войны 153
Быстрова И.В. СССР и англо-американские союзники в 1941-1945 гг.: эволюция взаимовосприятия 170
Голубев А.В. «Здесь будет Англия»: союзники в массовом сознании населения Литвы в 1944-1945 гг. 190

III. Пропаганда как средство формирования образов

Григорьева О.И. Образ Германии на страницах газеты «Правда» (январь 1933 – июнь 1941 г.) 211
Ватлин А.Ю. «Два мира на одной улице»: Формирование образа «новой Германии» в советской пропаганде начала 1950-х годов 236

Зубков С.А. Советская пропаганда на зарубежные страны и формирование нового образа страны и ее лидеров в мире, 1953-1964 гг. 254

Сенявский А.С., Иголкин А.А. Динамика официального образа США в советской прессе в 1945–1980 гг. (по материалам журнала «Большевик/Коммунист») 276

Колесникова А.Г. Образ немца в советском художественном кинематографе периода холодной войны: к проблеме исторической памяти и межнационального восприятия 296

IV. Экономика как проблемное поле формирования образов

Макурин А.И. Проблемы технической модернизации в России в начале XX века и американский опыт 305

Гордин А.А. Советская производственная культура конца 1920-х – 1930-х годов глазами иностранных специалистов и рабочих 325

Иголкин А.А., Сенявский А.С. Экономическая система СССР глазами американского аналитика 344

Волкова И.В. Советский общепит глазами иностранного потребителя 352

V. Образы в российско-французском культурном пространстве

Стефко М.С. Образы Парижа в записках русских путешественников конца XVIII – начала XIX века 366

Полякова О.Б. Российские меценаты и французские художники 379

Звонарева Л.У. Французский рыцарь русской культуры 397

VI. Современный этап формирования инокультурных образов

Стецкий С.С. Истоки восприятия современной Украиной современной России 420

Большакова А.Ю. Россия и Запад в современной литературной мысли (Ю.Поляков) 433

Фролова О.Е. Россия на геополитической карте (ассоциативный эксперимент) 445

Список использованных архивов 467

Редактор-корректор
Пруцкова О.А.

Компьютерная верстка
Васильева Н.В.

Утверждено к печати Институтом российской истории РАН

Подписано в печать 06.10.09. Формат 60x84/16. Заказ 17
Тираж 300 экз. 29,25 п.л. 27,30 уч.-изд.л.

Издательский центр Института Российской истории РАН
117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19.